

Н.С. Черкасов

**О германском фашизме
и антифашистском
сопротивлении**

Н.С. Черкасов

ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.С. Черкасов

**О ГЕРМАНСКОМ ФАШИЗМЕ
И АНТИФАШИСТСКОМ
СОПРОТИВЛЕНИИ**

Избранные труды

Под общей редакцией кандидата философских наук
Н.А. Хлыстовой

Томск
Издательство ИОА СО РАН
2006

Черкасов Н.С. О германском фашизме и антифашистском сопротивлении: Избранные труды. Томск: Издательство Института оптики атмосферы СО РАН, 2006. 422 с.

В 2006 г. исполнилось бы 75 лет со дня рождения Н.С. Черкасова, ученого, историка-германиста, блестящего лектора, любимого преподавателя многих поколений студентов исторического факультета Томского государственного университета.

Фашизм для него не был «отработанной идеей». Напротив, он видел массу проблем, от решения которых зависит дальнейшая судьба человечества: был ли фашизм «революцией справа» или «превентивной контрреволюцией», маскируемой под революцию? Кто заказывал музыку нацистских маршей, под которую с невероятным ускорением вращались жернова аппарата жесточайшего террора, чуть было не уничтожившего европейскую цивилизацию? Только ли ущемленное национальное самосознание великой нации позволило этому чудовищному механизму превратить значительную часть немецкого народа в орудие борьбы против него же самого, против защитников демократии, гражданских прав и свобод? Мог ли этот народ в условиях тотальной слежки и подавления любой оппозиции организовать соразмерное сопротивление фашизму? Внезапная остановка сердца не позволила автору найти ответы на все вопросы. И главный из них — достаточно ли прочный иммунитет обрела человеческая цивилизация, пережившая страшную болезнь «коричневой чумы», не закончится ли период не столь продолжительной ремиссии рецидивом, еще более чудовищным, чем германский фашизм? На этот вопрос предстоит ответить нам — живущим.

Публикация лекций и избранных научных трудов Н.С. Черкасова — это приглашение всех думающих людей к разумному осмыслению уроков истории, к совместному поиску ответов на вопросы, требующие безотлагательного решения во имя прогресса человечества.

Составитель	Н.А. Хлыстова , канд. филос. наук, доцент СибГМУ
Ответственные редакторы:	Ю.В. Галактионов , д-р ист. наук, проф. КемГУ, Г.Г. Супрыгина , канд. ист. наук, доцент ТГУ, Б. Бонвеч , проф., директор Германского исторического института в Москве
Редакционная коллегия:	В.П. Зиновьев , д-р ист. наук, проф. ТГУ, М.Я. Пелипась , д-р ист. наук, проф. ТГУ, Т.А. Бялик ова, канд. ист. наук, доцент ТГУ, О.А. Ющенко , канд. ист. наук, доцент ТГУ
Рецензенты:	А.И. Борозняк , д-р ист. наук, проф. Липецкого гос. пед. ун-та, Б.Г. Могильницкий , д-р ист. наук, проф. ТГУ, Т.В. Кисельникова , д-р ист. наук, проф. КузГПА

Предисловие

Имя преподавателя Томского государственного университета, выдающегося исследователя истории Германии и организатора исторической науки в Сибирском регионе Николая Сергеевича Черкасова, безвременно ушедшего из жизни в 1993 г., неразрывно связано с традиционным для советской/российской науки изучением истории и историографии «третьего рейха». В его публикациях стянуты в тугую узел анализ функционирования политико-идеологической системы национал-социализма, рассмотрение форм противодействия этой системе, сопоставление различных интерпретаций нацистского режима, осмысление теоретических проблем эволюции германской исторической мысли, взятой в целом.

Умело используя возможности марксистского метода исследования, Н.С. Черкасов был непредвзято открыт серьезным западным научным течениям, безусловно признавая их реальные заслуги, постоянно подчеркивая необходимость дифференцированного отношения к этим течениям. Он хорошо понимал неприемлемость широко распространенного у нас огульного охаивания историков ФРГ, неизменно выступал за развертывание равноправного диалога с ними. Он констатировал, что там действуют не только «фальсификаторы прошлого», но и ученые, «стремящиеся объективно оценить историю Сопротивления фашизму в Германии, он — едва ли не единственным из тогдашних советских исследователей — вел прямую полемику с «односторонними оценками» немецкого Сопротивления, «встречающимися в ряде работ историков Советского Союза и ГДР».

Его выводы вырывались из узких рамок «единственно правильного учения», нередко опережали свое время, открывали перспективу новых маршрутов научного поиска. В условиях, когда самое широкое распространение получила версия о едва ли не монопольной роли коммунистов в антифашистском движении, Н.С. Черкасов убедительно показал, что «моральные мотивы играли важную роль в антифашистской борьбе». Он исходил из того, что «среди участников заговора против Гитлера

в буржуазных и военных кругах было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями нацизма и потому вступивших с ним в борьбу». Он резонно полагал, что деятели, которые «стремились к созданию антифашистского фронта», «не были ни антикоммунистами, ни экзальтированными одиночками, приносящими себя в жертву в безнадежной борьбе». Именно они «осуществили все сколько-нибудь серьезные практические действия, предпринятые заговорщиками».

Ныне, когда теоретические конструкции тоталитаризма зачастую размашисто и неумело переносятся на российскую почву, было бы весьма полезным обратиться к взвешенным суждениям Н.С. Черкасова о действительных эвристических возможностях и несомненных пределах доктрины тоталитаризма. Полностью сохраняет значение вошедший в сборник текст о «споре историков». Это, по существу, набросок ненаписанной монографии, подводящей впечатляющие итоги многолетних дискуссий об оценке национал-социализма, об его сущности и уроках для современного мира.

Все (почти без исключения) исследователи германской истории, ныне работающие в Западной и Восточной Сибири, прошли школу научного руководства Николая Сергеевича. Именно его деятельность заложила основу Западносибирского центра германских исследований.

Издание избранных трудов Н.С. Черкасова, незаурядного ученого, несомненно, принесет большую пользу развитию общественных наук и системы высшего образования нашей страны.

Доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой социальной
и духовной культуры Липецкого государственного
педагогического университета,
заслуженный работник высшей школы РФ,
член Совместной комиссии по изучению новейшей истории
российско-германских отношений *А.И. Борозняк*

* * *

Подготовленная к 75-летию со дня рождения известного ученого-германиста, любимца многих поколений томского студенчества Николая Сергеевича Черкасова (1931—1993 гг.) книга является достойным литературным памятником этому яркому, разносторонне одаренному человеку. Сразу же отмечу, что содержание книги шире ее заголовка. На ее страницах воссоздается яркий образ ученого, гражданина, преподавателя, воспитателя, все ипостаси которого находились в гармоническом единстве.

Наряду с удачно отобранными ранее публиковавшимися трудами Н.С. Черкасова по истории германского фашизма и антифашистского движения Соппротивления в книгу включены его лекции о германском фашизме, что, на мой взгляд, придает ей особую научную ценность. Ибо они составляют исключительный по своей важности пласт творческого наследия Н.С. Черкасова, являвшегося не только талантливым исследователем, но и блестящим университетским преподавателем, чьи лекции пользовались у студентов большой популярностью. Они и сегодня поражают масштабностью охвата материала и глубиной его анализа, неординарностью авторской мысли, органическим сплавом исследовательского дара и педагогического мастерства лектора.

Книга изобилует материалом, характеризующим самобытную личность Черкасова-человека, учителя, общественного деятеля, горячего поборника идеи социальной справедливости. Она убедительно раскрывает личностные качества Николая Сергеевича, снискавшие ему глубокое уважение друзей и коллег и беззаветную любовь его многочисленных учеников.

Появилась нужная современному читателю книга. Во-первых, она удачно реконструирует многогранный образ Н.С. Черкасова — ученого и гражданина, и благодаря этому вносит свою лепту в изучение истории Томского государственного университета, с которым была связана вся научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность Николая Сергеевича.

Во-вторых, собранные в книге научные труды и лекции Н.С. Черкасова имеют важное методологическое значение в свете современных дискуссий о значении марксизма для исторического познания. Сегодня

становится все очевиднее, что шумно провозглашенное на рубеже 1980—1990 гг. «прощание с Марксом» оказалось явно преждевременным. Марксистская методология, очищенная от пут «склеротического марксизма», господствовавшего в официальной советской науке, продолжает являть свою эвристическую силу. Весомым аргументом в подтверждение этого служат работы Н.С. Черкасова, представленные в данной книге, демонстрирующие возможности эффективного использования марксистской методологии в изучении истории и историографии немецкого фашизма.

Следует отдать должное ученице Николая Сергеевича Г.Г. Супрыгиной, готовившей его лекции к печати. Знаю по собственному опыту, насколько это трудно, как часто приходится вносить коррективы в уже подготовленный текст. Что же тогда говорить о работе над не собственным текстом, да еще так удаленном во времени? Тем не менее Г.Г. Супрыгина отлично справилась со своей задачей.

Необходимо отметить колоссальную работу, проделанную по подготовке этой книги Н.А. Хлыстовой. Именно благодаря ее инициативе, редкой настойчивости и целеустремленности книга была подготовлена к печати. Ею же был подобран и структурирован материал книги, написаны биографический очерк Николая Сергеевича, приложения к его лекциям, составлен список его научных трудов и подготовленных им кандидатов наук и т.п.

Полагаю, что книга Н.С. Черкасова «О германском фашизме и антифашистском Сопротивлении найдет заинтересованного понимающего читателя.

Заведующий кафедрой истории древнего мира,
средних веков и методологии истории ТГУ,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор *Б.Г. Могильницкий*

О фашистской опасности сегодня*

Просуществовав всего 12 с небольшим лет, фашистская «тысячелетняя империя» рухнула. Но интерес к истории этого периода не ослабевает, а становится, пожалуй, все больше и больше. Количество работ, написанных о фашизме, давно уже превысило 100 тыс. названий. Даже специалисты не в состоянии все их прочесть. И с каждым годом число их увеличивается. Время от времени, в связи с теми или иными событиями или памятными датами, прорывается буквально целый поток книг, статей, кинофильмов, пьес и тому подобного о фашизме. Если взять 80-е гг., то в связи с 50-летием прихода фашистов к власти, в связи с 40-летием разгрома фашизма, затем в связи с 60-летием фашистской диктатуры поток этой продукции перерос в лавину.

Казалось бы, при таком огромном количестве литературы все должно быть давным-давно ясно. Однако, наоборот, споры о фашизме, о его сущности и причинах прихода его к власти, о его политике становятся все более ожесточенными. Во второй половине 80-х гг. в ФРГ развернулась острейшая дискуссия историков (*Historikerstreit*) о фашизме. Появились сотни статей, множество книг. В этих дискуссиях участвовали не только историки, но и политики, философы, литераторы. Споры идут чрезвычайно острые — буквально за грудки друг друга хватили, порой переходили даже на личности (у Э. Нольте, например, подожгли машину). Дискуссия, по сути дела, не завершилась, споры продолжают.

Интерес к проблемам фашизма проявляется не только в Германии, но и во многих других странах. Что касается нашей страны, то интерес к этой проблематике за последние 5 лет стал прямо-таки взрывным, особенно среди молодежи. За последнее время у нас появилось несколько серьезных книг: Д.Е. Мельникова, Л.Б. Черной «Преступник № 1: Нацистский режим и его фюрер» (М., 1991), этих же авторов «Империя

---

* Печатается по тексту лекции Н.С. Черкасова, прочитанной в Московском государственном университете 26 февраля 1985 г. с последующими его же добавлениями в нее.

смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии 1933–1945» (М., 1987), Б.Н. Бессонова «Фашизм: идеология, политика» (М., 1985), Д.М. Проэктора «Фашизм: путь агрессии и гибели» (М., 1989). Появился ряд книг, переведенных с немецкого языка. Переиздана массовым тиражом книга А.А. Галкина «Германский фашизм» (М., 1989) — самая толковая работа. Появились работы по неофашизму, в частности «Фашизм 80-х» М.Н. Филатова и А.Н. Рябова (Алма-Ата, 1983).

Издана двухтомная книга американского автора У. Ширера «Взлет и падение Третьего рейха» (пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. М., 1991). Студенты в последние годы прямо одолевают просьбами дать тему для курсовой, дипломной работы непременно по фашизму. Приходится буквально отбиваться от них — надо же все-таки, чтобы кто-то изучал и другие темы. Кроме того, прежде чем заняться этой проблемой, надо иметь какое-то представление о предмете. Наконец, надо хорошо знать немецкий язык. Порой интерес к фашизму в среде молодежи приобретает нездоровый характер: увлечение нацистской символикой, попытки подражать внешним образцам поведения фашистов, и, с чем, конечно, абсолютно невозможно смириться, — попытки распространять те или иные тезисы фашистской пропаганды. Хотя надо сказать, большинство из тех, кто этим занимается, — никакого представления о реальном фашизме не имеет. Речь идет о какой-то моде. В данном случае — о чудовищной моде, моде на бесчеловечное, антигуманное. Но и такое нелепое дикое явление имеет свои корни. Фашистское движение на рубеже 80–90-х гг. — это уже не мода, оно становится реальным фактором нашей политической жизни. На политической карте стали появляться и расплзаться «коричневые пятна».

Так каковы же причины такого неослабевающего уже полвека интереса к фашизму? Может быть, фашизм выдвинул какую-то, несмотря на всю ее неприемлемость для нас, новую оригинальную, необычную идею? Нет, в фашистской идеологии, по существу, нет чего-либо принципиально нового. Она состоит из отдельных фрагментов теорий, выдвигавшихся идейными предшественниками фашизма, доведенных, так сказать, до крайности. Причем и соединены-то они, «склеены» между собой были весьма неловко, порой противореча один другому, содержательно исключая друг друга. Причины, как мне кажется, таковы:

Во-первых, период фашизма — это период острейших классовых и политических столкновений, невиданных в истории. Фашизм вызвал

Вторую мировую войну, самую кровопролитную в истории: она унесла 55 млн жизней, привела к коренным изменениям в мировой истории, мировой политике, перекроила карту Европы. В общем-то, расстановка сил в мире, которая существовала до последнего времени (до начала 90-х гг. — *Н.Х.*), была создана Второй мировой войной.

Вопрос об ответственности за фашизм, за вызванную им Вторую мировую войну остается и сегодня предметом острейших дискуссий, споров. Историки-марксисты и значительная часть немарксистских авторов считают, что основную долю ответственности несут монополистические круги, империализм. В то же время многие авторы из числа немарксистских историков пытаются снять с них эту ответственность, указывая, что виноваты, мол, массы, вторгшиеся в политику, виноваты некие демонические, иррациональные силы. В лучшем случае ответственность раскладывается на всех — и те, и другие в равной мере виновны, а главного ответственного нет.

Во-вторых, с фашизмом не покончено и сегодня. В Европе, которая была главным полем действия фашистов, сегодня нет фашистских режимов, но фашистская опасность остается. Она сохраняется в Италии, ФРГ, Англии, Франции, в США (в ноябре 1991 г. в штате Луизиана представитель Ку-Клукс-Клана Дьюк набрал 30% голосов). Сионизм на Ближнем Востоке являет собой опасную смесь расизма и фашизма в той части, в которой проповедуется исключительность еврейской нации. Некоторые проявления его имеют место и в нашей стране. Не составляют исключения Азиатский регион — Индия, Япония, и Латинская Америка 70—80-х гг.

В-третьих, часто интерес к проблемам фашизма проявляется на эмоциональном уровне. Со временем забывается, что наделали фашисты, но об этом народам следует помнить всегда.

В-четвертых, проблема фашизма тесно связана с теми проблемами, по которым идет острая дискуссия в современном мире — это проблема демократии и авторитаризма или диктатуры, проблема форм политической борьбы, границ допустимого в ней насилия, соотношения фашизма и сталинизма, фашизма и коммунизма. В реальной истории фашизм и коммунизм были (и есть) диаметрально противоположными, полярными, непримиримыми силами, за исключением короткого периода (менее двух лет) с августа 1939 по июль 1941 г., когда они сотрудничали на базе взаимной выгоды на государственном уровне, на уровне

отношений между СССР и Германией. Но ни у той, ни у другой стороны не было сомнений, что это — временное сотрудничество, что схватка рано или поздно произойдет. Гитлер ни на минуту не отказывался от своих планов завоевания жизненного пространства на Востоке и уничтожения коммунизма повсюду, в том числе и в самой Германии и, даже в эти годы, в условиях действия советско-германского пакта преследование коммунистов продолжалось. В узком кругу Гитлер неоднократно повторял, что его главным врагом остается еврейский большевизм («judische Bolschewismus»).

Сталин тоже был уверен, что война с Германией, с Гитлером неизбежна. Другое дело, что он ошибался в сроках начала ее, надеялся выиграть 1—1,5 года для лучшей подготовки к ней. Гитлер, в конечном счете, обманул его в этом плане. Однако, несмотря на непримиримые противоречия между ними, и гитлеровский, и сталинский режимы действовали сходными методами, порой до деталей напоминающими друг друга. Нередко они даже заимствовали опыт друг друга. Это были тоталитарные режимы, претендовавшие на абсолютный контроль над всеми сторонами жизни общества и всеми сторонами личной жизни отдельно человека.

Конечно, многочисленным жертвам фашизма и сталинизма, в принципе, не столь уж важны различия режимов, от которых одни глубоко страдали, а миллионы других погибали. Но с исторической точки зрения и с политической это весьма существенно. Если фашизм приходит справа, то сталинизм и неосталинизм приходят слева. О смысле понятия «левый» сегодня требуются уточнения.

После августовских событий 1991 г., по крайней мере на какой-то промежуток времени, мы ушли от неосталинизма, а от неофашизма...? Я далеко не уверен, что ушли. Более того, опасность его в нынешней тяжелой кризисной ситуации стремительно нарастает. Впрочем, и неосталинизм не изжит, подтверждением тому могут служить некоторые заявления В.И. Анпилова, в частности: «Сталин был прав».

Представляется, что авторы многочисленных прямых сопоставлений между фашизмом и сталинизмом, фашизмом и коммунизмом в его сталинистской форме, делающих вывод об их тождестве, я думаю, не правы. Их можно понять психологически, но согласиться нельзя. Идея классовой борьбы, обосновываемая марксизмом, и идея расовой борьбы, развиваемая фашизмом, схожи лишь внешне. По существу же

они принципиально различны и противоположны. Кстати, в этих сопоставлениях основная часть негативного заряда приходится на термин «фашизм»: говорят «красный фашизм», имея в виду коммунистический режим, но я не слышал о «коричневом коммунизме». Не видеть этого различия, значит, не видеть реальной опасности фашизма, не видеть, откуда он может прийти.

На баррикадах у Белого дома в августе 1991 г. были лозунги «Долой фашизм!», «Нет фашизму!». Все это хорошо, но как бы, отразив атаку неосталинистов, не просмотреть незаметно подкрадывающийся в ряде случаев фашизм, имеющий тенденцию скачкообразно разрастаться и усиливаться в обстановке экономической и политической нестабильности. Причем, как показывает опыт, пытающиеся соблюсти определенную умеренность политические лидеры могут оказаться заложниками тех настроений и тенденций, которые возникают в сознании возбужденных растущими неурядицами, разрухой и хаосом масс. Я предполагаю, что самый опасный в этом отношении момент у нас еще впереди.

При этом основным носителем фашистской идеологии выступают различные националистические движения как в центре, так и на окраинах. На периферии — это: 1) фундаменталистские движения, 2) часть партноменклатуры, которая никогда, по сути дела, настоящими коммунистами не была. Сегодня они спешно заменяют идею интернационализма национализмом. В центре — это великодержавные шовинистические движения — ЛДПР, группы «Память», национально-социальные движения. Лозунг «Русь превыше всего» (см. о СПУМе в «Комсомольской правде» за 6 июля 1990 г.) не безопасен. В эту сторону эволюционируют и некоторые левацко-сектантские группировки рабочего движения на базе прекратившей свое существование КПСС. Крайние левые смыкаются с крайними правыми. Спектр их — не горизонтальный диапазон, а круг.

Сегодня многие сравнивают ситуацию у нас в России с ситуацией в Веймарской республике. В «Независимой газете» появилась даже статья с названием «Веймарская Россия». Сходство имеет место прежде всего в крайних формах экономической и политической нестабильности. Автор статьи Андерс Ослунд подчеркивает, что по сравнению с Веймарской республикой положение в России усугубляется отсутствием правового общества. При этом довольно распространены

являются расистские настроения, возникли националистические группировки. Не исключено, считает он, что все это вкуче будет содействовать тому, что в «Веймарской России» в свое время может появиться свой Адольф Гитлер.

Есть одно обстоятельство, которое резко отличает нашу страну от Веймарской республики — наличие огромных запасов атомного оружия и другой военной техники, размещенных на территориях нескольких республик. Это вызывает огромное беспокойство во всем мире. Кто будет распоряжаться ими — это не только наше внутреннее дело.

Нельзя спокойно относиться к явлениям, свидетельствующим о нарастании фашистской опасности. Слишком велики те беды, которые причинил фашизм нашему народу и народам других стран, слишком неизбежно то горе, которое до сих пор испытывают по его вине миллионы и миллионы людей во всем мире. Слишком велика до сих пор в различных районах мира неофашистская опасность.

Каковы причины таких пусть хотя и немногочисленных, но весьма тревожных явлений?

1) Глубокий и длительный системный кризис общества, затрагивающий все сферы его.

2) Наличие в нашей стране людей, для которых стремление к личной наживе, к обладанию дорогими вещами, к поклонению деньгам заслоняет все остальное. Некоторым из них принципы социализма (равенства, социальной справедливости, принцип «от каждого по способности, каждому по труду») мешают развернуться «на полную катушку», реализовать свою страсть к обогащению. Они, по сути дела, являются проводниками буржуазной идеологии в нашем обществе. А она сегодня является основой для самых нежелательных и антигуманных политических устремлений и взглядов.

3) Целенаправленное воздействие буржуазной пропаганды, как западной, так и отчасти российской. Она, правда, прямо не агитирует за фашизм, даже осуждает его, как правило. Но она проповедует идеологическую всеядность, идейную вседозволенность, а значит, и дозволенность фашистской идеологии.

4) Некритическое отношение части молодежи к различного рода модным поветриям с Запада, особенно в области музыкальной массовой культуры. Под прикрытием новоявленных музыкальных направлений, музыкальных ансамблей и тех или иных новых «идолов» «совре-

менной» якобы музыки протаскиваются и, порой весьма осознанно и целенаправленно, самые реакционные, антигуманные идеи и антиобщественные нормы поведения.

Надо заметить, что нацисты всегда делали ставку на молодежь как на сравнительно неопытную (политически и идейно) часть населения, стремились паразитировать на ее повышенной восприимчивости, эмоциональности, избытке энергии. Они пытались использовать ее активность, злоупотребить ее патриотизмом в националистических целях. Фашизм объединил молодежь Германии в организацию «Гитлер-югенд», через которую искусно манипулировал ее поведением. Сегодня, оперируя яркими квазипатриотическими лозунгами и символами, заинтересованные круги подстрекают молодых людей к насилию, пытаются мобилизовать аполитичные слои на защиту и поддержку таких приемов управления, которые характерны для жестких авторитарных режимов.

Конечно, в классовом обществе молодежь не является чем-то однородно целым. Но она имеет определенную особенность, некоторое сходство биологических, психологических и социальных признаков. На многие явления она реагирует одинаково, проявляя тенденцию к унификации взглядов и способов поведения, к конформизму. Этот фактор умело используется идеологами неофашизма, которые формулируют лозунги и призывы, адресованные специально молодежи, выделяющие ее из общей массы населения.

Вот исповедь 17-летнего участника «Викинг-югенда», одной из западногерманских неонацистских организаций террористического направления: «Я познакомился в профучилище с одним парнем, который состоял в организации. Он как-то взял меня с собой, и мне там понравилось. Понравилось, что мы не такие, как все. Отец говорил мне, что наши порядки напоминают «Гитлер-югенд», а я отвечал, что нам именно такой организации, как «Гитлер-югенд», не хватало. Мы должны заполучить прежний рейх, все, что отняли у нас за две войны денежные мешки в Англии и Америке, евреи и коммунисты. Ясное дело, добровольно они ничего не отдадут, мы должны заставить их. Если они не захотят выполнить наши требования, надо их поставить к стенке».

По сравнению с другими странами у западногерманских молодых неонацистов были заметны настроения реванша, агрессии, территориальной экспансии. Их провокации чаще проходят под лозунгами

антисемитизма и расизма, что свидетельствует о преемственности их взглядов по отношению к идейным постулатам гитлеровцев. Фашизм обещает молодежи «свободное развитие ее сил», призывает принять участие в «возвеличении своей нации», в «восстановлении исторической справедливости», нарушенной будто бы в результате Второй мировой войны. Но это — лишь обещания. Как и в прошлом, реальным итогом участия молодежи в фашистских движениях может быть лишь духовная опустошенность, бессердечие ее, кровь, страдания других отдельных представителей иных рас, наций и целых народов, нередко не только чужих, но и собственного тоже.

К сожалению, не всегда на должном уровне осуществляется государственная молодежная политика, ведется разъяснительная политиковоспитательная работа среди молодых людей. Мы должны помнить, какую угрозу нес фашизм всему миру, постараться понять, в чем состоит опасность современного неофашизма (а это требует четкого определения сущности фашизма, выявления его содержательной специфики. — *Н.Х.*).

Фашизм, как его определил XIII Пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, есть «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [1]. Он возник как реакция международной буржуазии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, на подъем революционного движения после Первой мировой войны. К его основным характеристикам относятся [2]:

1) Использование крайних форм насилия против политических противников и особенно против организаций рабочего движения. Политический террор штурмовиков (SA) и эсэсовцев (SS), концентрационные лагеря — это изобретения гитлеровского фашизма. Через концлагеря, созданные немецкими фашистами, прошло 18 млн человек, 11 млн человек были уничтожены в них.

2) Воинствующий антикоммунизм. Известно заявление Гитлера: «Я хотел бы записать свое имя в историю как сокрушителя марксизма». Потому-то основной удар он направил на Коммунистическую партию Германии (КПГ) внутри страны и на Советский Союз — вне ее.

3) Шовинизм, расизм и как одна из конкретных форм расизма, особенно характерная для гитлеровского фашизма, — антисемитизм. Воз-

величие своей нации, изображение других народов как «недочеловеков», «людей низшего сорта». На основе шовинизма и расизма осуществлялась мобилизация самых низменных инстинктов у отсталых слоев населения, внедрялись в сознание их идеи классового мира внутри страны, общности интересов «своих» рабочих и «своих» капиталистов.

4) Широкое использование методов социальной демагогии, якобы «социалистических» лозунгов для создания массовой базы, главным образом за счет мелкой буржуазии, а также социально дезориентированных, аполитичных слоев рабочего класса и других социальных групп.

5) Использование методов государственного регулирования экономики. Фактически производилась передача всех командных высот в экономике в руки крупнейших монополистов, которые и осуществляли в своих интересах регулирование экономики государством.

6) Агрессивная внешняя политика.

Гитлеровский фашизм, наиболее опасная разновидность фашизма, — главный виновник Второй мировой войны, унесшей десятки миллионов жизней. Не только европейское, но и мировое господство было его целью. Гитлеровцы захватили почти всю Европу. Предполагалось захватить после разгрома Советского Союза Ближний Восток и Индию, Африку, предпринять высадку в Латинской Америке, а в конечном итоге подчинить себе и США. А затем — в горячечном бреде лидеров германского фашизма вырисовывались фантастические перспективы схватки с Японией (союзницей фашистской Германии), которая, не ровен час, сможет подчинить себе большую часть Азии, за окончательное мировое господство.

Лишь героическое сопротивление советского народа преградило путь к реализации планов мирового господства гитлеровского фашизма. Ценой нашей победы стали 20 млн жизней. (В связи с празднованием в 2005 г. 60-летия Великой Победы называлась цифра 28 млн человек. — *Н.Х.*)

Сегодня величие и значение нашей Победы вырисовывается особенно четко и наглядно. Она спасла мир от погружения в пучину фашистского варварства, спасла многие народы мира от порабощения и планомерного истребления, обеспечила возможность поступательного развития человеческого общества.

Но, к сожалению, социальные и политические корни фашизма не были уничтожены в результате войны. Социальные предпосылки

фашизма — это существование капитализма в его государственно-монополистической стадии. Питательная среда для ростков фашизма — кризисы, экономическая и политическая нестабильность, массовая безработица. В послевоенный период в США, в Англии в ряде случаев власти поддерживали неофашистские движения, использовали их для борьбы против прогрессивных сил.

Конечно, учитывая непопулярность фашизма в массах и то, что он дискредитировал себя и своей социально-политической практикой, и своим поражением, силы крайней реакции пытаются от него отделиться, отгородиться, но это не меняет сути дела. Основные черты неофашизма — те же, что и у фашизма, хотя имеются и свои особенности, обусловленные эпохой. Но в ряде случаев современные неофашисты не скрывают своей связи с фашизмом прошлого и даже, наоборот, подчеркивают ее и свою приверженность духу антикоммунизма и антисоветизма.

Каковы особенности современного неофашизма?

1) Рекламирование себя в качестве сторонников демократии и конституционных порядков, только «улучшенных», на деле же имеет место противостояние подлинной демократии, попрание конституционных норм.

2) Неофашисты реже прибегают к термину «социализм» по сравнению с фашистскими движениями 20–30-х гг.

3) Вместо идеи о превосходстве германской расы они используют идею о превосходстве «атлантического», «западного» человека.

4) Заметно проявляется стремление к интеграции, объединению неофашистов разных стран, к созданию своего рода «фашистского интернационала».

5) Заигрывание с новыми социальными движениями — с экологическими, женскими например.

6) Особое значение приобретает у них связь с милитаристскими кругами, опора на них, особенно в развивающихся странах.

7) Стремление к консолидации с другими правыми, консервативными силами.

8) Антикоммунизм был и остается центральным пунктом всех фашистских движений. Сердце и мозг социалистической революции, убеждают неонацисты, находится в Москве, туда и надо направить главный удар свободных сил западного мира. «Молодые национал-демократы»

требуют немедленного запрета всех прокоммунистических организаций, наказание за пропаганду марксистской идеологии.

Ярый антикоммунизм всего более привлекает в неофашизме нынешние империалистические круги сегодня, когда предельно обнажилось лицо империализма, достигла апогея его ненависть к социалистическому строю, к народам нашей страны. Потому-то и не жалеют средств на развал ее. Вот почему надо неустанно трудиться на поприще идейно-нравственной, классовой закалки молодежи, политической образованности всего населения. И поскольку империализм в общей связке с неофашизмом создает угрозу всем демократическим силам, всем демократическим свободам, необходимо единство действий всего прогрессивного человечества на основе глубокого понимания сущности фашизма, знания его подлинной чудовищной истории.

---

1. XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.

2. В своих более поздних лекциях Н.С. Черкасов делал акцент на тоталитарном характере фашизма как наиболее существенной черте фашистской диктатуры (Н.Х.).

ЛЕКЦИИ О ГЕРМАНСКОМ ФАШИЗМЕ

Германия: альтернативы 1919–1923 гг.*

Наверное, нет такой страны зарубежной Европы, в которой в первой половине XX в. возникло столько альтернатив общественного развития, как в Германии, от реализации которых в такой мере зависел бы ход событий европейской, да и мировой истории.

Колоссальное значение имела реализация той или иной перспективы развития Германии после Первой мировой войны и краха кайзеровского режима. В научной литературе выделены три основные альтернативы: 1) победа социалистической революции, на которую ориентировалось так называемое радикальное (революционное) крыло СДПГ, 2) последовательное осуществление буржуазно-демократических преобразований с ликвидацией основных позиций юнкерско-милитаристских сил и ограничением позиций монополий, 3) умеренный вариант буржуазно-демократических преобразований при сохранении значительных позиций традиционно-консервативных сил. Победила, как известно, последняя альтернатива. О варианте возврата к монархии или какому-то правоавторитарному режиму в этот период, как представляется, вряд ли можно было говорить в силу нереальности его осуществления в конкретной исторической обстановке. Однако он возник позднее.

Что касается возможности реализации первой альтернативы, то она представляется современникам событий весьма осуществимой. Известно, что В.И. Ленин, большевики, формировавшиеся в этот период коммунистические партии и группы строили свою политику, исходя из *перспективы* скорой победы социалистической революции в ряде стран, прежде всего именно в Германии. Сегодня мы знаем, что шансов на реализацию такой альтернативы было мало. Но все-таки, пусть и слабо выраженная, она была. При каком-то исключительно благоприятном стечении обстоятельств и при безошибочных действиях револю-

---

* Тезисы выступления Н.С. Черкасова на научном семинаре Центра германских исторических исследований в СССР, посвященном анализу переломных моментов в истории Германии. Материалы семинара опубликованы в кн.: Политические альтернативы в Германской истории XX в. Челябинск, 1990.

ционных сил социалистическая революция в Германии могла победить. И не случайно так напуганы были такой перспективой и германская, и европейская буржуазия. Как развивались бы события в этом случае? Разумеется, история не повторяется и не оставляет шансов переиграть ее снова. И точно ответить на этот вопрос никто не может. Но теоретически (а Ленин и деятели Коминтерна думали об этом и в практическом плане), пойдя по социалистическому пути, Россия и Германия представляли бы собой серьезную альтернативу капиталистическому миру. Могли бы они вместе избежать тех ошибок и тупиковых путей, которых не смогли в одиночку избежать Советская Россия, Советский Союз? Захлестнула ли бы волна революционного разрушительства, нетерпимости и Германию? Или же соединение экономической, научно-технической, организационной мощи Германии, природных и людских ресурсов России позволили бы пойти по пути «цивилизованного» социализма, дав мощный толчок эволюции в этом направлении всего мира?

Могла ли при отказе от альтернативы социалистической революции быть реализована альтернатива последовательно демократических преобразований в Германии? Советы или Национальное собрание, диктатура пролетариата или парламентский режим — на этом противопоставлении разошлись, прежде всего, коммунисты, с одной стороны, социал-демократы и демократически ориентированные мелкобуржуазные и буржуазные силы — с другой. Но была ли эта дилемма, столкновение по которой отразило и в то же время усугубило и закрепило столь пагубный для рабочего движения и страны раскол, адекватной альтернативой? Сегодня многие немецкие историки приходят к выводу, что возможность последовательно демократического развития (открывавшего и социалистическую перспективу) существовала на базе сближения позиций коммунистов и социал-демократов по вопросу о роли органов народной демократии, использования их демократических и парламентских возможностей. Выявляется, что в 1918–1919 гг. «речь шла не об альтернативе парламентской демократии и советской системы, а о мере превентивных гарантий демократии, как таковой» [1]. То, что альтернатива последовательно демократических преобразований не была реализована, впоследствии оказалось важнейшим условием победы нацизма.

Роковую роль в развитии событий в Германии и международного рабочего движения сыграл неправильный выбор альтернативы Коминтерном и КПГ и в 1923 г. События этого года оказались не началом

нового революционного подъема, должно привести к победе социалистической революции, как считали в Коминтерне и в КПГ, а арьергардными, заключительными боями той революционной волны, которая возникла после Первой мировой войны. В ходе этих событий фактически была отброшена установка на выработку тактики единого рабочего фронта, разработанная III и IV Конгрессами Коминтерна, что также явилось важнейшим фактором, позволившим впоследствии прийти к власти гитлеровской партии. Курс на крайне левую альтернативу — социалистическую революцию — открыл через десять лет дорогу крайне правой альтернативе — установлению фашистской диктатуры. По сути дела, такая же ситуация возникла и непосредственно накануне 1933 г.

Выбор крайних альтернатив общественно-политического развития повлек за собой в Германии, как и во всем мире, разрушительные последствия. Силы, выступавшие за социализм, получили в итоге национал-социалистическую диктатуру.

---

1. См.: *Winkler H.A.* // *Historische Zeitschrift*. 1990. Bd. 250. Hf. 2. S. 319.

Лекция 1

Исторические и идеологические корни германского фашизма

При изучении германского фашизма нельзя забывать, что это лишь одна из разновидностей фашизма, явления, имеющего международный характер. Тенденция к фашизму, как к *одному из методов* господства монополистической буржуазии, присуща всем капиталистическим странам в эпоху империализма. Возможность установления фашистской диктатуры, конечно, зависит от конкретной социально-политической обстановки в той или иной стране, от конкретного соотношения в ней классовых и политических сил. Германский фашизм был наиболее мощным и организованным отрядом фашистских движений 1920—1940-х гг., когда в силу целого ряда причин эти движения имели особо благоприятную почву для своего развития в странах Европы. В 1936 г. в 20 европейских странах насчитывалось 49 фашистских организаций.

В обстановке революционного подъема после Первой мировой войны, экономических и политических потрясений 1920—1930-х гг. монополистической буржуазии и другим реакционным силам во многих странах

Европы казалось наиболее целесообразным для сохранения своего господства прибегнуть к фашистским методам. По выражению К.Д. Брахе-ра, за «большевистской волной» в Европе последовала «фашистская контрволна». Э. Нольте называет этот период «эпохой фашизма». И, в известном смысле, он прав, хотя, конечно, содержание этого периода составляли не только фашизм, но и антифашистская борьба, причем в итоге антифашистские силы взяли верх над фашизмом. Хотя фашизм продолжает существовать и сегодня, он по своему воздействию на массы, по степени создаваемой им угрозы прогрессивному развитию человечества, по крайней мере в данный момент, значительно уступает фашизму 1920–1930-х гг. Главное здесь в том, что фашизм был разгромлен, что подобный метод господства в конечном счете оказался неэффективным. Конечно, фашистская угроза не снята в Европе и сегодня, она может резко усилиться в обстановке экономической и политической нестабильности.

Длительное время в отечественной историографии рабочим определением фашизма было определение, данное XIII Пленумом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в декабре 1933 г. Фашизм у власти он охарактеризовал как (повторимся) «открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Но, будучи порождением эпохи империализма, фашизм имеет в то же время и определенные политические и идеологические корни в *прошлом*. Были таковые и у германского фашизма.

В буржуазной историографии встречаются две точки зрения по вопросу о корнях германского фашизма: 1) главным образом англо-американские историки считают национал-социализм специфически немецким явлением, видят корни национал-социализма в немецкой истории вплоть до Лютера; 2) западногерманские буржуазные историки отрицают какие-то особенности Германии в этом плане, рассматривают фашизм как результат общеевропейского развития, результат вступления масс в политику, начавшегося с Великой французской революции.

Конечно, неверно изображать дело так, что развитие Германии с фатальной неизбежностью вело к национал-социализму. Фашизм не был фатально неизбежен ни в одной стране. И в Германии единые действия антифашистских сил преградили бы дорогу Гитлеру. Но «предрасположенность» к фашизму в Германии была весьма сильной.

Она была обусловлена особенностями развития германского империализма и его идеологии.

Немецкая буржуазия получила ограниченный парламентаризм не в ходе победоносной революции, а в результате компромисса, сделки с юнкерством после революции 1848—1849 гг. И она всегда находилась в зависимости от них, сравнительно редко отстаивала свою позицию. С самого начала, она, по словам Фридриха Энгельса, была напугана тем, чем грозил стать немецкий пролетариат и чем французский пролетариат уже был (как показали его выступления в ходе революции 1848 г.) — классом для себя — революционным. Она видела «только одно спасение — в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством». Это обусловлено было и особой ролью милитаристских традиций в германском государстве, объединение которого в 1871 г. произошло к тому же не в результате демократического движения — снизу, а сверху, «железом и кровью», под руководством Бисмарка, вокруг Пруссии. Позднее, в годы Германской империи это обусловило также широкое вмешательство государства во все сферы жизни общества, традиционное для прусского государства, которое получило название «прусского социализма».

Германская буржуазия длительное время отставала от буржуазии других стран. В 1870 г. Германия занимала лишь четвертое место в мире по промышленному производству. Однако в последней трети XIX в. она делает резкий рывок вперед в экономическом развитии, обгоняет Англию и Францию и к 1900 г. выходит на второе место в мире после США по промышленному производству. В эти же годы Германия вступает в стадию империализма, причем характерной ее особенностью является очень высокий уровень концентрации и централизации производства и капиталов, как отмечалось — особо широкое вмешательство государства в экономическую жизнь, сращивание государственных органов с монополистическими объединениями.

Наряду с развитием империализма сохраняется огромный удельный вес в политической жизни помещичье-феодалных кругов, военщины. Германия, позднее других стран сложившаяся как национальное государство, опоздала и к разделу мира, заканчивавшемуся на грани XIX—XX вв. Бурно развивавшийся империализм считал себя обделенным и потребовал передела уже поделенного мира в свою пользу. Требование передела колоний сопровождалось и требованием пересмотра гра-

ниц в Европе для захвата новых источников сырья, расширения сферы господства немецких буржуа и юнкеров. В решении этих задач интересы немецкой буржуазии и юнкерско-милитаристских кругов совпадали.

В немецком милитаризме буржуазия увидела ниспосланное ей свыше орудие передела мира в свою пользу. В свою очередь развитие промышленности дало немецкой военщине материальную базу для вооружения армии и флота, а также послужило ей предлогом для внешнеполитической экспансии, необходимость которой объяснялась нехваткой сырья, рынков сбыта и в целом — «жизненного пространства». Вся жизнь страны была пропитана милитаристским духом. Колоссальных масштабов достигли военные расходы. Германский империализм рвался навстречу Первой мировой войне.

Нарастание агрессивности германского империализма сопровождалось нарастанием националистических и антидемократических тенденций в его идеологии. Немецкие философы, юристы, географы и особенно историки стремились обосновать претензии Германии на руководящую роль в Европе и во всем мире, некую особую «историческую миссию» немцев.

Отдельные проявления националистических тенденций в немецкой идеологии обнаруживались еще в начале XIX в. И, хотя освободительное движение против наполеоновского господства, бесспорно, имело прогрессивное значение, на него накладывало определенный отпечаток участие в нем реакционно-националистических элементов, влиявших и на самых передовых его деятелей. Так, Иоганн Готлиб Фихте в своих «Речах к немецкой нации», в которых он стремился формировать немецкое самосознание, звал к непримиримой борьбе за освобождение Родины, допускал шовинистические выпады по отношению к французам, говорил об особой миссии немцев по отношению к человечеству, о превосходстве «немецкого духа», о том, что немецкая культура является «глубоко внутренней», в то время как у других она «внешняя». Аналогичные тенденции можно наблюдать и у таких деятелей освободительного движения, как Эрнст Мориц Арндт и Фридрих-Людвиг Ян. Так, последний говорил о «Великой Германии», включающей Голландию, Швейцарию, Австрию, Данию со столицей «Тевтония», которую нужно создать в ее центре. Ян был против смешанных браков и против всяких иностранных влияний вообще.

В условиях отсталости Германии первой половины XIX в. идеи национального освобождения у идеологов немецкой буржуазии, прочно

сросшейся в большей своей части с князьями и дворянством, приобрели характер так называемого «революционного романтизма», противопоставившего немецкий «народный дух» идеям французского Просвещения. Для них были характерны уход в иррациональный мир фантазии, мистики, чудес, культ средневековья, национализм и шовинистическое превознесение своей нации над другими народами. Следует отметить, что национализм немецкой буржуазии, хотя он уже имел экспансионистские тенденции, был еще направлен главным образом на объединение раздробленной Германии. Но, захватив впоследствии широкие слои населения, он стал той питательной средой, на которой выросла идеология пангерманизма.

На базе романтической историографии возникла историческая школа Леопольда фон Ранке (1795–1886). Ранке внес несомненный вклад в развитие исторической науки в первую очередь как создатель новой методики исторического исследования, основанной на критике исторических источников. В то же время он широко проводил в своих сочинениях идею превосходства немцев над другими народами, особенно над славянами. Ранке обожествлял прусско-германское государство, видя в нем реализацию «божественной мысли» на земле. Монарх и армия — вот те две опоры, на которых должно базироваться это государство. Ранке выдвинул положение о «принципе внешней политики», т.е. о необходимости подчинять все происходящее внутри страны интересам внешней политики, цель которой — расширение государства и борьба с другими державами, которая, по Ранке, и составляет основную суть истории.

Еще более реакционными были взгляды последователей Ранке, представителей малогерманской исторической школы, сыгравшей важную роль в подготовке объединения Германии под главенством Пруссии. Особенно шовинистическими были взгляды лидера этой школы Генриха фон Трейчке, всемерно прославлявшего прусскую монархию и прусскую военщину. Свои взгляды он защищал не только в книгах, где писал о «немецкой миссии», которую надлежит осуществить ударом «немецкого меча», но и в рейхстаге, депутатом которого он был.

В 1880-х гг. возникает так называемое *пангерманское движение*. Первоначальным его очагом была Австрия. После исключения Австрии в 1866 г. из Германского союза вследствие ее поражения в войне с Пруссией в итоге немецкая буржуазия многонациональной империи

Габсбургов как бы лишилась своего тыла, она опасалась роста национально-освободительного движения ненемецких народов монархии. Отсюда стремление части ее преобразовать Австрию в немецкое государство и войти в будущем в Германскую империю. Однако наиболее благоприятные условия для своего развития пангерманское движение нашло в Германской империи. Возникший здесь в 1891 г. *Пангерманский Союз* превратился в главный центр распространения идей милитаризма и агрессии. Он отражал претензии формирувавшегося германского империализма на мировое господство. В нем принимали участие наиболее агрессивные элементы крупного капитала и юнкерско-милитаристских кругов, в том числе магнат угольной промышленности Рура Э. Кирдорф, будущий генеральный директор концерна Г. Круппа, А. Гугенберг, генерал Ф. Бернгарди и др. Первым председателем Союза стал профессор Э. Хассе, опубликовавший в 1895 г. книгу «Великая Германия и “Срединная Европа”» в которой пропагандирует подчинение ряда европейских стран германскому господству. Государство «Срединная Европа» должно было включать в свой состав Прибалтику, Украину, а также Австро-Венгрию и Германию. Немецкий народ, говорилось в книге Хассе, в качестве «народа господ» должен повелевать другими народами Европы и «примитивными народами колоний», которые будут выполнять лишь физические работы.

Идея «Срединной Европы» все чаще дополняется идеей «*Drang nach Osten*» как продолжение средневекового продвижения немцев на Восток и онемечивания славянских земель. Эдуард фон Гартман призывал к тому, чтобы «вытеснить Россию в Азию» и заставить ее таким образом снова стать «азиатской страной», не вмешивающейся в дела Европы. Особенно видную роль в антирусской кампании сыграли выходцы из среды немецкого дворянства Прибалтики. Так, Виктор Ген в книге «О правах русских» заявляет, что русские — лишь полуюропейцы, у них якобы нет ничего своего национального, нет своей литературы, искусства и т.д. — «если бы их вычеркнуть из ряда народов, то это не оставило бы на цивилизации заметного следа». Русский народ достоин, по его мнению, лишь телесных наказаний, водки и крепостного права, об отмене которого он сожалеет. В то же время он представляет опасность для Европы и немцев — «если перебить сотни тысяч из них, то явятся другие сотни тысяч, как саранча». Впоследствии положения Гена широко использовались нацистской пропагандой. Аналогичный

характер носила книга Эрвина Бауэра «Россия на распутье», в которой война против России изображалась как война в защиту «западной культуры» против «азиатско-византийского мировоззрения». Подобные произведения в пангерманских кругах появляются в огромном количестве.

Пангерманский союз, будучи довольно узкой организацией (в составе его насчитывалось 30–40 человек), обладал сильным влиянием на многие политические партии Германии и Австрии. Он постепенно оброс целым рядом вспомогательных организаций, таких как Колониальное общество, Флотский союз, Имперское объединение против социал-демократов и др.

Во многом близки к идеям пангерманцев были идеи идеолога буржуазно-либерального направления Фридриха Науманна, как раз и являющегося автором одного из проектов «Срединной Европы». Он основал в 1896 г. так называемый Национально-социалистический союз, и по наименованию и по идеологии во многом предвосхищавший гитлеровцев. В будущей «Срединной Европе», по мнению Науманна, должна получить развитие новая форма капитализма, которая будет шагом вперед по сравнению с классической, английской формой капитализма и будет являться переходной ступенькой к социализму.

Под социализмом Науманн понимает общество, в котором в неприкосновенности остается частная собственность на основные средства производства, но которое характеризуется широким вмешательством государства во все сферы жизни общества. Оно необходимо в целях сплочения нации, независимо от ее классово-структуры для борьбы против внешних врагов. Этот «пруссский социализм», как писал Науманн, является результатом всеобщей воинской повинности, строгих, практически полицейских порядков и... социалистической пропаганды. В основе планируемой Науманном новой экономической системы должна лежать прусская военная дисциплина, подчинение, по выражению Науманна, «адмиралам промышленности».

Идеи Науманна означали, по существу, призыв к отказу от классово-борьбы внутри страны на базе беспрекословного подчинения трудящихся казарменной дисциплине так называемого «прусского социализма» во имя обеспечения успеха во внешнеполитической экспансии. Мысли подобного рода в начале XX в. имели широкое распространение среди германских идеологов самого разного оттенка, вплоть до буржуазно-либерального направления. Так, буржуазный историк Ф. Мейнеке

писал: «Наше своеобразное, зажатое, континентальное положение принуждает нас, чтобы мы во всех отношениях были сплочены — в отношении военном, хозяйственном, социально-политическом... Наша внешняя судьба стала для нас и нашей внутренней судьбой».

В конце XIX — начале XX вв. получает широкое распространение геополитика*, хотя сам этот термин появился лишь в годы Первой мировой войны. Немецкие геополитики стремились якобы научно обосновать необходимость для Германии внешнеполитической экспансии ссылками на ее географическое положение. Одним из создателей геополитики был Фридрих Ратцель. В своих работах 1880—1890-х гг. Ратцель стремился доказать непосредственную обусловленность политики географией. По его мнению, величина, положение, границы государства, его ландшафт, почва и т.д. — обуславливают все стороны жизни той или иной нации. История всех государств и народов есть история завоевания земного пространства. Государство подвержено биологическим законам. Для Германии с ее якобы избыточным населением и средним положением в Европе задача «завоевания жизненного пространства» является особенно острой.

Идеи Ратцеля были развиты его многочисленными учениками и последователями, среди которых особую известность приобрел Карл Гаусгофер, вольно или невольно внесший заметный вклад в формирование идеологии нацистского режима. Для немецкой идеологической, политической и философской мысли в годы накануне Первой мировой войны был характерен культ силы, прославление насилия, войны. Особенно широкое распространение эти идеи получили в среде пангерманцев. Важную роль в формировании (среди интеллектуалов. — *Н.Х.*) культа силы сыграла философия Фридриха Ницше. Вслед за Артуром Шопенгауэром Ницше развивал учение о «воле к власти» как об основе мира. «Воля к власти», к расширению своего «Я», к экспансии тождественна у человека, по его мнению, с «волей к жизни».

Идеи Ф. Ницше о «воле к власти», о «сверхчеловеке», которому все дозволено и который без каких-либо ограничений использует по своему усмотрению массы, были доведены приверженцами Фридриха Ницше из Пангерманского союза, а затем и гитлеровцами до крайности. Пангерманцы утверждали, что война является биологической

---

* Эклектическая смесь идей географического детерминизма, социал-дарвинизма и фашистской теории права.

необходимостью, без нее невозможно здоровое развитие человечества и его культуры. Лишь кровавая борьба народов, в которой побеждают сильнейшие, а слабые покоряются и уничтожаются, обеспечивает развитие человечества, так как без войн якобы существующие малоценные и упадочные расы будут преобладать над здоровыми элементами человечества. Война, писал, например, Ф. Бернгарди, — не только биологическая необходимость, а также и нравственное требование, важный фактор культуры, в то время как мир приводит к всеобщему вырождению, к остановке прогресса.

Для идеологии господствующих кругов Германии в конце XIX — начале XX в. было характерно также нарастание в ней расистских тенденций и связанного с этим антисемитизма. Характерно, что расизм, родившийся не на немецкой земле, нашел именно в Германии свое наивысшее развитие, а сами создатели этой теории видели в немцах наилучший материал для претворения своих идей в жизнь. В 1850-х гг. вышла в свет книга француза графа Гобино «О неравенстве человеческих рас», в которой делалась попытка доказать, что история определяется лишь через борьбу рас. Белая раса, по Гобино, — определяющая, внутри нее наиболее ценными являются арийцы, а из них — менее всего подвергшиеся расовому смешению немцы, которые, таким образом, являются, по Гобино, наиболее благороднейшей расой мира. Гобино считал исторической миссией немцев — распространение христианства во всем мире. Однако, по его мнению, процесс смешения рас необратим, он будет неизбежно идти и дальше и этому не помешаешь. Важно, однако, чтобы избранная раса успела осуществить свою миссию, пока это смешение не завершилось.

Расистские идеи в Германии нашли свое развитие в антисемитизме. Антисемитизм с самого начала являлся формой отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы, имел целью представить в качестве их врагов не капиталистов и помещиков, а определенную национальную группу. Для разжигания антисемитизма использовалось то, что в силу целого ряда исторических обстоятельств евреи занимали важные позиции в ряде отраслей промышленности, банковского дела, торговли и т.д. Не случайно активная пропаганда антисемитизма начинается в Германии как раз в годы обострения социального вопроса, в годы усиления влияния социал-демократического движения.

Сам термин «антисемитизм» был введен в оборот в 1870-х гг. Вильгельмом Марром, который в своих сочинениях обвинял евреев

в стремлении к мировому господству и призывал «германство» к борьбе с евреями, ежели оно не хочет погибнуть. Одним из основателей антисемитизма явился Евгений Дюринг, который в 1881 г. опубликовал книгу «Еврейский вопрос как вопрос расы, нравственности и культуры», в которой философски, исторически и с точки зрения биологии пытался обосновать антисемитизм, который он считал делом всех народов. Дюринг в качестве практической меры предлагал депортацию евреев и образование их особого государства. На базе сочинений Дюринга был создан пресловутый «Катехизис антисемита», выдержавший 40 изданий.

Особенно важную роль в распространении расизма и антисемитизма в Германии сыграли сочинения Хаустина Стюарта Чемберлена, онемечившегося англичанина, женатого на дочери Рихарда Вагнера и являвшегося одним из личных друзей кайзера Вильгельма II. В «Основах XIX столетия, появившихся в 1898 г., Чемберлен всю историю сводил к борьбе двух противоположных рас — «добродетельных арийцев» и «порочных, ублюдочных семитов». К элите арийской расы он относил «германцев», евреи же изображались им как воплощение семитизма. По мнению Чемберлена, «инородное тело еврейства» должно быть выброшено из европейского мира. Притязаниям германского империализма на мировое господство как нельзя лучше содействовало заявление Чемберлена: «Физически и духовно арийцы возвышаются над всеми людьми, потому что они по праву — господа мира». «Научный» метод Чемберлена был до предела прост — он и не пытался дать научное определение того, что такое «ариец» или что такое «еврей». Просто все то, что он считал ценным и благородным в человеческой истории, он объявлял арийским. Тем не менее Вильгельм II лично рекомендовал сочинения Чемберлена в качестве обязательной литературы по учебным планам высшей школы.

Расизм и антисемитизм в полной мере были взяты на вооружение пангерманцами. Один из их деятелей — Людвиг Вольтман в 1902 г. начал издавать специальный журнал «Политико-антропологическое обозрение». В нем сотрудничали десятки реакционных профессоров, пропагандировавших мысль о том, что для превращения Германии в мировую державу необходимо наличие «расово безупречного народа», борющегося с влиянием пагубных еврейских духа и крови. На страницах этого журнала начинают появляться статьи, в которых предлагается

для решения расовой проблемы прибегнуть к различным биологическим и медицинским средствам с целью помешать смешению рас и устранив «неарийское влияние» на немецкий народ. В своей книге «Политическая антропология» Вольтман обосновывал идею о том, что германская раса призвана охватить земной шар своим господством, использовать сокровища природы и рабочей силы и включить остальные расы как служебный элемент для своего развития.

Для распространения антисемитских и расистских лозунгов среди широких слоев населения и особенно среди масс мелкой буржуазии, в которой питательная среда для их распространения была особенно благоприятна, так как эти слои подсознательно искали какого-то виновника своих бед в условиях развития монополий, но не хотели видеть причину их в самой сути капитализма, использовались многочисленные произведения художественной литературы, низкопробная агитационная литература и запускались заведомые фальшивки. Так, профессор теологии Август Рейлинг на основе фальсифицированных цитат из религиозной литературы евреев написал книгу, в которой доказывал, что будто бы иудейская религия предписывает евреям убивать христианских младенцев и пить их кровь. Несколько случаев исчезновения малолетних детей по невыясненным причинам были использованы для обвинения в них евреев и для разжигания антисемитской кампании. Сфабрикованы были также так называемые «Протоколы сионских мудрецов», в которых излагалось содержание бесед еврейских священнослужителей, в коих разрабатывались будто бы планы установления мирового еврейского господства.

Перед Первой мировой войной правительственные круги Германии предпринимали все же определенные усилия для сдерживания открытого антисемитизма, как с целью сохранения своего международного престижа, так и из опасения нарушения «классового мира» из-за слишком бурных вспышек антисемитизма. В ходе Первой мировой войны по мере того, как стали возникать сомнения в скорой военной победе, государственные ограничения антисемитизма исчезали. Уже в 1916 г. публично пропагандировалась версия о «всемирном еврейском заговоре против Германии».

Пропаганда шовинизма, расизма и антисемитизма смогла оказать влияние и на часть рабочего класса, чему в значительной степени способствовало распространение оппортунизма в германской социал-

демократии. Некоторые деятели германской социал-демократии открыто одобряли колониальную политику, так как в ходе ее осуществлялась якобы «цивилизаторская миссия» европейских народов. Реймер, один из социалистов-ревизионистов, пытался даже доказать, что расизм и интернационализм якобы не противоречат друг другу. Он объявлял социализм чисто германским продуктом, недоступным другим расам. Только немцы, по его мнению, могут создать действительное культурное и цивилизованное общество, только они могут осуществить хозяйственное объединение европейского континента. При этом Реймер допускал, что в условиях «немецкого социализма» нет необходимости существенно ограничивать господство капиталистов, и, по существу, сводил его к развитию государственно-монополистических отношений в стране.

Следует отметить, что антисемитизм подпитывался и дополнялся сионизмом — реакционно-националистическим движением и идеологией еврейской буржуазии, и, наоборот, — сионизм питался и дополнялся антисемитизмом. Сионизм зародился в среде еврейской мелкой буржуазии и полупролетариата европейских стран в 80-х гг. XIX в. как ответ на резкое усиление антисемитизма. В 1897 г. в Базеле состоялся 1-й Всемирный сионистский конгресс, учредивший Всемирную сионистскую организацию во главе с австрийским журналистом Т. Герцлем. Лозунги сионистов, призывавших еврейских трудящихся обособиться от трудящихся других стран, объединиться со своей буржуазией в усилиях по созданию своего национального государства, в огромной мере способствовали активизации и распространению антисемитизма.

Влияние шовинизма и расизма на рабочее движение и на массы мелкой буржуазии было весьма существенным в Австро-Венгрии. Этому были определенные причины. В многонациональной Австро-Венгерской монархии господствующие классы стремились посеять рознь между трудящимися массами немецкой национальности и трудящимися других национальностей. Австрийские рабочие получили определенные подачки, средства на которые были приобретены от эксплуатации других некоренных народов империи. Им внушалась мысль, что поддержание более или менее нормального их существования связано с необходимостью удерживать в повиновении другие народы. Пропаганда антисемитизма связывалась с наличием на территории Австро-Венгрии значительного еврейского населения, особенно в Галиции.

Именно здесь в Австро-Венгрии, со специфической для нее острой национальной проблемы, возникла, по словам А.А. Галкина, своеобразная форма националистического рабочего движения, давшая затем германскому фашизму его имя — нацизм и основной инструментарий социальной демагогии.

Около 1890 г. Георгом фон Шонерером было основано австрийское пангерманское движение, выдвигавшее лозунг включения Австрии в состав Германской империи. Для этого движения характерен был элемент обращения к древнегерманским истокам. Христианская вера была заменена у сторонников Шонерера поклонением языческому богу, у северных немцев — Одину и у южных немцев — Вотану. Христианские названия месяцев были заменены древнегерманскими, в качестве приветствия был введен старогерманский возглас «Хайль!». Под влиянием пропаганды Шонерера в 1904 г. в Чехии, где национальная рознь была особенно сильной, среди немецких рабочих возникла так называемая «Австрийская рабочая партия», впоследствии принявшая название национал-социалистской. Ее идеолог Рудольф Юнг в своей книге «Национальный социализм» проповедовал крайне путаные взгляды. Наряду с лозунгом включения Австрии, Чехии и ряда других районов в состав Германской империи он требовал обобществления монополий, законодательной защиты интересов немецких рабочих. В программе австрийских национал-социалистов содержался также ряд антисемитских положений. Суть идей Юнга — противопоставление интернационального марксизма и национального социализма, атака на капитализм и на социал-демократию. В 1919 г. Юнг утверждал, что его книга должна стать для национал-социализма тем же, что «Капитал» для марксизма.

Венским бургомистром Карлом Люгером была создана также антисемитская и антимарксистская «Христианско-социальная партия», с реакционных позиций католической мелкой буржуазии критиковавшая и капитализм, и марксизм. В Вене существовал также целый ряд тайных антисемитских обществ, в том числе «Остара», издававшее большим тиражом свой журнал и руководимое бульварным издателем Гвидо фон Листом. Он в своих писаниях предвосхитил многое из мрачной расовой мистики германских национал-социалистов, призывал к расовой борьбе, не останавливаясь перед использованием таких средств, как кастрация, стерилизация и физическое уничтожение евреев. С этими тайными обществами в молодости поддерживал некоторые

контакты сам Гитлер, австриец по происхождению. Шонерера и Люгера он впоследствии называл своими учителями.

Таковы были, в общих чертах, основные этапы развития немецкого шовинизма, расизма и антисемитизма накануне Первой мировой войны, во многом подготовившие гитлеровский национал-социализм.

Конечно, было бы неправильно упрощать дело, изображая идеи пангерманцев, Ницше и т.д. как какие-то элементы, части, вошедшие впоследствии в национал-социализм. Сами по себе взгляды, развивавшиеся, например, Ницше, не были национал-социализмом. Но все эти течения подготовили почву, на которой при соответствующих благоприятных условиях смог развиваться гитлеровский фашизм.

Лекция 2

Возникновение и развитие германского фашизма (1919–1923 гг.)

Потерпев поражение в Первой мировой войне, в июне 1919 г. Германия была вынуждена подписать *«грабительский»*, по выражению В.И. Ленина со стороны Антанты *Версальский мир*. Она потеряла часть территории в Европе и все колонии, должна была выплачивать репарации, численность ее армии ограничивалась 100 тыс. чел. Ей запрещалось иметь ВВС и военно-морские суда большого тоннажа.

В конце Первой мировой войны в стране началась революция, в значительной степени обусловленная влиянием Октябрьской революции в России. Ноябрьская революция — буржуазно-демократическая революция — привела к свержению монархии и учреждению республики, она создала серьезную угрозу позициям господствующих классов. В ходе революции в декабре 1918 г. на базе «Спартак»* была создана Коммунистическая партия Германии (КПГ). Однако несмотря

---

* Пропагандистская группа «Спартак» оформилась в январе 1916 г. в результате объединения революционно настроенной части германской социал-демократии вокруг основанного в 1915 г. журнала «Интернационал». В ноябре 1918 г. она преобразована в «Союз Спартак» («Spartakusbund») — марксистскую революционную организацию с собственным ЦК (К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, В. Пик и др.). Часть группы осталась в составе Независимой социал-демократической партии что, видимо, было ошибкой // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 740.

на испытания или серьезные потрясения, основы власти германского империализма и милитаризма сохранились. Версальский мир оставлял им достаточно власти для того, чтобы подавлять революционное движение в стране и оставаться потенциальной ударной силой против Советской России. Более того, поражение в войне было использовано реакционными кругами для того, чтобы еще сильнее отравить сознание широких масс ядом национализма и реваншизма. Начинается идеологическая, а затем и практическая подготовка к новой попытке передела мира в пользу Германии.

Ноябрьская революция, хотя в ходе ее были завоеваны важные демократические права и свободы, закончилась в целом поражением рабочего класса, являвшегося ее главной движущей силой. Это было следствием отсутствия сильной революционной партии, предательством правых вождей социал-демократической партии. Не будем строить предположений о том, что произошло бы, если бы победили спартаковцы. Возможно, был бы союз революционной Германии и революционной России. Но чем больше проходит времени, тем яснее становится, что вероятность этого была мала. Так или иначе итогом ноябрьской революции явилось то, что в политической жизни, в государственном аппарате сохранилось сильное влияние помещичьих, юнкерских кругов, не говоря уже о том, что ни в малейшей степени не были подорваны позиции монополистов. В августе 1919 г. вступила в силу Веймарская конституция (она получила это название потому, что заседания Учредительного собрания, разрабатывавшие Конституцию проходили в Веймаре). Установившийся в Германии режим получил в исторической литературе название *Веймарской республики*. Конституция, закрепляя завоевание народными массами основных демократических прав и свобод, в то же время содержала известную статью 48, позволявшую правительству в определенных обстоятельствах управлять страной без парламента, фактически устанавливая в стране диктатуру.

Позиции реакционных сил сохранились и в сфере идеологии. Правда, некоторые видные идеологи, как Ф. Мейнеке, М. Вебер после Первой мировой войны занимали в основном либеральные позиции, выступали за сохранение и развитие парламентского режима, полагали целесообразным сотрудничество с западными демократиями, особенно с Англией. Но преобладающая часть идеологов германской буржуазии продолжала занимать сугубо реакционные позиции, пропагандируя национализм и реваншизм.

Большую популярность приобрели в те годы идеи Освальда Шпенглера (1880–1936 гг.). В 1918 г. появился I том его нашедшей работы «Закат Европы», а в 1922 г. — II ее том, в 1920 г. — «Пруссачество и социализм». Он выступил как представитель консервативно-националистического направления. Накануне 1933 г. он был довольно близок к фашизму, но после 1933 г. он отказался от сотрудничества с новым режимом и стал подвергаться критике политику антисемитизма и обращение к древнегерманским идеалам. Сочинения его даже были запрещены гитлеровцами. Однако многие из разделов его концепции нацистами тем не менее использовались. Шпенглер многое заимствовал у Ницше, в том числе идею о сверхчеловеке. Правда, у Ницше культ силы связан со стремлением усилить личность, индивидуум против государства, у Шпенглера, наоборот, — государство против личности. «Сверхчеловек» для него «просто реальный политик, большой инженер и организатор».

В своих сочинениях Шпенглер пришел к выводу о близящемся конце «западной цивилизации» и одной из мировых культур, развивающихся, по Шпенглеру, подобно организмам. Наиболее ценным в них он считал монархию, дворянство и «старопрусский дух». Однако «извечные и неповторимые ценности» западной цивилизации, указывал О. Шпенглер, могут быть спасены при помощи «прусского социализма». Он — единственная преграда мировому социалистическому движению, отвергающему национализм, а также и «капиталистически-парламентскому либерализму» «внутренней Англии». По мнению Шпенглера, они якобы привели Запад к разложению и упадку. Ценно в «прусском социализме» то, что он не интернационален, а национален, способен сплотить нацию. Отсюда — прямой путь к «национал-социализму» гитлеровцев.

В специфической форме националистические идеи пропагандировали сторонники так называемого «революционного консерватизма» во главе с Артуром Меллером ван ден Бруком, который в 1923 г. опубликовал книгу «Третий рейх». В ней он самым резким образом нападал на все «ненемецкое»: марксизм, демократию и либерализм. Им противопоставляется новый «революционный» консерватизм, для которого главное — «идея немецкой нации». «Революционным» консерватизм является постольку, поскольку он призывает не останавливаться перед

насилием для борьбы против якобы уже почти восторжествовавших социализма, либерализма и других врагов немецкой нации.

Ученик ван ден Брука Август Винниг в книге «Республиканский рейх» также клеймил «роковое» влияние Запада на немцев, для спасения от которого нужны сильное руководство и твердая рука. Другой ученик Меллера ван дер Брука Эрнст Юнгер воспевал войну как средство самоутверждения и самораскрытия человека, призывая к преодолению «разлагающей демократии». Он считал необходимым развитие современной технической цивилизации, создание некоего «технического империализма», главную массу населения при котором будут составлять «рабочие-солдаты». Члены этого общества должны были добиваться предельной эффективности и результативности в своих действиях посредством «тотальной мобилизации» своих сил.

Дальнейшее развитие в новых условиях получили идеи геополитики. В 1924 г. начал выходить «Zeitschrift für Geopolitik». Тезисы о «необходимости» для Германии, в силу ее географического положения, расширения «жизненного пространства», о якобы усиливающемся «демографическом давлении изнутри на ее границы» повторяются на страницах геополитического журнала и других многочисленных псевдонаучных изданий.

Продолжил в новых условиях деятельность Пангерманский союз. Его лидеры не извлекли уроков из поражения в войне. В принятой в августе 1919 г. новой программе его мы видим такие лозунги, как «воссоздание немецкой империи», «обретение отнятых у рейха земель», «включение в рейх Австрии», «планомерное улучшение расы немецкого народа», «устранение еврейского господства» и т.д., — здесь присутствовало большинство лозунгов, выдвинутых вскоре гитлеровцами. В деятельности Пангерманского союза все большее место занимает борьба с коммунизмом, для чего был создан целый ряд вспомогательных организаций типа, например, «Лиги идейной борьбы с большевизмом».

Весьма влиятельной партией крайне правого направления стала в годы Веймарской республики основанная на базе слияния нескольких консервативных христианско-демократических и монархических группировок в конце ноября 1918 г. — «Немецкая национальная народная партия» (НННП — DNVP). Она требовала восстановления монархии, выступала против парламентской системы, пропагандировала крайний шовинизм, антисемитизм, призывала к беспощадному подавлению ре-

волюционного движения. В борьбе за роль главной националистической силы в стране она долгое время конкурировала с гитлеровцами, основными выразителями интересов наиболее агрессивных кругов монополистической буржуазии.

Националистические круги Веймарской республики обращали особое внимание на привлечение на свою сторону молодежи. Большинство молодежных организаций — а их система была в Германии очень развитой — после 1918 г. оказалось на националистических пангермански-антисемитских позициях, были враждебны режиму Веймарской республики. Это касалось не только политических, но и конфессиональных, т.е. связанных с религией, молодежных организаций в Германии, — католических и протестантских.

В такой обстановке, когда националистические и реваншистские настроения проникли в широкие слои населения, когда монополистические круги стремились всячески направить недовольство масс своим положением в националистическое русло, и возникла партия Гитлера — Национал-социалистская рабочая партия Германии — NSDAP*. Она возникла как одна из многих организаций подобного рода и превратилась в мощную политическую силу, сумевшую захватить власть лишь после упорной борьбы с другими националистическими группировками, лишь после того, как господствующие классы убедились в том, что NSDAP лучше других организаций способна выражать и реализовывать их внутри- и внешнеполитические интересы. Теми факторами, которые делали NSDAP способной к выполнению этой задачи, были: умение прибегать к широкой социальной демагогии, приноровиться к уровню «человека с улицы», создать себе массовую базу.

Местом возникновения нацистской партии стал Мюнхен. Это не было случайно. Он был издавна центром различных националистических и антисемитских обществ. Они были связаны с аналогичными группировками в расположенной неподалеку столице Австро-Венгрии — Вене. По уровню развития Бавария в этот период отставала от многих других районов Германии. Здесь был высок удельный вес бюргерства, живы

---

* В лекциях Н.С. Черкасова аббревиатура нацистской партии дана буквами немецкого алфавита и в переводе значит «национал-социалистская партия». В опубликованных статьях аббревиатура дана в общепринятой редакции — НСДАП и переведена часто как «национал-социалистическая партия». В настоящем издании они употребляются в первоначальной авторской редакции (Н.Х.).

были традиции цехового строя, значительная часть рабочих находилась под влиянием различных вариантов утопически феодального реакционного социализма. Призывы возродить «здоровый немецкий национальный дух» в противовес пагубному «еврейско-марксистскому» влиянию находили здесь особый отклик. К тому же весной 1919 г. здесь короткое время существовала Баварская советская республика, чрезвычайно напугавшая мюнхенских буржуа и обывателей, побуждая их к усиленной борьбе с «большевизмом».

В Мюнхене среди других националистических группировок уже с 1913 г. существовал так называемый «Орден германцев». После 1918 г. координирующим центром этих группировок становится «Общество Туле» — тайная антисемитская ложа, склонная к мистицизму. Среди их сторонников можно видеть таких известных в будущем деятелей нацистского движения, как Г. Гесс, А. Розенберг, Г. Федер, Г. Франк, Ю. Штрейхер.

Возник в том числе ряд организаций, пытавшихся сочетать националистические и социалистические лозунги. Одной из них стала созданная в январе 1919 г. «Немецкая рабочая партия» (Deutsche Arbeitspartei — DAP) во главе с Антоном Дрекслером. Она насчитывала около 40 человек. Руководил ею «политический рабочий кружок» в составе шести человек: Дрекслер, два малоизвестных писателя, один инженер, журналист, два офицера. Сам Дрекслер был человеком неопределенных занятий, по профессии слесарь-инструментальщик, он зарабатывал на жизнь выполнением случайных заказов, ремесленничал, одно время играл на цитре в ночных увеселительных заведениях.

Это был довольно типичный для тогдашней Германии обыватель-ремесленник, бессистемно успевший прочесть довольно много книг, в силу своей недостаточной образованности понявший их вкривь и вкось и на этой базе построивший свою довольно плоскую систему взглядов, которую он излагал в знаменитых мюнхенских пивных своим столь же полуобразованным сотоварищам. Цель своей партии он формулировал так — обеспечить всем немцам «хорошую работу, всегда полный кухонный горшок и многодетную семью». Для достижения этой цели надо создать *объединение рабочих масс на националистической основе*, повести борьбу против несправедливого для Германии мира, бороться и с крупным капиталом, обиравшим народ, и с марксизмом, который выступает с интернационалистских позиций.

В сентябре 1919 г. на одном из собраний DAP в одной из мюнхенских пивных появился **Адольф Гитлер**. Вскоре он входит в состав ее руководства, в качестве 7-го члена «политического рабочего кружка». Кто такой Гитлер? Он родился 20 апреля 1889 г. в маленьком австрийском городке Браунау близ границы с Германией в семье таможенного чиновника. Его отец — Алоис Шикльгрубер, незадолго до рождения сына поменял свою фамилию на фамилию своего отчима — Гитлер. Причиной было то, что известный австрийский писатель-сатирик Нестрой в своих произведениях создал образ комического героя, наделив его фамилией Шикльгрубер. Он переходил из одного его рассказа в другой, став в Австрии своего рода именем нарицательным. Впоследствии ходили слухи о семитском происхождении одного из предков Гитлера. Предпринятые после войны исследования не подтвердили, но и не опровергли подобного предположения, так как не удалось найти необходимые для выяснения этого вопроса материалы.

Успехи юного Адольфа в школе были не очень велики, наилучшие оценки он имел по рисованию и гимнастике. На формирование его взглядов оказал существенное влияние учитель истории Леопольд Петш, изображавший историю как результат героических деяний германской расы и страстно ненавидевший славян и евреев. Да и в семье самого Гитлера преобладали шовинистические и антисемитские настроения. Адольф довольно рано лишился родителей. Когда ему было 14 лет, умер отец, а в его 17 лет — умерла от рака мать, которую безуспешно пытался лечить врач-еврей, что, как утверждают биографы Гитлера, усугубило его ненависть к евреям.

В 1907 г., после окончания гимназии, Гитлер едет в Вену, где пытается поступить в Академию изобразительных искусств. Однако на конкурсном испытании рисунки его были забракованы. На следующий год повторилась та же ситуация. Впоследствии картины Гитлера — это в основном горные пейзажи, продавались на международных аукционах за довольно внушительную сумму — но не по причине их качества, а в силу известности их автора.

В Вене Гитлер прожил 5 лет, сменив множество занятий. В основном он пытался зарабатывать рисованием вывесок, открыток, выучился на чертежника архитектуры. Пытался продавать свои картины. Впоследствии он писал, что вел в юности полуголодное существование, испытывал крайнюю степень нужды. Это было не так. Он получал пенсию

за умерших родителей, затем ему досталось наследство от скончавшейся тетушки. Во всяком случае, большую часть времени он вел довольно безбедное существование, хотя был период, когда он жил в ночлежке для бездомных. Он имел возможность посещать театры, выставки. Писал либретто для музыкальных спектаклей, составлял строительные проекты.

В этот период сформировались его крайне националистические и антисемитские взгляды. Неудачи, преследовавшие его, отсутствие в силу эгоистического характера близких товарищей содействовали развитию в нем озлобленности, особенно направленной против евреев. К.Д. Брахер пишет, что одним из факторов формирования его антисемитских взглядов было то, что владельцы художественных лавок, большинство которых были евреи, упорно отвергали его картины. Гитлер много, но бессистемно читал. Обладая весьма цепкой памятью, он многое запоминал, знал множество фактов, цитат, имен — но это были несистематизированные знания, полужнания. К упорному труду над книгой он всегда относился с презрением, подлинную интеллигентность ненавидел.

В мае 1913 г. Гитлер переехал в Мюнхен с целью избежать военной службы, так как все отсрочки для него истекли. Здесь он продолжал вести прежний, богемный образ жизни. Картины его и здесь не покупали. Когда началась Первая мировая война, он вступил добровольцем в Баварский пехотный полк — под влиянием националистического подъема в начале войны, да и избежать призыва он все равно бы не смог — Австро-Венгрия была союзницей Германии. Четыре года он провел на Западном фронте, на территории оккупированной Франции, дослужившись всего до ефрейтора и став связным штаба полка. В одном из последних боев мировой войны он был отравлен газами, вследствие чего конец войны провел в госпитале. Националистические убеждения его в годы войны еще больше усилились.

Выйдя из госпиталя, Гитлер отправился в Мюнхен, где по окончании военных действий был расквартирован его полк. В этот период командование рейхсвера развернуло интенсивную политическую деятельность, поощряя формирование националистических организаций, которые могли бы дополнить резко сокращенные по численности вооруженные силы. Для осведомления о политической обстановке были созданы специальные штабы — в Мюнхене такой штаб возглавил Эрнст Рём. Известно, что в апреле 1919 г. его чуть было не расстреля-

ли в период Баварской республики, но он каким-то образом спасся. К нему на службу в качестве осведомителя поступил Гитлер.

Начальство дало санкцию на участие Гитлера в партии Дрекслера, и вскоре он стал одним из наиболее видных ее деятелей, в основном за счет своего ораторского таланта. На митингах он клеймил «евреев и марксистов», условия Версальского мира, призывал к пробуждению «национального чувства». Гитлер был действительно незаурядным оратором, он умело пользовался различного рода ораторскими приемами, которым специально учился на курсах. Он умел сыграть на чувствах людей, возбудить их эмоции. Большое значение он придавал оформлению своих выступлений — музыка, лозунги, чуть опаздывал, предпочитал выступать вечером, а не утром или днем. Многие авторы пишут о якобы «демонической» натуре Гитлера, которой нельзя было противостоять и которая явилась главным фактором успеха национал-социалистов. Конечно, Гитлер умело играл на различных моментах человеческой психики. Но, как отмечает Л.И. Гинцберг, воздействию его все же поддавались те, кто сознательно или бессознательно *хотел поддаться* этому влиянию. Люди же, имеющие *свою* позицию, свою точку зрения, воздействию его демагогии не поддавались.

Его со вниманием слушали выбитые послевоенной разрухой из обычной колеи люди — особенно мелкие лавочники, мещане, ремесленники, представители некоторых отрядов рабочих, испытывавшие в этот период большие трудности, его слушали и находили созвучие в его выступлениях со своим настроением бывшие участники мировой войны, ветераны, не сумевшие найти себе места в гражданской жизни, уволенные в отставку в результате ограничения численности армии. Они готовы были безоговорочно следовать за «сильной личностью», которая укажет им путь спасения, защитит их и от капиталистов, и от марксистов, которая поведет их на борьбу за ликвидацию Версальского мира. Такую личность многие начинают видеть в Гитлере.

DAF, однако, еще долгое время оставалась одной из многочисленных националистических группировок, действовавших в Мюнхене. Правда, благодаря энергии Гитлера влияние ее постепенно возрастало. Гитлер установил контакты с некоторыми финансовыми группами Мюнхена через издателя Гуго Брукмана, начал получать от них средства. Установились контакты с русскими и украинскими белоэмигрантами, осевшими в Мюнхене, в том числе с гетманом Скоропадским. К DAF

присоединился признанный лидер немецких милитаристов, начальник штаба вооруженных сил Германии в период Первой мировой войны генерал Э. Людендорф. DAP получала помощь от руководства частями рейхсвера в Баварии, сам Гитлер до апреля 1920 г. состоял на жаловании и довольствии рейхсвера.

В феврале 1920 г. появился ставший широко известным первый (и единственный) программный документ гитлеровского движения — «25 пунктов». Они были разработаны Гитлером вместе с Дрекслером и инженером-строителем Г. Федером и оглашены на собрании членов DAP, одетых в коричневые рубашки, в мюнхенском пивном ресторане «Хофбройкеллер» 24 февраля этого года. В апреле они были объявлены официальной программой партии, которая именно с этого времени стала называться (Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei) — NSDAP. Впоследствии, в 1926 г. она была подтверждена уставом NSDAP как не подлежащая изменениям программа партии.

«25 пунктов» — конгломерат требований, отражающих интересы самых различных социальных групп. Многие из них нацистская партия никогда не пыталась претворить в жизнь, оказавшись у власти — она ограничивалась их пропагандистским использованием в период борьбы за власть. Тем не менее они дают определенное представление о национал-социалистском движении в Германии на его начальном этапе.

Первые три требования касались внешнеполитических проблем. Они, по сути, тождественны лозунгам пангерманцев и других националистических групп. Первый пункт требовал объединения всех немцев в великую Германию, второй — призывал к отмене Версальского договора, третий — требовал территории для «пропитания» народа и поселения избыточного населения».

Вторая группа требований — изложение расистских, антисемитских взглядов. В пункте четвертом было заявлено, что гражданином государства может быть лишь тот, в чьих жилах течет немецкая кровь, потому лица ненемецкого происхождения и в первую очередь, как особо подчеркивается в документе, евреи, не могут быть гражданами государства. Эта мысль была развита в целом ряде последующих пунктов. Седьмой пункт демагогически требовал, что если невозможно прокормить все население государства, то необходимо из него выслать представителей других наций, — это апелляция к националистическим чувствам самого низкого пошиба. Восьмой пункт настаивал на запрещении даль-

нейшего поселения в стране лиц немецкого происхождения и выселении всех таких лиц, прибывших в Германию после 2 августа 1914 г.

В программе партии содержался также целый ряд общих, по существу ничего не говорящих пунктов (вроде того, что все граждане должны обладать равными правами и нести равные обязанности), ни к чему конкретно не обязывающих, но в то же время открывающих широкий простор для демагогических кампаний в связи с тем или иным действительным или мнимым нарушением «равных прав и обязанностей».

Наконец, ряд положений, содержащихся в «25 пунктах», могут быть охарактеризованы как что-то вроде экономической программы немецких нацистов. Они были рассчитаны на привлечение максимально более широкого круга сторонников и адресованы к самым различным слоям населения. Характерной их чертой является эклектичность, отсутствие какой-то научной базы под ними. В них обещано «всем всё».

Наиболее существенные из этих требований имели целью привлечение мелкобуржуазных слоев населения. Это пункт № 1, требовавший уничтожения нетрудового дохода и процентного рабства. А. Сидоров в работе «Фашизм и городские средние слои населения в Германии» отмечает, что этот пункт был стержнем всей социальной демагогии фашизма. По концепции Г. Федера, ссудный, ростовщический капитал, «хищный капитал», в котором якобы господствует международное еврейство, объявлялся причиной всех зол и несчастий, нищеты, безработицы и страданий масс. Ему противопоставлялся «творческий капитал промышленности, сельского хозяйства, капитал отдельных трудолюбивых людей».

Таким образом, ненависть масс мелкой буржуазии, страдавших от уплаты процентов по предоставленным им ссудам, обращалась против *части* капиталистов, против некоторых проявлений капиталистического характера общественных отношений, против являвшихся будто бы олицетворением ссудного капитала евреев. В то же время действительные хозяева капиталистической Германии провозглашались носителями творческого духа, творческого капитала. Так, тот же Г. Федер писал: «Такие люди, как Г. Крупп, А. Маннесман, К. Вернер, К. Сименс, Ф. Тиссен, Э. Борзиг и др., в социальном отношении заняли почетное место в истории германской индустрии. Всеми ими владело не одно-стороннее стремление к прибыли, а стремление к процветанию их

предприятий», что будто бы содействовало интересам всего немецкого народа.

Нацистская партия начинала свою деятельность в условиях послевоенного хозяйственного кризиса, разгула инфляции, бешеных спекуляций, когда молниеносно возникали многомиллионные спекулятивные состояния и столь же быстро лопались как мыльные пузыри. Нацисты вели огонь своей пропаганды по этим спекулянтам, не трогая при этом, однако, большинства подлинных королей германской экономики, а, наоборот, объявляя их «национальными героями» и «национальными гениями».

Конечно, было бы неправильно представлять дело таким образом, что основатели немецкого фашизма уже в этот период целиком и полностью сознательно продали себя магнатам индустрии и в силу этого защищали их интересы. «25 пунктов» — это смесь лозунгов, выдвинутых беспринципными политиками, считавшими дозволенными и оправданными все средства завоевания власти. Программа выражала путанные, противоречивые взгляды мелких буржуа, изнывавших под бременем уплаты процентов по ссудам и кредитам и мечтавших об их отмене. Мелкий буржуа, как правило, сталкивался не непосредственно с крупными монополистами, хозяевами немецкой экономики, а с банковскими работниками, владельцами ссудных контор, оптовыми торговцами — в них он видел своего главного врага, хотя на самом деле само их положение неизбежно было обусловлено существующим в стране общественным порядком, хозяевами которого были монополии.

Лозунг отмены «процентного рабства» был отражением мелкобуржуазных иллюзий и в то же время средством для привлечения мелкого буржуа на сторону фашизма. Лозунг «уничтожения процентного рабства» был утопичен. В свое время его выдвигал еще Прудон, которого К. Маркс в «Нищете философии» подверг жестокой критике и по этому пункту. Маркс писал в статье о Прудоне: «Считать капитал, приносящий проценты, главной формой капитала, пытаться сделать особое применение кредита, мнимую отмену процента, основой общественного преобразования — это насквозь мещанская фантазия» [1].

Пункт 16 программы DAP гласил: «Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленной муниципализации больших универсальных магазинов и отдачи их в аренду по низкой цене мелким торговцам, особого внимания к интересам мелких промышлен-

ников и ремесленников при поставках для государства, земель и общин». По словам Г. Федерера, лучше 100 тыс. свободных самостоятельных обувных мастеров, нежели 5 гигантских обувных фабрик. Этот пункт, как и другие аналогичные пункты, использовался нацистами в демагогических целях, он не был реализован на практике, но имел вполне определенную цель — привлечение на сторону фашизма мелких самостоятельных производителей, существование которых подвергалось все большей угрозе по мере концентрации капиталистической экономики. Мелким буржуа указывалась ограниченная цель борьбы — ликвидация универмагов, объектов, непосредственно наиболее резко бросавшихся им в глаза и вызывавших их ненависть. До выяснения же более глубоких причин разорения масс мелких предпринимателей авторы программы подняться не могли, да и не хотели подниматься.

Аналогичный демагогический характер носят и 13-й пункт программы, требующий «огосударствления трестов», и 14-й пункт, требующий «участия в прибылях крупных предприятий». Значение их сводилось на нет появившимися вскоре комментариями к программе, в которых говорилось, что «нацизм признает частную собственность и ставит ее под защиту государства». Опять-таки на практике после прихода нацистов к власти эти пункты были преданы забвению.

Пункт 17-й излагал аграрную программу DAP. Он гласил: «Мы требуем отвечающей нашим национальным потребностям земельной реформы, издания закона о безвозмездной конфискации земли для общепользовательных целей, отмены поземельной ренты и запрета спекуляций землей». Опять-таки типичный образец формулировки, позволявшей надеяться на многое, но очень неопределенной, ни к чему не обязывающей (что значит «земельная реформа, отвечающая национальным потребностям»?) и на практике к тому же нереализованной.

Целый ряд пунктов содержал требования обеспечения стариков, развития здравоохранения, физического воспитания и тому подобных пунктов, которые должны были представить партию в «социалистическом» духе.

Характерен 25-й пункт, требовавший создания сильной централизованной власти. Пункт 24-й: «Партия как таковая стоит на почве положительного христианства, не связывая себя с тем или иным определенным вероисповеданием... Она ведет борьбу с еврейско-материалистическим духом внутри немцев». Тем самым открывалась

дорога к соглашению с церковью. Эта формулировка должна была успокоить массы верующего населения, которых могло бы отпугнуть провозглашение программы «социалистических целей», отождествляемой, как правило, с политическими силами, исповедующими атеизм.

Таково основное содержание пресловутых «25 пунктов». Подводя итог их характеристике, стоит привести слова Г. Димитрова в его докладе на VII Конгрессе Коминтерна: «Превосходя своим цинизмом и лживостью все другие разновидности буржуазной реакции, фашизм приспособливает свою демагогию к национальным особенностям каждой страны и даже к особенностям различных социальных слоев в одной и той же стране. И массы мелкой буржуазии, даже часть рабочих, доведенные до отчаянья нуждой, безработицей и необеспеченностью своего существования, становятся жертвой социальной и шовинистической демагогии фашизма».

В августе 1920 г. состоялся съезд в Зальцбурге (Австрия). Здесь собрались представители NSDAP во главе с Дрекслером и Гитлером, судетские национал-социалисты во главе с Рудольфом Юнгом, группы австрийских национал-социалистов и представители национал-социалистской партии, возглавлявшейся Ю. Штрейхером. На встрече в Зальцбурге было создано нечто вроде международного центра национал-социалистов — так называемая «межгосударственная канцелярия национал-социалистской партии немецкого народа». Впрочем, просуществовала она недолго. К этому же времени относится появление у них приветствия «Heil!» (Хайль!) и черно-бело-красного знамени со свастикой в белом кругу в центре. На съезде в Зальцбурге сугубо подчеркивалось, что партия выступает против классовой борьбы, хотя она и за социализм, но он должен быть достигнут общими усилиями рабочих и капиталистов немецкой национальности. Так, в докладе Юнга говорилось, что трудящийся может требовать и добиваться своих прав только в пределах свой народности. Гитлер заявлял перед съездом: «В рядах нашей партии нет места для рабочих, сознающих себя как класс, точно так же, как нет места для буржуа, сознающих себя как сословие».

NSDAP расширяет между тем свою деятельность в Мюнхене. В этот период она пользуется широкой поддержкой руководства размещенных в Баварии частей рейхсвера. Рейхсвер обращает особое внимание на национал-социалистскую партию еще и потому, что в этот период «добровольческие корпуса» и другие полувоенные формирования

по настоянию держав Антанты были распущены центральным правительством. Члены военизированных союзов стали стекаться в Баварию и многие вступили в национал-социалистскую партию, которая вскоре приступила к формированию своих военизированных организаций. В конце 1920 г. численность национал-социалистской партии достигла 3 тыс. человек. Нацисты все чаще прибегали к насильственным методам борьбы со своими политическими противниками — избиению их, вторжению на их собрания и физической расправе с участниками оных.

В декабре 1920 г. партия учреждает собственный печатный орган. Ведущий журналист этого времени — Дитрих Экарт — на деньги, предоставленные ему рейхсвером, покупает газету «Münchener Beobachter», которая отныне называется «Völkischer Beobachter» и становится с этого времени официальным органом партии. Одной из первых публикаций этой газеты явилась статья Альфреда Розенберга, призывавшая к организации немецкого крестового похода против России. Розенберг, имевший тесные связи с Гитлером, вскоре становится главным теоретиком партии вместо Федера. Сам он — прибалтийский немец, архитектор по профессии, в 1918 г. после революции в России эмигрировал в Мюнхен.

В статьях в «Völkischer Beobachter» содержатся в этот период также призывы к пробуждению национального чувства во Франции и освобождению французов от якобы довлеющего над ними еврейского гнета. Национальная Германия и национальная Франция должны вместе выступить против большевистской России, окончательно якобы подпавшей под господство еврейской плутократии Англии. Одна из статей «Völkischer Beobachter» заканчивалась словами: «Грядет национал-социалистская мировая революция, ее лозунг “Антисемиты всех стран, соединяйтесь!”»

В пивной «Штернекерброй» партия арендует помещение, где размещается ее резиденция. И 29 июля 1921 г. Гитлер официально становится вождем, фюрером партии. Путем закулисной борьбы, не стесняясь в средствах, он оттесняет своих соперников на второй план. Дрекслер получает маловлиятельный пост почетного председателя партии. Ближайшим его (Гитлера) помощником становится Р. Гесс — выходец из немцев Южной Америки, офицер-летчик в Первой мировой войне, управляющим делами — Макс Ариан, шефом пропаганды — Эссер. Одним из первых шагов Гитлера на посту вождя партии было

окончательное оформление военизированных организаций национал-социалистов. Они возникли на базе полувоенных организаций, финансируемых рейхсвером.

Сначала они именуется «группами по поддержанию порядка», а с ноября 1921 г. — «штурмовые отряды» («Sturmabteilung» — SA). В одном из первых приказов по SA Гитлер пишет, что они должны не только охранять собрания партии, но и дать ей возможность в любой момент перейти в наступление. Первым командиром SA стал лейтенант рейхсвера Иоганн Клинш, что является лучшим подтверждением тесного контакта рейхсвера и нацистов. Однако становится заметным, что уже в это время Гитлер начинает стремиться использовать SA в своих личных политических целях. С марта 1923 г. возглавил SA появившийся незадолго до этого в Мюнхене и примкнувший к нацистскому движению бывший летчик — Герман Геринг.

В 1922 г. NSDAP проводит свой I съезд, еще более укрепивший личное положение Гитлера как вождя партии. Численность партии достигает к этому времени 6 тыс. человек. В марте 1922 г. возникает молодежный союз партии — «Jugendbund». В 1922 г. к NSDAP присоединяется немецко-рабочая партия Ю. Штрейхера.

1923 г. характеризуется первым открытым появлением национал-социалистской партии на политической сцене как более или менее реальной величины.

В 1923 г. в Германии разражается серьезнейший внутри- и внешнеполитический кризис. Внутри страны не по дням, а по часам усиливается инфляция, сознательно формируемая монополиями с целью переложить тяжесть репарационных платежей на трудящиеся массы, облегчить поглощение крупнейшими концернами мелких и средних предприятий, не способных выдержать инфляцию. Э.М. Ремарк и Ганс Фаллада хорошо отобразили это время, когда счет шел на миллионы и миллиарды марок, когда заработная плата, полученная накануне, на следующий день обращалась в ничто, когда спекулянты всех калибров и мастей спешили использовать момент и с несказанной быстротой обогащались. Внутриполитический кризис дополнялся внешнеполитическим, возникшим в результате оккупации Рура Францией и «кампанией пассивного сопротивления» оккупации. В этих условиях, с одной стороны, происходит резкий рост революционных настроений в стране, быстро растет влияние КПГ, в Тюрингии и Саксонии формируются

правительства, состоящие из представителей коммунистов и левых социал-демократов, в Гамбурге вспыхивает восстание немецкого пролетариата. С другой стороны, наблюдается резкий рост националистических и шовинистических настроений.

Питательной средой их служат мелкобуржуазные круги, так называемый «*миттельштанд*», социальный состав которого весьма неоднороден. Сюда входят мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники, мелкие рантье, чиновники, лица интеллектуального труда, учителя, группы рабочих, трудившихся на предприятиях полуремесленного типа, и т.д. Послевоенная разруха и особенно инфляция лишили их сбережений, крайне усугубили их положение перед лицом конкуренции трестов и концернов. К ним добавилось большое количество отставных офицеров и унтер-офицеров.

Во время войны пришлось отказаться от кастового принципа формирования офицерского корпуса за счет преимущественно дворян. В офицерские чины были произведены сотни тысяч мужчин буржуазного происхождения. Прежде, в кайзеровской Германии, производство в унтер-офицерский и офицерский чин означало обеспечение заметного места в социальной иерархии. Офицер был кумиром в глазах мелких буржуа, обывателей. Капитан был для них богом, а лейтенант — полубогом (писал Т. Манн). Поражение в войне и революция нанесли тяжелый удар по социальному статусу этих людей. Сокращение армии закрыло путь к военной карьере. К гражданской же жизни они были приспособлены плохо, да и в условиях разрухи работу найти вообще было нелегко, тем более не имея профессиональной подготовки.

Недовольство «*миттельштанда*» своим положением носило, как правило, консервативный характер. Превращаясь в рабочих, разоряясь, они не мечтали о будущем, а тосковали о прошлом, о тех временах, когда деньги были деньгами, а не бумажками, когда сословные перегородки в определенной мере тормозили развитие капитализма и защищали ремесло от крупного капитала. Веймарское государство, откровенно форсировавшее развитие капитализма, было для них враждебным. Немецкий бюргер традиционно был на стороне правительства, носившего авторитарную, монархическую форму, а буржуазно-парламентскую форму правления воспринимал как неполноценную. С детства усвоив враждебность к «красным», он как скандал ощущал передачу важнейших постов в государстве социал-демократии, а то, что легально

существовала компартия, было для него прямо-таки ужасным. Все эти элементы не могли простить правительству и того, что они называли «капитуляцией» на Парижской мирной конференции — Версальского договора. Для средних слоев населения, «миттельштанда» характерным было стремление к спокойствию, устойчивости и порядку. Под ними понимались экономическая стабильность, гарантия от социальных потрясений и прежде всего от активных акций организованного рабочего класса. Это выражалось в призывах к созданию «сильного» государства, очищенного от пороков «демократизма» и «парламентаризма».

Одной из тех партий, в которые хлынул в условиях политического и экономического кризиса обыватель, явилась NSDAP с ее формально и антимарксистской, и антикапиталистической идеологией. К ноябрю 1923 г. численность ее достигает 55 тыс. человек. В масштабах Баварии она становится уже весьма заметной политической силой. По своему составу она — преимущественно мелкобуржуазная партия, хотя сам Гитлер, видевший всегда в партии прежде всего инструмент для завоевания политической власти, не отказывается от мысли привлечения в нее массы рабочих. Послевоенный революционный подъем показал, что рабочий класс представляет собой значимую политическую силу и его волю необходимо учитывать при осуществлении какой-либо программы.

Западногерманский историк Михаэль Катер в 1971 г. опубликовал результаты исследования социального состава NSDAP осенью 1923 г., хотя эти данные носят лишь частичный характер. Они показывают, что партия, именующая себя рабочей, в действительности в своем составе имела мало рабочих — лишь около 10%. Пролетариат, особенно ориентирующийся на левые партии, пропаганде Гитлера не поддавался, он оказался невосприимчив к нацистским лозунгам, пресловутые «25 пунктов», по сути дела, не обещали ему ничего конкретного, являясь прежде всего каталогом мелкобуржуазных требований. Примерно 76% членов партии составляли представители «Mittelstand»-а — большая часть из них — это представители, как выражаются на Западе, низших слоев населения, т.е. ремесленников, служащих низкого и среднего ранга, крестьян, торговцев.

Довольно высок был удельный вес верхнего среднего слоя (12%) — руководящих служащих и чиновников, выпускников вузов, студентов, предпринимателей. Вопреки ранее широко распространен-

ному мнению, исследование Катера показало, что половина членов партии из села — это находящиеся на грани разорения крестьяне, трактирщики, сельские ремесленники, что подчеркивает консервативный характер партии. На это же указывает и то, что в ее составе было лишь чуть больше 4% женщин.

Национал-социалистская партия начинает играть определенную роль в замыслах правых сил относительно установления в стране военной диктатуры, среди этих сил особое место занимает рейхсвер, руководство которого интенсивно разрабатывает такие планы.

Правда, первый опыт капповского путча в 1920 г. вынуждает руководителей рейхсвера, среди которых в этот период ведущую роль играет генерал фон Сект, действовать осторожнее. Сект предлагает установить военную диктатуру на короткий срок, необходимый для перехода к монархии. В качестве кандидатов на пост диктатора называют различных лиц — Секта, фон Кара — генерального комиссара Баварии. Называют и кандидатуру Гитлера.

Однако между руководством рейхсвера и Гитлером назревают некоторые разногласия. Опираясь на SA и другие неармейские политические организации, Гитлер начинает проявлять признаки некоторой самостоятельности, требуя, чтобы в результате военного переворота к власти пришли «новые люди», не скомпрометировавшие себя связями с режимом Веймарской республики.

Определенная самостоятельность Гитлера объясняется также тем, что к этому времени он находит новые источники финансирования своей вечно нуждающейся в деньгах партии. Некоторые из крупных промышленников начинают понимать возможность использования для своих целей национал-социалистской партии, несмотря на ее «социалистическую» фразеологию. Гитлер, кстати, не упускает случая выступить перед любым собранием промышленников, чтобы изложить цели своей партии и особенно подчеркнуть ее приверженность принципу частной собственности. Гитлер, этот выскочка, находит даже какое-то удовольствие в том, чтобы быть принятым в кругу промышленников.

Первых поклонников он, естественно, находит в кругу мюнхенских предпринимателей — это семья фабрикантов, производителей пианино Бехштейнов, крупный мюнхенский промышленник Герман Ауст. Через Ауста было организовано несколько встреч Гитлера с баварскими промышленниками в мюнхенском Клубе господ, участники которых

пожертвовали в фонд нацистской партии немалые денежные средства. Характерно, что повесткой дня этих встреч были «негласные цели Гитлера в области хозяйства» — изложение Гитлером их было встречено с большим сочувствием.

Но наибольшее значение имело, конечно, установление осенью 1923 г. через генерала Людендорфа контактов NSDAP с крупнейшими монополистами. Гитлеру удается завязать финансовые связи и с некоторыми крупнейшими немецкими предпринимателями во время своей поездки в Берлин. Там он, в частности, выступая в Национальном клубе, устанавливает финансовые связи с владельцем паровозостроительного завода Борзигом.

Пожертвования направлялись непосредственно Гитлеру, он единолично распоряжался ими и хранил полное молчание об их происхождении. Даже в высших партийных кругах об источниках поступления средств ничего не знали. Средства Гитлер частично получал в виде иностранной валюты, что было особенно важно в условиях инфляции, когда марка практически ничего не стоила. Большая часть средств направлялась на содержание штурмовых отрядов, деньги были нужны и на издания «*Völkischer Beobachter*» и на развертывание национал-социалистской пропаганды вообще.

Гитлер пытается наладить и поступление средств из-за рубежа от иностранных предпринимателей. Известно, что уже в это время была попытка установления контакта с Г. Фордом. В беседах с иностранными капиталистами эмиссары Гитлера особый упор делали на антибольшевистском характере партии. Имеются сведения, что Гитлер получил определенные суммы из французских источников. Во французских кругах рассматривали в этот период движение Гитлера как сепаратистское и на этом основании, по свидетельству некоторых историков, финансировали его с целью подрыва позиций центрального правительства. Белоземляне тоже помогали ему.

Фриц Тиссен, «стальной король» Германии, жертвует национал-социалистской партии 100 тыс. марок золотом, значительные суммы передают ему Э. Кирдорф и Э. Стиннес, Арн. Рехберг — один из королей Рура. Конечно, на начальном этапе существования партии большую часть средств партийное руководство получало за счет членских взносов и мелких добровольных пожертвований. Обильный поток пожертвованных денег в партийные фонды позднее, когда на партию стали ориенти-

роваться в политической сфере наиболее влиятельные круги промышленников. Но и в этот период без финансовой помощи со стороны сначала общества «Туле», затем рейхсвера, затем отдельных промышленников NSDAP не смогла бы увеличить свою численность, создать разветвленный аппарат пропаганды, предпринять сколько-нибудь значительных акций.

Гитлера вдохновляет к выступлению с целью захвата власти и пример Муссолини, осенью 1922 г. осуществившего во главе отряда чернорубашечников «поход на Рим» и установившего в стране свою диктатуру. В течение 1923 г. Гитлер неоднократно проводит в Мюнхене парады своих сторонников. Для одних из них он даже получает во временное пользование оружие со складов рейхсвера. Но выступление каждый раз откладывается — Гитлер считает, что ситуация еще не созрела для захвата власти. Правительство Баварии смотрит на фашистские сборища сквозь пальцы. Предложение депутатов социал-демократов выслать Гитлера за пределы страны как лица, не имеющего немецкого гражданства, отвергается.

В ноябре 1923 г. Гитлер решает, что его час пробил. С одной стороны, в октябре было подавлено революционное движение в Тюрингии, Саксонии и Гамбурге. С другой стороны, резко усилилось сепаратистское движение. Крупные промышленники Рура выдвигают план создания так называемой Рейнской республики, поскольку после оккупации Рура французами этот район был оторван от немецкого рынка. Западные державы, полагали они, помогут подавить здесь революционное движение, в то время как в остальной части Германии, как они опасались, может восторжествовать коммунизм. Наиболее сильным сепаратистское движение было в Баварии, где католические круги выступали за создание так называемой Дунайской федерации в составе Рейнской республики, Баварии и Австрии. Они полагали, что создание ее позволит освободиться от уплаты репараций Антанте. Опять же имели цель отделиться и от «слишком революционной» остальной Германии, где неясно еще было — победит ли революция или победит буржуазия.

Отношения между Баварией и центральным правительством, которое кажется баварским правым кругам и руководству рейхсвера, расквартированного в Мюнхене, слишком мягкотелым, обостряются до предела. Дело доходит до того, что части рейхсвера, расположенные в Баварии, были выведены из подчинения главному командованию

и приведены к присяге Густаву фон Кару — имперскому комиссару Баварии и главе Баварского правительства. Бавария фактически отделилась от остальной Германии. Центральное руководство рейхсвера, во главе с Сектом, ведет двойную игру. С одной стороны, оно, видимо, планировало использовать реакционные силы Баварии и находившиеся там воинские части как ударную силу для свержения центрального правительства и установления диктатуры. С другой стороны — оно проявляло большую осторожность, официально требуя подчинения взбунтовавшихся баварских генералов центральному правительству. Сект хорошо помнит о провале капповского путча и держит для себя открытым выход на обе стороны — и к реакционным силам Баварии, и к центральному правительству, возглавляемому социал-демократами.

В этой обстановке и рождается план (по образцу «похода на Рим» Муссолини) организовать из Мюнхена «поход на Берлин» с целью провозгласить фашистскую диктатуру в стране. Гитлер планирует захватить власть в Мюнхене, а затем направить часть баварского рейхсвера и свои полувоенные формирования во главе с генералом Людендорфом на Берлин, чтобы начать «национальную революцию». Это был явно авантюристический план, рассчитанный на запутанность и сложность обстановки в стране. Недостающие для успеха акции объективные условия Гитлер рассчитывал компенсировать внезапностью, решительностью, наглостью своих действий.

Коммунисты понимали опасность замыслов фашистов. Уже в начале октября южнобаварская организация КПГ докладывала в ЦК, что Гитлер готовит поход на Берлин. Коммунисты призывали к вооруженной защите республики. Баварские железнодорожники сорвали планы переброски отрядов гитлеровцев в Саксонию, Тюрингию. И 4 ноября 1923 г. ЦК КПГ принял следующую директиву: «К сведению всех обкомов... Фашистские банды собираются в поход на Берлин... Победа Гитлера будет означать полный разгром рабочего класса. Начните агитацию за объявление всеобщей забастовки. В случае похода фашистов на Берлин начать забастовку... Необходимо немедленно по боевой тревоге поднять людей из «красных сотен»... Вести огонь только по фашистам. Оружие доставать везде, где только возможно... Всеми средствами воспрепятствовать перевозке фашистов».

Союзники Гитлера (баварское правительство и части рейхсвера), однако, медлили, не решаясь перейти к вооруженному мятежу. Между

Гитлером и Каром были и серьезные разногласия. С гитлеровцами Кара объединяла ненависть к демократии. Но Кар сам претендовал на роль диктатора Баварии и не хотел уступать ее Гитлеру. Правящие круги Баварии, поддерживавшие, главным образом, дойч-националов и католическую Баварскую народную партию (ее лидером был Кар), т.е. традиционные консервативные партии, недоверчиво относились к Гитлеру и его демагогии. Им был нужен более респектабельный лидер, чем «выскочка» Гитлер (так называл его Кар). Кар, по возможности, избегал личных прямых контактов с Гитлером. В этих кругах рассчитывали использовать гитлеровцев в своих целях, а потом, при случае, отделаться от них. Тогда Гитлер решил действовать сам. Тем более что он тоже собирался использовать своих сторонников в высших кругах Мюнхена для реализации поставленных целей. Так, гитлеровцев решительно поддерживали глава Мюнхенской полиции Пенкер и один из высших чиновников баварской полиции Генрих Мюллер, беспартийный, впоследствии шеф гестапо. Гитлеровцы рассчитывали также на поддержку мюнхенской пехотной школы, где их сторонники занимали командные должности.

Так называемую «революцию» Гитлер назначил на 8 ноября, узнав из газет, что в этот день глава баварского правительства фон Кар будет выступать на собрании промышленников и баварских политиков в пивной «Бюргербройкеллер». Он решил, что это «самый благоприятный случай захватить всю баварскую верхушку и вынудить ее к «мятежу». Через полчаса после начала речи Густава фон Кара в зал с группой сообщников ворвался Гитлер и, пробравшись к трибуне, начал свое выступление, которому предшествовало несколько выстрелов из пистолета в потолок. «Национальная революция началась!» — истерично завопил он. Гитлер надеялся начать общенациональное восстание против «Веймарского режима». Приказав Кару, Лоссову и Зейссеру пройти в соседнюю комнату, он пытался уговорить триумvirат возглавить нацистскую «революцию». Получив отказ, он пошел на обман: выбежал в зал и объявил присутствующим о низложении правительства Веймарской республики и создании нового правительства в составе Кара, Зейсера, Лоссова и Гитлера. Ничего не ведавшего о том генерала Людендорфа объявили командующим немецкой национальной армией. Это событие вошло в историю под названием «пивного путча» [2].

Покинув «Бюргербройкеллер» с целью якобы отдать распоряжения относительно похода на Берлин, баварские министры немедленно связались с частями рейхсвера, поспешно перевели правительство из Мюнхена в ближайший городок и оповестили через прокламации население о сцене насилия со стороны «честолюбивых молодчиков». Нацистская «революция» не состоялась: не были захвачены ими ключевые позиции в городе (телеграф, электростанция, вокзал, полиция-президиум), не удалось даже при содействии Людендорфа установить контакт с ретировавшимся триумвиратом, не принес ожидаемого результата марш нацистов во главе с генералом Людендорфом и Гитлером к центру города — сто полицейских в короткий промежуток времени обратили в бегство три тысячи хорошо вооруженных нацистских молодчиков и штурмовиков. Путч провалился.

---

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 16. С. 30.

2. См.: Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: АПН, 1982. С. 60–64.

Лекция 3

Национал-социализм в Веймарской республике в годы частичной стабилизации капитализма (1924–1929 гг.)

Провал «пивного путча» 1923 г. вызвал в национал-социалистской партии глубокий кризис. Сама партия была запрещена, Гитлер и ряд других ее лидеров были арестованы и помещены в крепость, хотя условия заключения в ней были очень неплохими.

Неудача путча свидетельствовала о том, что в этот период буржуазия не считала еще необходимым установление диктатуры, ее ведущие слои считали возможным сохранение своего господства методами парламентской демократии, особенно учитывая, что революционные бои 1923 г. закончились поражением рабочего класса. К тому же нацисты в этот период являлись одной из националистических фракций, были мало известны за пределами Баварии. В этот период фашистская партия Гитлера легко могла быть разгромлена полностью, что, однако, сделано не было. И центральное правительство в Берлине, и правительство Баварии предпочитали подвергать жестоким репрессиям участников революционных боев 1923 г., но не нацистов.

В 1924–1929 гг. в Германии наблюдается частичная стабилизация капитализма. Происходит значительный рост производства. Долларовые займы, полученные немецкими монополиями по плану Дауэса, позволили им восстановить и укрепить свои позиции. В этих условиях нацизм был отодвинут в резерв монополистических кругов и некоторое время влачил довольно-таки жалкое существование. Среди националистических партий в этот период на первый план выдвигается Немецкая национальная народная партия (DNVP), число ее членов достигает 1 млн человек. На выборах в декабре 1924 г. она собрала свыше 6 млн голосов (более 20%) избирателей. В 1925–1926 гг. DNVP участвует в правительстве.

Однако по мере подъема рабочего движения, увеличения авторитета и политического влияния коммунистов происходит сдвиг вправо в политической жизни страны (выражением чего явилось, например, избрание президентом махрового реакционера и милитариста Гинденбурга в 1925 г.), по мере нарастания в руководящих кругах крупной немецкой буржуазии настроений реванша нацисты вновь активизируют свою деятельность. Они получают все возрастающую поддержку со стороны промышленников, к интересам которых нацистское движение все больше приспособливает свою деятельность.

В феврале – апреле 1924 г. состоялся судебный процесс по делу Гитлера и его приспешников. Характер его был, однако, таков, что Гитлер получил полную возможность использовать суд для пропаганды своих взглядов, тем более что театральный характер так называемого «пивного путча» привлек на процесс множество журналистов. Гитлер разыгрывал из себя спасителя нации, великого государственного деятеля, произносил напыщенные речи. Показательно заявление, которое он сделал в начале процесса: «Примите уверения, что я не добиваюсь министерского поста. Я считаю недостойным большого человека стремиться к тому, чтобы записать свое имя в историю в качестве министра. Я ставил перед собой другую цель, которая с самого начала была для меня в сто раз важнее, я хотел стать сокрушителем марксизма. Эту задачу я выполню, а когда я ее выполню, титул министра будет для меня жалким пустяком». История, как известно, рассудила иначе.

К суду был привлечен и Э. фон Людендорф, который к этому времени, несмотря на то что ему было не так уж и много лет, впал в полный маразм, произносил бессвязные речи, в которых ругал марксистов, евреев, Ватикан, а в заключение отрекся и от своего любимого кайзера.

Приговор суда оказался весьма мягким. Гитлер и три его приспешника получили по пять лет заключения в крепость за государственную измену, т.е. минимальное наказание по соответствующей статье. В приговоре суда ничего не говорилось о высылке Гитлера из Германии, хотя по закону о защите республики он подлежал таковой, не будучи немецким подданным. Остальные же участники путча отделались вообще условным наказанием. Людендорфа же судьи даже не посмели осудить — он был оправдан под тем предлогом, что в вечер «пивного путча» будто бы настолько был взволнован, что не видел и не слышал ничего из того, что происходило вокруг.

Гитлер направился в Ландсбергскую крепость, где он мог принимать различные делегации, в сопровождении Р. Гесса, добровольно изъявившего желание разделить с ним заключение в качестве его личного секретаря [1]. Отсидел он в крепости Ландсберг лишь 6 месяцев, после чего заключение было заменено условным наказанием. Именно Гессу он диктовал «Mein Kampf», книгу, в которой он изложил свои взгляды. «Mein Kampf» вышла в свет в июне 1925 г. В период нацистского господства она стала обязательной для каждого нациста книгой, своего рода библией. Правда, в отличие от библии ее не читали, а просто держали в квартире на видном месте, так как книга оказалась трудно и скучно читаемой вследствие ее скверного языка, бессистемной и очень большого объема (страниц 700).

В Ландсберге Гитлер занимался также чтением произведений немецких геополитиков, к одному из столпов которой — А. Гаусгоферу, был очень близок Гесс. В «Mein Kampf» Гитлер объявляет геополитику и расовую теорию официальной доктриной национал-социалистской партии. «Mein Kampf» насыщена вымыслами Гитлера о якобы суровой и полной нужды юности, которую ему будто бы пришлось испытать. В книге постоянно повторяются бредовые идеи о превосходстве некоей «нордической расы» над всеми другими народами. Ей присуща проповедь силы, автор на каждом шагу издевается над «так называемой гуманностью», которую понимает как «мешанину из глупости, трусости и высокомерной чванливости».

Особое место в книге Гитлера занимают рассуждения о необходимости завоевания для Германии «жизненного пространства» на Востоке и соответствующем истреблении славянского населения, живущего там [2]. Сочинение Гитлера наполнено высокомерной и напыщенной

бравადой, похвальбой, порой буквально площадной бранью в адрес своих соперников.

Впоследствии многие из нацистских преступников пытались оправдываться тем, что будто бы ничего не знали и не подозревали о планах Гитлера и оказались лишь их невольными соучастниками, не ведающими о том, что замышлял их вождь. Это было явной ложью. В «Mein Kampf» Гитлер совершенно отчетливо сформулировал мысль о необходимости уничтожить евреев, славян и другие будто бы неполноценные нации. Он заявил о необходимости для немцев «похода на Восток», объявив, что не будет считаться ни с совестью, ни с другими аналогичными, по его мнению, «предрассудками», чтобы добиться власти и утвердить мировую гегемонию Германии. Пусть это было сказано и в неудобоваримой стилистической форме, но было сказано совершенно точно и определено.

Надо сказать, что «литературная» деятельность Гитлера на этом не закончилась. В 1928 г. он написал еще одну книгу. Однако она оказалась столь тяжеловесной, претенциозной и скучной, что руководители созданной к тому времени партийной пропаганды настояли на том, чтобы ее не печатать. Это «творение» Гитлера увидело свет лишь в 1961 г., когда оно под названием «Второй книги Гитлера» было издано в Западной Германии. Пока Гитлер сидел в тюрьме, его партия, запрещенная правительством и временно лишившаяся вождя, распалась. Возникли две группы:

1) «Великогерманское народное сообщество», возглавляемое Штрейхером и Эссером (ближе к Гитлеру);

2) «Национал-социалистское движение за свободу» под руководством Людендорфа и Грегора Штрассера [3].

Несмотря на запрет, продолжают существовать и SA, которые теперь возглавляются Э. Рёмом и фигурируют как «Союз фронтового знамени». На выборах в рейхстаг в мае 1924 г. национал-социалисты собрали 1,9 млн голосов – 6,5%, и получили 32 мандата [4]. Однако их конкуренты – Немецкая национальная партия (дойч-националы) имела еще больший успех – она получила 5,7 млн голосов. Определенный успех нацистов на этих выборах был уже лишь отзвуком событий 1923 г., в целом их влияние находилось на спаде, что показали и состоявшиеся вскоре внеочередные выборы в декабре 1924 г., на которых число голосов, поданных за них, уменьшилось на 1 млн. Они получили

3% голосов и лишь 14 мест в парламенте. Наступившее в стране относительное оздоровление экономики привело к отходу от них значительной части мелкой буржуазии, в период кризиса видевших в них единственных спасителей. Однако национал-социалистская опасность продолжала тлеть. Сами национал-социалисты вскоре перестраивают свои ряды и с баварской преимущественно сцены переходят на сцену общегерманскую.

В декабре 1924 г. по случаю Рождества Гитлер и его приспешники были амнистированы и вышли из крепости. Гитлер сразу же принимается за «сколачивание» партии. На митинге в той же самой пивной «Бюргерброй» в феврале 1925 г. он объявляет о воссоздании NSDAP. В речи на этом митинге он вновь предлагает своим сторонникам не отставать ни перед чем. «В нашей борьбе, — говорит он, — имеются только две возможности — либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его трупам». Гитлер сумел представить себя как «спасителя движения» [5].

NSDAP в 1924–1929 гг.

Начальный период существования воссозданной партии ознаменован жестокой борьбой в ней за власть, столкновением в ней различных противоречивых тенденций. Старые вожди партии, ее основатели в это время все больше перемещаются на второй план. Дрекслер, Эссер уходят от активной деятельности. Д. Эккарт умер, Людендорф порывает с национал-социалистским движением и создает, после того как на президентских выборах 1925 г. он потерпел сокрушительное поражение, некую религиозную секту (всего 300 тыс. голосов).

Основная борьба разворачивается между Гитлером и верным ему руководством партии, которое по-прежнему находится в Мюнхене, с одной стороны, и руководством северо- и западногерманских партийных организаций во главе с Грегором Штрассером — с другой. Он занимал с 1925 г. по конец 1932 г. пост заместителя «фюрера» — Гитлера. Г. Штрассер, родившийся в 1892 г., владелец аптеки, был также весьма ловким оратором, широко прибегавшим к демагогическим приемам. В 1921–1923 гг. он являлся гауляйтером Нижней Баварии. После запрета партии он стал одним из руководителей «национал-социалистского движения за свободу», действовавшего в северных районах Германии. Вскоре после восстановления NSDAP ему было по-

ручено создание ее организаций в северных районах Германии. В это время он привлекает к деятельности партии нацистов своего брата Отто Штрассера, весьма энергичного и умелого журналиста. Его политический путь был крайне извилистым. Доброволец в Первую мировую войну, он дослужился до старшего лейтенанта, затем принимал участие в подавлении Баварской советской республики. Впоследствии он вступил в социал-демократическую партию и даже командовал одной из так называемых «красных бригад», разгромивших «капповский путч». В начале 1920-х гг. он вращается в консервативных кругах около ван ден Брука.

Видными деятелями группы Штрассера были также граф Ревентлов и Йозеф Геббельс. Он — выходец из мелкой буржуазии, изучал германистику и защитил докторскую диссертацию, учился также в школе ордена иезуитов, автор целого ряда романтически-националистических романов, не имевших, однако, успеха, человек весьма талантливый, но совершенно беспринципный и бессовестный. В сентябре 1925 г. было создано «Объединение северо- и западногерманских организаций NSDAP» во главе с Г. Штрассером, текущими делами которого ведал Геббельс. Стал издаваться свой печатный орган «Nationalsozialistische Briefe» («Национал-социалистские письма») под редакцией Геббельса, выходивший 2 раза в месяц.

Штрассеры имели на севере Германии фактически свободные, по отношению к Гитлеру и мюнхенскому партийному руководству, руки. Тем более что Гитлеру в эти годы были запрещены на большей части Северной Германии (земля Пруссия) публичные выступления. Г. Штрассера считали в партийных кругах NSDAP Северной Германии не менее влиятельным, чем Гитлера, хотя сам он и признавал всегда главенство «фюрера».

Наиболее важной причиной «самостоятельности» северных организаций была иная, чем в южных, менее индустриализированных районах Германии, социальная структура населения. Здесь численно преобладали рабочие, значительно больше было служащих. Мелкие торговцы, ремесленники, мелкие предприниматели в большей степени ощущали давление со стороны крупных капиталистов, со стороны монополий. Поэтому использование антикапиталистических лозунгов здесь было необходимо для привлечения сторонников к националистической и антимарксистской программе NSDAP. Основной массовой

базой национал-социалистского движения здесь были мелкобуржуазные слои населения и больше внимания уделялось привлечению на сторону партии рабочих.

В январе 1926 г. в Ганновере состоялась конференция «Объединения северо- и западногерманских организаций NSDAP», которая все более и более отказывалась от первоначальной, якобы «социалистической» и «рабочей» ориентации партии и все более делала ставку на союз с высшими социальными слоями и консервативными политическими группировками.

«Проект программы» Штрассера никогда не был официально опубликован и распространялся лишь в партийной верхушке. Это довольно путаный документ, отражавший противоречивые социальные интересы различных слоев населения, принимавших участие в национал-социалистском движении. В основном он совпадает с «25 пунктами», представляя их конкретизацию. Собственно говоря, он и был направлен на их защиту, так как Гитлер, по мнению сторонников Штрассера, отказался, по существу, от этой программы. Он окружил себя, на их взгляд, «плохими людьми», которые толкают его на союз с привилегированными классами. В документе Штрассера постоянно подчеркивалось, что NSDAP — социалистическая партия. Себя сторонники Штрассера называли не национал-социалистами, а «национальными социалистами». Но этот «социализм» был типично мелкобуржуазным. Он сочетался с откровенным национализмом и антисемитизмом. Однако подчеркивание якобы социалистической части «25 пунктов» группой Штрассера вызывало отрицательное отношение в кругах крупных промышленников, на союз с которыми возлагал надежды Гитлер.

Конференция в Ганновере высказалась также за поддержку на референдуме требования конфискации имущества князей, против чего выступало мюнхенское руководство, стремившееся к союзу с правыми, в значительной степени монархистскими силами. В противовес Мюнхену, установившему принцип назначаемости на все партийные должности, сторонники Штрассера считали более полезным выборность партийного руководства — это отражало их стремление ограничить всевластие в партии Гитлера, сохранить свою самостоятельность.

Сторонники Штрассера, которых в западной историографии называют «социал-революционным» крылом NSDAP или «левыми» национал-социалистами, были выразителями взглядов той части членов

партии, которые всерьез воспринимали антикапиталистическую демагогию национал-социалистов, всерьез пытались бороться за реализацию того перечня требований мелкой буржуазии, который содержится в «25 пунктах». В то же время они, вольно или невольно, сознавая или не сознавая это, способствовали привлечению на сторону национал-социалистского движения тех слоев населения, которые в условиях частичной стабилизации капитализма не могли быть привлечены к нему теми примитивными пропагандистскими трюками, которые использовал Гитлер. Так, в частности, Геббельс в лекции «Ленин и Гитлер» говорил о своей близости к коммунистам, о том, что готов выступить вместе с Советским Союзом против «империализма», для чего большевикам нужно всего лишь отказаться от марксизма и изгнать евреев из России и т.д. Выдвижение «социалистических» лозунгов в определенном отношении было опасным для нацистов, это было балансирование на очень тонкой грани. Имели место случаи, когда рабочие покидали партию и переходили к коммунистам, заявляя, что не видят разницы между немецкими и еврейскими капиталистами. Так, в 1925 г. кельнская молодежная группа NSDAP высказалась за переход к КПГ. Но это балансирование осуществлялось так называемыми «левыми» весьма умело и было в данный период важным фактором расширения влияния нацистов.

К концу 1925 г. в NSDAP было уже 27 тыс. членов. Развитие партии шло, главным образом, на западе, севере и северо-востоке Германии, в то время как на юге число партийных групп уменьшалось. Однако Гитлер продолжал крепко держать в своих руках верховное руководство партии.

В 1925 г. возникает новая военизированная фашистская организация SS — охранные отряды (Schutz-Staffeln), целью которых была якобы личная охрана руководителей партии. Возникновение их было связано с произошедшей до этого (апрель 1925 г.) ссорой Гитлера с Рёмом, в результате которой отряды SA фактически распались. Члены SS тщательно отбирались. По словам К. Гейдена, SS по отношению к SA были тем же, чем является гвардия по отношению к обычным войскам. Целью отрядов SS на первых порах была и борьба в поддержку Гитлера против сторонников Штрассера. Отбор в SS производился по строгому политическому и «расовому» принципу. Гитлер вручил эс-совцам якобы «окрашенное кровью знамя» со свастикой, под которым

нацисты в ноябре 1923 г. шли по улицам Мюнхена в дни «пивного путча». Для них была введена черная форма с эмблемой — череп и скрещенные кости, должны были означать их беспощадность в борьбе, их безжалостность. Сами буквы SS также были соответствующим образом стилизованы, напоминая своей формой удары молний.

Если прежде, при основании SA, заявлялось: «Партия ожидает, что вы все явитесь на ее зов», теперь подчеркивается: «Партийное руководство исходит из того положения, что гораздо больше ценности представляет горсть самых лучших, самых решительных и стойких, чем масса попутчиков без решимости и энергии. Поэтому защитные группы строятся на основании строгих директив и численность их весьма ограничена».

Организационное укрепление NSDAP происходило на базе соблюдения принципа строжайшего централизма, полного подчинения всех звеньев партии воле «вождя», «фюрера». Для Гитлера в этот период становится важнейшей задачей подчинить себе оппозиционную группу в Северной и Западной Германии, некоторые члены которой, например О. Штрассер, готовы были к полному разрыву с ним.

В феврале 1926 г. Гитлеру удается организовать совещание партийных руководителей в Бамберге (Северная Бавария). Методы его подготовки весьма характерны для практики Гитлера — было сделано все, чтобы обеспечить победу над сторонниками Штрассера. Многие из гауляйтеров и партийных руководителей северной и западной областей были просто не приглашены на него. Специально был выбран момент, когда ряд сторонников Штрассера, будучи заняты делами, не смогли прибыть на совещание. В то же время на совещание было послано несколько десятков сторонников Гитлера из Южной Германии, которые по своему рангу не должны были бы на нем присутствовать. Позиции сторонников Штрассера были подвергнуты на совещании критике и отвергнуты. Совещание высказалось против участия в компании по экспроприации князей, так как таковая означала бы нарушение принципа неприкосновенности частной собственности и поддержка ее могла бы отпугнуть монополистические круги индустрии, с которыми стремился установить контакты Гитлер. Совещание в Бамберге означало поражение группы Штрассера. На совещании, в общем-то, не было каких-то идеологических дебатов — принципиальных отличий между сторонниками Штрассера и Гитлера не существовало — дело было

в том, что сторонники Штрассера лишились своей организационной независимости, а без этого в условиях жесточайшей централизации попытка развития собственного идеологического и политического курса была обречена в конечном счете на провал. Победа мюнхенского партийного руководства была закреплена в ходе последующих событий.

На партконференции в Мюнхене в мае 1926 г. «25 пунктов» были подтверждены как неизменяемая программа партии. Это было направлено против любой попытки формулировать внутри партии какую бы то ни было новую программу, пусть даже по существу сходную с «25 пунктами», поскольку она могла стать базой для оппозиции партийному руководству. На конференции было также принято решение об окончательном закреплении «принципа фюрерства» как организационного принципа партии. Вождь партии, «фюрер», становился независимым от решения партийных съездов, предусматривалось, что руководители местных организаций назначаются Гитлером — их выборность повсеместно отменялась. Руководство Мюнхенской организации NSDAP одновременно объявлялось руководством партии в целом. Был создан своего рода партийный суд, так называемый «*Uschla*» (*Untersuchungs- und Schlichtungsausschuß*), имевший право распускать местные организации и исключать кого бы то ни было из партии. Он явился орудием контроля Гитлера над его явными и потенциальными соперниками.

Принцип фюрерства, как отмечает В. Шефер, автор монографии о развитии национал-социалистской партии, помимо того, что он был призван укрепить неограниченную власть Гитлера в партии, был нужен и для того, чтобы силой авторитета партийного вождя прикрыть те несообразности, несоответствия и противоречия, которые имелись в партийной программе. Он был необходим еще и потому, что без него нельзя было дать общий выход противоречивым интересам сторонников партии, нельзя было подготовить переориентацию партии на открытый союз с консервативными силами, с высшими слоями. Как пишет Р. Кюнль, автор исследования о «национал-социалистской левой партии», появившегося в ФРГ в 1966 г., написанного с демократических позиций, в ряде отношений, близких к марксизму, «принцип фюрерства соответствовал настроениям многих мелких буржуа, которые не видели рационального выхода из своего тяжелого социального положения и потому верили в спасителя в лице непогрешимого фюрера». «Принцип фюрерства» очень скоро превратился в «культ фюрера», в миф

о его «чудесной непогрешимости», усиленно раздуваемый национал-социалистской пропагандой.

«Объединение северо- и западногерманских организаций NSDAP» в июле 1926 г. было распущено. После Бамбергского совещания начинается переход ряда бывших сторонников Штрассера к Гитлеру. Особое значение имел, в частности, переход Геббельса, который очень быстро стал доверенным лицом Гитлера. Следует отметить, что отныне он в отличие от большинства других нацистских руководителей сохранял верность до самого конца, наступившего в имперской канцелярии в мае 1945 г. Беспринципный и лживый в своих отношениях с теми, кто окружал его по работе, и с женщинами, он, как свидетельствуют очевидцы, Гитлеру был верен прямо-таки собачьей преданностью. В октябре 1926 г. Гитлер назначает Геббельса гауляйтером Берлина, а затем он становится и руководителем службы пропаганды нацистской партии. Геббельс, который внешне поддерживал хорошие связи со сторонниками Штрассера и продолжал щеголять «левой фразой», был как нельзя лучшей кандидатурой для того, чтобы руководить созданием опорной базы для Гитлера в Северной Германии, да к тому же в столице государства.

Несмотря на все усилия Геббельсу не удалось распространить существенно влияние NSDAP на рабочих, составлявших большинство населения Берлина. Тогда он начинает ориентироваться на люмпен-пролетариат. Готовых на все люмпенов он использует позднее для организации расправ и с коммунистами, и с так называемыми «левыми» в рядах самой NSDAP.

В 1926 г. число членов партии достигает 50 тыс. Она постепенно начинает обрастать вспомогательными организациями. В 1926 г. создается «Национал-социалистский боевой союз немецкой культуры» во главе с Розенбергом и «Немецкий женский орден красной свастики» во главе с Элизабет Цандер. В 1926 г. появился «Национал-социалистский студенческий союз». А 4 июля 1926 г. основан «Гитлерюгенд». В борьбе со Штрассером за преобладание в партии Гитлер опирается на имеющиеся у него финансовые средства, полученные от промышленников, которых он вновь начинает усиленно обхаживать. Летом 1926 г. Гитлер совершает поездку по Рурской области, выступая в закрытом кругу перед промышленниками. Подобную же поездку он повторил на следующий год. В зале концертна Круппа в Эссене на его доклад собралось 400 предпринимателей. Гитлер вновь и вновь повторял,

что нацисты выступают за частную собственность, считают конкуренцию единственно возможной формой хозяйствования.

Добиваясь утверждения своего диктаторского положения в партии, Гитлер в то же время не порывал до поры до времени своих отношений со Штрассерами и с их сторонниками. Он понимал, что расширение массовой базы нацистской партии в большинстве районов Германии без той социальной демагогии, в которой «левые» были так ловки, невозможно. В кругах промышленников он, однако, давал понять, что сам он думает иначе, чем «левые». Гитлер резонно считал, что, имея, в конечном счете, в своих руках все важнейшие рычаги руководства партии, он сможет в подходящий момент избавиться от «левых», а пока пусть они работают на национал-социализм, вербуют ему сторонников. Больше того, Гитлер пошел на предоставление их лидеру Г. Штрассеру, помимо того, что он продолжал оставаться заместителем фюрера, важнейшего поста руководителя организационного отдела партии в январе 1927 г., используя его незаурядный организаторский талант.

Штрассер вынужден капитулировать — он прекращает оппозицию к Гитлеру,² удовлетворившись назначением на пост руководителя организационного отдела партии. В 1927 г. воссоздаются отряды SA, командование которыми берет на себя сам Гитлер, а начальником штаба которых назначается вскоре Э. Рём (1930). В 1927 г. в NSDAP числилось уже 72 тыс. членов. Восстанавливается утраченная после «пивного путча» связь с рейхсвером. Штурмовики, влияние и численность которых быстро растут, под командой офицеров рейхсвера проходят ускоренную военную подготовку, изучают тактику ведения уличных боев, разгона митингов и демонстраций, осваивают организацию актов террора.

Не порывая окончательно с «левыми», Гитлер в то же время идет на все большее сближение с кругами крупной промышленности и с консервативно-националистическими силами. Он приходит к выводу, что ориентация на то, чтобы сделать массовой базой своей партии рабочих, оторвав их националистической пропагандой от марксизма, бесперспективна. Одновременно он приглушает антикапиталистические тона в пропаганде требований мелкой буржуазии, хотя никогда открыто от антикапитализма не отрекается. Как пишет К.Д. Брахер, автор фундаментального исследования «Die deutsche Diktatur» (1969), написанного с либеральных позиций, «социализм» в пропаганде нацистов в конце концов превращается в «абстрактный призыв к национальным,

основанным на осознании классовообщности, убеждениям в области экономики».

Основной упор гитлеровцы делают на необходимость борьбы с марксизмом, усиливают расистскую, антисемитскую кампанию, яростно нападают на режим Веймарской республики, находящейся якобы под контролем евреев и масонов, требуя его замены «национальным режимом». В угоду предпринимателям, боясь навлечь на себя их недовольство, Гитлер отвергает предложение «левых» о создании нацистских «профсоюзов».

В 1927 г. Гитлер устанавливает контакты с владельцем крупнейшего угольного синдиката Рура Э. Кирдорфом, восстанавливаются связи с Фридрихом Тиссенем. Через Кирдорфа он получает доступ к политическим фондам промышленности Рура. Национал-социалистская партия получает от промышленников средства на строительство так называемого «Коричневого дома» в Мюнхене, где размещается партийный аппарат во главе с Гессом, личным секретарем фюрера. Сначала он был небольшой — 25 служащих и 3 автомашины, но потом быстро расширяется. «Коричневый дом» становится центром пропагандистской деятельности нацистов. Однако большая часть промышленников продолжала еще ориентироваться на традиционные буржуазные партии, держа гитлеровскую партию в резерве. Тем не менее поддержка даже части промышленников, открывшиеся в связи с этим финансовые возможности решающим образом повлияли на изменение политической ориентации NSDAP в сторону окончательного отказа от опоры на рабочих, хотя она осуществлялась таким образом, что рядовые члены партии, как правило, ничего об этом не знали.

Гитлер устанавливает связи и с представителями традиционных консервативных партий, в частности с лидером ННП (с 1928 г.) Гугенбергом, владельцем газетно-издательского концерна и киноконцерна, от которого он тоже получает финансовую помощь. Устанавливаются контакты и с монархическими кругами, в том числе с сыном кайзера Вильгельма II принцем Августом-Вильгельмом. Как уже отмечалось, восстанавливаются и утраченные после «пивного путча» контакты с рейхсвером. В мае 1928 г. Гитлер распорядился о прекращении всеми партийными органами полемики против «Стального шлема» и других консервативных организаций на том основании, что это позволит привлечь их кадры к участию в нацистском движении.

В мае 1928 г. NSDAP впервые принимает участие в выборах в рейхстаг. Численность ее к этому времени достигает уже 109 тыс. человек [6]. Накануне выборов было внесено единственное за время существования исправление в программу партии. Из нее была удалена та формулировка из п. 17, которая говорила о безвозмездной конфискации земель для «общественных нужд». Это было сделано с целью привлечения на сторону нацистов землевладельцев, начиная с крупного землевладельца и кончая бедными крестьянами, также крепко державшимися за свой клочок земли.

В целях придания определенной респектабельности своему движению и опасаясь ненужных столкновений с центральной властью, гитлеровцы заявили себя сторонниками тактики легальности. В действительности же уважать легальность нацисты никоим образом не собирались и при первом же подходящем случае готовы были отбросить ее, перестать считаться с парламентом и т.д. Тактики легальности они придерживались, пока она была выгодна им. Геббельс накануне выборов 1928 г. откровенно заявлял: «Мы входим в рейхстаг, чтобы обеспечить себе из арсенала демократии ее оружие... Мы идем в рейхстаг как враги! Как волк врывается в овечье стадо! Не будьте среди овец!»

Однако результаты выборов оказались для NSDAP весьма скромными. Она получила лишь 800 тыс. голосов (2,6%) и 12 мандатов в рейхстаге, т.е. меньше, чем получили различные национал-социалистские группировки на выборах предыдущих — в декабре 1924 г. Наибольшее количество голосов нацисты получили в районах со значительной прослойкой ремесленного населения и среднего крестьянства, что объясняется концентрацией усилий их на работе с крестьянами и тем потрясением в ценах на сельскохозяйственную продукцию, которое предшествовало мировому экономическому кризису — в Шлезвиг-Гольштейне и Франконии. Что касается основных промышленных центров страны, то в Берлине NSDAP получила всего 1,4% голосов, в Руре — 1,3%.

Тем не менее гитлеровская партия продолжала усиление своих рядов, совершенствовала свою организационную структуру. Постоянно росла ее численность, повсеместно создавались нацистские ячейки — уличные и заводские. В марте 1929 г. в одном Берлине их было более тысячи.

Организационная структура партии по своей прочности намного превосходила организационную структуру социал-демократов и буржуазных

партий. Сеть партийных организаций, пусть пока во многих местах и малочисленных, охватывала всю страну. Эта сеть, по словам западно-германского ученого Р. Кюнля, была как нельзя лучше подготовлена к тому, чтобы захватывать в свои ячейки устранных надвигающимся кризисом обывателей. Гитлеровская партия готовилась к борьбе за массы. 1929 г. — год начала мирового экономического кризиса — стал годом резкого возрастания фашистской опасности, скачкообразного роста влияния национал-социалистской партии. К.Д. Брахер усматривает в национал-социалистской партии «зародыш нового государства» [7].

---

1. См.: *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. Berlin, 1969. S. 139.

2. Ibid. S. 140.

3. Ibid. S. 138.

4. Ibid. S. 134.

5. Ibid. S. 141.

6. Ibid. S. 135.

7. Ibid. S. 152.

Лекция 4

Германский фашизм в годы мирового экономического кризиса: нарастание фашистской опасности

Все разговоры об «эре вечного процветания», об «эпохе организованного капитализма», как это и должно было случиться, оказались совершенно необоснованными. С 1929 г. мировое капиталистическое хозяйство оказалось втянутым в глубочайший экономический кризис — самый серьезный из всех имевших место мировых экономических кризисов. Началом кризиса принято считать крах на Нью-Йоркской бирже, в «черную пятницу» 25 октября 1929 г., однако в Германии его признаки стали наблюдаться еще раньше. Уже в 1928 г. произошло резкое падение цен на сельскохозяйственную продукцию, что сильно ударило по интересам крестьян. Роста промышленного производства практически не было, число безработных достигло 2 млн человек. После кратковременного подъема промышленного производства в первой половине 1929 г. оно с середины года неудержимо покатило вниз, достигнув низшей точки к середине 1932 г. О масштабах кризиса свидетельствуют такие прямо-таки фантастические цифры: промышлен-

ное производство за кризисные годы упало на 48%, сельскохозяйственное — на 31%, экспорт снизился на 58%. В середине 1932 г. загрузка производственных мощностей составляла лишь 36%. Число безработных в середине 1932 г. достигло почти 8 млн человек. Полную занятость имела лишь 1/3 рабочих, а 44% всех потенциальных рабочих не имели работы вообще и 23% были заняты неполный рабочий день. Средняя заработная плата снизилась на 47%. Кризис стал колоссальным бедствием для широких народных масс. Он тяжело ударил и по средним слоям населения — огромное количество ремесленников, мелких торговцев, мелких предпринимателей разорились и пополнили собой и без того огромную армию безработных. Потерпел крах даже ряд крупных трестов и фирм. В 1931 г., например, обанкротился один из крупнейших банков — Данат-банк. Разорялись и тоже вливались в ряды безработных мелкие и средние крестьяне. Как пишут авторы изданной в ГДР трехтомной «Истории Германии», она (Германия) «превратилась в зону нищеты, хронического недоедания, самоубийств и принудительных выселений, безвыходности и отчаяния для миллионов людей». Экономический кризис особенно тяжело ударил по Германии вследствие результатов ее поражения в мировой войне.

По вступившему в силу в начале 1929 г. «плану Юнга» Германия должна была выплачивать хотя и меньшие, чем по плану Дауэса, но весьма значительные репарационные платежи. Германия оказалась в финансовом кризисе, находилась в зависимости от иностранных займов.

Экономический кризис привел к резкому обострению социальных и политических противоречий в стране. Здесь усиливается тенденция к реакции по всей линии. Крупная буржуазия считает, что теперь пришло время для того, чтобы забрать назад у рабочих те уступки, которые были сделаны им в результате Ноябрьской революции 1918 г. и окончательно сбросить тяжесть выполнения условий Версальского мира, ибо в условиях кризиса нет возможности ни выплачивать репарации, ни сохранить заработную плату. Поскольку же это можно было сделать лишь вопреки сопротивлению масс трудящихся, выдвигаются лозунги ликвидации демократических порядков, создания сильного государства, ограничения полномочий парламента. Такое «сильное» государство должно было бы решить и внешнеполитические задачи крупного капитала. Намечается поворот буржуазии к авторитарным методам управления, который становится все более очевидным по мере углубления

экономического кризиса и роста политических и социальных противоречий в стране.

Конечно, не следует понимать стремление буржуазии к установлению авторитарного режима как желание ее привести к власти именно национал-социалистскую партию Гитлера. Между различными группировками монополистов существовали серьезные разногласия относительно того, продвигать к власти нацистов или другие правые партии или вести дело к военной диктатуре. Разногласия касались конкретных форм создания новой власти, но суть политики монополистической буржуазии при всем при этом была одна: уничтожение буржуазно-демократических свобод, предотвращение террористическими методами вспышек социального недовольства, подавление революционных организаций рабочего класса. Наряду с поддержкой национал-социалистской партии монополистические круги поощряли нарастание авторитарных, по существу фашистских тенденций в других буржуазных партиях, в государственном аппарате, во всех сферах жизни страны.

В программе Коминтерна, принятой на его VI Конгрессе еще в 1928 г., отмечалось, что «процесс наступления буржуазно-капиталистической реакции приобретает при особых исторических условиях форму фашизма. Такими условиями являются: неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата». Все эти условия в период экономического кризиса были налицо в Германии.

Далее в программе Коминтерна говорилось: «Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, ее твердость и постоянство, буржуазия все более вынуждается переходить от парламентской системы к независимому от межпартийных отношений и комбинаций фашистскому методу». Этот метод есть метод непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемый «общенациональной» идеей и представительством «профессий» (а по существу, разнообразных групп господствующих классов), метод использования недовольства мелкобуржуазных, интеллигентских и других масс путем своеобразной социальной демагогии (антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской «говорильней»).

Выражением усиления реакционных тенденций крупной буржуазии явилось устранение в марте 1930 г. правительства, возглавляемого социал-демократом Мюллером, которое находилось у власти со времени выборов 1928 г. Это было так называемое правительство «большой коалиции», в которое входили наряду с социал-демократами представители католической партии Центра и буржуазно-либеральных Народной и Демократической партий. Представители буржуазных партий требовали введения новых налогов, в частности повышения отчислений от заработной платы в фонд социального страхования. Социал-демократы при всей их готовности к соглашательству с буржуазией не могли взять на себя прямую ответственность за антирабочие мероприятия. В итоге правительство Мюллера пало — это было последнее парламентское правительство Веймарской республики.

30 марта 1930 г. к власти пришло правительство представителя католической партии Центра Генриха Брюнинга. Партия Центра выражала интересы ряда фракций крупной буржуазии, особенно химических и электротехнических концернов, связанных с французским капиталом рейнско-вестфальских предпринимателей, крупных помещиков, верхишки католического духовенства. За ней шли и значительные массы мелкой буржуазии города и деревни, рабочих католических районов. Во многих отношениях эта партия была предшественницей нынешних ХДС (христианско-демократический союз) и ХСС (христианско-социальный союз). Хотя большинство из буржуазных министров — членов кабинета Мюллера — сохранили в правительстве Брюнинга свои портфели, это было качественно новое правительство — оно было первым из серии так называемых президиальных кабинетов, т.е. правительств, правивших не имея большинства в рейхстаге, на базе полномочий, предоставленных президентом по известной 48-й статье Веймарской конституции.

Правительство Брюнинга сразу же ввело ряд косвенных налогов на товары широкого потребления. Оно разработало также план, предусматривающий сокращение пособий по безработице, введение так называемого поголовного налога, резкое ухудшение условий социального страхования. Несмотря на то что этот план был отвергнут рейхстагом, он был введен в силу чрезвычайным декретом президента. Это было противозаконно, ибо 48-я статья предусматривала публикацию чрезвычайных декретов лишь в случае нарушения общественной безопасности,

чего налицо в действительности не было. За этим чрезвычайным декретом последовала очередь новых чрезвычайных декретов, издававшихся президентом (в 1930 г. — 5, в 1931 г. — 44, в 1932 г. — 66). Правительство Брюнинга явилось первым из числа правительств, прокладывавших дорогу фашистской диктатуре.

Уже первые годы экономического кризиса ознаменовались скачкообразным ростом влияния национал-социалистической партии, готовившейся на протяжении ряда лет к такому скачку.

Бедствия, вызванные экономическим кризисом, неспособность правительств Веймарской республики добиться хоть в какой-то мере оздоровления обстановки, в огромной степени облегчали нацистам задачу развертывания шовинистической пропаганды и их социальной демагогии. NSDAP, все более поощряемая монополистами и юнкерами, ведет борьбу за влияние на массы в двух направлениях: с одной стороны, она ориентируется на городскую и сельскую мелкую буржуазию, самому существованию которой кризис угрожал; с другой — на особенно затронутые кризисом и политически несознательные слои рабочего класса. Одновременно нацисты стремились убедить группы монополистической буржуазии в своей эффективности, в том, что они лучше других политических течений смогут возглавить борьбу против классовых рабочих организаций и за подготовку новой войны. Мелкую буржуазию нацисты стремятся убедить в том, что кризис является, прежде всего, результатом Версаля и репараций, на которые согласилось правительство Веймарской республики.

Нацисты организуют широкую пропагандистскую кампанию против «плана Юнга» и добиваются проведения в декабре 1929 г. плебисцита за его отмену. Хотя на плебисците за отмену «плана Юнга» была подана лишь четверть необходимых для этого голосов, они использовали кампанию перед плебисцитом для широкой пропаганды своих взглядов. Нацисты не останавливались ни перед каким обманом, стремясь усилить свое влияние. Так, накануне плебисцита по «плану Юнга» они распространяли ложные слухи, что будто в случае неуплаты репарационных платежей немцы будут вывезены для принудительного труда в английские, французские и другие колонии. С целью привлечь на свою сторону мелких буржуа нацисты время от времени возобновляли кампанию против «процентного рабства» и «хищнического капитала» евреев. Они развернули также широкую кампанию против крупных универмагов.

Нацисты осуществляли пропаганду на селе, имея в виду малую политическую опытность крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В нацистской пропаганде крестьянство превозносилось как наиболее здоровая часть нации, не подвергшаяся влиянию иностранных теорий, крестьянам были обещаны новые земли в результате расширения жизненного пространства на Востоке. Крестьянство рассматривалось как источник силы нордической расы. Забегая вперед, отметим, что именно крестьяне должны были стать оплотом Германии на завоеванных «восточных землях». (Впоследствии гитлеровцы очень интенсивно проводили такую линию). Развитие промышленности на них не должно было иметь места. Крестьяне должны были стать за счет эксплуатации подчиненного или местного населения поставщиками аграрной продукции для рейха. При руководстве NSDAP было организовано специальное отделение по вопросам сельского хозяйства во главе с В. Дарре.

Нацисты продолжали вести пропаганду среди рабочего класса, чтобы привлечь хотя бы отдельные его группы на свою сторону. Прежде всего к ним примкнули не имеющие профессии и деклассированные элементы.

Пропагандируя «Третий рейх», нацисты обещали, что все в нем живущие будут иметь хлеб и работу. Они провели кампанию по вовлечению части лиц, не имеющих профессии, в SA, в казармах которых эти лица стали получать небольшое довольствие. Все эти действия не оставались без результата. Особое внимание нацисты стали уделять безработным. Они организовывали их демонстрации, принимали участие даже в митингах безработных, организуемых КПГ. Выдвигался лозунг «права на труд», связываемый в то же время с лозунгами «трудовой повинности», что фактически означало поставку предпринимателям дешевой рабочей силы. Нацисты делали все возможное, чтобы не допустить перехода миллионов безработных на сторону коммунистов. Против своих сознательных противников национал-социалисты практиковали жестокий террор. В 1930 г. ими было убито 77 человек из числа их политических противников, в 1931 г. — 114 человек, а в 1932 г. — 219 человек.

В то же время для того чтобы усилить свое влияние в рабочем классе, нацисты должны были занять конкретную позицию по некоторым непосредственно касающимся рабочих вопросам. На Нюрнбергском партийном съезде в августе 1929 г. было принято решение о создании

национал-социалистских профсоюзов, руководство которыми было поручено Р. Мухову. Было принято также решение об исключении из партии штрейкбрехеров. Однако профсоюзные ячейки нацистов (NSBO) были созданы лишь в 1931 г. и сколько-нибудь значительных успехов добиться не смогли. Их деятельность вызывала опасения предпринимателей и сдерживалась нацистским руководством, а с другой стороны, рабочие в них просто не шли.

По мере развертывания экономического кризиса и социальных противоречий, по мере того как буржуазно-парламентские партии все больше дискредитировали себя в глазах масс населения своей неспособностью справиться с создавшимся положением, в среде крупной буржуазии усиливается тенденция к поддержке фашизма. Она стремится использовать кризисную ситуацию для реализации своих планов установления в стране террористической диктатуры, которая начала бы подготовку к новой попытке передела мира, к устранению результатов Первой мировой войны и Ноябрьской революции. Буржуазно-парламентские партии, дискредитировавшие себя, не были способны к выполнению такой задачи. Крупная буржуазия все больше ориентируется на поддержку нацизма, создававшего себе в условиях кризиса все более широкую массовую базу, состоящую в значительной степени из мелкой буржуазии. Последняя не была и не могла быть, в силу своего промежуточного положения в обществе, той силой, которая направляла фашизм. Силой, направлявшей его, а вместе с ним и его массовую базу, были монополистические круги.

Конечно, в правых кругах при этом существовали разногласия о путях и формах установления диктатуры в стране. Одни из них, как Э. Кирдорф, Ф. Тиссен, с самого начала экономического кризиса ориентировались на продвижение к власти национал-социализма, другие считали возможным и более полезным приход к власти блока националистических и реакционных партий и организаций. Одни считали нужным полную отмену буржуазно-демократических порядков, другие — сохранение части их. В этот период можно говорить о наличии двух группировок среди монополистических кругов: одна из них, связанная с угольными и сталелитейными монополиями, была настроена особенно реакционно, другая, во главе которой стояли монополии химической и электротехнической промышленности, тесно связанная с внешним рынком, занимала более умеренные позиции. Она опасалась, что

неприкрытая террористическая диктатура, выдвигающая лозунг нового передела мира, может создать препятствия на пути развития торговли с другими странами. Но обе эти фракции монополистической буржуазии были едины в стремлении к ликвидации, пусть не в одинаковой степени, буржуазно-демократических порядков.

На конференции «Имперского союза германской промышленности» — объединения предпринимателей — в декабре 1929 г. был утвержден меморандум под названием «Подъем или упадок», в котором предлагалась система мер по обеспечению высоких прибылей монополий — снижение налогов на прибыли, увеличение косвенных налогов на предметы массового потребления, ограничение расходов на социальные нужды. Эта программа в скором времени была в значительной степени выполнена правительством Г. Брюнинга. В меморандуме заявлялось, что правительство якобы не предоставляет достаточного простора «созидающему капиталу» (совпадение терминологии с нацистской!), что необходимо создать «твердое и устойчивое правительство», «которое не будет связывать себя конституционными и законодательными рамками».

В данный период преобладало влияние второй, не ориентированной на национал-социалистов, фракции крупной буржуазии, в которую наряду с химическими и электротехническими концернами, в том числе таким крупным концерном, как «IG Farbenindustrie», входил «Deutscher Bank», металлургический концерн П. Клёкнера, группа крупных промышленников во главе с О. Вольфом, владельцем сталелитейных заводов. Они считали нужным провести отмену парламентской системы постепенно, при сохранении конституционных форм, при опоре на комбинацию традиционных партий. Установление открытой диктатуры они отвергали не из принципиальных соображений, а из опасения сильного сопротивления рабочего класса и демократических сил, которое, по их мнению, могло бы привести к гражданской войне. Эта часть буржуазии хотела приспособить уже существующий механизм империалистического господства к новым условиям на базе 48-й статьи Веймарской конституции и усиления давления на рабочий класс. Они ориентировались в этот период, главным образом, на партию Центра и поддерживали правительство Брюнинга.

Те же круги монополистической буржуазии, которые больше всего были затронуты кризисом, прежде всего монополии тяжелой

промышленности Рейна и Рура, усиливают свою поддержку NSDAP. В 1929 г. из политических фондов в горной промышленности Рура, из так называемого «фонда Рура» («Ruhrschatz»), NSDAP получила свыше 6 млн марок. Крупные суммы предоставляли нацистам Кирдорф (до 6 млн марок в год), Тиссен (2 млн марок в год), Гугенберг (2 млн марок в год) и многие другие. Германско-американский исследователь Георг Халльгартен в своей работе «Гитлер, рейхсвер и индустрия», появившейся в 1955 г. и сыгравшей важную роль в прорыве той завесы молчания, которой окружала буржуазная историография *связи нацистов с монополистическими кругами*, приводит многочисленные факты и цифры финансовой поддержки монополиями нацистов. Он приходит к выводу, что в начале 30-х гг. гитлеровцев в той или иной степени субсидировали капиталисты, владевшие в общей сумме примерно 70% всего акционерного капитала Германии. Кирдорфу, например, удалось провести в правление Рейнско-Вестфальского каменно-угольного синдиката решение о том, что все входящие в него предприятия будут отчислять с 1 января 1931 г. по 5 пфеннигов с каждой тонны проданного ими угля. Правда, это решение выполнялось лишь в течение довольно короткого промежутка времени. Огромный материал о связях национал-социалистов с монополистическими кругами и о финансировании последними нацистской партии приводит также Эберхардт Чихон, автор из ГДР, в своей работе «Кто помог Гитлеру прийти к власти?», появившейся в 1967 г.

Ф. Тиссен в 1929 г. даже вступил в члены нацистской партии. То же сделал в 1930 г. крупнейший банкир Я. Шахт. Э. Кирдорф в 1929 г. присутствовал в качестве почетного гостя на съезде нацистов.

В финансировании гитлеровцев участвовали и представители международного капитала. Так, владелец англо-голландского нефтяного концерна Ройял-датч-шелл Г. Детердинг по некоторым данным в период с 1923 по 1933 г. предоставил гитлеровцам 50 млн долларов. В финансировании NSDAP принимали участие газетный король Англии лорд Г. Ротермир, Г. Форд и представители многих американских монополий. В 1929 г. Германию посетил представитель американских монополистов банкир Уорбург, который вел переговоры с гитлеровцами — на этот раз сумма пожертвований от американских капиталистов составила 15 млн долларов. Иностранцы монополисты видели в нацистском движении силу, способную справиться с нарастающим революционным

движением в Германии и организовать, на что эти круги особенно надеялись, крестовый поход против большевизма.

Конечно, сколько-нибудь точных данных о масштабах финансовой помощи нацистам со стороны монополистических кругов нет. Они держались в секрете. Но это были весьма значительные суммы. Еще большее значение, нежели финансовая поддержка, имела политическая поддержка нацистов монополистическими кругами. Она оказывалась через давление на правительственные органы, через механизмы политических партий и организаций, находившихся под их контролем, через прессу и весь аппарат идеологического воздействия на массы. Но даже и политическая поддержка — это еще не все. Нельзя упрощать дело, сводя связи нацистов и монополий к финансовой и политической поддержке последними первых. Суть этих взаимоотношений состояла в том, что совпадала политическая линия, объективные интересы тех и других, их объединяла общая политическая линия.

Монополистические круги искали и нашли в гитлеровцах ту силу, которая при их финансовой и политической поддержке могла реализовать их цели. Для национал-социалистов финансовая и политическая поддержка со стороны монополистических кругов была необходимым условием их продвижения к власти. Борьба за эту цель и была, по сути дела, основным содержанием их деятельности. Придя к власти, они неизбежно должны были начать реализацию той программы, которую выдвигали монополистические круги. Защита интересов мелкой буржуазии, крестьян, рабочих — все это осталось большей частью на бумаге, и даже не было сделано попыток реализовать эти лозунги. Антикапиталистическая демагогия была отброшена полностью. Социализм, как говорил Геббельс, это лишь клетка, которая нужна для того, чтобы поймать птичку. Национал-социализм оказался в то время той силой, которая как нельзя лучше смогла использовать и детонировать шовинистические и антикоммунистические настроения мелкобуржуазных и других групп населения и поставить их на службу реализации программы монополистических кругов.

Симптомы усиления влияния национал-социализма после того, как он на выборах в мае 1928 г. получил лишь незначительное число голосов, обнаруживаются уже в 1929 г. Прежде всего этот скачок влияния национал-социалистов проявился в среде студенчества, которое в период Веймарской республики находилось в основном под влиянием националистических идейных течений. Студенчество обычно

раньше других социальных групп ощущает изменение политического климата вследствие социально-психологической специфики своей возрастной группы. Молодежь легче, чем старшие, подвергается политическим влияниям, ее политические убеждения еще не сформировались; студенчество более, чем другие социальные группы его же возраста, связано с интеллектуальной деятельностью, имеет возможность следить за политической борьбой.

Студенчество Германии в 20-е гг. состояло в основном из выходцев из буржуазной среды, т.е. тех слоев, которые более активно поддерживали фашистское движение. Националистическая пропаганда нацистов была сознательно нацелена на особо остро переживаемую молодежью проблему эксплуатации Германии странами Антанты. В период экономического кризиса у студенческой молодежи резко возростала неуверенность в завтрашнем дне. Казалось, приготовленные ей теплые местечки на службе монополиям и государству исчезали. Уже в 1929 г. нацисты захватывают руководство студенческими комитетами в двух университетах, а вскоре — почти во всех.

На выборах в ландтаг Саксонии в мае 1929 г. нацисты добиваются прироста числа голосов и проводят пять своих депутатов. Положение сложилось такое, что от голосов этих депутатов зависело формирование будущего земельного правительства. Нацисты могли допустить или не допустить создания правительства из представителей других буржуазных партий в противовес коммунистам и социал-демократам. Несмотря на то что в Саксонии было сильным влияние «левых» национал-социалистов, считавших поддержку буржуазных партий вредной для дальнейшего расширения влияния NSDAP, Гитлер распорядился поддержать буржуазное правительство, не вступая, однако, в кабинет.

В октябре 1929 г. нацисты провели шесть своих кандидатов в ландтаг земли Баден, где до этого они не имели представительства. Успеха они добились на выборах в ландтаг Тюрингии в декабре 1929 г. На них они смогли собрать свыше 11% голосов и провести шесть депутатов. И здесь от их позиции зависело формирование будущего кабинета. Другие буржуазные партии мели 23 места, СДПГ и НПГ — 24. В январе 1930 г. гитлеровцы вошли в состав правительства, образованного буржуазными партиями. Их представитель — В. Фрик, в свое время участвовавший в «пивном путче» и отсидевший за это некоторое время в тюрьме, получил ключевой пост министра внутренних дел, дававший право контроля над тюрингской полицией. Он, кстати, с самого начала

стал использовать свое служебное положение для подавления политических противников нацистов, прежде всего — коммунистов.

Вхождение нацистов в правительство Тюрингии означало дальнейшее сближение национал-социалистов с буржуазными партиями, хотя этот процесс шел в это и последующее время отнюдь не гладко. Проявлением этого сближения было также формирование так называемой «национальной оппозиции» в период борьбы вокруг плебисцита по поводу «плана Юнга». Наряду с NSDAP в нее входили Немецкая национальная народная партия и близкий к ней «Стальной шлем» — военизированная организация, сыгравшая большую роль в военной подготовке населения, «Союз солдат-фронтовиков» и «Пангерманский союз». Однако это объединение оказалось непрочным и вскоре после неудачи на плебисците распалось. Нацисты при этом объявили виновниками поражения своих союзников, которые, по их мнению, слишком щепетильны и разборчивы в средствах, могут вести себя в светских салонах, но не умеют разговаривать с массами. Национал-социалисты же никакими, мол, условностями себя не связывают и могут не быть щепетильными.

Сближение нацистского руководства с промышленниками и традиционными правыми партиями ставило вопрос о необходимости решения проблемы с «левыми» в NSDAP, которые, несмотря на поражение в 1926 г. на совещании в Бамберге, все еще были достаточно сильны. Хотя издававшиеся братьями Штрассерами «Национал-социалистские письма» и другие печатные органы теперь значились не официальными партийными изданиями, а их личными изданиями, распространение их среди национал-социалистов и влияние «левых» на них были весьма значительны. В 1926 г. Штрассеры создали свое издательство, под названием «Боевой союз» («Kampfverlag»), которое издавало более десятка газет, по тиражу, порой, превосходивших издания партийного руководства в Мюнхене. «Левые» национал-социалисты продолжали использовать социальную демагогию в таких широких масштабах, что это вызывало беспокойство монополистических кругов, опасавшихся того, что сторонники «левых» всерьез воспримут эту демагогию, что в общем-то в значительной степени действительно имело место. Целый ряд видных деятелей «левых», например известный в будущем писатель Бодо Узе, Бруно фон Заломон и другие, смогли впоследствии порвать с нацизмом, некоторые из них вступили в ряды немецких коммунистов.

В большинстве своем «левые» национал-социалисты выражали настроения мелкобуржуазных масс, которые боялись пролетаризации, страшились и крупной буржуазии, давящей на них, и пролетариата, якобы посягающего на их собственность. Если Гитлер и его окружение давно уже перестали считать «25 пунктов» реальной программой своих действий, то «левые» продолжали стоять за претворение их в жизнь, не осознавая ее утопичности.

Представители монополистического капитала требовали от Гитлера доказать, что социальная демагогия, пропагандируемая Штрассерами и их окружением, — лишь демагогия, но Гитлер твердо держит руководство нацистской партией в своих руках. Они всячески поощряли Гитлера действовать в этом направлении. Так, «Berliner Börsenzeitung» — орган деловых кругов — хвалила Гитлера в марте 1930 г. за то, что он стремится освободить рабочих от чуждого якобы немецкому народу марксизма и создать единый немецкий народ, невзирая на классы и сословия. Но в то же время газета сомневалась, держит ли Гитлер в своих руках все нити руководства движением, способен ли он противостоять марксистскому влиянию, усиливающемуся якобы в партии. Статья заканчивалась риторическим вопросом: «Quo vadis, Hitler?» (Куда идешь, Гитлер?)

Из среды дойч-националов тоже раздавались публичные заявления, что Гитлер не в состоянии контролировать массы своих сторонников вследствие наплыва в партию ненадежных элементов и что хорошее дело, задуманное им, рискует развалиться. Гитлер очень скоро дал понять, что он собирается идти в направлении, желательном для монополистов. Через несколько дней в «Völkischer Beobachter» появилась статья Розенберга. В ней он отмежевывался от «неосведомленных писак», под которыми подразумевались журналисты из «Kampfverlag», и подчеркивал, что важнейшая цель национал-социализма, ради которой он и создан — уничтожить «марксистскую чуму». Руководство партии дало указание перепечатать эту статью всем национал-социалистским газетам.

Открытый разрыв между Гитлером и «левыми» произошел в связи с начавшейся в апреле 1930 г. забастовкой саксонских металлистов. Штрассеровская пресса поддержала ее, чтобы придать своей мнимой «социалистической» аргументации в пользу фашизма большую достоверность. Саксонские же промышленники в ультимативной форме потребовали от Гитлера осудить забастовку, либо «Имперский союз

немецкой индустрии» прекратит финансовую поддержку нацистской партии. Гитлер хотел уладить это дело втихомолку — убедив своих сторонников в Саксонии перестать поддерживать забастовку. Но телефонные звонки, письма и телеграммы Гитлера не подействовали — «левые» в Саксонии продолжали поддерживать бастующих. Тогда он распорядился опубликовать в «*Völkischer Beobachter*» подписанную им резолюцию партийного руководства, запрещающую всем членам партии участвовать в забастовке. Впоследствии Гитлер так никогда и не простил промышленникам Саксонии, что они заставили его выступить в роли прямого исполнителя воли монополистических кругов.

События, связанные с забастовкой саксонских металлистов, привели к разрыву с группой О. Штрассера и большинством его единомышленников. О. Штрассер требует от нацистской партии возврата к «социализму», которого она будто бы придерживалась на начальном этапе своего существования, и отказа от тактики легальных действий. Чтобы избежать формального раскола в партии, Гитлер пригласил в мае 1930 г. О. Штрассера и вел с ним в течение двух дней беседы, пытаясь убедить отказаться от оппозиции. Но все было напрасно — О. Штрассер стоял на своем. Тогда по указанию Гитлера в нацистской печати началась широкая кампания против «безродных литераторов», которые якобы не имеют национального чувства и т.п. Партийный суд — «*Uschla*» — начинает дела об исключении из партии сторонников О. Штрассера. В данной ситуации О. Штрассеру не осталось ничего иного, кроме как заявить вместе с группой единомышленников о выходе из NSDAP.

В начале июля 1930 г. ими был образован «Союз борьбы революционных национал-социалистов», избравший своей эмблемой молот и меч со свастикой (потом без нее), а своей программной установкой — «14 тезисов германской революции», подготовленных О. Штрассером. В них заявлялось о необходимости ликвидации экономической системы капитализма, но ничего не говорилось о ликвидации конкуренции, частной собственности. Характерными их чертами были также национализм и антисемитизм. Впоследствии О. Штрассер эмигрировал в Чехословакию, затем в Канаду. Вернувшись в 1955 г. в ФРГ, он пытался создать неонацистские группировки, в деятельности которых переплетались националистические и мнимо «социалистические» лозунги, но они не имели заметного успеха.

О. Штрассер впоследствии опубликовал запись своих бесед с Гитлером. Они протекали в доверительной обстановке и не были предназначены для печати. Заявление Гитлера в ходе их дает представление об его истинном мировоззрении: когда О. Штрассер спросил, что сделает Гитлер, придя к власти, с компанией Круппа, останется ли все по-прежнему, то Гитлер ответил: «Само собой разумеется. Неужели Вы полагаете, что я стремлюсь разрушить германскую тяжелую промышленность?.. Наши крупные предприниматели обязаны своим положением своим способностям. Этот отбор, лишь подтверждающий их принадлежность к высшей расе, дает им право руководить... поэтому нет вообще никакой капиталистической системы... не может быть никакой общественной революции, постоянно происходит только борьба низшего в расовом отношении слоя против господствующей высшей расы».

В буржуазных кругах выход сторонников О. Штрассера из NSDAP встретили со смешанным чувством. С одной стороны, там выражали удовлетворение, что Гитлер избавился, наконец, от «революционных» элементов в своей партии, с другой стороны — выражали опасение, что образование самостоятельной организации вокруг О. Штрассера приведет к борьбе в национал-социалистском движении и к его ослаблению. Однако эти опасения оказались безосновательными. Ни один из видных деятелей NSDAP не последовал за О. Штрассером, в том числе и его брат Грегор, оставшийся заместителем фюрера.

Нацистские чиновники были прочно привязаны к партийному руководству в материальном плане, получая солидное жалованье из партийной кассы. Если деятели буржуазных партий в большинстве своем имели доходы от своих предприятий, от адвокатской деятельности, являлись членами наблюдательных советов различных компаний и т.д. (потеря партийного поста для них ничего в материальном плане не значила), то большинство нацистских гауляйтеров были людьми материально слабо обеспеченными, потеря места в партийной иерархии, да еще в обстановке кризиса, лишала их, по существу, более или менее стабильного источника существования. Большинство рядовых членов партий о борьбе в партийных верхах ничего не знали, они знали лишь один авторитет — Гитлера. Имя О. Штрассера было им едва знакомо. Нападки его на Гитлера казались им совершенно необоснованными, тем более что Г. Штрассер, которого они знали лучше, в отличие

от своего брата продолжал оставаться в партии и занимать там важные посты.

«Левые» национал-социалисты оказались в изоляции в политическом и социальном плане. Если Гитлер все более уверенно опирался на союз с высшими социальными слоями, то «левые», выражая взгляды мелкой буржуазии, части трудовых слоев, не хотели идти на союз с крупным капиталом. Не хотели они идти и на союз с действительно левыми силами, они не могли опереться на рабочий класс, да и подавляющее большинство рабочих не хотели иметь с ними никакого дела из-за их антимарксизма и расистских взглядов.

Газета коммунистов «Rote Fahne» справедливо писала, что объективная роль отколовшейся от NSDAP «левой группы», состоит в том, чтобы более радикальными фразами удерживать разочарованные национал-социализмом массы от перехода к коммунистам.

В то же время следует отметить, что «левый лагерь», в том числе и коммунисты, по-видимому, недооценивали возможность использования противоречий в нацистском движении. Вероятно, осторожная поддержка «левых» по ряду вопросов, при принципиальной критике их позиций, могла бы укрепить их позиции против Гитлера, могла бы содействовать переходу их наиболее здоровой части от чрезвычайно путанных взглядов к действительно революционной позиции. О том, что это было возможно, свидетельствуют реальные случаи такого перехода, имевшие место среди «левых».

Выходом группы О. Штрассера внутрипартийные столкновения в NSDAP не окончились.

Летом 1930 г. центром оппозиции Гитлеру становится группа В. Штеннеса — начальника штаба штурмовых отрядов в Восточной Германии. Штеннес выступал против подчинения штурмовиков партийному руководству, которое, мол, предало «революционную идею». Штурмовики, поскольку им задерживали жалование, отказались охранять собрания нацистской партии. И 30 августа, когда Геббельс выступал в берлинском Дворце спорта, они покинули зал. Геббельс вызвал отряды SS, которые с 1929 г. возглавлял Г. Гиммлер, ветеринар по образованию, владелец птицефермы близ Мюнхена, одно время бывший секретарем Г. Штрассера. После этого между эсэсовцами и штурмовиками началось побоище, которое пресекла лишь полиция. Штурмовики были недовольны также тем, что Гитлер постоянно подчеркивал, что

в борьбе за власть он будет придерживаться тактики легальности. Такой гарантии требовали от него представители буржуазных правых партий, опасавшихся, и не без оснований, что Гитлер, став достаточно сильным, не будет с ними считаться и отбросит всякие конституционные нормы. Гарантий соблюдения легальности требовали от Гитлера и в кругах рейхсвера, где опасались возросших притязаний SA на то, чтобы стать главной военной силой Германии.

Случай дать им соответствующие обещания Гитлеру вскоре представился. В сентябре 1930 г. на судебном процессе в Лейпциге обвинялись три офицера рейхсвера в нацистской пропаганде в армии. Гитлер, приглашенный на процесс в качестве свидетеля, под присягой заявил, что его партия не стремится к насильственному свержению существующего строя. Правда, тем самым Гитлер поставил под удар обвиняемых, которые утверждали противоположное. Но в буржуазных кругах и в командовании рейхсвера были довольны — казалось, что Гитлер приручается все больше.

Примечательна судьба одного из обвиняемых — лейтенанта Р. Шерингера. Приговоренный судом в Лейпциге к полутора годам тюремного заключения, он оказался в тюрьме вместе с коммунистами, которые смогли доказать ему ошибочность его взглядов. Он вступил в КПГ, за что был приговорен ко второму сроку — теперь уже как коммунист. В годы нацистского режима Шерингер не раз попадал в гестапо и чудом уцелел: После освобождения Шерингер возглавил баварскую организацию КПГ, руководил работой партии среди крестьян. Власти ФРГ осудили его на 2 года тюрьмы. Шерингер до конца 80-х гг. вел активную работу, являясь членом правления ГКП и депутатом муниципалитета одного из баварских городов.

В отрядах SA были недовольны признанием Гитлера принципа легальности, видя в этом покушение на свои права проводить самостоятельные акции против политических противников. Однако Гитлеру и здесь удалось взять верх. В апреле 1931 г. В. Штеннес был снят с занимаемого им поста. Гитлер еще раз взял на себя функции верховного вождя штурмовых отрядов. Начальником штаба штурмовых отрядов был назначен вернувшийся из Боливии, где он работал военным инструктором, Эрнст Рём, который устанавливает тесные связи с одним из руководителей рейхсвера генералом Куртом фон Шлейхером.

Хотя сам конфликт со Штеннесом не имел такого принципиального значения, как конфликт с «левыми», он свидетельствовал о том, что в нацистской партии продолжается внутренняя борьба. Она в конечном счете была обусловлена противоречиями между руководящей верхушкой партии, устанавливавшей все более тесные отношения с монополистическими кругами, и массовой мелкобуржуазной базой движения. Как пишет Л.И. Гинцберг, в ходе всех этих конфликтов, вплоть до наиболее крупного из них — события 30 июня 1934 г., так называемой «ночи длинных ножей», гитлеровцам удавалось оставаться хозяевами положения, ибо они умели сочетать беспощадное подавление тех, в ком они видели своих действительных врагов, с запугиванием и подкупом части недовольных.

Несмотря на заверения Гитлера о соблюдении им легальности, нацисты продолжали террор против своих противников, в том числе посредством акций штурмовиков, с этого времени надежно подчиненных партийному руководству. Нацистская партия действовала сразу по разным направлениям. Поскольку влиятельные круги крупной буржуазии и большая часть средних слоев хотели прихода Гитлера к власти через выборы, без гражданской войны, постольку Гитлер давал присягу на верность Конституции, заверял, что будет действовать легально. Поскольку массы безработных и ряд других слоев населения не хотели и не могли ждать, требовали быстрого изменения системы, постольку гитлеровцами предпринимались учитывающие их настроения террористические акции.

Структура германского общества и членство в NSDAP в 1930 г.

Социальное положение	В составе общества, %	В составе NSDAP, %
Рабочие	45,9	28,1
Служащие	12,0	25,6
«Самостоятельные»	9,0	20,7
Чиновники	5,1	8,3
Учителя	0,9	1,7
Крестьяне	10,6	14,0
Прочие	17,4	3,3

Интересны данные о социальном составе NSDAP в 1930 г., приводимые Вольфом Шефером, автором появившейся в 1957 г. монографии «NSDAP. Развитие и структура государственной партии 3-го рейха». В сентябре 1930 г. нацистская партия достигла численности 293 тыс. человек (таблица).

Эти данные свидетельствуют о том, что:

1) имел место большой удельный вес мелкобуржуазных слоев — и самостоятельные, и служащие, и чиновники — это все в основном городская мелкая буржуазия. Эти три категории, составляя 26,1% населения Германии, представляли 54,6% состава партии; то же самое касается и сельской мелкой буржуазии;

2) рабочий класс был менее представлен в NSDAP, хотя немалую его часть, как мы видим, нацистам удалось увлечь за собой. В основном это были длительно безработные, уволенные в условиях кризиса вспомогательные рабочие, рабочие предприятий доиндустриального типа. NSDAP для расширения своего влияния в производственной сфере прибегала к союзу с предпринимателями, по соглашению с которыми на появляющиеся свободные места принимались члены NSDAP. Они противопоставлялись организованным в профсоюзы рабочим. И хотя в условиях кризиса таких свободных мест было немного, создавалась иллюзия, что NSDAP о них заботится, что с помощью нацистов можно на что-то рассчитывать.

Нарастание фашистской опасности с особой силой показали выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. Это были внеочередные выборы, так как правительство Брюнинга, придя к власти, распустило парламент. С одной стороны, выборы показали значительный рост влияния КПП, которая получила 4,6 млн голосов (на 1,3 млн голосов больше, чем на выборах 1928 г.). Ей отдали голоса 13,1% избирателей, что дало коммунистам 77 мест в парламенте. Сильнейшей партией по-прежнему оставались социал-демократы, хотя они потеряли 0,6 млн голосов, за них было подано 8,6 млн избирательных бюллетеней (24,5%). Потеряли голоса традиционные буржуазные партии (10 млн голосов — 28,5%); несколько укрепила свои позиции из них лишь партия Центра (4,1 млн голосов — 11,8%).

Крайне важным итогом выборов явилось резкое усиление национал-социалистов. Они получили в 8 раз больше голосов, чем прежде — 6,4 млн человек (18,3%), провели 107 своих депутатов, стали второй по величине фракцией в рейхстаге (143 места — у СДПГ). Это свидетельствовало о том, что фашизм становился невиданной опасностью для рабочего класса, для всех демократических сил. Фашистам удалось привлечь демагогической агитацией на свою сторону массы мелкой буржуазии.

Результаты выборов показали, что на политической сцене Германии все более отчетливо утверждались две силы, ведущие между собой борьбу: революционный пролетариат, возглавляемый КПГ, и контрреволюционная буржуазия, делающая свою основную ставку на национал-социалистов. (Немецкая национальная народная партия получила 2,5 млн голосов (7%), что в два раза меньше прежнего результата). Между этими силами шла упорная борьба за привлечение на свою сторону мелкой буржуазии городов и деревень, других средних слоев населения. Выборы показали также, что национал-социалистам удалось добиться серьезных успехов в этой борьбе, что мобилизация пролетариата происходила медленнее, чем рост сил крайней реакции. Выборы поставили перед КПГ задачу усиления борьбы за привлечение средних слоев на свою сторону, за освобождение их из-под влияния нацистов.

Правительство Брюнинга не располагало большинством в новом составе рейхстага. Оно смогло управлять, лишь опираясь на поддержку социал-демократов, которые пропагандировали весьма опасную концепцию «меньшего зла». По ней правительство Брюнинга рассматривалось как гарантия сохранения буржуазной демократии. Однако объективно эта концепция способствовала нарастанию фашистской опасности, постоянной, как говорили в то время, «холодной» фашизации политического строя.

Правительство Брюнинга (кстати, как и социал-демократические правительства ряда земель, в том числе Пруссии) попустительствовало фашистским вылазкам, не пресекало самые наглые провокации фашистов. Оно провело ряд законов, направленных на защиту интересов монополий, — о снижении размеров пособий по безработице, об отмене ряда налогов на прибыль и т.д. Наконец, весной 1931 г. Брюнинг распустил парламент на полгода, чего еще не было в истории Веймарской республики. В течение всего этого времени правительство могло править на основе 48-й статьи Веймарской Конституции, т.е. путем издания чрезвычайных законов. Важнейший из них был издан буквально на следующий день после роспуска парламента: это был «Закон о борьбе против политических эксцессов», предоставлявший власти право разгона собрания и демонстраций, а также предварительной цензуры плакатов и листовок. Правление посредством чрезвычайных законов создавало определенную авторитарную традицию, приучало население к мысли о возможности управления без парламента. Это впоследствии немало помогло Гитлеру.

Уже вскоре после выборов 14 сентября 1930 г. делаются попытки привлечь нацистов к участию в правительстве. Такие предложения делали Брюнингу, в частности, Тиссен и Шахт. Брюнинг тайно встретился с Гитлером. Однако на сей раз вступление гитлеровцев в правительство не состоялось. Известный буржуазный историк Вильгельм Шюслер на вопрос корреспондента одной из газет «Как вы оцениваете участие Гитлера в правительстве?» лаконично ответил: «Слишком рано!», поскольку он понимал, что в случае вступления нацистов в правительство могло очень скоро обнаружиться противоречие между демагогическими лозунгами нацистов и их реальной политикой. Шюслер не сомневался, что справиться с кризисом нацисты будут не в состоянии, их движение развалится и результатом станет катастрофа, превосходящая по своим последствиям 1918 г. Основная часть мелкобуржуазных кругов пока еще не считала нужным установление нацистской диктатуры. Сила нацистской партии, продемонстрированная на сентябрьских выборах 1930 г., была для них еще внове, они еще не успели привыкнуть к мысли о прочности влияния фашистов. Между тем сближение нацистской партии с монополистическими кругами продолжало усиливаться.

С 1 января 1931 г. в руководстве NSDAP был создан отдел по делам экономики. Виднейшим советником Гитлера по вопросам экономики стал В. Функ, один из ведущих сотрудников «Berliner Börsen-Courier». Г. Федер окончательно оттесняется на второй план. Через Функа, который впоследствии (в 1937 г.) при Гитлере стал министром экономики, поддерживались основные контакты с монополистическими кругами. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе он привел длинный список владельцев монополий, помогавших в это время нацистам. Летом и осенью 1931 г. Гитлер совершил целую серию поездок по районам Рура, в частности в августе в имении Кирдорфа он встречался с несколькими десятками угле- и сталепромышленников. Гитлер убеждал их в способности партии быть надежнейшим орудием в борьбе против революционного рабочего движения и подчеркивал «лишь тактический характер» ее социалистической демагогии.

После этого выступления Гитлера Кирдорф обратился к занимавшему в то время пост председателя «Имперского союза промышленников» К. Дуисбергу, одновременно руководителю концерна «IG Farbenindustrie» с требованием, чтобы Союз официально поддержал лозунг образования правительства во главе с Гитлером. Однако Дуисберг от-

клонил это предложение, так как его концерт не был столь же заинтересован в этом, как представители тяжелой промышленности Рура, находившейся, образно говоря, в эпицентре экономического и социального кризиса.

О подлинных намерениях нацистов может свидетельствовать также написанное в это время саксонским гауляйтером NSDAP М. Мугманом письмо к одному из предпринимателей: «Не впадайте в ошибку, видя лозунг “Долой капитализм!”, значащийся на наших плакатах. Такие лозунги необходимы... Мы должны говорить языком ожесточившихся социалистических рабочих, иначе они никогда не почувствуют нашу партию как свою. Из дипломатических причин мы не можем выступить с нашей действительной программой, не сделав тем самым заранее невозможным ее осуществление».

В течение 1931 г. происходит дальнейшее нарастание реакционных тенденций в политике германской буржуазии. В начале октября происходит реорганизация кабинета Брюнинга, из него удаляются те министры, которые особенно резко были настроены против национал-социализма. Одновременно рейхстаг вновь распускается на каникулы до весны 1932 г. Правительство продолжает, таким образом, править посредством «чрезвычайных декретов», не имеющих санкции рейхстага. В эти же дни состоялась первая встреча Гитлера с президентом Гинденбургом. Ее можно расценивать как симптом того, что на президента усиливается нажим с целью привлечения нацистов к власти. В пользу такого решения высказывалось и руководство рейхсвера, фактический глава которого генерал Курт фон Шлейхер — «политический генерал», как его называли за пристрастие к политическим делам и различного рода политическим интригам, — неоднократно тайно встречается с Гитлером.

Особенно ярким свидетельством растущей ориентации кругов крупной буржуазии на национал-социализм явилась Гарцбургская конференция 11—12 октября 1931 г. в курортном местечке Гарцбург в земле Брауншвейг, где национал-социалисты входили в правительство. Здесь собралась элита крайней реакции для того, чтобы обсудить вопрос о путях ликвидации буржуазно-парламентского строя и замены его террористической диктатурой. Весьма показателен состав участников конференции — наряду с Гитлером и другими руководителями NSDAP, SA и SS здесь были лидеры DNVP (Немецкой национальной народной

партии) во главе с Гугенбергом, «Стального шлема» во главе с Зельдте, «Пангерманского союза» во главе с Классом, других националистических организаций.

На конференции были представлены банковские и промышленные круги во главе с Я. Шахтом, представители юнкерских кругов. Здесь присутствовали и монархисты, в числе которых был и один из сыновей Вильгельма II. В конференции приняли участие видные представители военных кругов, в том числе бывший командующий рейхсвером генерал Г. фон Сект.

Конечно, среди участников встречи имелись серьезные расхождения во взглядах, между ними шла борьба, но тем не менее Гарцбургский фронт, как назвали конгломерат организаций, участвовавших в конференции, явился важным симптомом, свидетельствовавшим о сплочении фашистских и профашистских сил. Гарцбургский фронт не нашел выражения в какой-то организационной форме, это было общее обозначение сил, выступавших за ликвидацию буржуазно-демократических порядков. Однако его появление должно было быть свидетельством необходимости усилить борьбу против растущей фашистской опасности.

Фактором, мешавшим развертыванию борьбы против фашизма, было непонимание его классової сути в широких кругах рабочего движения. Социал-демократические лидеры рассматривали фашизм как «восстание мелкой буржуазии», как силу, стремящуюся создать «государство, стоящее над классами». Теми, кто с самого начала распознал подлинную суть фашизма, были немецкие коммунисты. Еще на заседании ЦК КПГ в октябре 1929 г. Э. Тельман обратил внимание партии на важность усиления борьбы с фашизмом. В партийных документах отмечалась необходимость найти действенные средства борьбы с нацистской демагогией. Так, в одном из них констатировалось, что в партийной пропаганде и агитации, как устной, так и письменной, употребляется преимущественно «канцелярский язык» и «совсем недостаточно» — язык масс. Необходимы более простая, практическая, понятная постановка задач и разъяснение их рабочим.

Политбюро ЦК КПГ в июне 1930 г. приняло специальное постановление о борьбе против фашизма. В нем ставился вопрос о необходимости создания на предприятиях отрядов самообороны, в которые входили бы рабочие независимо от партийной принадлежности. Говорилось о необходимости повести на борьбу против фашизма массы

сельскохозяйственных рабочих, служащих и чиновников, мелкой буржуазии городов, обнищавших мелких торговцев, мелких хозяев, ремесленников, мелких крестьян. Отмечалась необходимость дифференцированного подхода к различным элементам в лагере фашизма и указывалось на возможность отрыва от гитлеровской партии части рядовых сторонников.

В предвыборной борьбе КПГ накануне выборов 14 сентября 1930 г. большое место заняла опубликованная в августе этого года «Программа национального и социального освобождения немецкого народа». В ней разоблачалась сущность фашизма как партии войны, колониальных захватов и предательства коренных национальных интересов немецкого народа. Компартией были разработаны специальные программы для крестьянства, молодежи и т.д.

Однако в деятельности КПГ имелись и существенные недостатки. Они выражались прежде всего в ошибочной, идущей от Сталина, концепции «социал-фашизма», по которой социал-демократия отождествлялась с фашизмом и объявлялась «главной силой для установления фашистской диктатуры». Это коренным образом затруднило привлечение рабочих, особенно социал-демократов, к организованной борьбе с нацизмом. Один из руководителей партии Г. Нейман выдвинул лозунг: «Бей нацистов, где бы их ни встретил!» Несмотря на мнимую радикальность, лозунг этот сводил борьбу против фашистской опасности к потасовкам и, что самое плохое, исключал идеологическую борьбу, полемику с представителями фашизма. Не учитывалось в должной мере различие между теми кругами буржуазии, которые стремились к установлению фашистского режима, и теми, кто выступал за сохранение буржуазно-демократических порядков. Сама «Программа национального и социального освобождения немецкого народа» направляла огонь в равной степени и против нацистов, и против социал-демократов, хотя фашистская опасность была уже чрезвычайно остра. Г. Димитров, выступая на VII Конгрессе Коминтерна, говорил, что КПГ долго недоучитывала ущемленное национальное чувство и возмущение масс против Версаля, пренебрежительно относилась к колебаниям крестьянства и мелкой буржуазии, запоздала с программой социального и национального освобождения, а когда выдвинула ее, то не сумела применить к конкретным потребностям и уровню сознания масс, не сумела широко популяризировать ее в массах.

Все эти недостатки в деятельности КПГ облегчали нацистам завоевание масс. Их примитивные, лишенные какой бы то ни было научной базы лозунги часто брали верх над правильными, идейно взвешенными лозунгами коммунистов, причем последние нередко излагались штампованным, суконным языком и потому смысл их с трудом доходил до сознания масс.

Численность NSDAP продолжала быстро расти. Особенный наплыв в нее наблюдался в последние месяцы 1930 г., после успеха фашистов на сентябрьских выборах этого года. С 293 тыс. в сентябре численность NSDAP выросла в конце этого года до 389 тыс. В партию устремились чувствующие возможность скорой наживы обыватели. Геббельс назвал этот контингент новобранцев партии «сентябрятами». В 1931 г. численность партии достигла 800 тыс. человек. Правда, надо учитывать, что фактическая численность партии была значительно ниже, так как выбывшие из нее не учитывались — подсчет велся по номерам выданных партбилетов — от № 1 до бесконечности. Надо также учитывать, что масса новых сторонников нацизма была очень разнородна и легко могла отойти от партии при изменении обстановки — их объединяло, как пишет К.Д. Брахер, лишь «настроение протеста».

В конце 1931 г. произошли два события, которые могли бы быть использованы для ограничения деятельности нацистской партии, но этого не было сделано. В октябре нацисты устроили встречу штурмовиков из всей Северной Германии в Брауншвейге, где министром внутренних дел был гитлеровец. На ней присутствовали 100 тыс. человек, перевезенных сюда 40 специальными поездами. Встреча закончилась нападением штурмовиков на рабочие кварталы Брауншвейга, вследствие чего многие из рабочих были убиты и ранены. В ноябре общественности стали известны так называемые «боксгеймские документы». В поместье Боксгейм в Гессене незадолго до этого происходила встреча нацистских руководителей Гессена, на которой были разработаны планы действий на момент прихода нацистов к власти. Вследствие ссоры среди нацистского руководства в Гессене документы были обнародованы. В них говорилось о смертной казни для тех, кто не будет безоговорочно выполнять приказы новой власти. Предполагалось введение военно-полевых судов. Предусматривалась конфискация собственности лиц, сотрудничавших с противниками фашизма. Однако судебное следствие по тому и другому вопросам не привело к каким-либо конкретным

результатам в силу попустительства властей гитлеровцам. Правда, Гитлеру пришлось публично откреститься от автора «боксгеймских документов» Вальтера Беста, но это не помешало ему впоследствии сделать хорошую карьеру в фашистском государстве — он стал нацистским комиссаром в оккупированной гитлеровцами Дании.

В начале 1932 г. были сделаны, пожалуй, решающие шаги в деле установления союза нацистов с монополистическими кругами. Контакты их проходили по различным каналам. Важную роль в их налаживании продолжал играть Я. Шахт. Активную деятельность развернул и В. Функ, хотя в октябре 1931 г. он был заменен на посту советника партии по экономическим вопросам Вильгельмом Кеплером (Функу на одном из собраний в Клубе господ не удалось убедить собравшихся в необходимости назначения Гитлера канцлером). Кеплер установил контакт с Куртом фон Шредером — главой известного банкирского дома в Кёльне, который имел свои отделения в США и Англии. Через него расширились связи нацистов с англо-американскими финансовыми кругами. К этому же времени — концу 1931 г. — относится пресс-конференция Гитлера для английских и американских журналистов, на которой он заявил, что его партия «признает» иностранные долги Германии и гарантирует неприкосновенность иностранных капиталовложений в стране. Таким образом, Гитлер стремился обеспечить себя и с этой стороны, заручиться поддержкой иностранных монополистов. В то же время в повседневной пропаганде партии продолжались истерические вопли о репарационном рабстве, о необходимости освободиться от гнета иностранных плутократов и т.д.

Важную роль в обеспечении поддержки нацистской партии сыграл также сформированный Кеплером в конце 1931-го — начале 1932 г. так называемый «Кружок друзей экономики», в который входили в основном промышленники и банкиры Рура. Среди них были Я. Шахт, К. фон Шредер, А. Феглер, потомок «железного канцлера» граф Готфрид фон Бисмарк и другие — всего 12 человек. Члены кружка собирались раз в месяц, давая рекомендации по вопросам экономической политики. Члены кружка делали регулярные взносы в фонд нацистской партии. Особенно тесные связи установились у членов кружка с руководством SS и, в частности, с самим Гиммлером. После захвата нацистами власти этот кружок так и стал именоваться — «Кружок друзей Гиммлера».

Наконец, решающее значение для подготовки фашистской диктатуры имела встреча Гитлера 26 января 1932 г. с 300 промышленниками в дюссельдорфском «Индустриальном клубе». Ее организовал Ф. Тиссен. На докладе, с которым выступил Гитлер, были Я. Шахт, Г. фон Крупп, Э. Борзиг и многие другие хозяева индустрии. Доклад, продолжавшийся несколько часов, освещал вопросы программы и политики нацистской партии. Основной его тезис — «экономика» может успешно развиваться лишь при могущественной государственной власти. Гитлер изложил программу создания мощной — численностью до 8 млн человек — армии, вновь подчеркнул свое стремление добиться «искоренения марксизма». Доклад Гитлера, как свидетельствуют очевидцы, произвел глубокое впечатление на собравшихся. После этой встречи деньги прямо-таки ручьем потекли к нацистам.

Правда, некоторые участники встречи высказывали те или иные замечания. Так, Крупп заявил, что в правительстве наряду с национал-социалистами обязательно должны быть представлены дойч-националы и, в частности, А. Гугенберг. Один из руководителей металлургической промышленности — Вильгельм Цанген высказал опасения, что рабочие всерьез начнут принимать демагогические требования национал-социалистов об отмене нетрудовых доходов и т.п. Гитлер поспешил заверить, что такие сомнения не имеют оснований. Он вновь обещал предоставить промышленникам такие военные заказы, каких они еще никогда не имели. Тиссен приветствовал это заявление возгласом «Хайль Гитлер!». Этот возглас стал официальным приветствием в Третьем рейхе. На следующий день состоялось совещание Гитлера, Геринга и Рёма с директорами Стального треста в замке Тиссена.

Деньги «адмиралов индустрии» были особенно нужны нацистам в связи с развернувшейся в это время кампанией по выборам президента. Истекал 7-летний срок полномочий О. Гинденбурга. Ему исполнялось в 1932 г. уже 85 лет. Президентские выборы были назначены на 13 марта. Нацисты выдвинули на них кандидатуру Гитлера, который получил такую возможность после того, как в феврале брауншвейгское правительство назначило его своим представителем в Берлине, при центральном правительстве. Хотя на этом посту он ничего не делал, формально он получил в соответствии с существовавшим законодательством германское гражданство. Правительство Брюнинга не сделало ничего, чтобы помешать этому. Немецкая национальная народная

партия и «Стальной шлем» выдвинули кандидатуру второго председателя «Стального шлема» Теодора Дюстерберга.

КПГ выдвинула кандидатуру Э. Тельмана. Она была поддержана также левыми социал-демократами, образовавшими в 1931 г. Социалистическую рабочую партию. Одним из деятелей молодежной организации этой партии был тогда совсем еще юный Вилли Брандт. Буржуазные партии выдвинули вновь кандидатуру Гинденбурга. Руководствуясь своей теорией «меньшего зла», его поддержали и социал-демократы. Таким образом, сложилось совершенно парадоксальное положение — все кандидаты, претендовавшие на пост президента республики, выступали против режима этой республики: Тельман с позиций замены его демократией советского типа, остальные кандидаты — с позиций замены его авторитарным режимом. Сам прежний президент Гинденбург не делал особой тайны из своих монархистских настроений.

По итогам выборов Гинденбург получил 18,6 млн голосов, т.е. 49,6%, а не 50 + 1 голос, как того требовала конституция для избрания президента. Поэтому был назначен второй тур президентских выборов. Обнаружилось также огромное нарастание фашистской опасности: кандидат нацистов Гитлер получил 11,34 млн голосов, Дюстерберг — 2,5 млн голосов, что свидетельствовало о дальнейшем сдвиге в лагере крайне правых в пользу фашистской партии. За Тельмана было подано в первом туре почти 5 млн голосов. Во втором туре Дюстерберг снял свою кандидатуру, его сторонники в основной массе голосовали за Гитлера. В итоге этого тура выборов победил Гинденбург — 19,3 млн, Гитлер — 13,4 млн, Тельман — 3,7 млн голосов (10.04.1932).

24 апреля 1932 г. большинство избирателей вновь были призваны к избирательным урнам — проходили выборы в ландтаги Пруссии (самой крупной из земель, занимавшей более половины территории страны) и некоторых других земель. В Пруссии национал-социалисты также резко увеличили число поданных за них голосов и стали сильнейшей партией ландтага. Усилили свои позиции коммунисты, но потеряли много голосов правившие до этого Пруссией социал-демократы. Поскольку ни одна из партий не могла составить опирающегося на большинство кабинета, временно продолжал исполнение своих функций социал-демократический кабинет Брауна. Нацисты повели на него атаки, добиваясь создания своего правительства, что дало бы им возможность руководить прусской полицией и полицией Берлина.

Избранный на новый срок президентом Гинденбург, однако, решил проявить самостоятельность. В середине апреля 1932 г. он издает чрезвычайный декрет о роспуске штурмовых отрядов и формирований SS. Этой акцией преследовалась, с одной стороны, цель устранить становящегося все более опасным конкурента рейхсвера, с другой — оказать давление на нацистскую партию, сделать ее более сговорчивой в смысле союза с другими буржуазными правыми партиями, которым симпатизировал Гинденбург.

Лекция 5

Установление фашистской диктатуры в Германии

1 июня 1932 г. был сформирован кабинет Франца фон Папена. Первой его акцией был роспуск рейхстага и назначение на 31 июля новых выборов. Этого добивались нацисты. Таким образом, на протяжении более двух месяцев, до созыва нового рейхстага, правительство могло править, не отчитываясь перед ним, не добиваясь его доверия и опираясь лишь на поддержку своих действий президентом. Сам по себе фон Папен не представлял ничего особенного как политик. Он никогда не был депутатом рейхстага и мало был известен общественности. Но он обладал весьма широкими связями в кругах прусского юнкерства, в генералитете, среди промышленников. Он был женат на дочери крупного саарского промышленника, сам был богатым помещиком, служил в свое время в одном полку с фактическим главой рейхсвера — фон Шлейхером и сыном президента Гинденбурга.

Особенно упорно продвигал его на пост главы кабинета Шлейхер, который стал военным министром и рассчитывал, что, пользуясь бездарностью Папена, станет полным хозяином положения. В разговоре с юнкерами, сомневавшимися в том, «голова» ли Папен, Шлейхер так и сказал: «Мне нужна не голова, а шляпа!»

Папен принадлежал к правому крылу партии Центра, но был исключен из партии, когда согласился стать канцлером, так как партия Центра опасалась в еще большей мере потерять свое влияние, если ее представитель будет проводить ту политику, которую собирался проводить Папен.

Кабинет Папена прозвали «правительством баронов», так как он состоял из представителей титулованной знати, не скрывавших своей

враждебности к республике. Сам канцлер не делал тайны из своих монархистских убеждений. Из всех партий его кабинету оказала поддержку лишь Немецкая национальная партия. Папен и стоявший за его спиной Шлейхер были готовы привлечь к участию в правительстве национал-социалистов, но те потребовали слишком много: предоставления им в кабинете, по существу, всех руководящих постов, и сделка не состоялась. Однако, несмотря на демагогическую, по сути, оппозицию к правительству Папена, усиливавшую их популярность, нацисты фактически были солидарны с его программой. Впоследствии сам Папен и 4 из 9 его министров были включены в состав правительства Гитлера после установления национал-социалистской диктатуры.

Объявленная правительством Папена программа больше походила на передовицу правоэкстремистского листка, нежели на программу сознающего свою ответственность правительства. Уже 14 июля Папен отменил введенный в апреле запрет деятельности SS и SA (впрочем, никогда практически не соблюдавшийся). Это было с восторгом встречено нацистами. Центральный орган национал-социалистской партии «*Völkischer Beobachter*» расценивал эту акцию как «предвестие грядущей передачи правительственной власти национал-социализму». Одновременно правительство Папена на четверть сократило пособия по безработице, пособия инвалидам, вдовам и сиротам, ввело налог на соль. Июнь и июль были заполнены ожесточенной предвыборной борьбой, обострившейся до крайней степени. Лето 1932 г. было временем наибольшего экономического спада, и без того огромная армия безработных пополнялась новыми сотнями тысяч людей. Оно же было и временем наибольшего обострения политической борьбы. Выборы, назначенные на 31 июля, были уже четвертыми за последний год (в марте и апреле выборы президента — 2 тура, в апреле — выборы в прусский ландтаг). Отмена запрета SS и SA позволила нацистам развернуть невиданную по своим масштабам и ожесточению волну политического террора. Только с 18 июня по 1 августа (т.е. от отмены запрета до выборов) нацистами было убито 183 человека и более 2 тыс. человек ранено. Фашисты совершали нападения на участников демонстраций коммунистов и социал-демократов, на помещения редакций газет и партийных руководящих органов своих политических противников, жилищ рабочих функционеров и т.д.

Антифашисты отвечали ударом на удар. Еще в мае 1932 г. по решению ЦК КППГ была начата кампания «Антифашистской акции», имевшая целью стать воплощением единого фронта и объединить в борьбе против фашистской угрозы широчайшие слои трудящихся. Частью «Антифашистской акции» должны были стать отряды самообороны, основывающиеся на принципе единства. В отрядах самообороны отпор фашистским бесчинствам давали коммунисты, социал-демократы и беспартийные. Им неоднократно удавалось обращать в бегство эсэсовцев и штурмовиков. Ожесточенные столкновения произошли 17 июля в рабочем районе Гамбурга — Альтоне, где фашисты в провокационных целях устроили свое шествие через рабочие кварталы. Отряды рабочей самообороны заставили фашистов убраться восвояси. Вооруженные до зубов эсэсовцы убили в ходе этого столкновения 15 рабочих. Но изрядно пострадали и фашисты. Правительство использовало события в Альтоне для запрета любых демонстраций и собраний, что было на руку нацистам, которые, осуществляя свой террор, в первую очередь и стремились не допустить организованно и мирно проходивших рабочих демонстраций и собраний.

Компартия считала необходимым вести широкую работу в штурмовых и эсэсовских отрядах, исходя из того, что значительная часть их членов — обманутые нацистской пропагандой трудящиеся. Эрнст Тельман говорил: «Мы обращаем свой призыв ко всем недовольным в штурмовых и эсэсовских отрядах: “Если сегодня вы еще нацеливаете пистолеты на ваших братьев и сестер, на подлинных борцов против Версальского договора, на нашу пролетарскую армию освобождения, если сегодня по приказу фашистских фюреров вы убиваете честных борцов за социализм — то мы говорим вам: настанет час, когда и вы поймете, что вы обмануты и преданы вашим фюрером, что вас используют как ландскнехтов и наемников”».

С лета 1932 г. КППГ берет генеральный курс на борьбу с фашизмом. Все силы партии были направлены на выполнение этой задачи. Компартия призывала всех трудящихся, независимо от их партийной принадлежности, выступить против фашизма. Кампания «Антифашистской акции», которая была распространена и на деревню, привела к увеличению влияния КППГ.

Однако плоды антифашистской деятельности партии во многом сводились на нет ошибками сектантского характера. Лозунг и задачи

послеоктябрьского (1917 г.) периода догматически переносились в ряде случаев на совершенно иные условия начала 30-х гг. Главной ошибкой была установка на непосредственную подготовку пролетарской революции, хотя необходимых предпосылок для этого не существовало. Оценку положения и определение актуальных задач борьбы компартия связывала с лозунгом диктатуры пролетариата и созданием Советов как непосредственной задачи.

В условиях борьбы против фашизма и подготовки войны ближайшей задачей была борьба за демократические права трудящихся, за свержение правительства Папена, прокладывавшего путь фашистской диктатуре. Это могло быть достигнуто лишь через единство действий всех демократических и миролюбивых сил. Нельзя было в качестве альтернативы фашистской диктатуре выставлять лозунг диктатуры пролетариата, так как большинство групп рабочего класса было явно не готово к борьбе за нее. Необходимо было собрать все силы для борьбы за сохранение демократических свобод и, лишь добившись этого, делать шаги дальше. Выставляя в качестве непосредственных лозунгов лозунги диктатуры пролетариата, партия, «переместив центр тяжести своей повседневной пропаганды на конечные цели, заняла негибкую, догматическую позицию и тем самым создала препятствия для объединенных действий с социал-демократами, к которым она стремилась» (А. Норден, активный участник антифашистской борьбы).

Эти ошибки компартии облегчили продвижение фашистов к власти, помогли им увлечь за собой крупные группы мелкой буржуазии, напуганные лозунгом диктатуры пролетариата. Вплоть до самого 1933 г. не была изжита недооценка опасности фашизма. Так, после выборов 1930 г. центральный орган КПП «Rote Fahne» писал, что успех на выборах фашистов — это вершина их подъема, после чего неизбежно начнутся их упадок и крах. Действительность оказалось иной. Большой вред нанесло утверждение, что правление Брюнинга, а затем Папена было уже фашизмом. Хотя эти правительства и были весьма реакционными и даже профашистскими, они осуществляли свою деятельность методами, отличными от методов фашистской диктатуры. Недоучет этого обстоятельства также мешал борьбе с национал-социализмом.

Большой вред принес и сталинский тезис о социал-фашизме. Он продолжал пропагандироваться даже тогда, когда был взят курс на единый фронт с социал-демократией и в пропаганде, обращенной

к рабочим социал-демократам. Из неверных установок Сталина вытекало и объявление основной опасностью в рабочем движении левых социал-демократов. Так, в резолюции берлинского окружного комитета КПГ, принятой в январе 1932 г., говорилось, что «главный огонь нашей партии должен быть направлен в “левых” социал-фашистов, которые являются опаснейшими представителями социал-фашистской политики». «Легко представить себе, — пишет в одной из своих статей Л.И. Гинцберг, — как все это затрудняло привлечение рядовых социал-демократов к единому фронту, а с другой стороны, облегчало саботажи его реформистскими лидерами».

Сектантские ошибки допускались и в профсоюзном движении. Вместо того чтобы вести борьбу внутри реформистских профсоюзов, коммунисты часто выходили из них, создавали самостоятельные профорганизации, что вело к их изоляции от основной массы рабочих.

Коммунисты выступали защитниками буржуазно-демократических свобод, но в своей повседневной пропаганде их недооценивали. Их сопоставляли с советской демократией, показывая ее как шаг вперед по сравнению с буржуазно-демократическими порядками. В конкретной же обстановке Германии речь должна была идти о сравнении буржуазно-демократических свобод не с советской властью, а с тем полным бесправием, которое нес фашизм.

Главным центром сектантства в КПГ была группа Г. Неймана — Э. Реммеле, доходившая в своем бездумном подражательстве Сталину, как пишет Л.И. Гинцберг, до абсурда. Странники ее не делали различия между вождями социал-демократии и рядовыми членами СДПГ. Лозунг Неймана—Реммеле «Бей фашистов, где бы их ни встретил!», по сути дела, приуменьшал фашистскую опасность и отвлекал партию от задачи создания единого фронта, который один только мог остановить наступление фашизма. Летом 1932 г. группа Неймана—Реммеле была подвергнута острой критике и организационно разгромлена, но сектантские настроения и дальше сохранялись в партии в формах пропаганды, нанося ущерб ее работе.

Конечно, основным в деятельности партии были не эти ошибки, а неуклонная, непримиримая борьба с фашизмом, борьба за создание единого фронта отпора ему. Мы останавливаемся столь подробно на этих ошибках, поскольку они весьма поучительны для мирового коммунистического движения. Говоря об ошибках, допущенных компартией,

мы не должны забывать о том, что главную вину за срыв единого фронта борьбы с фашизмом несут правые лидеры социал-демократии, саботировавшие всякие единые действия с коммунистами, считавшими для себя главной опасностью не фашизм, а коммунизм.

После прихода к власти правительства Папена, ознаменовавшего начало нового этапа фашизации, политика социал-демократов не изменилась, хотя это правительство было настроено резко отрицательно к социал-демократии. Если правительство Брюнинга в какой-то мере сотрудничало с СДПГ, то кабинет Папена отказался от этого. Более того, 29 июня правление партии социал-демократов категорически запретило низовым организациям вести какие-либо самостоятельные действия в деле установления единства. Те ошибки, которые имели место в деятельности КППГ, руководство социал-демократии выдавало за существо политической линии коммунистической партии. По всем основным вопросам руководство СДПГ, на словах заявляя о своей непримиримой враждебности к правительству, шло на уступки ему.

Капитулянтская линия СДПГ особенно отчетливо проявлялась в ходе событий 20 июля 1932 г. В прусском ландтаге ни одна из партий не располагала большинством, чтобы сформировать правительство. У власти продолжало находиться правительство, возглавляемое социал-демократом Брауном, управлявшее Пруссией до выборов. Под контролем социал-демократов находилась соответственно и прусская полиция, в том числе полиция Берлина. Под предлогом беспорядков, имевших место в Альтоне, 20 июля фон Папен разогнал социал-демократическое правительство Пруссии. Сам Папен был назначен имперским комиссаром Пруссии. Министром внутренних дел Пруссии, к которому перешло и руководство полицией, был назначен реакционер Франц Брахт, близкий к концерну Круппа. В Пруссии было объявлено чрезвычайное положение. Однако социал-демократы и не попытались оказать какого-либо сопротивления, хотя эти действия и противоречили конституции.

Сознавая всю серьезность обстановки, ЦК КППГ обратился ко всем рабочим, к СДПГ, к профсоюзам с призывом к генеральной забастовке, чтобы воспрепятствовать действиям реакции и свергнуть правительство Папена—Шлейхера. Единые действия рабочего класса могли бы привести к срыву государственного переворота, предпринятого правительством, подобно тому, как в 1920 г. единые действия рабочего

класса привели к разгрому «капповского путча». Все еще существовала возможность в последний момент спасти немецкий народ от надвигающейся катастрофы. Социал-демократические рабочие и члены профсоюзов ожидали от своего руководства сигнала к борьбе. Но правление СДПГ и руководство профсоюзов хотели любой ценой помешать совместным с коммунистами действиям. Они отказывались от организации всеобщей забастовки в защиту демократических свобод, ограничившись подачей жалобы на государственный переворот в Верховный суд республики. Результатом событий 20 июля было укрепление позиций реакционных сил и серьезная деморализация части рабочего класса, начавшей сомневаться в возможности отпора фашизму. Шанс остановить продвижение реакции был упущен из-за капитулянтской предательской позиции социал-демократов. День 20 июля 1932 г. во многом был прологом 30 января 1933 г.

В такой обстановке и состоялись выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. Они показали дальнейшую поляризацию сил в стране. Нацисты собрали на них 13,7 млн голосов и получили 230 из 608 (37,4%) мест в парламенте. По сравнению с выборами 1930 г. число голосов, поданных за них, выросло более чем вдвое. Однако по сравнению с президентскими выборами в апреле прирост голосов за нацистов был незначительным. Нацистам не удалось добиться той цели, которую они перед собой ставили — получить в рейхстаге большинство. Выборы тем не менее свидетельствовали о том, что национал-социалистская партия становится угрожающе опасной силой. Сократилось представительство дойч-националов, они получили 2,2 млн голосов, на 0,3 млн меньше, чем в 1930 г. Положение основной партии националистического лагеря, таким образом, еще в большей степени закрепилось за NSDAP.

На другом полюсе увеличилось число голосов, поданных за КПП. Коммунисты получили 5,3 млн голосов — на 700 тыс. больше, чем на предыдущих парламентских выборах. Это был большой успех, но в то же время становилось очевидным, что темпы роста влияния партии не соответствуют потребностям угрожающей политической ситуации. СДПГ потеряла 0,6 млн голосов, что явилось расплатой за капитулянтскую линию ее руководства, получив в итоге 7,9 млн голосов.

Таким образом, 15,9 млн избирателей, голосовавших за националистические партии (NSDAP и DNP), противостояли 13,2 млн голосов сторонников рабочих партий (КПП и СДПГ). Перейдя впервые с 1919 г.

в оппозицию, представители партии Центра получили 5,8 млн голосов (больше на 0,6 млн). Влияние остальных буржуазных партий почти сошло на нет: они, вместе взятые, получили лишь 17 мест в парламенте (примерно 2 млн голосов). Таким образом, возникла альтернатива: либо коалиция нацистов с партией Центра, либо коалиция всех партий, которые, по крайней мере на словах, выступили против фашизма, — коммунисты, социал-демократы и католики. Но второй вариант практически был неосуществим, хотя объективно он был наиболее правильным и лучшим выходом из положения. Лидеры католической партии Центра хотели извлечь для себя выгоду из создавшегося положения. В качестве аванса Центр поддержал избрание на пост председателя рейхстага Геринга. Но партия Центра отказывалась поддержать кандидатуру Гитлера на пост канцлера.

В правящих кругах Германии разворачивается в это время борьба по вопросу о том, в какой форме установить антикоммунистическую, антирабочую диктатуру в стране — либо в форме передачи власти Гитлеру, либо в форме установления диктатуры блока различных реакционных групп, в том числе и нацистов, но не при их руководящей роли. Папену, Шлейхеру, лидерам партии Центра хотелось самим добиться руководства страной, им к тому же, аристократам по происхождению, претил выскочка Гитлер и его подозрительное окружение. Кроме того, они опасались наличия в гитлеровской партии так называемых «социал-революционных элементов». Впрочем, когда дело дошло до кризиса, отбросили свои предубеждения и пошли на передачу Гитлеру власти, но пока они еще продолжали искать какой-то другой вариант. Правда, Шлейхер не возражал против канцлерства Гитлера, полагая, что это укрепит позиции рейхсвера, но ему не удалось уговорить Гинденбурга пойти на назначение Гитлера — слишком сильно было у того предубеждение против «высочки-ефрейтора». Но нажим, оказывавшийся на Гинденбурга со всех сторон, а главное — принципиальное единство националистических и антирабочих целей, делали его все более уступчивым в этом отношении, пока, наконец, он не смирился с мыслью о назначении Гитлера канцлером.

Попытка сформировать опирающееся на парламентское большинство правительство не удалась, и в сентябре фон Папен вновь распускает рейхстаг. Президиальный кабинет его продолжает, таким образом, свое существование. Новые выборы назначены на 6 ноября 1932 г.

Правительство Папена использовало свое пребывание у власти для того, чтобы еще туже «завинтить гайки» по отношению к трудящимся. Был издан чрезвычайный декрет, предоставлявший право предпринимателям снижать заработную плату наемным работникам, не считаясь с тарифными ставками. Был подготовлен ряд других антирабочих законов, готовилась реформа конституции в реакционном направлении. Однако эти чрезвычайные меры натолкнулись на сильное сопротивление рабочих.

В сентябре – октябре 1932 г. разворачивается исключительно ожесточенная стачечная борьба, невиданная много лет. Результатом этой борьбы явился крепнущий рабочий фронт, сознание возможности успешно вести борьбу с буржуазией и фашизмом. В акции солидарности с бастующими рабочими включаются крестьяне, ремесленники, мелкие лавочники. Лозунг «Не уступим ни одного пфеннига», выдвинутый КПП, находит все более широкую поддержку. Показательно, что против забастовочного движения в этот момент не выступили даже национал-социалисты; с одной стороны, это свидетельство размаха забастовочного движения, с другой – пример демагогии и беспринципности нацистских лидеров. В сентябре 1932 г., когда в Берлине происходила забастовка транспортных рабочих, парализовавшая весь город, в ней приняли участие и нацисты. В одном из разговоров Гинденбург спросил Гитлера: «Почему же вы, национал-социалисты, принимали участие в этой забастовке?» Гитлер на это ответил: «Если бы я удержал своих сторонников от участия в забастовке, она бы все равно состоялась, но я бы потерял своих сторонников в рабочем классе». Правительство Папена оказалось неспособным справиться с забастовочным движением. Крупная буржуазия все чаще высказывает сомнения в целесообразности его дальнейшего пребывания у власти.

Как и перед выборами 31 июля 1932 г., накануне выборов 6 ноября развернулась ожесточенная борьба. Однако нацисты на этот раз вынуждены были в большей степени держать себя в руках. «Антифашистская акция», организовавшая целый ряд своих манифестаций и мероприятий, показала свою силу и заставила нацистов быть осторожнее. Как и раньше, коммунисты ведут борьбу за все слои населения, в том числе и среди сторонников нацистской партии. В. Ульбрихт и другие руководители КПП не раз появлялись на собраниях нацистов с участием рабочих и выступали на них, разъясняя политику коммунистической

партии. Борьба КППГ была облегчена разгромом к этому времени группировки Неймана—Реммеле в ее рядах. И эта борьба дала свои результаты.

Выборы 6 ноября 1932 г. ознаменовались ростом голосов, отданных за КППГ. За три месяца их число увеличилось на 0,7 млн голосов и достигло 6 млн. Особого успеха компартия добилась в тех районах, где она руководила забастовками. Коммунисты получили 100 мест в парламенте. В Берлине КППГ вышла на первое место по поданным за нее голосам (38%). Вновь ухудшились позиции СДПГ. Она потеряла еще 0,7 млн избирателей и получила 7,2 млн голосов.

Особенно важным результатом выборов было начало падения влияния нацистов. Они потеряли 2 млн голосов (получили 11,7 млн). Наиболее существенным было даже не то, что этих 2 млн голосов нацисты лишились, а то, что был развеян миф о непобедимости их на выборах. ореол партии, идущей от успеха к успеху, рассеялся. Это было прежде всего результатом широкой антифашистской борьбы, развернувшейся под руководством КППГ. Дойч-националы получили 3 млн голосов (прирост на 0,8 млн голосов). Позиции остальных группировок остались в основном без изменения.

Результаты выборов вызвали большое беспокойство в кругах монополистической буржуазии и в национал-социалистской партии, лидеры которых, поддерживаемые монополистами, с особой настойчивостью пытаются рваться к власти, сознавая, что влияние их партии начинает падать. Те иллюзии и националистический угар, которые они создали в стране, под влиянием работы КППГ и других антифашистских сил начинают понемногу рассеиваться. К тому же в это время появляются первые, пока малозаметные, но тем не менее очевидные признаки того, что экономический кризис миновал свою наивысшую точку и начиналось, хотя и слабое, оживление в экономике. Все это несколько пошатнуло позиции нацистов.

Результаты выборов 6 ноября 1932 г. создавали новую, более благоприятную для отпора фашистам политическую обстановку. Наивысшая фаза влияния национал-социалистов была уже пройдена. Объективно возникла возможность сотрудничества между парламентскими фракциями тех трех крупнейших партий, основная масса сторонников которых была настроена антифашистски: КППГ, СДПГ и партии Центра.

Но такого сотрудничества, как после выборов 31 июля, установлено не было.

Спад влияния национал-социалистов, обнаружившийся на выборах 6 ноября, сопровождался рядом поражений их на местных выборах: в Тюрингии в начале декабря потеря голосов составила почти 40%. В рядах национал-социалистской партии эти поражения вызвали острый кризис. Из рядов нацистской партии начинается массовое бегство. Возникает недовольство в отрядах штурмовиков и во многих местных отделениях партии. В декабре 1932 г. происходят волнения штурмовиков в Галле, Касселе, в северной Баварии. Положение партии усугублялось серьезными финансовыми трудностями. Сокращаются поступления от промышленников, так как те начинают сомневаться в возможностях нацистской партии и стремятся оказать давление на нацистов, чтобы сделать их уступчивее, заставить пойти на коалицию с другими реакционными партиями. Штурмовые отряды перестают получать финансовую поддержку и, естественно, в них нарастает недовольство. Долги нацистской партии достигают, по некоторым оценкам, 70—90 млн марок. Даже владелец типографии, где печатался «*Völkischer Beobachter*», угрожал прекратить печатание газеты, если ему не будет уплачен долг. Множество штурмовиков с кружками для пожертвований в пользу партии появились на улицах, но сбор средств шел туго. В нацистской партии возникли серьезные внутренние разногласия: если Гитлер требовал передачи ей всей полноты власти, то Штрассер, к этому времени сосредоточивший в своих руках власть в организационном отделе партии, выступил за создание широкого коалиционного правительства — от Гитлера до правых лидеров социал-демократической партии.

В общественных кругах стали даже высказывать мнение, что крах нацистской партии неизбежен и вскоре она совсем развалится. Такие настроения особенно были распространены в руководстве социал-демократической партии. В верхах даже стали думать о том, как быть со сторонниками нацистов после развала гитлеровской партии, причем особые опасения вызывала возможность перехода их значительной части к коммунистам.

Недооценка масштабов сохранявшейся нацистской опасности была крайне ошибочна. Более того, когда в национал-социалистской партии появились симптомы развала, это побудило правящие круги Германии

усилить ее поддержку: готовить условия для незамедлительной передачи ей всей полноты власти. Фон Папен в беседе с английским послом заявил: «Было бы катастрофой, если бы гитлеровское движение развалилось или было разбито, ибо нацисты — это последний оплот против коммунизма в Германии».

Что касается правительства Папена, то оно не могло рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку во вновь избранном парламенте, как и прежде. Папен 13 ноября 1932 г. обращается к Гитлеру с предложением начать переговоры о создании правительства «национальной концентрации», но Гитлер отвечает отказом — он по-прежнему придерживается лозунга «все или ничего». Фюрер продолжает надеяться на то, что, в конечном счете, в господствующих кругах Германии будет принято решение о передаче власти нацистам как единственной силе, способной противостоять (опасности слева) революционному движению.

Папен предлагает на заседании правительства 17 ноября вновь распустить рейхстаг и не назначать пока новых выборов, т.е. править без рейхстага. Он решает распустить все партии, политические организации и профсоюзы и установить открытую диктатуру. Но большинство членов правительства, и в том числе министр рейхсвера Шлейхер, выражают опасения, что это приведет ко всеобщей забастовке и даже гражданской войне, исход которой невозможно прогнозировать. В итоге 17 ноября правительство фон Папена решает уйти в отставку.

Началась сложная борьба вокруг вопроса о создании нового кабинета. Гинденбург принимает представителей различных партий по этому вопросу, в том числе и Гитлера. Президент 19 ноября впервые предложил Гитлеру формирование кабинета, но он не соглашался на то, чтобы это правительство полностью контролировала NSDAP. Немецкая национальная партия и партия Центра соглашаются на канцлерство Гитлера, но также выступают против предоставления ему неограниченных полномочий, которых требует фюрер. Таким образом, торг между различными политическими силами о путях и формах привлечения нацистов в правительство никак не разрешался. Между тем политическая атмосфера в стране продолжала накаляться. Во многих городах проходят, несмотря на официальный запрет, антифашистские демонстрации. Ответом правительства в этой обстановке было запрещение на 20 дней органа ЦК КПГ «Rote Fahne».

В этих условиях магнаты германской промышленности вынашивают заговор, имеющий целью передачу власти гитлеровской партии. Наиболее интенсивную работу в этом направлении развертывают промышленник В. Кеплер, владелец предприятий по производству бензина из бурого угля, экономический советник Гитлера, президент Имперского банка Я. Шахт, кельнский банкир барон Курт фон Шредер, тесно связанный финансовыми и родственными узами с английским и американским капиталом. Банк Шредера был международным германо-англо-американским банком. Особенно интересна фигура Кеплера, организовавшего в середине 1932 г. так называемый «Кружок друзей экономики», в который входили крупнейшие предприниматели Германии. В этом кружке они излагали свои взгляды на экономические проблемы страны национал-социалистскому руководству. Фактически это был один из главных каналов, через которые монополии диктовали свою волю нацистскому движению. Впоследствии этот кружок поддерживал особенно близкие связи с руководством SS и стал известен как «Кружок друзей Гиммлера».

Вскоре после выборов 6 ноября 1932 г. Кеплер предложил крупным промышленникам написать письмо президенту Гинденбургу, в котором содержался призыв без промедления назначить Гитлера рейхсканцлером, так как он один якобы может выполнить роль «спасителя страны». Чтобы придать этому письму большую убедительность, было решено отправить идентичный текст за подписями каждого из промышленников в отдельности. Гинденбург получил около 40 таких писем одинакового содержания. Под ними стояли подписи Шахта, Шредера, Фрица Тиссена, владельцев судоходных компаний, «Германо-американской нефтяной компании», «IG Farbenindustrie» и целого ряда других концернов. Через несколько дней Гинденбург получил сообщение от владельцев металлургических заводов А. Феглера (Vereinigte Stahlwerke), П. Рейша (Gutehoffnungshütte) и Ф. Шпрингорума, представителя электротехнической промышленности, о том, что они полностью разделяют позиции, изложенные в письме, хотя из политических соображений не хотят официально ставить свои подписи. И 19 ноября документы были переданы Гинденбургу.

Уже после Второй мировой войны по поводу этого документа — «письма промышленников» — развернулись ожесточенные дебаты. Копия письма была найдена в 1945 г. в развалинах банковского дома

Штейна, совладельцем которого был Шредер. К ней был прикреплен написанный карандашом список 40 промышленников, которым его предполагалось разослать на подписи. Эти документы фигурировали на Нюрнбергском процессе. Защитники обвиняемых стремились доказать, что проект этот так и остался проектом и не был отправлен Гинденбургу. Подобную же позицию занял и целый ряд крупнейших западно-германских буржуазных историков, в том числе К.Д. Брахер. Однако в 1955 г. историком ГДР Альбертом Шрейнером были найдены оригиналы писем, отправленных промышленниками президенту в Потсдаме.

Президиум Имперского союза немецких промышленников принял специальное решение, в котором требовал от Гинденбурга возможно более быстрой «консолидации политических отношений», т.е. передачи власти нацистам. Таким образом, давление на Гинденбурга в пользу передачи власти гитлеровцам все время нарастает. Что касается самого Гинденбурга, то он пока еще предпочитал установление какого-либо другого вида диктаторского режима с участием или без участия гитлеровцев, но во всяком случае без их руководящей роли. Его наибольшим доверием продолжал пользоваться Папен, кабинет которого вплоть до создания нового правительства продолжал выполнять свои функции.

Папен 1 декабря вновь предлагает Гинденбургу оставить у власти свое правительство, опираясь на рейхсвер и полицию, и запретить все политические партии. Гинденбург был «за», тем более что Папен уверял его, ссылаясь на события 20 июля 1932 г., что всеобщей забастовки не последует. Однако этому проекту опять-таки воспротивился Шлейхер, утверждавший, что проект Папена чреват угрозой гражданской войны, а рейхсвер не сможет отстоять существующий порядок перед лицом революционных рабочих, с одной стороны, и сторонников фашизма — с другой. В конце концов Гинденбург склонился к мысли об обоснованности этих доводов.

Второго декабря 1932 г. формирование правительства поручается Шлейхеру. Он сохранил в своих руках и пост военного министра. И президент, и канцлер были теперь военными. Гитлеру Шлейхер предложил пост вице-канцлера, но тот отказался от него, продолжая добиваться единоличной, по существу, власти. В основном состав правительства остался тем же. Объективно кабинет Шлейхера был кабинетом, переходным к диктатуре Гитлера, о чем сразу же заявил лидер коммунистов Э. Тельман. Промышленные магнаты так и рассматривали

этот кабинет. Сам Шлейхер в узком кругу тоже заявлял, что останется у власти лишь до тех пор, пока либо Гинденбург, либо Гитлер не уступят.

В то же время Шлейхер затеял игру, рассчитывая добиться в конечном итоге либо уступок от Гитлера, либо в случае удачи установить свою диктатуру. Как пишет левобуржуазный историк Э. Эйк, он попытался «расколоть оппозицию слева и справа». Одновременно он устанавливает контакты с лидерами реформистских и христианских профсоюзов, стремясь заручиться их поддержкой, пытается добиться также благосклонности и правых социал-демократических лидеров. Шлейхер выдает в переговорах с ними себя за «социального генерала», а свой кабинет — за «надпартийный кабинет». Он даже идет, используя едва улучшившуюся экономическую конъюнктуру, на такие шаги, как ассигнование общественных работ для безработных, оказание помощи некоторым категориям особо нуждающихся слоев населения, на отмену чрезвычайных декретов, принятых кабинетом Папена. За счет социальной демагогии Шлейхер рассчитывал создать массовую базу планируемой им диктатуры в виде христианских и реформистских профсоюзов. Расширить социальную поддержку своего правительства он попытался за счет отрыва от гитлеровского руководства группы Г. Штрассера. Последний был связан и с другими, отошедшими еще ранее от нацистского движения группами, такими, например, как «Черный фронт» своего брата О. Штрассера.

Г. Штрассер склонялся к сделке с Шлейхером, который одно время даже планировал выдвинуть его на пост вице-канцлера и с этой целью представил его Гинденбургу. Позиции Г. Штрассера, возглавлявшего орготдел национал-социалистской партии, были весьма влиятельными. Его поддерживала треть депутатов национал-социалистской фракции рейхстага. Г. Штрассер был столь же убежденным нацистом, как и все остальные вожди фашистской партии. Он являлся одним из организаторов NSDAP, способствовал значительному расширению ее влияния. Его единственным разногласием с Гитлером был вопрос о формах участия в правительстве. Немаловажную роль в их отношениях играло и его личное соперничество с ним.

Гитлеру удалось, однако, справиться со своим конкурентом внутри партии. В таких случаях он был беспощаден. Г. Штрассер был смещен 8 декабря 1932 г. со всех занимаемых им в партии постов, пост руководителя орготдела Гитлер берет в свои руки. Шлейхер по-прежнему пы-

тался использовать Штрассера для раскола нацистской партии, но теперь шансы на успех у него уменьшились. Во время «ночи длинных ножей» в июне 1934 г. Г. Штрассер был убит нацистами (как, впрочем, и Шлейхер).

Тем временем за спиной Шлейхера, который не хотел уступать роли будущего диктатора кому бы то ни было, разыгрывались заключительные сцены переговоров, приведших к власти Гитлера. Давление на Гинденбурга в этом направлении возрастает со всех сторон. В итоге президент решает довериться своему любимцу Папену и поручает ему вступить в тайный, в том числе и от Шлейхера, контакт с Гитлером. Папен, в свою очередь, избирает своим посредником Курта фон Шредера. В доме Шредера в Кёльне и состоялась 4 января 1933 г. знаменитая встреча Папена и Гитлера, явившаяся прологом к окончательному утверждению фашистской власти. Гитлера сопровождали Гесс, Гиммлер, Кеплер. Встреча происходила в страшной тайне, которую, однако, не удалось соблюсти — одному из журналистов удалось за 3 тыс. марок подкупить одного из телохранителей Гитлера и сфотографировать и Гитлера со свитой, и Папена при входе в дом. В тот же день эти снимки находились у ничего до сих пор не подозревавшего Шлейхера.

В ходе этой встречи и в последующие дни шла игра — кто кого переиграет: Папен — Гитлера или наоборот. Выигравшим оказался Гитлер. Сначала Папен предлагал Гитлеру пост вице-канцлера, затем речь шла о дуумвирате Папен—Гитлер, позже было решено, что правительство будет создано на базе крайне правых, но не только нацистских элементов во главе с Гитлером. Судьба правительства Шлейхера была решена. Правда, сам Шлейхер пытался еще осуществлять какие-то новые комбинации, но изменить ничего уже не мог.

С этого момента начинается конкретная подготовка к формированию кабинета во главе с Гитлером на основе достигнутых Гитлером и Папеном в Кёльне договоренностей о программе действий. Она включала: 1) борьбу с большевизмом; 2) перестройку управления промышленностью; 3) оживление экономической конъюнктуры путем быстрого расширения военного производства; 4) аннулирование Версальского договора и превращение Германии в крупную военную силу. В правительство было решено включить представителей Немецкой национальной партии, военизированной организации «Стальной шлем» и др.

Возвращаясь со встречи с Гитлером, в Дюссельдорфе Папен встретился с магнатами промышленности, рассказал им об итогах своей беседы. Те немедленно собрали деньги для уплаты срочных долгов нацистской партии.

Нацисты тем временем концентрируют свои усилия на выборах в одной из мелких немецких земель — Липпе-Детмольд, с почти исключительно сельскохозяйственным населением. Здесь была сосредоточена вся пропагандистская машина нацистской партии. Выборы, проходившие 15 января 1933 г., показали рост числа голосов, поданных за национал-социалистов, хотя их было меньше, чем в июле 1932 г. Этот не слишком значительный результат был достигнут нацистами путем массивной пропагандистской обработки избирателей, но он подавался нацистской печатью как некий триумф, как начало нового продвижения партии вперед.

В январе 1932 г. происходят еще две встречи представителей власти с Гитлером. Так, 10 января Папен встретился с Гитлером в доме Риббентропа в Берлине, а через несколько дней (18 января) здесь же состоялась встреча Гитлера с Оскаром Гинденбургом. Уточнялись последние детали. В переговорах особое внимание уделялось тому, чтобы обеспечить внешнюю легальность передачи власти фашистскому кабинету. Хотя формально этому придавалось большое значение, но, по существу, дух конституции подвергался при этом самому грубому надругательству, ибо предусматривалась отмена тех буржуазно-демократических свобод, которые составляли ее содержание. Соблюдение легальности было необходимо по причине боязни всеобщей забастовки. Гинденбург выговорил себе право назначать кандидатов на посты министра иностранных дел и военного министра. Министром иностранных дел остался фон Нейрат, военным министром — генерал Бломберг. Гитлер не настаивал на предоставлении своим сторонникам большей части министерств, но он потребовал в обязательном порядке помимо поста канцлера посты министров внутренних дел имперского и прусского правительств.

В то время как переговоры о передаче власти Гитлеру быстро приближались к своему завершению, в стране проходили массовые антифашистские выступления. Реакция до последней минуты опасалась возможности всеобщей забастовки. В правительственных кругах выражали беспокойство в связи с успехами политики единого фронта. По-

лицейские обзоры внутреннего положения высказывали серьезные опасения, что в случае гражданской войны социал-демократия так или иначе будет на одной стороне баррикад совместно с КПГ. В Лейпциге коммунисты и социал-демократы добились избрания в органы городского управления своих кандидатов, выступив общим фронтом. В Лейпциге же впервые за многие годы состоялась совместная демонстрация коммунистов и социал-демократов. Однако руководство социал-демократической партии продолжало отказываться от совместных действий с коммунистами. Когда КП предложила провести 25 января 1933 г. на улицах Берлина совместную антифашистскую демонстрацию рабочих, независимо от их партийной принадлежности, руководство СДПГ демонстративно отказалось, назначив на другой день свою самостоятельную демонстрацию. Демонстрация по призыву КПГ тем не менее состоялась. В ней участвовало, несмотря на пронизывающую стужу, 150 тыс. человек. Пять часов демонстранты шли мимо трибуны, на которой стояли Э. Тельман и другие руководители КПГ. В центре города нельзя было увидеть ни одного человека, одетого в форму штурмовика или эсэсовца. Это было самое мощное выступление трудящихся Берлина после 1923 г.

К концу января наступил последний акт событий, связанных с приходом к власти гитлеровцев. Кабинет Шлейхера 28 января 1933 г. оказался в полной изоляции — ни поддержки рейхстага, ни президента, ни партий. Гинденбург поручает Папену «выяснение политических обстоятельств». У Папена уже все было готово. Торг с Гитлером и представителями других националистических организаций был к этому времени завершен, и 30 января 1933 г. Гитлер назначается канцлером. Папен получает пост вице-канцлера и имперского комиссара Пруссии, лидер Немецкой национальной партии Гугенберг становится министром хозяйства и т.д. Над Германией опустилась продолжавшаяся 12 лет ночь.

Господство фашистов 30 января было еще слабо, неустойчиво, его можно было поколебать, но уже вечером этого дня нацисты устроили свою манифестацию, сопровождавшуюся еврейскими погромами, избиением антифашистов и т.д. Чтобы ликвидировать нацистский режим, необходимо было быстро и решительно действовать. ЦК КПГ в своем воззвании призвал ответить на установление фашистского режима всеобщей забастовкой. Центральный комитет еще раз обратился к правлению СДПГ с предложением о совместных действиях, но это

предложение вновь было отклонено, хотя рабочие, сторонники СДПГ лишь ждали сигнала, чтобы действовать. Руководство СДПГ и руководство профсоюзов заявили, что Гитлер пришел к власти вполне легально и потому нельзя объявлять всеобщую забастовку. По их суждению, это будет якобы попирает буржуазную законность, хотя было очевидно, что нацисты с конституцией считаться не будут. И они действительно немедленно начали зверскую расправу со своими политическими противниками. Руководство СДПГ заявляло, что «решающий момент» еще впереди и начинать всеобщую забастовку сегодня было бы преждевременным. Социал-демократы возлагали надежды на ссору между Гитлером и его партнерами по коалиции. И хотя 30 января 1933 г. и в последующие дни компартия организовала большие демонстрации и массовые выступления против правительства Гитлера, но эти выступления были разрознены и не могли привести к падению нацистского режима.

Приход к власти фашистов был тяжелым ударом для прогрессивных сил Германии, и в то же время воодушевил силы реакции в других странах. Л.И. Гинцберг подчеркивает, что установление фашизма не было самоцелью тех, кто поставил Гитлера у власти, это была лишь предпосылка для осуществления подлинной их цели — подготовки реванша, явившегося первым этапом борьбы за мировое господство. Фашизм не был признаком слабости господствующих классов — в Германии в 1933 г. отсутствовала серьезная непосредственная угроза капиталистическому строю и, конечно, установление фашистской диктатуры не было неизбежным. В господствующем лагере были сторонники и других методов управления.

Помешать приходу фашизма к власти могло единство рабочего класса. Если бы немецкий народ сумел предотвратить установление власти фашистов, мир, возможно, избежал бы Второй мировой войны. Готфрид Штиллер в книге «История и ответственность», изданной в 1972 г. в ГДР, анализируя критические альтернативные ситуации в истории и, в частности, ситуацию, связанную с приходом к власти фашизма в 1933 г. и развязыванием в дальнейшем Второй мировой войны, обосновывает реальную возможность иного развития событий в Европе.

Реализация альтернативной возможности во многом зависела от субъективного фактора: от умения участников исторической драмы предвидеть результаты своих действий, от сплочения и организованно-

сти борющихся сил, от напряженности их борьбы. Субъект истории — не пешка в руках слепых сил истории. Именно поэтому встает вопрос об ответственности исторического субъекта за то, в каком направлении пошел исторический процесс.

Лекция 6

Утверждение фашистской диктатуры. Унификация общественной жизни

На первом же заседании кабинета Гитлера, состоявшемся вечером 30 января 1933 г., обсуждались два вопроса: 1) о запрещении политических партий и 2) о роспуске рейхстага. В ходе обсуждения первого вопроса в центре внимания стоял вопрос о формах борьбы с КПП. Гитлер с сожалением заметил, что невозможно запретить партию, за которой стоит 6 млн человек. Новый министр рейхсвера генерал Бломберг заявил, что рейхсвер будет не в состоянии справиться со всеобщей стачкой. Однако позиция руководства социал-демократов, отказавшегося участвовать в стачке, успокоила гитлеровцев. Было решено пока не запрещать партии, но использовать весь аппарат государственной власти, оказавшийся в их руках, против своих политических противников, прежде всего против коммунистов. Нацисты принимают решение использовать в своей борьбе также неограниченный террор SS, штурмовых отрядов и отрядов «Стального шлема».

Таким образом, еще не укрепившийся гитлеровский режим хотел изменить соотношение сил в свою пользу. Было принято также решение распустить рейхстаг, избранный 6 ноября 1932 г., но так ни разу и не собравшийся.

Новые выборы были назначены на 5 марта 1933 г. Тем самым гитлеровский кабинет почти на два месяца (до созыва нового состава рейхстага) был освобожден от парламентского контроля. На предстоящих выборах нацисты рассчитывали добиться при использовании партийного и государственного пропагандистского и репрессивного аппарата получения более 50% голосов, чтобы иметь возможность изобразить назначение Гитлера как волю народа.

Свою предвыборную кампанию нацисты начали с обращения Гитлера как главы правительства по радио к населению, в котором он обещал крестьянам и рабочим коренным образом улучшить их положение

в течение четырех лет. Однако методы и средства, при помощи которых это будет достигнуто, не указывались. Во всех предыдущих бедствиях он обвинял «марксистские партии», которые будто бы привели в 1918 г. Германию к поражению и ввергли бы ее в новый хаос, если бы не приход к власти правительства Гитлера.

Постепенно, шаг за шагом правительство Гитлера осуществляет ликвидацию буржуазно-демократических свобод. Так, 2 февраля 1933 г. распоряжением Геринга были запрещены собрания и демонстрации КПГ по всей Пруссии, а 4 февраля был опубликован чрезвычайный декрет «В защиту немецкого народа». Вне Германии его прозвали законом «В защиту правительства от народа». По нему все политические собрания могли быть запрещены или распущены полицией. Были введены запреты на ввоз прессы и книг из-за рубежа. Полиция получила право без разрешения суда подвергать противников режима заключению на срок до 3 месяцев. 17 февраля Геринг отдал приказ без колебания применять оружие в борьбе с антифашистами, а через пять дней, 22 февраля, 50 тыс. членов SS, SA и «Стального шлема» были наделены правами «вспомогательной полиции». Фактически эти организации получили право применять насилие от имени государства. Банды их сторонников бесчинствовали на улицах, в полицейских участках, избивали и убивали находившихся там антифашистов.

Однако сопротивление коммунистов и значительного числа борющихся вместе с ними социал-демократов не прекращалось. У нацистов стали появляться серьезные сомнения в исходе предстоящих выборов. К тому же касса NSDAP изрядно опустела в результате крайне интенсивных пропагандистских кампаний. В этой обстановке 20 февраля в служебном кабинете Геринга как председателя рейхстага состоялась новая встреча Гитлера с крупными промышленниками. В ней приняли участие Я. Шахт, явившийся организатором этой встречи, а также Густав Крупп, А. Феглер, Р. Бош, Ф. Тиссен, К. фон Шредер и др.

Гитлер вновь выдвинул программу ликвидации парламентского строя и установления неограниченной диктатуры и вновь повторил свои обещания развернуть в широчайших масштабах перевооружение страны. Он сказал, что эта программа будет осуществлена вне зависимости от результатов предстоящих выборов, а выборы — лишь один из вариантов уничтожения коммунизма, но оно может быть осуществлено в случае необходимости и другими средствами. Геринг, выступавший

после Гитлера, заверил промышленников, что предстоящие выборы будут последними на следующие 10, а может быть, и 100 лет. Для обеспечения предвыборной кампании присутствовавшими на встрече монополистами был образован специальный фонд в 3 млн марок, 300 тыс. марок внес концерн «IG Farbenindustrie», 200 тыс. — Ф. Флик.

Но поскольку гитлеровцы не были уверены в успехе, руководство нацистской партии принимает решение организовать крупную провокацию, направленную на достижение своих целей. Вечером 27 февраля им был организован поджог рейхстага. Группа штурмовиков по подземному ходу проникла в здание рейхстага из дворца Геринга и совершила поджог, используя горючие материалы, заранее приготовленные в подвалах здания. Они оставили на месте своего преступного действия бывшего голландского коммуниста ван дер Люббе, человека душевнобольного. Поджог рейхстага был использован нацистами для организации террора против КПГ, которую обвинили в совершении этой акции. Нацисты стремились также окончательно запугать обывателя угрозой «коммунистического заговора» и добиться перехода к ним голосов обывателей на выборах.

Уже в ночь после пожара был начат террор против КПГ. Ударам подверглись также социал-демократы и демократы из других партий. Была запрещена коммунистическая пресса на две недели, как раз на период предвыборной кампании, запрещено издание социал-демократических газет. Многие видные деятели КПГ были арестованы, в том числе и депутаты рейхстага. В ночь на 28 февраля было арестовано свыше 10 тыс. человек. Вечером 3 марта нацистам удалось схватить Эрнста Тельмана. Геринг опубликовал провокационное сообщение о том, что будто бы захвачены документы, из которых следует, что коммунисты планировали нарушить подачу электроэнергии и парализовать работу транспорта, а также предпринять террористические акты против всех ведущих деятелей «национальных партий». Тюрьмы и казармы штурмовиков были переполнены заключенными, создавались первые концлагеря, находившиеся в ведении SA.

На следующий день после поджога рейхстага был опубликован чрезвычайный декрет «О защите народа и государства», сразу вступивший в силу. Этот декрет отменял все те статьи Веймарской конституции, которые гарантировали буржуазно-демократические свободы.

Однако даже в этих условиях руководство социал-демократической партии продолжало возлагать надежды на легальные средства

борьбы. Первого марта оно вновь отказалось от предложенных коммунистами единых действий. Социал-демократы и лидеры буржуазных партий продолжали ограничиваться подачей жалоб и протестов по поводу действий нацистов.

Непосредственно в день выборов нацисты провели по всей стране парады штурмовиков и эсэсовцев. В их распоряжении были радио и почти вся пресса. Во многих местах они не останавливались перед прямой фальсификацией результатов голосования. Тем не менее даже в такой обстановке нацистам не удалось добиться получения абсолютного большинства голосов. Из 38 млн избирателей за них проголосовало 17,2 млн человек. Их союзники — национальная партия и ряд блокировавшихся с ней группировок — получили 3,1 млн голосов. Лишь вместе с ними нацисты имели в рейхстаге большинство (больше половины мест) — сами же они получили 288 мандатов из 647. Партия Центра получила 14% голосов, 18,3% голосов — социал-демократы, 12,5% голосов — коммунисты. За них было подано 4,8 млн голосов. Итоги выборов показали, таким образом, что у значительной части немецкого пролетариата в отношении фашистской демагогии сохранился иммунитет.

Следующей целью нацистов становится полная отмена Веймарской конституции, что было возможно благодаря ее 48-й статье, позволявшей предоставление правительству чрезвычайных полномочий. Но для этого нужно было собрать две трети голосов в рейхстаге. Нацисты же их не имели. Поэтому они объявили об аннулировании 81 мандата, полученного коммунистами. Ни одна партия, в том числе и СДПГ, не протестовала против этого незаконного акта. Гитлер заручился также поддержкой депутатов католической партии Центра, которые помогли ему создать видимость законности установления нацистской диктатуры.

Первое заседание рейхстага было назначено на 21 марта в Потсдаме в гарнизонной церкви у гробницы Фридриха II, точно в тот же самый день, когда в 1871 г. Бисмарк здесь же открыл заседание рейхстага Второй империи. Тщательно продуманная церемония должна была свидетельствовать об единении нацистской партии, армии и народа — режиссером ее был назначенный за неделю до этого министром пропаганды (был учрежден такой пост) Геббельс. Гитлер и Гинденбург произнесли речи, пронизанные милитаристским духом, прославлением прусских традиций. Был проведен парад войск рейхсвера и отрядов

штурмовиков. Перед началом церемонии состоялись католическая и протестантская религиозные службы, чтобы подчеркнуть единство нацистов с обеими основными конфессиями. К гробницам прусских королей были возложены венки. В церемонии участвовали принцы и принцессы из дома Гогенцоллернов. «День Потсдама» символизировал продолжение нацистами старой милитаристской традиции, которой характеризовалось развитие прусско-германского государства на протяжении более двух веков, союз нацистов, военщины, монополистов и юнкеров.

Помпезный характер церемонии был, однако, нарушен тем, что заседание рейхстага по праву старейшего депутата открыла Клара Цеткин, ветеран немецкого рабочего движения. Нацисты не рискнули помешать ей в этом. В своей короткой речи она заклеила фашистскую партию как ставленников империалистов и предрекла те бедствия, которые постигнут немецкий народ, если ему не удастся вовремя сбросить с себя ярмо фашизма.

Итак, 24 марта 1933 г. был принят закон о чрезвычайном положении, демагогически названный «Законом к устранению бедственного положения народа и государства». Против него проголосовали лишь депутаты — социал-демократы. Часть из них к этому времени уже была брошена в тюрьмы. Акт явки депутатов социал-демократов на заседание и голосования «против» явился, безусловно, актом большого личного мужества, однако эта парламентская демонстрация уже мало что могла изменить. Характерно также, что выступавший от имени партии ее председатель О. Вельс не нашел ни одного слова осуждения по поводу преследования коммунистов.

Закон о чрезвычайных полномочиях означал теперь и формальный конец буржуазной парламентской республики. Имперское правительство получило право издавать законы по всем вопросам, в том числе о бюджете, договорах с иностранными государствами и изменении конституции. Рейхстаг практически лишился всякого значения. Отныне он превратился в своего рода политический театр, в котором время от времени выступал Гитлер.

Опираясь на закон о чрезвычайных полномочиях, нацисты начали проведение политики унификации, т.е. ликвидации всех нефашистских партий и организаций, установления господства NSDAP во всех звеньях государственной и общественной жизни сверху донизу. Началось

создание системы однородного, унифицированного режима управления страной верхушкой национал-социалистов.

Уже в марте ликвидируются ненацистские правительства германских земель. Там, где фашистская партия не имела большинства, для управления гитлеровцами были назначены имперские комиссары. Министры буржуазных партий и из числа социал-демократов не оказали при этом никакого сопротивления. Лишь глава Баварского правительства Генрих Гельд обратился к рейхсверу с просьбой о помощи против нарушения конституционных прав земель. Но это было обращение не по адресу — рейхсвер подтвердил свой «нейтралитет», который означал не что иное, как поддержку в данном случае фашистов.

Далее, 7 апреля последовал закон о служащих, по которому правительство получило право провести чистку всех государственных служащих от ненадежных, по его мнению, лиц. Этот же закон предусматривал изгнание с государственной службы лиц еврейского происхождения. В это же время начинается инспирированная нацистами антисемитская кампания, в ходе которой еврейские лавки подвергаются погромам, а евреи — избиениям. Уже в течение первого года нацистской диктатуры тысячи врачей, адвокатов, служащих — евреев лишлись работы, около 40 тыс. человек предпочли бежать за границу. Значительная часть фашистов извлекла для себя из травли евреев прямую выгоду, заняв их места, присвоив себе их собственность, устранив конкурентов. Преследование евреев, большинство из которых держалось подчеркнуто вне политики, имело целью возбудить у миллионов немцев страх перед новыми властителями и их государственным аппаратом.

После того как нацисты вынудили КПГ уйти в подполье, они приступили к ликвидации других ненацистских партий и общественных организаций. Сначала они занялись профсоюзами, руководство которых было готово пойти на включение в систему нацистского господства. С демагогическими целями нацисты объявили 1 мая Днем национального труда, полностью извратив смысл этого Дня интернациональной солидарности трудящихся. День 1 мая отмечался как день «народного единения», в который должна была быть продемонстрирована солидарность немецких рабочих и немецких предпринимателей. Руководство профсоюзов призвало рабочих принять участие в намеченной нацистами на этот день манифестации, на которой выступил и сам Гитлер.

На следующее утро, 2 мая части штурмовиков по заранее намеченному плану заняли во всей Германии здания профсоюзов, конфисковали всю их собственность и отправили функционеров профсоюзов в концлагеря. Гитлеровцы, однако, не рискнули выступить как противники профсоюзов вообще — они заявили, что уничтожают лишь профсоюзы, связанные с прогнившим режимом Веймарской республики. Через неделю был учрежден DAF (Deutsche Arbeiterfront) во главе с Р. Леем. DAF был распропагандирован как своего рода «единный профсоюз», имеющий целью преодоление организационной раздробленности профсоюзных объединений. В действительности же это была принудительная организация всех трудящихся, в которой отношения строились на базе принципа послушания «фюрерам», целью которой было идеологическое воспитание своих членов в духе шовинизма и реваншизма.

Вслед за профсоюзами были ликвидированы и другие организации, связанные с ними: больничные и страховые кассы, спортивные и культурные союзы. Наступил черед политических партий. Капитулянтское руководство СДПГ так же, как и руководство профсоюзов, делало все возможное для того, чтобы сохранить существование партии при гитлеровском режиме даже на самых тяжелых условиях. Партия вышла из Социалистического интернационала, когда руководство последнего осудило фашистский террор в Германии. Руководство СДПГ отказалось принять решение о том, чтобы вся социал-демократическая фракция покинула рейхстаг и тем самым осудила бы гитлеровский режим. Депутаты СДПГ 17 мая явились в рейхстаг и проголосовали за внешнеполитическую программу гитлеровского правительства. Из руководства партии были исключены евреи. Однако эти попытки купить жалкое существование в фашистском рейхе ценой беспринципного подчинения его требованиям не увенчались успехом. Лишь часть членов правления СДПГ выступила против подобной линии. Они эмигрировали в Чехословакию, где создали правление партии и начали в июне 1933 г. издание «Neuer Vorwärts» во главе с Фридрихом Штампфером.

Запрет СДПГ последовал 22 июня 1933 г. В правительственном декрете говорилось, что «социал-демократическая партия не заслуживает иного обращения, чем коммунистическая партия». Полномочия депутатов из СДПГ на всех уровнях были аннулированы. Около 3 тыс. функционеров СДПГ были арестованы и брошены в концлагеря.

Запрет СДПГ сопровождался новой волной фашистского террора, достигшего особой остроты в рабочих кварталах. В течение недели, получившей название «кровавой», был убит 91 антифашист, 500 человек брошены в оборудованные для применения пыток камеры. Руководители СДПГ, по существу, сами уготовили своей партии такую судьбу. Многие из них оказались в концлагерях вместе с коммунистами, от единичных действий с которыми они столь долгое время отказывались.

Вслед за социал-демократами наступила очередь буржуазных партий, включая и тех, что были союзницами гитлеровской партии. Они были покинуты их покровителями из числа крупных монополистов. Число их членов сокращалось. Они подвергались издевательствам и насмешкам со стороны нацистов. Немецкая национальная партия еще в мае переименовала себя в «Немецкий национальный фронт», подчеркивая тем самым свой отказ от самостоятельной политической роли. Она 27 июня объявила о самороспуске, предварительно подписав соглашение с национал-социалистской партией, по которому ее члены — депутаты рейхстага и ландтагов — включались в состав фракций нацистской партии. Вскоре лидер национальной партии Гугенберг должен был уйти с занимаемого им поста министра экономики, на который был назначен один из банкиров, близких к нацистам, Курт Шмидт. Одновременно Ялмар Шахт был назначен директором рейхсбанка.

В начале июля 1933 г. объявили о своем самороспуске Народная партия, Баварская народная партия и партия Центра. Руководство партии Центра в последнем своем обращении призвало членов партии активно сотрудничать с национал-социалистами в строительстве «нового рейха». Аналогичным образом поступили и руководители других партий. Члены этих партий — депутаты рейхстага в качестве беспартийных депутатов — послушно голосовали за все предлагаемые гитлеровцами законы. Лишь незначительное число политиков этих партий нашло в последующем путь к участию в антифашистской борьбе, которую последовательно вели лишь немецкие коммунисты.

Распоряжением правительства были ликвидированы молодежные организации буржуазных партий. Таким образом, уже в начале июля 1933 г. в Германии не было никаких партий, кроме NSDAP. Закон от 14 июля официально закреплял такое положение, карая тюремным заключением всякую попытку создать оппозиционную политическую партию. За пять месяцев нацисты добились такой унификации политиче-

ской жизни, которую трудно было даже представить перед приходом их к власти.

Сосредоточение всей власти в руках национал-социалистов завершилось после смерти 1 августа 1934 г. президента Гинденбурга. После этого события был принят закон об объединении постов рейхсканцлера и президента. Гитлер получил полномочия главы государства пожизненно. Германия превратилась в государство во главе с «вождем», которому принадлежала неограниченная власть. С целью поднять авторитет Гитлера еще выше было сфабриковано пресловутое «завещание Гинденбурга», в котором тот будто бы вручал судьбу страны в руки Гитлера. В действительности в «завещании» говорилось о желании президента Гинденбурга, чтобы в Германии была восстановлена монархия. Однако вскрывшие его Оскар Гинденбург и фон Папен поспешили уничтожить текст, а вместо него сочинили подложное завещание.

В механизме фашистского режима первенствующую роль стала играть нацистская партия — NSDAP. Она была тесно связана с государственным аппаратом. В соответствии с законом от 1 декабря 1934 г. «Об обеспечении единства партии и государства» большинство членов имперского руководства наряду с партийными постами занимали и государственные. Гауляйтеры, руководители партийных организаций земель, одновременно возглавляли и администрацию земель. Гитлер был «вождем» партии и одновременно «вождем» государства; Геббельс возглавлял отдел пропаганды партии и одновременно был министром пропаганды.

NSDAP была построена по принципу жесткого централизма. Все должностные лица назначались сверху, все распоряжения начальника подлежали беспрекословному выполнению. Они проводились в жизнь через огромную сеть политических руководителей партии, число которых превышало 0,5 млн человек. Низшим административным звеном в партии являлся блокляйтер, отвечавший за вверенный ему дом или группу домов.

Численность NSDAP к моменту захвата нацистами власти составляла 850 тыс. человек, но уже к 1 мая 1933 г. она возросла до 2,5 млн человек, к концу войны — до 6 млн человек. Такой стремительный рост ее, по словам А. Галкина, объясняется тем, что в надежде получить те или иные блага в партию массами пошел немецкий обыватель. Интересны данные о социальном составе партии в этот период. Хотя

национал-социалистская партия выполняла волю господствующих классов Германии, в первую очередь финансовой олигархии, количественно в партии преобладали представители мелкобуржуазных слоев населения.

Собственно говоря, нацистская партия тем и была ценна для немецкой крупной буржуазии, что она давала ей массовую базу. «Самостоятельные», т.е. владельцы предприятий, торговых заведений и т.п. (примерно 9,6% населения), в 1935 г. составляли свыше 20% членов нацистской партии; служащие (по классификации Вольфганга Шефера 12% населения), составляли также свыше 20% членов партии; 13% членов партии были чиновники и учителя. Рабочие составляли 32% членов партии (доля их в составе населения была свыше 46%). Таким образом нацистам удалось привлечь на свою сторону значительную часть рабочих. Однако доля их в составе партии была меньше, чем в составе населения. Что же касается состава руководства партией, начиная с ее низших звеньев, то здесь доля рабочих была и того меньше — около 15%.

Унификация распространилась на радио, прессу, искусство, литературу, науку. Все причастные к этим областям духовной жизни были объединены в имперские камеры прессы, радиовещания, литературы, кино, театра, музыки и изобразительного искусства. В этих камерах, возглавлявшихся поставленными нацистами чиновниками, велась борьба со всеми теми направлениями и взглядами, которые находились в противоречии с нацистскими установками, все они объявлялись проявлениями «культурбольшевизма» и их сторонники подвергались преследованию.

Другой задачей этих камер было прославление фашизма, воспитание преклонения перед «фюрером». Производившиеся под пристальным контролем Геббельса фильмы, на которые обращалось особое внимание, прославляли реакционное пруссачество, так называемый «дух фронтового братства», слепое послушание и готовность к бессмысленной смерти на полях битв. Литература прославляла подвиги немецких воинов всех времен, вплоть до древних германцев, архитекторы сооружали гигантские монументальные здания, которые должны были символизировать вечность и нерушимость нового рейха.

Указ от 4 октября 1933 г. обязывал редакции газет и журналов не допускать публикации всего того, что могло бы «ослабить» «силу империи» и в первую очередь ее «военную мощь». Журналистской дея-

тельностью могли заниматься лишь лица, которые показали свою преданность режиму.

Пропаганде нацисты вообще уделяли много внимания. Для ведения ее был создан огромный аппарат. Она строилась с учетом специфики различных групп населения, специально изучались средства ее доведения до масс, причем особое внимание уделялось радио. Но нацисты немало не заботились об объективности своей пропаганды, ее достоверности. Да она и не могла быть иной, ибо сама нацистская идеология начисто была лишена какой-либо объективности, научности.

Целью нацистской пропаганды было не разъяснение сути происходящих событий, а воздействие на население в желательном для фашистского руководства направлении. Она была обращена не к разуму человека, а к его подсознанию, действовала на его эмоции, переживания, инстинкты. Нацисты добивались через многократное повторение по различным каналам усвоения населением тех или иных примитивных лозунгов. Конечно, подобная пропаганда на определенные группы населения действовала отталкивающе. Как пишет А.А. Галкин, «она не могла не вызывать отвращения у людей, знакомых с истинным ходом событий, действительными фактами, ненавидящих грубость и примитивизм. Но нацистская пропаганда и не была рассчитана на эти категории. Своих сознательных противников она убеждать не собиралась. Для них существовал аппарат террора».

Нацисты стремились унифицировать и такую могущественную организацию, как церковь. И в значительной мере им это удалось, хотя руководители церкви и пытались сохранить свою самостоятельность. Имело место даже сопротивление фашистскому режиму со стороны приверженцев католической церкви. В частности, ее журнал «Hochland» разоблачал фашизм как псевдорелигию и его антигуманное и антидемократическое содержание.

В 1934 г. сопротивление усилилось и вылилось в дискуссию о том, что считать выше: «волю народа» или «волю Бога». Протестантский теолог К. Барт выступал против догмы о подчинении церкви государству, заявлял о допустимости сопротивления и неповиновения церкви ему в том случае, если оно нарушает заветы Бога. Среди других форм протеста следует упомянуть об использовании вместо фашистского приветствия церковное, отказ вывешивать на культовых зданиях флаги со свастикой, портреты фюрера, исполнять или слушать в культовых

помещениях фашистский гимн штурмовиков «Хорст Вессель», отказ участвовать в собраниях, делать пожертвования в нацистскую казну.

В то же время значительная часть католиков и протестантов (евангелистов, лютеран и кальвинистов) поддерживала Гитлера. Руководство же протестантской и католической церкви заявило о своей лояльности к новому режиму уже в марте 1933 г. Союз католических немцев «Крест и орел» сыграл роль посредника между католическим населением и нацистским движением.

Нацисты в интересах стабилизации своей диктатуры на время приглушили пропаганду поклонения старогерманским богам, культу «земли и крови» (*Blut und Boden*) и обожествление Гитлера, хотя впоследствии эти тенденции вновь усилились. В принципе нацисты не хотели мириться с существованием столь опасного конкурента по влиянию на массы, как церковь, но поскольку руководители церкви сотрудничали с ними и помогали им в пропаганде милитаристских и нацистских взглядов, то они поддерживали с ними отношения. Нацисты понимали, что открытая борьба с церковью в данном случае им лишь навредит. Что касается руководителей церкви, то они полагали, что сотрудничество с нацистами вполне возможно и целесообразно — они видели в нацистах ту силу, которая поможет решить церкви важные для нее задачи: справиться с распространением идей социализма, с распространением влияния Советского Союза.

Так, 23 марта 1933 г. в «тронной речи» в рейхстаге Гитлер заявил о своем стремлении к сотрудничеству с немецкой церковью. «Христианство — основа нашей морали, — любил повторять он, — *Gott mit uns*» (Бог с нами). Его целью было «приведение двух больших христианских конфессий в соответствие с национал-социалистским мировоззрением», реализация требования о недопустимости политической деятельности церкви, хотя поддержка ею нацистского движения уже была, по сути, политической деятельностью.

В июле 1933 г. был заключен конкордат между Ватиканом и гитлеровским правительством, подписанный фон Папеном и кардиналом Пачелли, будущим папой Пием XII. В обмен на обещание нацистов не стеснять религиозной свободы немецких католиков Ватикан запрещал им политическую деятельность. Духовные лица приносили присягу гитлеровскому правительству. Конкордат был прямой поддержкой нацистского правительства, ибо он повышал его международный вес,

заставлял массы верующих католиков отказываться от всякой антифашистской борьбы.

Во главе евангелической церкви нацисты поставили представителей полностью подчинявшегося им движения «немецких христиан» или «штурмовых отрядов Христа», созданного в 1932 г. Однако в евангелической церкви нацисты натолкнулись на серьезное сопротивление значительной части верующих, которые образовали объединение «*Verkennende Kirche*» («Исповедальная церковь» — церковь, манифестирующая свои *религиозные* принципы в новых условиях. — *Н.Х.*) во главе с Мартином Нимеллером. Ведущим теоретиком был теолог К. Барт. Их оппозиция гитлеровскому режиму, пусть и не всегда достаточно ясно и последовательно выраженная, продолжалась на протяжении всех лет нацистского режима.

Итак, основные направления внутривнутриполитической деятельности фашистского режима в период 1933—1939 гг. могут быть представлены следующим образом:

1. Политика государственного строительства. Государственный аппарат фашистской Германии был тесно связан с национал-социалистической партией (NSDAP). На местах было осуществлено его сращивание с нацистской партией. Гауляйтеры в то же время были наместниками земель и могли осуществлять любые перемещения в аппарате управления. Уже в первые два года фашистского режима свыше 60% высших государственных постов, включая органы власти городского и общинного уровня, были заняты членами нацистской партии. Сам государственный аппарат в огромной степени был раздут. Общее число чиновников и служащих в 1939 г. возросло по сравнению с 1933 г. почти на 900 тыс. человек. В течение 1933—1934 гг. осуществляется унификация всей общественной жизни Германии, в руках нацистов сосредотачивается вся полнота власти, все или почти все средства идеологического воздействия на массы, оформляется режим фашистской диктатуры.

2. Особая роль в деятельности нацистской власти отводилась молодежной политике, смысл которой состоял в подготовке армии, способной реализовать долговременные агрессивные замыслы по созданию Третьего рейха в границах «естественной географической области» (в терминологии Ф. Ратцеля означающей масштабы континента Европа. — *Н.Х.*) и завоеванию мирового господства.

а) Уже в июне 1933 г. все молодежные организации за исключением Hitlerjugend были распущены. В большинство министерств и организаций были назначены из числа старых членов NSDAP специальные уполномоченные по вопросам воспитания молодежи. Во всех землях, округах, районах и общинах также появились ответственные по делам молодежи.

б) С 1934 г. был установлен еженедельный государственный день молодежи — суббота. В этот день молодежь и дети с 10-летнего возраста освобождались от занятий и в течение нескольких часов должны были слушать лекции о нацистском «мировоззрении», заниматься спортивной и военной подготовкой, разучивать нацистские песни и т.п.

в) Гитлеровцы придавали огромное значение привлечению молодежи в русло фашизма. Декретом от 1936 г. было окончательно оформлено создание молодежной организации «Hitlerjugend», в которую была вовлечена практически вся молодежь, кроме неподходящей по расовому признаку и не вполне здоровой части ее. Собственно, это была организация подростков и юношей в возрасте от 14 до 18 лет. Мальчики от 10 до 14 лет входили в «Deutsches Jungvolk», девочки от 10 до 14 лет — в «Jungmädel», а от 14 до 21 года — в «Bund deutscher Mädel». Все эти организации были частью системы «Hitlerjugend». Это была в большой мере военизированная организация, в которой значительное место уделялось подготовке кадров, знающих летное дело, автодело, стрелков и т.п. Существовали чины, звания, знаки различия, стимулировавшие вовлечение молодежи в нацистское движение. Через «Hitlerjugend» велось и идеологическое воспитание молодежи в духе национал-социализма. Возглавлял систему «Hitlerjugend» Бальдур фон Ширах, который был объявлен «фюрером молодежи».

3. С целью формирования широкой социальной базы фашистского движения нацисты развернули интенсивнейшую идеологическую и пропагандистскую деятельность.

а) Руководство всей пропагандистской работой осуществляло созданное в марте 1933 г. во главе с Геббельсом Министерство народного просвещения и пропаганды. Перед ним были поставлены три основные задачи: завоевание на сторону фашизма тех слоев населения, которые были в начальной фазе режима настроены антифашистски; воздействие на сторонников режима, связь с ними при помощи новейших для того времени технических средств; централизация в одном месте деятельно-

сти всех пропагандистских и культурных служб. Из ведения других министерств были изъяты и переданы под контроль Геббельса все отделы, функции которых были в какой-то мере связаны с пропагандистской работой. Были созданы местные ведомства пропаганды, проводившие линию Геббельса. Все средства информационного воздействия были поставлены в подчинение главной цели — военно-политической пропаганде, подготовке реванша.

б) Первое, что сделали нацисты 30 января 1933 г., — они захватили радиостанцию и передали сообщение о своем факельном шествии. Геббельс называл радио «восьмой великой державой», заявляя, что без него завоевание и упрочение власти немислимы. Программы всех радиостанций были унифицированы и поставлены под государственный контроль.

в) Сохранившиеся газеты были также унифицированы и поставлены под контроль нацистской партии. В течение 1933 г. число их сократилось с 2700 до 1100 наименований. Ежедневно прессе давались подробные инструкции о том, как следует освещать (и освещать ли) те или иные события.

г) Были созданы кинотеатры NSDAP, в которых демонстрировались фильмы государственно-политического значения. Предусматривалось, что каждый школьник должен посмотреть не менее четырех таких фильмов в год по минимальной цене за билет. Посещения школьниками кинотеатров должны были контролироваться руководством школ. Владельцы частных кинотеатров под руководством NSDAP также должны были устраивать подобные просмотры. На нацистский лад были перестроены все выпуски киноновостей и киножурналов.

д) Важными средствами фашистской пропаганды стали массовые митинги, факельные шествия, массовые народные празднества, которые имели задачу охватить как можно большее число людей.

4. Наряду с пропагандой своих теорий, убеждений, идей, принципов и норм поведения нацисты интенсивно принялись также за создание аппарата насилия и террора, который бы подавлял всякое сопротивление режиму и обеспечивал подготовку Германии к новой мировой войне. Они прибегали и к прямой расправе со своими идеологическими противниками. Многие из них были брошены в тюрьмы и концлагеря, многие были вынуждены покинуть страну. Среди них были А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер, Э. Буш и тысячи других. В мае 1933 г. перед

университетом в Берлине и во многих других крупных городах нацисты организовали сожжение тысяч книг своих идеологических противников. Были сожжены работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, А. Бебеля, К. Либкнехта, Р. Люксембург, выдающихся немецких и зарубежных писателей — Г. Гейне, Б. Брехта, Л. Фейхтвангера, М. Горького, Т. Манна, Э.М. Ремарка, С. Цвейга и многих других. В сожжении книг принял личное участие «министр партийного просвещения» Геббельс.

Свои террористические акции нацисты проводили последовательно и целеустремленно, направляя их в первую очередь против рабочего класса и особенно против его наиболее сознательной и активной части — коммунистов, социал-демократов, профсоюзных активистов. Населению внушалось, что аресты антифашистов — это будто бы и есть борьба с врагами их же государства, препятствующими национал-социализму осуществлять «великие цели» на благо немецкого народа. Сочетая насилие и методы пропаганды, нацисты не только захватили власть, но и за короткий срок стабилизировали свой режим.

Так, при нацистском режиме была довольно быстро ликвидирована безработица — этот бич Веймарской республики. В 1933 г. был преодолен в Германии, как, впрочем, и в других странах, циклический кризис перепроизводства и начался рост экономики. В Германии он стимулировался к тому же мерами государственного регулирования, а также форсированным развитием военной промышленности. К концу 30-х гг. безработицы практически не стало, более того появился недостаток рабочих рук, особенно после массовых мобилизаций в армию. За счет сверхурочных работ и интенсификации труда выросла и реальная заработная плата. Все это искусно и в максимальной степени использовалось нацистской пропагандой. Значительная часть рабочих стала доверять нацистам и их лидерам. От источников же объективной, достоверной информации они были отрезаны.

В этой обстановке большинство представителей рабочего класса утратило способность понимания классовых интересов, оказалось *социально дезориентированным* (курсив мой. — Н.Х.) и перешло на позиции поддержки нацистского режима. В. Ульбрихт в этой связи писал: «Большинство [немцев. — Н.Ч.] разучилось понимать взаимосвязь политических явлений. Дух милитаризма и расизма глубоко проник и в ряды рабочего класса». Отдавая должное героической борьбе немецких антифашистов, прежде всего коммунистов, нельзя закрывать

глаза на то, что их борьба не захватила широкие слои населения. Освобождение от фашизма наступило не в результате антифашистской борьбы внутри страны, а вследствие военного краха гитлеровского рейха в ходе развязанной им Второй мировой войны.

Лекция 7

Фашистский режим и монополии

Захватив власть в свои руки, нацисты создали механизм подчинения всей экономической жизни диктату монополий. Процесс концентрации и централизации капиталов и производства, характерный для капитализма и в обычных условиях развивающийся стихийно, в огромной степени ускорился в результате направленного воздействия фашистского государства в Германии. Он убыстрялся внеэкономическими мерами принуждения, осуществлявшимися через административные и судебные органы. Финансовая олигархия устанавливала через систему главных и вспомогательных групп обязательные цели и квоты на выпуск продукции, диктовала объем и направление капиталовложений, наконец, многие мелкие предприятия просто-напросто в административном порядке присоединялись к более крупным.

Конечно, в составе финансовой олигархии при этом произошли определенные изменения. На первый план все больше и больше выдвигались монополии, связанные с военным производством. Значительно ослабилось влияние корпораций, связанных с внешней торговлей, так как проводилась политика автаркии, т.е. независимости от внешнего рынка, стремление производить все необходимые товары в Германии. Как отмечает А. Галкин, с возросшей экономической ролью фашистского государства все большее значение стали приобретать не только размеры контролируемого имущества, но и близость той или иной компании к режиму, наличие у нее связей с лицами, находящимися у рычагов управления. Произошло и проникновение в ряды верхушки финансовой олигархии новых лиц, в том числе самих нацистских главарей за счет награбленного у евреев имущества, за счет использования ими государственного аппарата.

В ГДР было проведено изучение деятельности 24 крупнейших монополий времен фашизма. В состав их правлений и наблюдательных советов входило 384 человека. Из них 270 были и до Гитлера воротилами

финансово-промышленного мира. Некоторое число новых людей добавилось в результате естественного процесса смены поколений. Семьдесят восемь человек добавилось за счет привлечения или, точнее, протекновения в них представителей фашистской верхушки.

Наиболее видное место среди «новых миллионеров» занял Г. Геринг. В 1937 г. им был создан концерн «Герман Геринг» — государственно-монополистическое объединение. Сначала он был создан как государственное предприятие по разработке железной руды, которую частные фирмы считали невыгодной. Впоследствии он разбух за счет присоединения к нему собственности еврейских компаний, собственности концерна Тиссена, владелец которого в начале войны бежал из Германии, а затем и собственности на оккупированных территориях. Сам Геринг занимал пост уполномоченного по осуществлению четырехлетнего плана, имея в виду существенную заинтересованность в развитии своего концерна, хотя не следует считать, что он был его собственностью. Пользуясь своим положением, Геринг захватил в свои руки крупные пакеты акций германских и зарубежных фирм. Лишь в США Геринг владел состоянием, оцениваемым в сумму свыше 3,5 млн долларов. Геббельс разбогател, женившись на вдове миллионера Квандта. Но все это, конечно, не меняло сути строя.

Известно, что Германия всегда была страной с высоким уровнем государственного вмешательства в экономику. Оно имело широкое распространение при Бисмарке (и до него) и особенно усилилось со вступлением капиталистического мира в фазу империализма. Именно на Германию как на образец превращения монополизма в государственно-монополистический капитализм в свое время указывал В.И. Ленин, отмечая, что в этом отношении она выше Америки.

Первая мировая война привела к дальнейшему развитию этих процессов. После нее меры государственно-монополистического регулирования экономики были ослаблены, но в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. вновь усилились. Государственная помощь монополиям, регулирование экономики приобрели самое широкое развитие. В этом смысле политика фашистского государства явилась продолжением политики кабинетов Брюнинга, Папена, Шлейхера. Что касается самого Гитлера, то он считал экономику подчиненной областью, видя в ней лишь одно из многих вспомогательных средств достижения политических целей, прежде всего для завоевания жизненного

пространства на Востоке. По его мнению, это само собой разрешило бы и экономические проблемы. В своих речах Гитлер, в отличие от своих предшественников на посту канцлера, говорил об экономике в самых общих выражениях (за исключением проблемы автострад), что ему, кстати, советовал в свое время Шахт («никакой конкретной экономической программы», так как нет такой, которая удовлетворила бы 14 млн человек). Тем более решение экономических проблем сосредоточивалось в руках монополистов.

Государственное регулирование экономики, осуществлявшееся нацистами, было подчинено целиком интересам крупнейших монополий внутри страны и целям подготовки Германии к новой мировой войне. При этом создание аппарата государственного регулирования экономики имело и такую сторону, как бюрократизация, бесконечные неувязки, которые требовали длительных утрясок многих вопросов на всех уровнях.

В феврале 1934 г. был издан «Закон о подготовке органического построения германской экономики». Он окончательно закреплял и оформлял механизм подчинения всей экономической жизни диктату крупнейших предпринимателей. Фактически он предоставлял министру экономики неограниченные полномочия в преобразовании организационной структуры экономики. Закон позволял ему распускать или создавать новые экономические объединения, назначать и смещать их руководителей, присоединять к экономическим объединениям новые предприятия. Согласно закону вся экономика группировалась в 12 главных группах, не считая особой группы сельского хозяйства. Семь из этих 12 главных групп объединяли различные отрасли промышленности, кроме того, создавались еще пять групп — ремесла, торговли, банков, страхового дела и транспорта. Все предприятия данной отрасли принудительно подчинялись руководству группы. Группы возглавлялись «фюрерами промышленности», в числе которых были самые крупные представители финансового и промышленного капитала. Так, руководителем одной из промышленных групп стал Крупп, другой — Ойген Феглер — брат Альберта Феглера, крупного промышленника и главы Стального треста, третьей — владелец гамбургских верфей Рудольф Блом и т.п.

В свою очередь «главные группы» делились на более мелкие отраслевые и территориальные группы, каждая из которых возглавлялась своим «фюрером», представителем той или иной монополистической

группы. Тиссен, Шредер и другие магнаты промышленности — все они стали «фюрерами экономики» и получили теперь возможность полностью контролировать не только принадлежащие им предприятия, но и не принадлежавшие им. Естественно, что они не забывали при этом о своих интересах.

Еще летом 1933 г. был создан Генеральный совет немецкого хозяйства, формально считавшийся консультативным органом при Гитлере, но фактически являвшийся высшим органом управления немецкой экономикой, чьи решения имели силу закона. Главой его был Крупп. В состав Совета нацистские главари включили и себя, стремясь слиться с верхушкой господствующего класса, самим подняться до его положения. Кое-кто из промышленников смотрели на них косо, но ничего поделать не могли, им приходилось считаться с Советом, делиться прибылями с представителями NSDAP.

Впоследствии аппарат государственно-монополистического регулирования экономики был развит и усовершенствован в еще большей степени, но при этом он по-прежнему находился в руках самой верхушки монополистической буржуазии. Многие тысячи и тысячи мелких и средних предприятий были поставлены в прямую зависимость от нее. Для них сверху определялись основные направления деятельности, они целиком зависели от руководства отрасли в деле получения заказов и поставок сырья.

Система *всеобъемлющего авторитарного* господства, вмешательство партийного и военного аппарата вызывали растущую неразбериху в компетенциях различных служб и министерств. Если крупнейшие монополисты в силу своих личных связей с верхушкой фашистской партии и государства могли решать свои проблемы оперативно, то для мелких и средних предпринимателей бюрократизация системы управления экономикой имела весьма тяжелые последствия и вызвала их недовольство.

Каковы были пути воздействия государства на экономику? Прежде всего, это различные косвенные пути. Осуществлялось в огромных масштабах перераспределение средств с целью их сосредоточения на подготовке к войне. Это делалось через бюджет. Если в 1932 г. «общественные» капиталовложения, т.е. капиталовложения государства, составляли 5,7% национального дохода, то к 1938 г. они достигли 25,6% национального дохода. Подавляющая их часть шла на военные цели или

цели, связанные с подготовкой транспорта, связи и других отраслей опять-таки к войне.

Развитие военного производства финансировалось с помощью дефицитного финансирования, т.е. сознательно допущенной инфляции, достигшей гигантских масштабов. Так, были выпущены специальные так называемые «Мэфо-векселя» (от названия общества для проведения исследований в области металлургической промышленности) на сумму в 12 млрд марок, которые так и не были погашены.

Большое значение приобрели методы прямого воздействия на экономику, т.е. административные методы. Был установлен жесткий контроль над расходованием иностранной валюты и вообще над внешне-торговыми закупками. Была поставлена задача до минимума свести зависимость Германии от импорта важных для экономики страны материалов, особенно стратегических. Для этого интенсивно было в больших масштабах развито производство различных заменителей: синтетического каучука, синтетического горючего, в широких масштабах велись работы по использованию бурого угля, бедных железом руд и т.п.

В июле 1933 г. был издан закон о картелях, по которому проводилось принудительное картелирование промышленности с целью ее подчинения более крупным предприятиям. Впоследствии было принято решение о ликвидации всех акционерных обществ с капиталом менее 100 тыс. марок, а создание новых разрешалось лишь при наличии капитала не менее 500 тыс. марок. Все это привело к резкой концентрации экономической мощи. С 1933 по 1939 г. количество рабочих, занятых на предприятиях с численностью персонала свыше 200 человек, выросло с 2,6 млн человек до 7 млн человек. Крупные предприятия, число которых составило лишь 2% от общего числа предприятий, сосредоточили 60% всех рабочих. Девять крупнейших предприятий в металлургической промышленности имели в своих руках 95% всей выплавки стали. Из них 40% оказалось сосредоточено на предприятиях «Vereingigte Stahlwerke», особенно тесно связанных с нацистами.

Концерн «IG Farbenindustrie» подчинил себе свыше 400 фирм, которые в свою очередь контролировали несколько тысяч более мелких предприятий. В его руках находилось все производство синтетического каучука, подавляющая часть производства взрывчатых и отравляющих веществ. При сокращении числа банков за этот период с 1700 до 700

в огромной степени выросло влияние Немецкого, Дрезденского и Коммерческого банков.

Общий объем промышленного производства в 1935 г. достиг докризисного уровня. При этом если производство основных видов промышленности, производящей средства потребления, далеко не достигало этого уровня, то производство видов промышленной продукции, связанных с подготовкой к войне, намного выросло.

В сентябре 1936 г. Гитлер принял решение о форсированной подготовке к войне. В так называемой «памятной записке» Гитлера о «четырёхлетнем плане» цели его были определены следующим образом: 1) немецкая армия должна быть в четыре года готова к действию; 2) немецкая экономика должна стать за четыре года готова к войне. Выступая на очередном съезде нацистской партии в Нюрнберге 8 сентября, Гитлер публично объявил о введении «четырёхлетнего плана». Гесс в одном из своих выступлений так сформулировал его суть: «Пушки вместо масла!» Уполномоченным по осуществлению плана был назначен Геринг, под началом которого был создан специальный аппарат, решения которого были обязательны для всех министерств и ведомств.

В дополнение к аппарату уполномоченных по реализации «четырёхлетнего плана» был создан имперский совет обороны. Главной задачей этих двух органов было решение военно-хозяйственных проблем и, прежде всего, задача преодоления «узких мест» экономики. Они занимались, например, координацией усилий различных ведомств в деле обеспечения производства синтетического каучука, синтетического бензина, производством специальных, необходимых для военной промышленности сортов стали. Эти же ведомства контролировали создание стратегических запасов. При этом государство не скупилось на затраты. Нацисты считали, что лучше затратить в несколько раз больше средств на производство того или иного материала по сравнению с его ценой на внешнем рынке, нежели ввозить его из-за рубежа.

В памятной записке Гитлера говорилось: «Вопрос об издержках производства не играет роли. Лучше иметь свою дорогую резину, чем подешевле покупать чужую». Для поощрения предпринимателей, производящих стратегические материалы, устанавливали заведомо завышенные цены на эти материалы. Так, например, литр синтетического бензина стал в 4 раза дороже натурального. Государство гарантировало владельцам этих предприятий сбыт их продукции.

В 1936 г. была проведена перепись промышленных предприятий, по итогам которой все они были разбиты на три группы. Предприятия первой группы «решающие в военном отношении» в первую очередь получали сырье и рабочую силу. Вслед за ними шли предприятия, «важные в военном отношении» и «важные для снабжения населения». Те предприятия, которые не попали ни в одну из этих групп, подлежали закрытию.

Для всех предприятий составлялись военно-мобилизационные планы, по которым они работали уже в мирное время. Несмотря на ограничения, формально продолжавшие существовать для Германии по Версальскому миру, гитлеровцы развертывают работу по созданию мощных авиации и флота, бронетанковых сил.

В 1933 г. во главе с тем же Герингом создается Министерство авиации. По всей стране возникает сеть военных аэродромов с подземными ангарами и складами горючего. С 1934 г. начинается выпуск военных самолетов. В это же время осуществляется строительство военно-морских судов большого тоннажа. Все эти мероприятия сопровождались быстрым увеличением прибылей промышленников. Так, например, если чистая прибыль концерна Круппа в 1933 г. составляла несколько более 6,5 млн рейхсмарок, то к 1938 г. она превысила 21 млн марок.

В буржуазной историографии весьма часто встречается утверждение, что политика подготовки войны, проводимая нацистами, не отвечала потребностям германской экономики, что будто бы промышленники лишь вынужденно участвовали в ней. Утверждается, что якобы руководители экономики Германии остерегались катастрофических для Германии последствий войны, опасались ударов авиации по их фабрикам и заводам. Действительно, у части промышленников такие опасения были. Но значительно большая их часть была уверена в успешном для Германии исходе войны и к тому же извлекала огромные прибыли из политики перевооружения. В целом, прибыли германских акционерных обществ выросли с примерно 700 млн марок в 1934/35 г. (до этого прибыли вообще не было несколько лет) до 1340 марок в 1938/39 финансовом году. Большинство промышленников было к тому же твердо уверено, что на этот раз Германия будет вести войну только на одном фронте — на Востоке, в то время как с западными державами и прежде всего с Англией удастся договориться о сохранении нейтралитета.

Когда Гитлер резко сменил внешнеполитический курс и, заключив пакт о ненападении с Советским Союзом, вступил в войну на Западе, это действительно вызвало недовольство значительной части промышленников. Однако к этому времени нацисты твердо держали руль руководства страной в своих руках. Их действия приобрели определенную автономность. Выпущенный монополиями на волю джин фашизма не подчинялся теперь уже полностью их контролю. Однако быстрые военные победы на Западе успокоили основную часть промышленников. Их оппозиция нацистскому режиму стала проявляться вновь лишь тогда, когда над Германией нависла угроза нового поражения. Нацистский режим через размещение государственных заказов, подавляющую часть которых составляли военные заказы, обеспечил монополиям прибыль порядка 70–80 млрд марок. Еще больше выгоды монополиям принес грабёж собственности на оккупированных нацистами территориях и их экономическая эксплуатация. По самым приблизительным данным, не включающим данные по Советскому Союзу, Польше и Чехословакии, из находившихся под контролем гитлеровской Германии стран было выкачано богатства примерно на 125 млрд марок. Основными формами этого грабёжа были:

- во-первых, захват так называемых трофейных предприятий, особенно много их попало в руки концернов Флика, Круппа, «IG Farbenindustrie», не говоря уже о пресловутом концерне «Герман Геринг»;

- во-вторых, большую роль играл вывоз из поработанных стран сырья за бесценок или вообще бесплатно;

- в-третьих, широко использовался труд насильственно угнанных иностранных рабочих, военнопленных, заключенных концлагерей. Только из Советского Союза в Германию было угнано 5 млн человек.

На многих предприятиях концерна Флика угнанные иностранные рабочие составляли примерно 50% всей рабочей силы. Таким образом, монополии имели все основания быть довольными сотрудничеством с нацистским режимом. Частично награбленные в годы войны средства им удалось сохранить и в послевоенные годы, не говоря уже о производственных мощностях на западе Германии, сравнительно меньше пострадавших от военных действий.

Конечно, в итоге войны германский империализм потерпел жесточайшую катастрофу. Но эта катастрофа была результатом авантюри-

стичности не только действий гитлеровцев (при оценке собственных сил), но и авантюристичности, присущей германскому империализму вообще.

Союз монополий с Гитлером был наиболее серьезной попыткой передела мира в свою пользу. Экономическая система, созданная национал-социалистами, была специфической формой государственно-монополистического капитализма, носившей в себе черты своеобразия германского империализма, отражавшей особую остроту классовой борьбы в Германии до прихода к власти фашизма.

Между нацистской партией и отдельными монополистами или даже группами монополистов имели место противоречия. К этому неизбежно приводила борьба интересов внутри господствующего класса, несомнение их, а также и то, что фашистская верхушка, дорвавшись с помощью монополистов до руля руководства страной, стала проявлять определенную самостоятельность, старалась использовать для себя наибольшие выгоды.

Владельцы монополий выражали недовольство излишней регламентацией и бюрократизацией экономической жизни, вторжением в их среду жадных до наживы «бонз» нацистского режима, но эти неудобства компенсировались теми преимуществами, которые дал им фашизм. Наконец, особое значение имело то, что Гитлер выполнил данное промышленникам перед приходом к власти обещание и на всю мощь раскрутил маховик подготовки Германии к войне.

В целом интересы крупной буржуазии и нацистов совпадали. Эта система устраивала крупную буржуазию, во всяком случае до тех пор, пока не стала ясной неизбежность военного поражения гитлеровской Германии.

Анализируя капитализм в его стадии империализма, В.И. Ленин неоднократно отмечал, что уже в годы Первой мировой войны развитие государственно-монополистического капитализма со всеми присущими ему проявлениями как в экономической, так и в политической жизни шло в Германии быстрее, чем в других капиталистических странах. Он называл Германию «образцом превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм» [1]. В Германии в рассматриваемое нами время сложился специфический, нацистский вариант государственно-монополистического капитализма,

обнаживший все присущие империализму реакционные черты до крайности, явивший миру его наиболее уродливые формы, ввергнувший человечество в самые страшные за всю его историю бедствия.

---

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 157.

Лекция 8

Нацистская партия и штурмовые отряды

В составе массовой базы нацистского движения значительную долю составляла мелкая буржуазия, лица наемного труда. Они не сразу поняли смысл фашистского режима. После прихода Гитлера к власти они ожидали быстрого и значительного улучшения своего положения. Однако на деле этого не произошло.

Не улучшилось положение и мелких производителей деревни. Все крестьянские организации были ликвидированы. Вместо них было создано «имперское продовольственное сословие», в которое вошли и сельскохозяйственные рабочие, и все крестьяне, и крупные землевладельцы. Органы управления этим объединением, в котором всеми делами заправляли юнкера, кулаки и нацистская верхушка, получили право неограниченного регулирования производства. В 1933 г. был издан «Закон о наследственных дворах». В соответствии с ним хозяйства, владения которых превышали 7,5 га, объявлялись не подлежащими разделу и продаже. Унаследовать такое хозяйство мог лишь старший сын. Этим законом преследовалась цель усилить в деревне кулацкую прослойку, обеспечить получение товарной сельхозпродукции с этих «наследственных дворов» и направить энергию младших сыновей владельцев этих дворов на приобретение «жизненного пространства» за пределами страны, прежде всего на Востоке. Что касается мелких крестьянских хозяйств, то они практически лишались какой-либо защиты закона и быстро разорялись.

Значительная часть мелкой буржуазии, будучи враждебно настроена по отношению к рабочему классу, в то же время всерьез воспринимала и антикапиталистическую демагогию нацистов. Некоторые ее группы пытались даже явочным порядком осуществить отдельные положения программы национал-социалистской партии, отвечающие их интересам. Особую активность проявлял так называемый «Боевой

союз промыслового среднего сословия», созданный гитлеровцами в 1932 г. и объединивший мелких лавочников, ремесленников и другие слои городской мелкой буржуазии. После января 1933 г. Союз присвоил себе право распределения заказов местных властей, при этом заказы предоставлялись тем ремесленникам и торговцам, которые были членами Союза. Интересы крупных фирм при этом нарушались. Члены Союза нападали на универмаги и громили их наряду с еврейскими магазинами. Они уничтожали также уличные торговые автоматы, принадлежавшие крупным торговым фирмам. Более того, руководство Союза пыталось направлять своих комиссаров на крупные предприятия с целью их разукрупнения. В ряде мест организации Союза пытались захватить в свои руки банки и торговые палаты.

Нацистская партия, однако, быстро привела в чувство мелкую буржуазию. Уже в начале июня 1933 г. Геринг запретил Союзу вмешиваться в экономическую жизнь под угрозой крупного штрафа. В июле 1933 г. за подписью Гитлера было опубликовано заявление о том, что «революция закончена» и всякие попытки распространить ее на сферу экономики являются «опасными для народа и государства». Распоряжение Гесса запрещало членам партии принимать какое-либо участие в действиях против универмагов. Министерство юстиции пригрозило даже смертной казнью тем, кто будет говорить о «новой революции». Вскоре «Боевому союзу» было запрещено заниматься распределением заказов, затем 8 августа 1933 г. он был распущен, а некоторые руководители были арестованы. В сентябре специальным правительственным циркуляром было запрещено чье-либо вмешательство в дела торговых предприятий. Универмаги и крупные магазины могли и дальше без помех продолжать свою деятельность.

В то же время нацистское правительство не могло полностью отказаться от своей массовой базы в лице мелкой буржуазии. Поэтому наряду с ограничением и пресечением ее антикапиталистических тенденций были приняты меры, направленные на то, чтобы успокоить ее недовольство. Как пишет А. Галкин, в марксистской исторической литературе преувеличивают порой недовольство мелкой буржуазии политикой гитлеровцев после прихода их к власти. Однако недовольство действительно имело место, между организациями средних слоев и нацистским руководством возникали самые серьезные разногласия. Но это недовольство не выходило за определенные рамки, чему

и способствовали некоторые ограниченные, но тем не менее оказывавшие большой психологический эффект меры нацистского правительства. Целый ряд правительственных постановлений, например, запрещал продажу в универмагах хлеба, колбас, кондитерских изделий, размещение в них часовых мастерских, фотоателье, парикмахерских. Впоследствии запрещалось содержать при универмагах питейные заведения и рестораны. Запрещалась уличная торговля. Существенным образом эти меры ничего не меняли, но психологический эффект их был заметным.

После ликвидации «Боевого союза» среднего сословия основным средством мелкобуржуазной оппозиции нацистскому руководству становятся штурмовые отряды. Как уже указывалось, они были созданы еще в 1921 г. для охраны митингов и собраний фашистской партии. По мере увеличения их численности они превратились в основное орудие подготовки фашистского переворота и политического подавления противников партии. После 30 января 1933 г. на SA были возложены функции «вспомогательной полиции». Доступ в них был широко открыт всем желающим. К моменту прихода нацистов к власти SA насчитывали 0,5 млн человек, а впоследствии их численность достигла 4 млн. Громадное большинство их комплектовалось из мелкобуржуазной молодежи.

Штурмовики яростно расправлялись с участниками демократических движений и в первую очередь с коммунистами. Ими были организованы и первые концентрационные лагеря. Если раньше основным костяком SA были бывшие офицеры и унтер-офицеры, то после прихода нацистов к власти в них широко хлынули мелкие лавочники, служащие, ремесленники. В рядах штурмовых отрядов оказалось и много деклассированных элементов. Все это были люди, которые торопились использовать ситуацию, вступали в SA с целью получить в скором будущем какую-то выгоду. Когда этого не случилось, среди них наступило глубокое разочарование. Начались разговоры о «второй революции» (первой они называли 30 января 1933 г.), о доведении «национал-социалистской революции до конца».

В кругах крупной монополистической буржуазии в связи с этим стало распространяться определенное беспокойство. Буржуазия сочла, что для ее господства представляет угрозу наличие четырехмиллионной армии недовольных, имеющих в своем сознании путаные антикапитали-

стические представления. Вооруженных штурмовиков буржуазия считала растущей опасностью для своего господства. Она опасалась и того, что при определенных обстоятельствах они могут включиться в совместные выступления антифашистов, недовольных сторонников нацизма и даже коммунистов. Гитлера побудил нанести удар по штурмовым отрядам также тот факт, что руководство SA стремилось использовать оппозиционные настроения рядовых членов для укрепления своих позиций, а начальник штаба штурмовиков Э. Рём намеревался добиться равноправного с ним положения. Верхушка SA, конечно, не хотела никакой «второй революции», она не готовила никакого восстания против Гитлера. Она лишь фрондировала, используя в собственных целях недовольство стоявшей за их спиной массы штурмовиков, добиваясь власти и почестей; Рём же видел себя министром рейхсвера и хотел быть на равных с Гитлером.

Руководство SA стремилось подчинить себе рейхсвер, сделать штурмовые отряды основой вооруженных сил фашистской Германии. Вынашивался даже план краткосрочного призыва в SA всего мужского населения. Однако высококордные в своем большинстве генералы рейхсвера вовсе не желали переходить в подчинение вождей штурмовиков. Они хотели сохранить военную командную власть в своих руках, создать на базе «прусских» традиций большую армию. Подозрительные же элементы вокруг Рёма, оказавшись в их руках руководство армией, могли лишь все испортить, поскольку, по мнению генералов, они не способны квалифицированно руководить перевооружением и формированием армии.

Крупная буржуазия также не была настроена доверять охрану своих капиталов и осуществление своих внешнеполитических планов столь сомнительным лицам, как Рём и К^о. Немецкий монополистический капитал не был заинтересован в ослаблении своего наиболее действенного инструмента внешнеполитической агрессии — армии — привнесением в него тех социальных противоречий, которые были налицо в SA. Они также полагали, что носителем вооруженной силы Германии должен быть только рейхсвер. На совещании с генералами рейхсвера 11 апреля 1934 г. на броненосце «Дойчланд» Гитлер обещал утихомирить штурмовиков, покончить с притязаниями Рёма на то, чтобы превратить SA в основу вермахта. По существу, здесь был оформлен союз Гитлера с рейхсвером против штурмовиков. SA сыграли к этому времени

свою роль, состоявшую в том, чтобы подавить или загнать в подполье политических противников режима. Заменить же профессиональных военных они, конечно, не могли — Гитлеру и монополистам нужна была вполне современная высоко моторизованная и технически оснащенная армия. Гитлер к тому же опасался, что тайно может быть установлен союз между Рёмом и руководством рейхсвера против него, тем более что со стороны Рёма зондирование почвы в этом направлении проводилось.

Против штурмовиков и Рёма выступила еще одна сила — SS (Schutzstaffeln). Это была организация, получившая зловещую известность. В отличие от SA доступ в нее был весьма трудным делом. При приеме претендентов проводился тщательный отбор по расовым, физическим и политическим признакам. Это была, так сказать, элита фашистского режима, его гвардия. Лишь в последние годы войны ограничения на прием в SS были ослаблены. Гиммлер, глава SS с 1929 г., старался придать организации характер ордена, члены которого держали бы под своим контролем все стороны жизни нацистского режима. К 1933 г. отряды SS насчитывали 50 тыс. человек, а к началу войны — 260 тыс. Их части во всех отношениях находились на привилегированном положении.

Структура SS была довольно сложной. Штаб их состоял из 12 главных управлений. Общее главное управление контролировало «общие отряды SS», членство в которых было своего рода пропуском наверх по лестнице фашистской иерархии. «Общие отряды SS» состояли из людей, которые не отрывались от основной работы. Преимущественно это были мелкие и средние буржуа, кулаки.

В систему общего главного управления входили также отряды для особых поручений, члены которых служили четыре года и выполняли особые задания фашистского руководства внутри страны, а также «караульные отряды» или «отряды мертвой головы», обеспечивавшие охрану созданных нацистами концентрационных лагерей. На базе «общих отрядов SS» были впоследствии сформированы «войска SS». Они находились на привилегированном положении и стали частью фашистских вооруженных сил, также отличающихся особой жестокостью.

Из главных управлений SS следует назвать также Главное управление государственной безопасности — RSHA (Reichssicherheitshauptamt), службу SD (Sicherheitsdienst), занимавшуюся разведывательной

работой как внутри страны, так и за ее пределами. SD следила также за поведением членов нацистской партии. Сначала ее возглавлял Гейдрих, затем Кальтенбруннер. В состав SD наряду с политической полицией, уголовной полицией, отделом шпионажа и подрывной деятельности за границей входило также гестапо — Gestapo (Geheimes Staatspolizei), ведавшее подавлением антифашистских сил в Германии. В SS имелось также Главное управление по расовым и поселенческим вопросам, ведавшее проверкой расовой чистоты эсэсовцев, а также уничтожением неполноценных, по мнению фашистов, людей, а во время войны — евреев и лиц других национальностей.

Работники этого управления сами не принимали непосредственного участия в расправе с жертвами фашизма, но, даже сидя за своими письменными столами, они были повинны в гибели огромного количества людей. Позднее их называли «убийцы за письменным столом». Эсэсовцы были полны презрения к необразованной, плебейской, по их мнению, массе штурмовиков. Гиммлер неуклонно расширял свое влияние в партии: он подчинил себе полицию всех земель, кроме Пруссии, а затем, в апреле 1934 г. — и Пруссии; в его ведении оказалось и гестапо, созданное в начале 1933 г. Гиммлер стремился занять место Рёма в качестве ближайшего сотрудника Гитлера и заменить отряды штурмовиков на SS как основной инструмент фашистской диктатуры. Таким образом, возникла серьезная напряженность в отношениях между верхушкой SA, с одной стороны, и Гитлером, рейхсвером и SS — с другой.

Вопрос встал следующим образом: как укрепить фашистскую диктатуру, чтобы она просуществовала длительный срок? С помощью каких сил и в каком темпе вести подготовку к войне? Эрих Патерна (ГДР) отмечал, что сущность фашистского режима проявлялась в том, что эти вопросы решались теперь не на заседаниях парламента и его комитетов, не в буржуазной прессе, не на заседаниях объединения промышленников или крупных аграриев. Унификация общественной и политической жизни под главенством реакционного террористического режима привела к тому, что борьба по этим вопросам неизбежно должна была принять характер борьбы в джунглях узких кружков монополистов и руководителей рейхсвера, верхушки национал-социалистской партии и правительства. При поверхностном рассмотрении она представляется в чистом виде борьбой клик, не имеющей социально-экономического основания, — так и рассматривает эти события буржуазная историография.

Однако в действительности, как мы видим, в основе этих событий лежали реальные социально-экономические процессы.

Весной 1934 г. положение осложнилось серьезной болезнью 86-летнего президента Гинденбурга. Было ясно, что дни его сочтены и что вскоре встанет вопрос о его наследнике. Руководство вермахта склонялось к тому, чтобы его полномочия перешли к Гитлеру при условии, что он подавит оппозицию Рёма и штурмовиков и осуществит притязания рейхсвера на роль «единственного оруженосца нации».

Поэтому нацистское руководство предприняло самые жесткие меры для того, чтобы подавить оппозицию в штурмовых отрядах, тем более что Рём и верхушка руководства SA были в глазах крупного капитала и рейхсвера угрозой для их господства, хотя они отнюдь не являлись таковыми в действительности. Еще в 1933 г. была проведена чистка штурмовых отрядов, из которых было исключено к концу года до 200 тыс. человек. В мае 1934 г. был издан секретный приказ о расширении системы слежки и шпионажа в штурмовых отрядах. По нему в каждый штурмовой отряд назначалось «доверенное лицо», о функциях которого прочие члены отряда не должны были знать.

Гитлер в течение довольно длительного времени не принимал окончательного решения. С одной стороны, он дал обещание генералам поддержать их против SA. С другой стороны, он не порывает окончательно контактов с ними и ищет путей компромисса с их руководителями. Весной 1934 г. Рём был включен в состав правительства «старых борцов», чего и добивались массы штурмовиков.

В апреле 1934 г. Гитлер установил связь со своим старым соперником Г. Штрассером, пользовавшимся влиянием в штурмовых отрядах, и предложил ему войти в правительство. В начале июня Гитлер имел долгую беседу с Рёмом, в ходе которой пообещал тому осуществить изменения в кабинете и предоставить ему свободу действий в деле расширения влияния SA. После беседы с Гитлером Рём издал приказ о том, что в июле штурмовики, как это делалось обычно, могут идти в отпуск.

Между тем финансово-монополистические круги требуют от Гитлера ускорить принятие мер в отношении SA. Папен 17 июня в Марбурге выступил с речью. Он решительно обрушился на требования штурмовиков «второй революции» и «замены Третьего рейха Четвертым». «Должен быть положен конец брожению, — заявил он, — руководство не должно ни под каким видом допустить возобновления классовой

борьбы.» Папен высказался в своей речи против политической монополии NSDAP и за восстановление монархии. Публикация речи Папена была запрещена Геббельсом. Она свидетельствовала о том, что некоторые группы монополистической буржуазии были обеспокоены длительным социальным брожением в массе штурмовиков и сомневались, в состоянии ли Гитлер с ним справиться.

21 июня, когда Гитлер посетил больного Гинденбурга в его поместье, находившиеся там руководители рейхсвера потребовали от него также ускорить акцию против SA. Гитлер должен был, наконец, решиться действовать. После некоторых колебаний он принимает решение о расправе с вождем штурмовиков. К поспешному действию его побуждает и приближающаяся смерть Гинденбурга. Начинается конкретная подготовка к расправе. Составляются списки тех, кто должен быть уничтожен. Еще с мая 1934 г. создаются специальные команды SS для проведения этой акции. Готовятся пропагандистские материалы, которые должны были быть сразу же помещены в прессе для оправдания совершаемых убийств.

По распоряжению Гитлера всех высших фюреров SA вызывают на совещание к Рёму на озеро Висзее, где он будто бы находился на лечении, а на самом деле Рём предавался там пьянству и всяческому порокам. Геринг и Гиммлер готовят полицейское обеспечение намечаемой акции. Для ее осуществления отряды эсэсовцев вооружаются со складов рейхсвера. На последнем совещании 28 июня в Эссене, куда по официальной версии Гитлер приехал на свадьбу одного из своих гауляйтеров, окончательно распределяются роли.

Гитлер принимает решение самому участвовать в расправе над Рёмом и с этой целью направляется в Мюнхен. В Берлине руководство акцией осуществляет Геринг. Геббельса решают не вовлекать в эту акцию. Но, как пишет в своем дневнике Розенберг, он клянчил у Гитлера: «Мой фюрер, позвольте мне тоже! Мой фюрер, возьмите меня с собой!» В конце концов Гитлер берет его с собой для непосредственного участия в убийствах. Гитлер 29 июня посещает военные заводы Круппа и заверяет их хозяина, что со штурмовиками будет немедленно покончено.

В три часа утра Гитлер прилетает в Мюнхен. В сопровождении Геббельса и Гесса он вытаскивает из постели спящего Рёма и отправляет его в тюрьму, где вскоре его и прикончили. Гесс при этом просил

у Гитлера позволения самому застрелить Рёма. В эту ночь, получившую название «ночи длинных ножей» (хотя акция началась уже на рассвете), были уничтожены и другие руководители SA, часть из них были убиты прямо на месте, другие же доставлены в тюрьму и уничтожены там.

На следующую ночь, когда выяснилось, что части SA, лишившись своих командиров, ведут себя пассивно, была предпринята расправа с руководителями берлинских штурмовиков. В общей сложности было убито около 1 тыс. человек, в том числе весь руководящий персонал SA. Одновременно были устранены и другие противники режима и личные враги нацистских главарей. Так были уничтожены Карл Эрнст, руководитель поджога рейхстага, Грегор Штрассер, генерал фон Шлейхер, которого подозревали в том, что у него в руках находится копия истории болезни Гитлера, Густав фон Кар, отказавшийся в 1923 г. поддержать гитлеровский путч в Мюнхене. Отряды SA были всюду разоружены эсэсовцами без сопротивления.

Впоследствии Гитлер оправдал акции 30 июня 1934 г. тем, что якобы готовился путч штурмовиков, имевший цель устранить его лично. Это была ложь. Путч не готовился, штурмовики были в отпуске. Мнимые «заговорщики» были застигнуты полностью врасплох. Нет никаких данных, подтверждающих и выдвинутую нацистами версию о связях Рёма и Шлейхера с французским правительством. Хотя разногласия были. Они касались вопроса о дальнейших путях внутренней и внешней политики существующего режима. Рём и Шлейхер выступали за поиски соглашения с Францией, чтобы при ее содействии избавиться окончательно от ограничений Версаля. Шахт и Тиссен выступали за то, чтобы преодолеть сопротивление Франции не компромиссом с ней, а с помощью США и Англии. За это решение выступал и доверенный представителей крупного капитала в нацистском руководстве Г. Геринг.

Наиболее значимым результатом акции 30 июня 1934 г. было устранение потенциальной опасности, которая возникла для фашистской диктатуры из ее конфликта с ориентирующейся на нее мелкобуржуазной массовой базой. В этот день обозначился конец первого этапа развития фашистской диктатуры, который начался с разгрома организаций рабочего класса штурмовиками — выходцами преимущественно из мелкой буржуазии, а закончился сведением счетов нацистов с оппозицией, которую эта пришедшая к национал-социалистам мелкая буржуазия проявляла к всевластию монополий.

День 30 июня ознаменовал создание неограниченной террористической диктатуры, выразившей интересы монополистического капитала Германии и установившей контроль над всеми прочими слоями и классами немецкого народа. Победителями схватки 30 июня 1934 г. стали руководители рейхсвера и SS. Последние в результате столкновения вышли теперь и формально из подчинения штабу SA. С этого момента противостояние между рейхсвером и SS сменилось согласием, прежде всего в их руководящих кругах.

Начальником штаба SA был назначен Виктор Лутце (позже был убит партизанами (по доносу?). После 30 июня большая часть обывателей была запугана, деморализована гитлеровским террором и фактически до конца нацистской диктатуры оставалась под контролем нацистов. Таким образом, 30 июня 1934 г. привело к консолидации реакционного блока нацистов, военщины, монополий. С этого времени Гитлер становится верховным главнокомандующим, а после смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г. он совмещает посты рейхсканцлера и рейхспрезидента.

Лекция 9

Внешняя политика фашизма в 1933–1939 гг.* Зачем Гитлеру был нужен пакт со Сталиным?

Пожалуй, нет ни одного события новейшей истории, которое бы вызвало такие споры, как пакт 23 августа 1939 г. Причем в последнее время эти дискуссии особенно усилились. Если раньше они шли в основном между советскими историками, которые доказывали, что необходим этот пакт и что он не повлиял на развязывание Второй мировой войны, и западными историками, которые убеждали, что он явился чуть ли не главной причиной этой войны, то теперь дискуссия идет и в среде советских историков. Одни из них утверждают, что пакт был необходим и что альтернативы ему не было. Другие доказывают ошибочность решения Сталина и говорят о его тяжких последствиях.

---

* Более или менее цельной лекции на эту тему в рукописях Николая Сергеевича не обнаружено. Однако имеется ряд набросков, записей, среди которых наиболее интересным, думается, будет фрагмент размышлений (1988 г.) «Зачем Гитлеру был нужен пакт со Сталиным?».

Среди советских авторов точку зрения об ошибочности заключения этого пакта первым высказал известный публицист Э. Генри. Он придерживался ее давно, но открыто об этом было сказано лишь в его статье в «Книжном обозрении» за сентябрь 1987 г. Аналогичная позиция имеет место в статье В.И. Дашичева в «Литературной газете» за 18 мая 1988 г., в интервью В.М. Кулиша в «Комсомольской правде» за 24 августа 1988 г., в статье М.И. Семиряги в «Литературной газете» за 5 октября 1988 г. и в целом ряде других публикаций. Высказываются и противоположные мнения: в статье Ю. Полякова в «Комсомольской правде» (1988 г.), в статье А. Орлова и С. Тюшкевича в «Литературной газете» за 26 октября 1988 г. говорится о том, что альтернативы заключению пакта не было.

Представляется, что давать окончательную оценку пакту сегодня еще рано — слишком много нерассмотренных вопросов, неизученных документов. В одном из выступлений в нашей печати прозвучала мысль о том, что окончательная оценка договора дана в докладе М.С. Горбачева по поводу 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции и что спорить теперь, дескать, не о чем. Напомню эту оценку: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умоглядными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле».

Конечно, такая оценка была подготовлена к докладу М.С. Горбачева группой экспертов. Немногим ранее с такой оценкой трудно было спорить, сегодня она вызывает серьезные возражения, в том числе и на страницах нашей прессы. Что касается историков — специалистов по данным проблемам, то большинство из них такую оценку считает не соответствующей действительности.

В прошлом в работах советских историков неизменно говорилось о том, что, пойдя на заключение пакта, Сталин совершил дальновидный и мудрый шаг. В последнее время говорят не о мудрости вождя, а о вынужденности и неизбежности такого шага. Оценка договора затрудняется и тем, что до сих пор не опубликованы материалы, связанные с ним. Архивы МИДа, касающиеся этого периода, по-прежнему труд-

нодоступны. Вот уже 10 лет, как прекратилась публикация «Документов внешней политики СССР». Вышел XXI том, где представлены документы 1938 г., а XXII том с документами 1939 г. так и не появился [1].

Можно предсказать, что в ближайшее время дискуссии по советско-германскому пакту будут идти еще более остро, особенно в связи с 50-й годовщиной подписания этого пакта. К тому же вопрос о пакте очень остро поднимается сейчас в Прибалтийских республиках, судьба которых была predeterminedлена пактом. Оценка пакта связана и с общей оценкой Сталина и сталинизма — наивно было бы думать, что методы, практиковавшиеся Сталиным внутри страны, не находили никакого отражения в его внешней политике.

Мы привыкли говорить о том, что этот пакт дал нашей стране, что было выиграно время для подготовки к войне, что была передвинута граница на Запад и т.д. Но, наверное, надо подойти к этому вопросу и с другой стороны — что этот пакт дал Гитлеру, почему он так настойчиво добивался его заключения? Каковы были его отдаленные последствия, ряд которых в полной мере начинает сказываться в наши дни? Кто в итоге больше выиграл от заключения пакта — СССР или Гитлер? Ответы на эти вопросы далеко не однозначны, но постановка их вполне закономерна. Правомерна, думается, и постановка вопроса об этической стороне пакта, предметом торга при заключении которого стали судьбы народов, что особенно проявилось при выработке дополнительного секретного протокола к нему, а также дополнительных протоколов к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. О нем в нашей литературе вплоть до самого последнего времени вообще не упоминалось, хотя текст его был опубликован в свое время в наших газетах. Впрочем, надо отметить, что наши советские газеты того времени до недавних пор были изъяты из широкого употребления, доступ к ним был весьма ограничен.

Какова же была ситуация в Европе в 1939 г.? Фашистская Германия добилась к этому времени крупных внешнеполитических успехов — она захватила Австрию, Чехию, Клайпеду. Следующей жертвой Гитлера должна была стать Польша. Третьего апреля 1939 г. Гитлер утвердил так называемый «Белый план», предусматривавший готовность германской армии к нападению на Польшу.

Однако реализация плана нападения на Польшу была для Гитлера делом непростым. В апреле — мае Англия и Франция заявили о внешних

гарантиях Польше в случае нападения на нее. Германия занимала неудобное для нее геостратегическое положение в центре Европы: она в огромной степени зависела от импорта стратегических материалов, в первую очередь нефти. Польские правящие круги проявляли готовность идти на уступки Гитлеру. В одном из выступлений перед генералами Гитлер выражал тревогу по поводу того, что если произойдет военное столкновение Германии с Западом, Польша нападет на Германию с тыла. Гитлер предпринимал меры по укреплению заключенного в 1936 г. Антикоминтерновского пакта, но Италия проявила сдержанность в плане участия в военном конфликте, не будучи готова к нему ни экономически, ни в военном отношении. Япония не шла на военный пакт. Проблема изоляции Польши оставалась открытой.

В течение лета 1939 г. проходили англо-франко-советские переговоры и, хотя западные державы всячески затягивали их, на них все же начинали вырисовываться контуры военного соглашения о предотвращении агрессии. Гитлер в связи с этим проявлял большое беспокойство. Он понимал, что если эти переговоры приведут к успеху, шансов на положительный исход агрессивных акций у него не остается. Поэтому нацисты спешили с выработкой мер, направленных на срыв этих переговоров. И они нашли, надо сказать, во многом неожиданную для них поддержку в этом деле со стороны Сталина.

Следует отметить, что в 30-е гг. в советском руководстве существовали две точки зрения по вопросам внешней политики. Сталин, Молотов, Ворошилов считали, что капиталистическое окружение сплошь враждебно Советскому Союзу, что фашизм — всего лишь одна из разновидностей империализма. Бухарин, Литвинов и ряд других советских политических деятелей считали, что фашизм — качественно новое явление в системе империализма. Бухарин, в частности, говорил, что фашизм противопоставил себя умеренным буржуазным демократиям и только в союзе с ними можно предотвратить фашистскую агрессию. Литвинов, будучи наркомом иностранных дел, выступил за максимальное использование Лиги Наций для отпора фашизму, за союз с западноевропейскими буржуазно-парламентскими странами. Третьего мая 1939 г. Литвинов был снят с поста наркома иностранных дел и заменен на этом посту Молотовым.

Курс на сближение с фашистской Германией стал все больше усиливаться. Надо, конечно, отметить, что решающую роль при этом сыг-

рало нежелание Англии и Франции идти на серьезный союз с СССР, их попустительство гитлеровской агрессии, стремление направить ее на восток. Но, видимо, существенную роль сыграло и то обстоятельство, что Сталин считал возможным установление серьезных контактов с фашистской Германией, рассчитывал на то, что в случае заключения договора с Гитлером Германия надолго увязнет в конфликте с Англией и Францией. Это предположение, как известно, не подтвердилось ходом событий: Франция была разгромлена Гитлером за две недели. Впрочем, вряд ли кто-либо, в том числе и сам Гитлер, мог в то время предположить, что военная катастрофа Франции будет столь быстротечной.

От кого исходило само предложение заключить пакт о ненападении? Со всей определенностью на этот вопрос ответить трудно. Проясниться ответ на этот вопрос может лишь после публикации соответствующих документов. Но в общем-то не возникает сомнений в том, что особую заинтересованность в заключении этого пакта проявлял Гитлер, делая при этом весьма значительные уступки Сталину.

Овидий Горчаков в документальной повести «Накануне или Трагедия Кассандры», подготовленной к печати еще в 1956 г., но опубликованной в московском журнале «Горизонт» лишь в 1988 г. (№ 6–7), приводит интересные сведения из донесений секретного сотрудника под именем «Ястреб»: «3 мая 1941 года... фон Б. — представитель германского посольства в Москве, сказал мне, что он лично понял, что в германо-советских отношениях произошел коренной поворот тогда, когда два года назад, 3 мая 1939 г. в скромном уголке на последней странице “Правды” появилось кратенькое сообщение: “Н.М. Литвинов освобожден по собственному желанию от должности наркома иностранных дел”.

Фон Б. сказал, что Сталин поступил очень мудро, сняв еврея Литвинова и назначив на его место арийца Молотова. Убрав Литвинова, Сталин отказался от политики коллективной безопасности и укрепления Лиги Наций. Фон Б. со смехом заявил, что Сталина толкнули в объятия фюрера те самые кретины из правительства Великобритании и Франции, которые теперь сокрушаются и льют слезы над “польской колбасой”.

На ужине 26 июля 1939 г. в одном из лучших ресторанов Берлина (вспоминает, выпив коньяку, фон Б.) Риббентроп в беседе с Астаховым (поверенным в делах СССР в Берлине) и торгпредом Бабариным заявил,

что «идеологию Германии, Италии и Советского Союза роднит одна общая черта — оппозиция капиталистическим демократиям Запада» [2].

Фон Шуленбург 29 июля 1939 г. сообщил из Берлина, что в вопросе о Польше Германия согласна учитывать все интересы Советского Союза и в этой части готова договориться окончательно. Второго августа Риббентроп заявил Астахову, что Германия желает преобразовать взаимоотношения двух государств и на всем протяжении от Балтийского до Черного морей нет проблемы, по которой нельзя договориться к взаимному удовлетворению. На Балтике, по словам Риббентропа, места хватит обоим государствам, а о будущем Польши вполне возможно договориться. Третьего августа Шуленбург сообщил Молотову, что при необходимости Берлин займет в отношении Прибалтийских государств позицию, защищающую интересы СССР на Балтике, что при решении польского вопроса, независимо от того, каким способом он будет решаться, Германия готова считаться с интересами СССР и договориться с Москвой.

Нажим на СССР и различные предложения со стороны Германии усилились особенно после 12 августа, когда начались англо-франко-советские переговоры, продолжавшиеся, впрочем, всего лишь несколько дней. Уже 21 августа они были прерваны советской стороной, а 19 августа в Берлине был подписан советско-германский договор о торговле и предоставлении кредитов. Из Берлина 15 августа было направлено в Москву предложение принять для дальнейших переговоров Риббентропа. В Москве решили выждать некоторое время, что очень обеспокоило Гитлера. Но, судя по всему, проект договора к этому времени в основных чертах уже был выработан.

По словам Риббентропа, как сообщает секретный сотрудник «Ястреб», Молотов, действуя явно от имени Сталина, предложил заключить пакт о ненападении... Гитлер безоговорочно принял это предложение. И 20 августа Гитлер лично обратился к Сталину с просьбой принять Риббентропа в Москве 22–23 августа (Сталин наметил встречу на 26–27 августа). Гитлер провел бессонную ночь, ожидая телеграмму из Москвы. В 9 часов 35 минут было получено согласие. Когда Гитлер собрал в Оберзальцбурге высший военный совет и сообщил ему о пакте с Россией, Геринг исполнил дикий танец на столе... [3].

Риббентроп прибыл в Москву с очень широкими полномочиями. В его портфеле были предложения не только о Польше и Прибалтий-

ских государствах, но и по турецким территориям. Но этот вопрос Риббентропу обсуждать не пришлось — договорились и без его включения.

В ходе первого заседания 23 августа были согласованы почти все вопросы. Риббентроп телеграфировал в Берлин, что не урегулировал вопрос лишь о разграничении сфер влияния в зоне Балтийского моря, что Сталин настаивает на включении латвийских портов Лиепая и Вентспилс (Либава и Виндава) в сферу советских интересов, что от решения этих вопросов зависит подписание пакта. Ответ Гитлера был кратким: «Да, согласен!»

В 22 часа 23 августа 1939 г. переговоры завершились подписанием пакта и, по всей видимости, прилагаемого к нему секретного протокола. Что касается самого пакта, он состоял из семи статей. Пакт содержал обязательство воздерживаться от нападения друг на друга в течение 10 лет.

Относительно секретного протокола к пакту до сих пор ведутся ожесточенные споры. В наших архивах подлинник его не найден. Хотя есть люди, которые в 1961 г. видели его в архивах МИДа, в 1963 г. там его уже не было — он был помещен в «более спокойное и надежное место». Оригинал немецкого текста, как утверждают, хранится в архиве западногерманского МИДа. Его факсимильные копии широко распространены по миру. Судя по копии, речь идет о второпях составленном документе, отпечатанном на неважно работающей машинке, с опечатками. Впечатление таково, что Молотов и Риббентроп подписывали в данном случае не специально подготовленный документ, а весьма поспешно набросанный проект.

Думается, что вопрос о подлинности этого документа имеет все же второстепенное значение. Наличие договоренности о разделе сфер влияния не вызывает сомнений, оно подтверждается целым рядом косвенных документов, а также фактическими действиями обеих сторон.

О чем же говорилось в дополнительном протоколе? О том, что представители Германской империи и Советского Союза сугубо конфиденциально обсудили разграничение сфер влияния обеих сторон в Восточной Европе и договорились, что:

1. Северная граница Литвы означает одновременно линию раздела сфер влияния СССР и Германии, т.е. Финляндия, Эстония и Латвия отходят в сферу влияния СССР.

2. В случае территориального и политического пересмотра территорий, принадлежащих Польше, сферы влияния Германии и СССР разграничиваются по рекам Нарев, Висла и Сан.

3. Советская сторона подчеркивает свои интересы в Бессарабии, а Германия против этого не возражает.

4. Обе стороны считают данный протокол сугубо секретным.

Таким образом, 28 сентября 1939 г. Молотов и Риббентроп подписали секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору о дружбе и границе. По нему в разграничении сфер влияния были произведены некоторые изменения. Литва отходила в сферу влияния Советского Союза, что компенсировалось передачей в сферу влияния Германии Люблинского и части Варшавского воеводств Польши и материальной компенсацией. В самом договоре открыто говорилось о разделе Польши и определялась советско-германская граница. В совместном советско-германском заявлении говорилось, что правительства СССР и Германии окончательно урегулировали вопросы, возникшие в связи с крахом прежнего польского государства и заложили тем самым прочный фундамент мира в Восточной Европе. Молотов назвал польское государство «нежизнеспособным выкидышем Версальского договора».

28 сентября 1939 г. был также осуществлен обмен письмами о советско-германских экономических отношениях, а затем был разработан новый торговый договор, по которому Советский Союз обязывался поставлять в Германию в больших объемах стратегическое сырье (нефть, хром, марганец) и миллионы тонн хлеба.

Можно ли сравнивать пакт с Брестским мирным договором 1918 г.? Представляется, что такое сравнение неправомерно.

Во-первых, в 1918 г. существовала угроза непосредственной ликвидации Советской власти. В 1939 г. такой угрозы не было.

Во-вторых, расчеты В.И. Ленина, связанные с заключением Брестского мира, оказались абсолютно верными. Вскоре возникли условия, которые позволили уже в ноябре 1918 г. аннулировать этот кабальный договор.

Все основные расчеты Сталина, связанные с пактом, оказались неверны. Можно говорить о том, что Гитлер вероломно обманул Сталина, что человеку вообще свойственно ошибаться, но в данном случае речь идет, очевидно, о преступной политической некомпетентности.

Говорят, будто бы без пакта Советский Союз остался бы один на один с фашистской Германией. Да, определенная опасность этого была в глазах Сталина — ведь он и социал-демократов уподоблял фашистам, весь капиталистический мир был для него выкрашен в один цвет. Он не принимал во внимание серьезнейших политических и военных противоречий в капиталистическом мире, особенно — англо-германских, которые и явились, по сути дела, глубинной причиной возникновения Второй мировой войны. В действительности, и это можно сказать со всей определенностью сегодня, у Англии и Франции не было каких-то серьезных планов нападения на Советский Союз. Известно, что зимой 1939/40 г. Англия и Франция разрабатывали планы бомбардировки Баку — но это не были планы какой-то крупномасштабной операции, предполагалось помешать снабжению Германии бакинской нефтью.

Не оправдались надежды Сталина на то, что Германия надолго увязнет в войне с Францией и Англией. И политика Сталина способствовала этому. Не будь пакта, вряд ли Гитлер смог бы сконцентрировать практически всю армию для разгрома Франции, оставив для обороны на Востоке лишь 5 дивизий. В 1941 г. представитель немецкого посольства в Москве говорил советскому агенту «Ястребу»: «Если бы Сталин хотел напасть на нас, он сделал бы это год назад, когда наши руки были связаны французами. Тогда бы вы за пару недель смяли пять наших дивизий в Польше и вошли в Берлин» [4]. Не будь пакта, Гитлер вряд ли мог бы так оголить свой восточный фронт.

Что же получилось в июне 1941 г.? Вот тогда мы действительно оказались один на один с фашистской Германией, причем с Германией, которая к этому времени установила свой контроль над всей континентальной Европой, резко нарастила мощь своих вооруженных сил, приобретших колоссальный опыт ведения современной войны, в то время как мы его не приобрели. Кроме того, она смогла поднять против нас своих союзников в Европе, что было невозможно в 1939 г. Германия имела детально разработанный план нападения на СССР, какового у нее не было в 1939 г. То есть условия столкновения СССР с фашистской Германией оказались значительно худшими, чем в 1939 г. Гитлер в полной мере смог переиграть Сталина как политика.

Это, как известно, имело трагические последствия для нашей страны. Конечно, любой политик, любой государственный деятель может ошибиться и крупно ошибиться. В обстановке, сложившейся в 1939 г.,

пакт с Германией, конечно, был одним из возможных вариантов наших действий. Единоличное решение Сталина исключало какое-либо серьезное их выдвигание, их анализ. Трагедия в том, что даже те выгоды, которые мы получили по этому пакту, большей частью не были использованы. Наоборот, в период действия советско-германского пакта о ненападении было сделано немало такого, что облегчило нападение Германии на Советский Союз. Само заключение пакта, возможно, было не лучшим, но допустимым способом действий. Однако та форма, в которой он был заключен, и особенно практика его реализации, которая имела место, ничем не могут быть оправданы.

---

1. К сожалению, Николай Сергеевич не успел ознакомиться с опубликованным незадолго до его кончины сборником документов: *Документы внешней политики СССР*. Т. XXII. 1939. В 2 кн. М.: Международные отношения, 1992. Редакционная коллегия тома: Ю.К. Алексеев, А.П. Бондаренко, Г.В. Киреев, Ф.Н. Ковалев, В.Г. Комплектов, С.А. Кондрашов, О.А. Ржевский, С.Я. Тихвинский. Составители тома: В.И. Аникин, Л.В. Внукова, М.М. Ипполитов, Г.С. Пачев (руководитель), И.М. Субботина, Е.Б. Цогулева.

В первую книгу, где отражены события с 1 января до 1 сентября 1939 г., вошли документы из Архива внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВНПРФ), документы Архива российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и документы бывшего КГБ СССР.

Вторая книга, охватывающая события с 1 сентября до конца 1939 г., содержит обстоятельные примечания, включающие значительное количество иностранных документов: ответы на ноты, памятные записки и заявления советского правительства и его органов (Н.А. Хлыстова).

2. См.: Горчаков О. Накануне, или Трагедия Кассандры // Горизонт. 1988. № 6. С. 33.

3. Там же. С. 34.

4. Там же. С. 53.

Лекция 10

Основные направления историографии германского фашизма

Изучение фашизма началось одновременно с возникновением этого явления. Первые работы о фашизме были написаны преимущественно представителями коммунистического и рабочего движения. Марксистский анализ фашизма был подготовлен ленинским анализом империа-

лизма. В.И. Ленин подчеркивал, что «политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции» [1], что перерастание монополистического капитализма в империализм еще более усиливает эту тенденцию. Известно ленинское положение о двух методах борьбы буржуазии за сохранение своего господства, которые в зависимости от обстоятельств то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это — метод насилия, грубого подавления борьбы рабочего класса, характерный для консервативной политики, и метод, делающий ставку на уступки рабочему движению, лавирование и реформы, что характерно для либеральной политики. В.И. Ленин не успел непосредственно проанализировать фашизм как явление, только зарождавшееся при его жизни, но содержащиеся в его трудах фундаментальные оценки социально-исторических процессов, методологические принципы его исследования развития капитализма послужили основой, на которой стало развиваться марксистское понимание фашизма.

Представляется целесообразным выделить четыре основных этапа в развитии марксистской историографии фашизма [2]:

1. На первом этапе главная роль в разработке марксистско-ленинской концепции фашизма принадлежала Коминтерну. Уже на IV Конгрессе Коминтерна (1922 г.) фашизм стал объектом пристального внимания. О том, какое значение придавалось коммунистами изучению только еще складывавшегося фашизма, свидетельствует письмо ИККИ от 16 марта 1923 г.: «Во всех странах должен тщательным образом собираться весь материал о фашизме, о так называемом национал-социализме... Реакционное течение, которое сумело привлечь на свою сторону часть, хотя и незначительную, рабочего класса, заслуживает с нашей стороны тщательного внимания. Мы, коммунисты, должны прежде всего знать это движение до мельчайших подробностей: его программу, его литературу, внутренние течения, личности, организационные формы, источники денежных средств, степень поддержки со стороны правительства, отношение к этому правительства, величину вооруженных сил и т.д.».

Изучение фашизма было сложным делом. Он находился в процессе эволюции. Истинный характер фашизма маскировался его антикапиталистической демагогией, отсутствием прямолинейной связи между его массовой базой и политической практикой. Неудивительно, что при анализе фашизма допускались порой поспешные, недостаточно

обоснованные оценки тех или иных его сторон. Ошибки были связаны и с неправильными политическими установками, например теорией «социал-фашизма». Но самое главное состоит в том, что коммунисты сумели быстро распознать классовую сущность фашизма. Исследователи-марксисты ставили на первый план изучение места и функции фашизма в буржуазном обществе, характера его отношений с различными классами, социальными группами.

Уже в 20-е гг. марксисты смогли распознать *международный характер фашизма*, в то время как буржуазные авторы считали его уникальным итальянским явлением. Они показали фашизм как *реакцию мирового капитала на угрозу пролетарской революции*. В 1923 г. в Москве вышел сборник статей под заглавием «Мировой фашизм». Учитывая все это, один из современных западногерманских историков В. Шидер признает: «Коммунистические противники фашизма раньше всех других распознали его всеобщий характер, не привязанный к стране, где он возник».

Однако в исследованиях авторов-марксистов имели место и ошибки:

а) Они считали, что фашизм — это инструмент сохранения господства буржуазии в новых условиях, что империализм исчерпал все возможности маневра и кроме фашистских методов ему больше не на что рассчитывать.

б) Допускалось недифференцированное употребление термина «фашизм»: им обозначалась всякая реакция. Против этого еще в конце 20-х гг. выступили П. Тольятти и другие марксисты, отмечавшие, что от других типов реакции фашизм отличается не только открытым массовым террором, но и способностью создать для себя внушительную социальную опору.

2. Особое внимание марксистская литература уделяет фашизму после прихода нацистов к власти в Германии (1933 г.), когда классовая сущность фашизма вырисовывается особенно рельефно. XIII пленум ЦККИ (декабрь 1933 г.) дал первое, соответствующее уровню развития теоретической мысли того времени, определение фашизма. На основе его VII Конгресс Коминтерна углубил марксистско-ленинскую концепцию фашизма, освободив ее от проявлений схематизма и сектантства. Первой серьезной попыткой обобщающего анализа фашизма была книга Р. Палма Датта «Фашизм и социалистическая революция» (1934 г., русский перевод появился в 1935 г.). Но и здесь имели место

ошибки: процесс развития государственно-монополистического капитализма, полагал автор, неизбежно ведет к фашизму. Все формы развития государственно-монополистического капитализма тем самым, по его мнению, являются путем к фашизму, в том числе и «новый курс» Ф. Рузвельта.

Важное место в формировании марксистской концепции сыграли «Лекции о фашизме» П. Тольятти, прочитанные накануне VII Конгресса Коминтерна в Ленинской школе в Москве (публикация их осуществлена в 1974 г.). Учитывая обрисованное на XVII Съезде ВКП(б) положение о том, что победа фашизма в Германии — это признак слабости буржуазии, признак того, что она не может уже управлять методами парламентаризма, П. Тольятти заявил, что постановка вопроса о том, является ли установление фашистской диктатуры признаком слабости или, наоборот, — силы господствующих классов, неправомерна. С точки зрения долговременного исторического процесса это верно, но в контексте происходящих ныне событий, отмечал П. Тольятти, нельзя недооценивать то обстоятельство, что фашизм способен осуществить мобилизацию масс мелкой буржуазии, которая таит в себе элемент усиления буржуазии [3].

Во второй половине 30-х гг. появились работы советских авторов: А. Сидорова «Фашизм и городские слои в Германии» и работы Н. Сегаля об аграрной политике фашизма в Германии, сборники по критике нацистской идеологии, против фашистской фальсификации истории. В период войны появились многочисленные публицистические работы советских историков, что стало вкладом в дело борьбы советского народа с фашизмом. Заметный след оставила работа И.П. Трайнина «Механизм немецко-фашистской диктатуры» (Ташкент, 1942 г.).

3. После Второй мировой войны, в связи с крушением нацистского государства, стали доступны многие архивы — расширилась база исследований. Историография фашизма стала одним из важнейших участков идеологической борьбы между двумя противоположными общественными системами. Историки-марксисты стремились прежде всего полнее раскрыть органическую связь фашизма и породившего его капиталистического общества, монополистических кругов. В том числе работы В. Ульбрихта, А. Нордена и советских авторов. Из зарубежных авторов в этот период следует назвать Ф. Клейна и А. Шрайнера.

4. Четвертый этап — рубеж 50–60-х гг. Появление обобщающих работ, связанных с деятельностью комиссии историков СССР и ГДР с 1957 г. Получили известность труды В.П. Фомина, В.Б. Ушакова, Л.А. Безыменского, Д.Е. Мельникова, Г.Л. Розанова, В.Д. Кульбакина. В Польше вышла в свет работа А. Каминского «Фашизм» (1971 г.).

Советский историк А.А. Галкин осуществил анализ взаимоотношений между фашистами и монополиями во всей их сложности и многообразии. Его вывод состоял в том, что нацистский режим не был игрушкой в руках отдельных монополистов, он выполнял классовые функции капитала.

Путь нацизма к власти глубоко осмыслил П.И. Гинцберг. Анализу истории фашизма в Западной Европе посвящены работы А.С. Бланка, Д.С. Давидовича, Г.Н. Горошковой. Проблема связей нацистов с монополистическими кругами нашла отражение в работах авторов ГДР. Появились сборники документов, раскрывающих анатомию войны, анатомию агрессии. Специфика марксистских исследований 70–80-х гг. XX в. состоит в комплексном характере их, в многообразии проблематики, в сочетании различных методов — исторического, экономического, социологического, социально-психологического плана.

Немало работ посвящено историографии фашизма, задача которой состоит в классификации наработанного материала. В том числе работы А.С. Бланка, П.Ю. Рахшмира, М. Вайсбеккера.

Буржуазная и реформистская историческая наука о фашизме

Ее особенности состоят в следующем:

1) Для буржуазных и реформистских авторов начала 20-х гг. до 1933 г. эталоном, классическим вариантом служил итальянский фашизм, потому и писали они, главным образом, о нем. В более развитых капиталистических странах, полагали они, фашизм невозможен. Так, Ф. Борхенау утверждал, что германская буржуазия не нуждается в фашизме. Наличие широкой массовой базы гитлеровского движения не позволило буржуазным историкам германского фашизма увидеть его классовую сущность.

2) В 1933–1945 гг. иллюзии об уникальности итальянского фашизма рассеялись. Действительность подтверждала правоту выводов марксистских историков. Признание в той или иной форме связи монополистической буржуазии и национал-социализма имело место

у некоторых историков социал-демократов и у либерально-буржуазных историков. Но имели место и неточности: преувеличивалась самостоятельная роль нацистского государства, как института некоей «внеклассовой военной касты» (Э. Тенненбаум) и даже как своеобразный «вариант ликвидации капитализма» (Д. Бернхэм).

В общем, верный вывод о том, что в Германии имела место «частно-капиталистическая экономика, регламентируемая тоталитарным государством», сделал в книге «Бегемот» (1942 г.) Ф. Нойман, социал-демократ, эмигрировавший из Германии. Он выделил четыре решающих элемента гитлеровского режима, тесно связанные между собой и борющиеся друг с другом: партия, монополии, армия и бюрократия.

В целом, для этих авторов характерен взгляд на фашизм как «феномен среднего класса». Но немецко-американский психоаналитик и социолог Э. Фромм признает то, что Гитлер без поддержки промышленников и юнкеров не смог бы победить, что их поддержка была обусловлена социально-экономическими факторами. Однако социально-экономические факторы оказываются у него равнозначны другим: политическим, социально-психологическим и даже личностно-психологическим. Такой плюралистический подход в конечном итоге не позволяет увидеть главного фактора детерминации столь сложного феномена, как фашизм.

Среди историков консервативного направления в этот период появилась концепция культурно-исторической обусловленности фашизма. Так, Г. Раушнинг свое понимание фашизма связывал с процессом секуляризации, начавшимся в XVI в. Он якобы был прямым следствием и подобием якобинской диктатуры, результатом «восстания масс», результатом «революции нигилизма». Глубокие корни германского фашизма в истории усматривал лорд Ванситтарт*: «Поскребите любого немца, и вы обнаружите пангерманца». В такой трактовке нацизм утрачивал социальную сущность, представал как проявление немецкого национального характера.

3) Период после Второй мировой войны (эпоха, названная «холодной войной») ознаменовался рождением концепции «тоталитаризма». Вторая половина 40–50-х гг. характеризовалась как раз господством этой концепции в историографии фашизма. Главным образом, это —

---

* Заместитель министра иностранных дел Англии.

американские социологи и политологи: Х. Арендт, К. Фридрих, З. Бжезинский.

Консервативное направление в историографии ФРГ, представленное, в частности, Г. Риттером, делало акцент даже на трансцендентальных причинах фашизма: «демония», «рок». В том числе государство рассматривалось им как неодолимая и непостижимая демоническая сила. Ответственность за милитаристский характер политики германского государства Риттер склонен был возлагать на народные массы, в силу иррационального характера поведения их. Жертвами «восстания масс» стали, по его мнению, и монополисты, и военные, и аристократы. Ф. Мейнеке видел в «деле Гитлера» «прорыв сатанинского принципа в мировую историю». Социально-экономические предпосылки национал-социализма, по существу, отбрасываются представителями консервативного направления, как не имеющие значения. Нацизм представляется результатом развития в сфере идеологии, религии. Усиливается тенденция к психологической и даже психопатологической интерпретации фашизма. «Загадка Гитлера» часто раскрывается через методы психоанализа персоны фюрера, в том числе — через анализ его детских переживаний.

Появились неофашистские направления в историографии, одни из представителей которых заявляли, что Гитлер извратил хорошие идеи фашизма, а другие (Э. Керн, Г. Граберт, Г. Зюндерман) склонны были во всем оправдывать Гитлера.

4) На рубеже 50–60-х гг. обнаружили новые тенденции в буржуазной историографии фашизма. Это было связано с рядом обстоятельств: а) включением в исследовательский оборот нового фактического материала: открылись фонды, хранившие документы нацистской партии (если бы их удалось разместить на полку, она достигла бы длины 15 км); доступными стали микрофильмированные американские документы (15 тыс. роликов по 1200 страниц); б) получили развитие фактографические исследования; в) не могли не сказаться успехи марксистской исторической мысли.

Обозначился кризис концепции тоталитаризма, расширилось признание международного характера фашизма. Утратило ведущие позиции консервативное направление в историографии ФРГ.

Несомненно, знаковой фигурой в немарксистской исторической науке этого времени был Эрнст Нольте. В работе «Фашизм в его эпоху» (1963 г.) он доказывал, что фашизм — это феномен, имеющий свою

собственную природу, так его и следует изучать. Нольте попытался произвести типологию фашизма и выделил ступени его: низшая — авторитаризм, верхняя — тоталитаризм. Между ними располагается ступень еще-не-фашизм (состоящая из двух ступеней). Высшей достигает лишь крайне радикальный фашизм. Ему предшествуют предфашизм и нормальный фашизм. Называется шесть признаков фашизма: антимарксизм, антилиберализм, принцип фюрерства, наличие партийной армии, антиконсерватизм, тоталитарные притязания. Главные и второстепенные признаки при этом смешиваются.

Но если Нольте видит национал-социализм в качестве высшей ступени фашизма, то ряд других буржуазных авторов считают его вообще «аномалией», требующей специального анализа. Тем самым, по существу, реабилитируются фашистские движения в других странах и фашизм в целом.

5) В 70-е гг. в ФРГ формируется леволиберальное течение, делающее акцент при изучении фашизма на социально-экономической проблематике. Это, главным образом, — молодые историки. Несмотря на противоречивость их взглядов, они внесли значительный вклад в борьбу с реакцией, потому что анализ фашизма является необходимой предпосылкой для антифашистской политической стратегии.

В. Випперман в книге «Теории фашизма» (1972 г.) подчеркивал: «Центральным вопросом для теории фашизма является отношение между индустрией и фашизмом». Историк из ФРГ В. Тройе отличался прямолинейной апологией «капитанов индустрии», выгораживанием фликов и феглеров, что сегодня выглядит явным анахронизмом. Г. Тернер, автор книги «Фашизм и капитализм в Германии», развивает тезис об обособлении фашистского аппарата власти от всех классов гражданского общества и видит в современных условиях возрождение модели бонапартизма. Последний, по его мнению, характеризуется не только функцией защиты господства буржуазии от угрозы со стороны пролетариата, но и созданием условия для дальнейшего роста капиталистических отношений. Фашизм же представляет собой решительное отрицание социального прогресса.

Тезис о примате нацистской политики над экономикой Германии развивает Т. Мейсон. Он считает невиданную концентрацию производства, установление тесных контактов между монополиями и государственными органами, гегемонию военно-промышленных концернов

(все это имело место в Третьем рейхе) несовместимыми с капиталистической экономикой. На деле же это был *специфический* вариант государственно-монополистического капитализма, сложившийся в гитлеровском государстве. Т. Фогельзанг убежден, что монополии были инструментом в руках SS. Конечно, в условиях государственно-монополистического капитализма роль политического фактора возрастает, но и переоценивать его нельзя.

Достаточно парадоксально выглядит аргументация по поводу роли фашизма в рамках так называемой «теории модернизации», среди приверженцев которой оказались и некоторые представители леволиберального течения. Экономическому росту, индустриальному развитию, считают одни из представителей ее, *способствовал* фашизм. Другие, наоборот, полагают, что фашизм играл *антимодернизаторскую функцию*.

В первой половине 70-х гг. обнаружилась тенденция к абсолютизации относительной самостоятельности фашистской политической элиты. Получает дальнейшее развитие психоаналитическая интерпретация фашизма. Она содержится, в частности, в трудах И. Феста, в трилогии Э. Керна («Гитлер и его движение», «Гитлер и Третий Рейх», «Гитлер и война»).

б) С середины 70-х гг. возрождается концепция тоталитаризма. Организатором соответствующей кампании стал один из ее авторов З. Бжезинский, занявший пост специального помощника президента США по вопросам национальной безопасности. Одним из наиболее рьяных пропагандистов ее стал один из крупнейших историков ФРГ К.Д. Брахер. В свое время он был известен работами, в которых, не выходя за рамки буржуазной методологии, говоря о «множественности», «плюрализме» причин, породивших национал-социализм, все же осуществлял их объективное научное исследование, придавая большое (хотя и не решающее) значение социально-экономическим факторам. Выступления Брахера в 60-е гг. против неофашизма, против чрезвычайного законодательства создали ему репутацию либерального, даже демократически настроенного историка.

Однако в двух своих крупных работах, появившихся в 1976 г., «Споры о современной истории» и «Кризис Европы», Брахер делает резкий поворот вправо, в сторону антикоммунизма и антисоветизма. Главный тезис Брахера состоит в том, что в XX в. наиболее важной

проблемой является соотношение демократии и диктатуры. Между ними, а не между фашизмом и социализмом существуют принципиальные различия, полагает он. Брахер призывает вообще отказаться от понятия «фашизм» как интернационального явления. Можно говорить лишь об отдельных «фашизмах», между которыми якобы больше различий, чем сходства. Национал-социализм вообще исключается из числа «фашизмов». Он именуется им как «немецкая диктатура» и понимается как явление, более близкое левым, а не правым диктатурам. Хотя в то же время принципиальных различий между «правыми» и «левыми» диктатурами Брахер не видит. В то же время понятие «тоталитаризм» он находит вполне оправданным, фиксирующим существенное сходство между социализмом и фашизмом, различия же между ними ему представляются несущественными.

Весьма интересен, и как раз в связи с доктриной тоталитаризма, анализ в буржуазной историографии проблемы так называемого «левого» национал-социализма. Интерес к этой проблеме резко возрос с середины 60-х гг., когда резко обострилась внутривластная борьба в ФРГ — там имела место вспышка неонацистской опасности, и, с другой стороны, значительно оживились демократические силы. Это привело к многочисленным острым дискуссиям о фашизме, о его социальной базе, его связях с монополиями. В ходе этих дискуссий неизбежно возникал вопрос о природе «левого» национал-социализма. Ряд буржуазных идеологов поспешили приклеить резко активизировавшемуся молодежному и студенческому движению ярлык «левого фашизма».

В дискуссии о «левом фашизме» имеет место употребление этого термина в двух смыслах. В одном случае «фашистскими» называются те или иные акции левых движений, например использование ими силы против своих политических противников. В другом случае речь идет о выискивании «левых» тенденций, «левого» содержания в фашизме как таковом. В том и в другом случае речь идет о вариациях на тему обозначенной концепции «тоталитаризма», «сближающей» фашизм и левое движение. Нольте, в свое время сыгравший немаловажную роль в критике этой теории, в последние годы перешел, как и Брахер, к ее апологетике. Он пишет: «Если хотя бы часть левых не так уж лева, то, возможно, и фашизм в целом не так уж прав, как утвердилось это в широко распространенном мнении». Он доходит до парадоксальной

формулировки: «марксизм есть фашизм социализма и тем самым, собственно, и есть левый фашизм».

Марксистская историческая мысль отвергает как ненаучные и политически реакционные утверждения о «левом» содержании фашизма и «фашистских» тенденциях в левом движении. Реалистичное, объективное изучение «левого» национал-социализма показывает, что, несмотря на наличие в рядах этого движения искренних противников капиталистического строя, в целом оно являлось частью фашистского движения 20—30-х гг. в Германии, было носителем такой его важнейшей функции, как социальная демагогия. В то же время, очевидно, необходимо и дальше заниматься выяснением социальной природы и политических устремлений как тех в основном мелкобуржуазных групп, которые, объективно имея определенные возможности участвовать в антикапиталистической борьбе, оказываются вовлеченными в орбиту фашистских движений, так и тех фашиствующих группировок, которые пытаются примкнуть к революционному движению и, паразитируя на нем, добиться осуществления своих реакционных целей.

Итак, адекватного определения сущности фашизма и объяснения причин его нет. Ряд буржуазных авторов стремятся приглушить критику фашизма, отрицают классовую сущность его и сводят всю критику фашизма к персонификации нацистской клики. Другие пытаются с помощью модифицированной доктрины «тоталитаризма» использовать критику фашизма в антикоммунистических целях. Ангажированность тех и других очевидна.

Вполне естественно, что критика этой теории занимает центральное место в работах историков ГДР.

К критике «теории тоталитаризма» историками ГДР

Если не считать некоторых публицистических и полупублицистических статей, то впервые серьезный анализ этой доктрины был предпринят в вышедшей в свет в 1964 г. книге Г. Лоцека и Х. Зюрбе «Историография против истории». Характеризуя сущность и функции ее в западногерманской историографии, эти авторы называют «теорию тоталитаризма» «краеугольным камнем идеологии и политики» западногерманского государства. Сторонники этой теории, пишут авторы, «ставят знак равенства между сущностью фашизма, с одной стороны, и социализма и коммунизма — с другой». Их цель «превратить ненависть немецкого

и других миролюбивых народов к преступлениям гитлеровского фашизма в антикоммунизм». Отмечается, что сторонники этой теории (Г. Ротфельс и К.Д. Брахер) причиной возникновения тоталитарных режимов считают развитие «современного индустриального общества», вовлечение масс в политику, что якобы повлекло «обстановку гражданской войны» в Европе, возникшую после Октябрьской революции в России.

Такая оценка теории тоталитаризма авторами ГДР в принципе совпадала с теми немногочисленными оценками теории тоталитаризма, которые встречались в советской литературе. Немногочисленность этих оценок имела свою причину. В ходе полемики со сторонниками теории тоталитаризма волей-неволей приходилось говорить о методах господства фашизма и сталинизма, об их репрессивном аппарате. Такие сопоставления оказывались весьма болезненными для нас, вызывали неудовольствие и противодействие тех людей в руководстве, которые стремились свести к минимуму разговор о преступлениях сталинизма, реабилитировать его в той или иной мере. Показательна в этом отношении история романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором ставилась проблема сопоставления преступлений фашизма и сталинизма. Шеф-идеолог «застойного периода» М.А. Суслов запретил публикацию романа, заявив автору, что вопрос о ней сможет встать не раньше, чем лет через двести. Сложная ситуация в этом плане была и в ГДР.

Верные, по существу, оценки теории тоталитаризма историками ГДР, как и Советского Союза, оставляли в то же время за пределами рассмотрения вопрос о соотношении формы и содержания исторических процессов и явлений, целей и методов их осуществления, выдвигаемых различными политическими силами.

Вопросы, связанные с возникновением и развитием доктрины тоталитаризма, освещены в статье Г. Лоцека в журнале «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» в 1966 г. «В совокупную конструкцию доктрины тоталитаризма, — пишет он, — включены определенные частные истины истории, но отдельные исторические факты и события используются для искажения исторической истины ради... политических интересов».

В 1970 г. вышла в свет фундаментальная монография историков ГДР, посвященная критике буржуазной историографии ФРГ — «*Unbewältigte Vergangenheit*» («Непреодоленное прошлое»). В разделе о «доктрине тоталитаризма», написанном Г. Лоцеком, являвшимся

и руководителем авторского коллектива всей монографии, предпринимается попытка выделить основные этапы развития этой теории. Первый — период до 1933 г., когда под флагом этой теории реформисты и либералы пытались противостоять политической практике «правых» (фашистов) и «левых» (коммунистов) в Германии и Италии. В то же время профашистские теоретики пытались обосновать необходимость создания «тоталитарного государства».

Период 1933—1945 гг. характеризуется особым участием правосоциалистических теоретиков в формировании доктрины тоталитаризма, направленной как против фашистских диктатур, так и против социализма в СССР. Период после 1945 г. до начала 60-х гг. характеризуется тем, что доктрина тоталитаризма становится главным идеологическим оружием «холодной войны», направленной против социалистических стран. Затем — временное затишье и период, начавшийся с конца 60-х гг., — вновь активизация. По мнению Г. Лоцека, он характеризуется двумя моментами — растущей дифференциацией вариантов теории тоталитаризма (автор насчитывает их пять) и попытками освободить ее от непосредственной связи с антикоммунистической политикой, представив доктрину тоталитаризма как научно-теоретический инструмент.

В июне 1971 г. Г. Лоцек, выступая на коллоквиуме Комиссии историков СССР и ГДР в Москве с докладом «О концепциях фашизма в буржуазной историографии ФРГ», отмечал, что доктрина тоталитаризма по-прежнему определяет в ФРГ, в значительной мере, освещение всей проблематики фашизма.

Следует отметить, что некоторыми советскими авторами в этот период утверждалось, что теория тоталитаризма вообще мертва, что она исчезла с идеологической сцены. Историки ГДР более реалистично оценили обстановку, считая, что «изменились, главным образом, терминология и формы доктрины, но ее сущность и задачи остались прежними». В монографии «Современный антикоммунизм» (1973 г.), подготовленной Институтом общественных наук ГДР, рассмотрены несколько вариантов использования теории тоталитаризма в новых условиях.

Один из ведущих историков ГДР К. Госвайлер в своей статье, опубликованной в «Ежегоднике Германской истории» (1974 г.), обратил внимание на антикоммунизм как отличительную особенность доктрины тоталитаризма и подчеркнул, что сторонники ее сохранились в ФРГ по-

ныне, что тот же Э. Нольте, вроде бы отказавшийся от нее, в последних работах фактически к ней же и возвращается.

Другой известный автор М. Вайсбеккер, рассматривая вопрос об эволюции доктрины тоталитаризма в своей работе «Избавление от наваждения коричневого варварства», отмечает, что она возникла как теоретическая основа оценки фашизма теми буржуазными идеологами, которые искали «третий путь» между социализмом и крайними реакционными формами господства империализма. Существенным является то, что, по мнению М. Вайсбеккера, в ее основе «были как антикоммунистические, так и антимилитаристские, антифашистские черты, причем последние у некоторых авторов имели даже перевес над первыми». Автор отмечает также «более дифференцированное и эластичное применение» доктрины тоталитаризма в условиях 60–70-х гг.

Ренессанс теории тоталитаризма в 70–80-х гг., по мнению историков ГДР, связан с изменениями в международной обстановке — усилением реакционных неоконсервативных тенденций в политике, особенно американского империализма, стремлением реидеологизировать его внешнюю политику. Можно предположить (историки ГДР об этом не пишут), что оживление теории тоталитаризма было вызвано и теми процессами, которые происходили в социалистических странах, в Советском Союзе, в первую очередь — усилением «застойных» явлений, использованием несталинистских методов руководства общественной жизнью.

Многогранному анализу теории тоталитаризма были посвящены выступления Г. Лоцека, М. Вайсбеккера и других историков ГДР на заседании Комиссии историков ГДР и СССР в сентябре 1978 г. в Киеве по проблеме фашизма и неофашизма. Значительным вкладом в дело объективной критики теории тоталитаризма стал фундаментальный сборник «Изучение фашизма», изданный Д. Эйххольцем и К. Госвайлером, как бы подводящий итоги изучения фашизма историками ГДР к началу 80-х гг.

Активно включившиеся в «Дискуссии о современной эпохе» авторы ГДР, в частности Б. Берлекамп и Г. Лоцек, в своем анализе современной буржуазной историографии подчеркнули, что ряд приверженцев теории тоталитаризма пытаются возложить *ответственность за современный терроризм* на так называемый «*левый тоталитаризм*», на *социалистические страны*. Эта идея получила развитие

в коллективной работе авторов ГДР под руководством Г. Лоцека «Место доктрины тоталитаризма в антикоммунизме», опубликованной в 1985 г. «Становится очевидным, — пишут авторы, — что доктрина тоталитаризма представляет собой не применяемую время от времени концепцию, от которой буржуазная идеология и политика раньше или позже могли бы отказаться, а является основополагающим элементом реакционной общественной мысли современной эпохи».

Резкой критике в работах историков ГДР были подвергнуты имевшие место в ходе развернувшегося с 1986 г. так называемого «спора историков» ФРГ попытки оправдать с позиций теории тоталитаризма преступления гитлеровского режима как реакцию на преступные действия Сталина.

Несомненно, вклад историков ГДР в критику теории тоталитаризма, в выяснение причин возникновения, эволюции форм, теоретической и политической направленности ее более весом, чем вклад историков-марксистов других стран. В то же время и в работах этих историков, как представляется, недостаточно учитываются некоторые объективные моменты, обуславливающие возврат к ней. Одним из факторов, объясняющих живучесть этой теории и существенное ее влияние на значительные массы населения, является очевидное сходство методов осуществления господства фашизма и сталинизма, антигуманность того и другого.

Думается, что сегодня, наряду с обстоятельной критикой доктрины тоталитаризма, доказывающей научную необоснованность отождествления социализма и фашизма, широко практикуемого в рамках этой теории, нужно учитывать и антифашистскую, гуманную направленность ряда работ ее сторонников. По-видимому, нужна не только критика взглядов приверженцев этой теории, но и серьезный диалог с ними, который позволил бы, с одной стороны, учесть многие верные и имеющие существенное научное и политическое значение наблюдения и выводы, которые содержатся в их работах. И, с другой стороны, через диалог возможно обнаружить ошибочность, несостоятельность имеющихся в них сопоставлений и сравнений, обусловленных неверной методологией исследования, иногда соображениями конъюнктурного, политического характера, колоссальным влиянием антикоммунизма. Разумеется, при этом речь не идет о тех многочисленных авторах, которые сделали

антикоммунизм своей профессией, а доктрину тоталитаризма его инструментом. В этом случае нужна серьезная конструктивная критика.

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 388.

2. Подробное изложение марксистской историографии германского фашизма см.: *Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С.* Марксистская историография германского фашизма: Учебное пособие. Кемерово, 1988.

3. *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М.: Политическая литература, 1974.

Литература к лекционному курсу*

Обязательная

Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967.

Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма // Избр. пр. Т. 1. М., 1957. Или отдельное издание.

Ежов В.Д. Происхождение и классовая сущность фашизма // Новая и новейшая история. 1976. № 5.

Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933.

Очерки истории немецкого рабочего движения. М., 1964.

Рахимир П.Ю. Современная буржуазная историография германского фашизма // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1972. Вып. 7. № 8.

Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974.

По выбору

Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха: В 2 т. М.: Изд-во АПН, 1974.

Бланк А.С. Германский фашизм и западногерманский неонацизм: Мат-лы к спецкурсу. Т. 1—2. Вологда, 1973.

Бланк А.С. Адвокаты реванша. М., 1974.

Бланк А.С. В сердце «третьего рейха». История антифашистского Народного фронта в подполье. М.: Мысль, 1974.

Борозняк А.И., Черкасов Н.С. Рейнгард Опиц // Вопросы истории. 1988. № 10.

Галактионов Ю.В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века. Кемерово, 1999.

Галкин А.А. Социология неофашизма. М., 1971.

Гebbельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1995.

Гинцберг Л.И. Тень фашистской свастики. М., 1967.

* Полный список работ Н.С. Черкасова см. в конце книги.

- Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972.
- Глушков А.Е.* Роль нацистской пропаганды в подготовке и проведении захвата Австрии (1935–1938 гг.) // Вопросы истории международных отношений. 1972. Вып. 4.
- Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1–2. М.: Наука, 1973.
- Документы* внешней политики СССР. Т. XXII. В 2 кн. М.: Междунар. отношения, 1992.
- Желев Ж.* Фашизм: Пер. с болгарского. М.: Новости, 1991.
- Залесский К.* НСДАР. Власть в Третьем рейхе. Уникальная энциклопедия. М., 2005.
- Критика* идеологии неофашизма. М., 1976.
- Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов н/Д, 1998.
- Мельников Д., Черная Л.* Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1982.
- Нюрнбергский процесс.* Т. 1–7. М., 1960.
- Прозктор Д.М.* Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. М.: Наука, 1972.
- Прозктор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1985.
- Рахмиров П.Ю.* Происхождение фашизма. М.: Наука, 1981.
- Руге В.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1982.
- Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991.
- Современный фашизм: его обличье и борьба с ним.* Прага, 1975.
- Тельман Э.* Речи и статьи. Письма. Воспоминания об Эрнсте Тельмане. М.: Политиздат, 1986.
- Фест Й.* Гитлер. Биография / Пер. с нем. А.А. Федорова; под ред. С. З. Случа и П.Ю. Рахмирова: В 3 т. М.: Алетейа, 1993.
- Фомин В.* Фашистская Германия во Второй мировой войне. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М.: Наука, 1978.
- Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М.: Олма-Пресс, 2003.
- Хонеккер Э.* Из моей жизни. М.: Политиздат, 1982.
- Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика: Пер. с англ. М.: СП «Дом Бруни», 1991.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего Рейха: Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2004.
- Штрассер О.* Гитлер и Я. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Энциклопедия* Третьего рейха / Сост. С. Воропаев; предисловие и общ. ред. А. Егазарова. М.: Локид-Миф, 1996.

Приложения к лекционному курсу

Приложение I

Сокращения, используемые в тексте лекций*

AO (Auslandsorganisation NSDAP) – Иностраный отдел NSDAP.

BDM (Bund deutscher Mädel) – Союз немецких девушек.

BK (Bekennende Kirche) – Исповедальная церковь, организована Мартином Нимеллером в июле 1933 г., выступила с заявлением о несовместимости христианства с нацистским движением.

BVP (Bayrische Volkspartei) – Баварская народная партия.

Gestapa (Geheimes Staatspolizei Amt) – Ведомство тайной государственной полиции (в Пруссии), созданное Г. Герингом 26 апреля 1933 г. В июле 1933 г. официально переименовано в Gestapo.

Gestapo (Geheime Staatspolizei) – Тайная государственная полиция.

DAF (Deutsche Arbeits-Front) – Немецкий рабочий фронт.

DAP (Deutsche Arbeitspartei) – Немецкая партия рабочих, создана в январе 1919 г. А. Дрекслером, с сентября 1919 г. в нее включился Гитлер и вошел в состав ее руководства.

DC (Deutsche Christen) – Немецкие христиане (пронацистская протестантская церковь).

DFN (Deutsche Frauenwerk) – Немецкий женский труд (организация).

DNP (Deutsche Nationalpartei) – Немецкая национальная партия.

DNVP (Deutsche Nationale Volkspartei) – Немецкая национальная народная партия.

DVP (Deutsche Volkspartei) – Германская народная партия.

JM (Jungmädel) – Девичье подразделение Гитлерюгенда.

JV (Jungvolk) – Мальчиковое подразделение Гитлерюгенда.

HJ (Hitlerjugend) – Гитлерюгенд, гитлеровский союз молодежи.

KfDK (Kampfbund für deutsche Kultur) – Союз борьбы за немецкую культуру (под эгидой А. Розенберга).

KdF (Kraft durch Freude) – «Сила через радость» подразделение DAF.

KPD (Kommunistische Partei Deutschlands) – компартия Германии (КПГ), одна из крупнейших коммунистических партий мира. Основана 30.12.1918 г., председателем ЦК КПГ был Эрнст Тельман.

---

* При объяснении сокращений помимо лекций использованы также кн.: *Пленков О.Ю.* Третий Рейх. Нацистское государство. СПб.: Нева, 2004 и *Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев, предисл. и общ. ред. А. Егзарова. М.: Локид-миф, 1996.*

NAPOLA (National Politische Lehranstalt) – Национал-политическое учебное заведение, где готовили охранников концлагерей, их командующий состав (фюреров).

NSBO (Nationalsozialistische Betriebszelleorganisation) – Национал-социалистские производственные ячейки.

NSDAP (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) – Национал-социалистская партия рабочих.

NSDSTB (Nationalsozialistischer Deutschen Studentenbund) – Национал-социалистский союз германских студентов.

NSLB (Nationalsozialistischer Lehrerbund) – Национал-социалистский союз учителей.

RAF (Royal Air Force) – Британское военно-воздушное ведомство.

RSHA (Reichssicherheitshauptamt) – Главное управление имперской безопасности (РСХА).

RuSHA (Rasse und Siedlungshauptamt SS) – Главное расовое и переселенческое ведомство SS.

SA (Sturmabteilung) – штурмовые подразделения.

SD (Sicherheitsdienst) – служба безопасности, карательные органы.

SS (Schutzstaffeln) – отряды охраны.

SPD (СДПГ) (Sozialdemokratische Partei Deutschlands) – Социал-демократическая партия.

«**Spartakus**» – Союз Спартака, прообраз компартии Германии, в организации которого участвовала Клара Цеткин.

USCHLA (Untersuchungs- und Schlichtungs-Ausschuss) – следственно-арбитражный комитет.

VB (Völkischer Beobachter) – печатный орган NSDAP.

VDA (Verein für das Volkstum im Ausland) – Союз зарубежных немцев.

Персоналии к лекционному курсу*

Август-Вильгельм (1887–1949) – принц Германский и Прусский, четвертый сын кайзера Вильгельма II, не без удовольствия щеголявший в форме штурмовиков, часто появлялся в окружении «фюрера», которому это не только льстило, но и помогало обеспечить поддержку консервативных кругов. Обергруппенфюрер SA (1932 г.), обергруппенфюрер SS (1944 г.) (см.: *Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972; *Залесский К.* НСДАП. Власть в Третьем рейхе. Уникальная энциклопедия. М., 2005. Ст. 9).

Астахов Федор Алексеевич (1892–1966) – маршал авиации (1943 г.), во время Второй мировой войны – командующий ВВС Юго-Западного фронта, начальник академии командно-штурмового состава ВВС и в последующем – поверенный в делах СССР в Берлине. После войны был на руководящей работе в Министерстве обороны СССР. С 1950 г. – в отставке по состоянию здоровья (*Советская историческая энциклопедия*. Т. 1. М., 1961. С. 906).

Барт Карл (1886–1968) – протестантский теолог, выступавший против подчинения церкви нацистскому государству и заявлявший о допустимости сопротивления и неповиновения церкви государству, парующему заветы Бога, в том числе распоряжение властей начинать лекции о Боге вскидыванием руки и возгласом «Хайль Гитлер» считал богохульством. Отказавшийся принести клятву на верность Гитлеру, он был лишен кафедры в Боннском университете (*Черкасов Н.С.* Лекции о германском фашизме // Наст. сборник. Далее: *Черкасов Н.С.* Лекции...).

Бест Вернер (1903–?) – Гессенский нацистский лидер, официальный юрист нацистской партии, автор секретных, так называемых «Боксгеймских документов» (октябрь 1931 г.), включавших планы действий в момент захвата нацистами власти (военно-полевые суды, конфискация имущества тех, кто сотрудничал с противниками фашистов, смертная казнь тех, кто отказывался безоговорочно выполнять приказы новой власти). Из-за ссоры в нацистском руководстве документы получили огласку. В ходе судебного разбирательства

---

* Систематизированного перечня лиц, фигурирующих в тексте лекций Н.С. Черкасова, не было, но по ходу изложения он давал удивительно меткие и содержательные характеристики буквально всех персонажей, нередко отличающиеся от тех, что были в учебниках. От студентов он требовал четкого представления о личности, упоминаемой в рассказе. Представленные здесь характеристики персонажей лекционного курса и некоторых немецких историков даны Н.А. Хлыстовой по тексту лекций, наброскам к ним, а также по некоторым дополнительным источникам, которые указаны в скобках.

Гитлера вынудили публично отреститься от автора их, что, однако, не помешало Бесту сделать впоследствии хорошую карьеру: он стал нацистским комиссаром в оккупированной гитлеровцами Дании. В 1948 г. датский суд приговорил его к смертной казни, которая была заменена позже пятью годами тюремного заключения. Отбыв срок, он вернулся в Германию. В 1958 г. вновь был осужден за причастность к массовым казням в период нацизма. В 1972 г. был освобожден по состоянию здоровья (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха*. Сост. *Воропаев С. М.*: Локид-Миф, 1996. С. 68–69).

Бехштейны — семья фабриканта Карла Бехштейна (1896–1900), производившего рояли. Поклонники Гитлера, финансировавшие его партию: его жена Елена еще с 20-х гг. принадлежала к группе общественных и финансовых покровительниц Гитлера (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Бисмарк Готфрид фон — потомок «железного канцлера», один из учредителей «Кружка друзей экономики», во главе с Вильгельмом Кеплером, сыгравшего важную роль в обеспечении нацистской партии поддержки в 1931–1932 г. (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Бломберг Вернер фон (1878–1946) — представитель высшего командования рейхсвера, командовавший Восточно-Прусским военным округом. Через начальника его штаба Райхенау был сведен с Гитлером, поддерживал его намерение начать подготовку к войне и в январе 1933 г. по инициативе президента Гинденбурга был назначен на пост военного министра гитлеровского правительства. Накануне кровавых событий «ночи длинных ножей» между ним и Гитлером было заключено секретное соглашение, в котором Гитлер давал заверения в том, что реальное командование армией останется в руках военных. Бломберг согласился подписать закон о провозглашении Гитлера президентом рейха. Это означало тщательно спланированной компроматации со стороны армии. В результате тщательно спланированной компроматации он и главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фриче были отправлены Гитлером в отставку. Гитлер подписал декрет: «Отныне я беру на себя непосредственно и лично командование всеми вооруженными силами. Доселе ни Бисмарк, ни Вильгельм II такой власти не имели» (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха*. С. 75–76).

Борман Мартин (1900–1945) — «Серый кардинал» Гитлера, рейхсфюрер, «тишайший из коричневых властителей Германии». Самая загадочная личность в том «гадюшнике, который представлял собой партийный и государственный аппарат Гитлера» (*Л. Черная*). В июне 1933 г. его назначили начальником штаба «заместителя фюрера» — Р. Гесса. На его плечи легла не только непосредственная забота о фюрере — распоряжение его финансами (он был «кошельком фюрера»), но и хлопоты о благополучии его резиденции (тридцатикомнатный дом в Берхтесгадене), доклады фюреру о текущих событиях. В последние дни он развлекал его «спектаклем театра абсурда» под названием

«Укрепление немецкого народа в будущем». Борман вершил то страшное дело «по партийной линии», которое Гиммлер осуществлял «по государственной» — дело массового умерщвления людей по признаку мировоззрения или по «расовому» признаку. Между делом Борман занимался публичными домами для иностранных рабочих, борьбой с религией и мистикой, попытался даже заменить готический шрифт на латинский, обдумывал идею о «нерентабельности» человеческой души, если она была заключена в большом теле. Эта идея была положена в основу тогдашней эвтаназии. С мая 1941 по май 1945 г. Германия прожила под властью Гитлера—Бормана, хотя многие нацистские бонзы заклинали фюрера, чтобы он не сажал его на место «вылетевшего» Гесса. Согласно завещанию Гитлера Борман был назначен главой партии нацистов 1 мая 1945 г. и в ночь на 2 мая следы его оборвались. Могилы его нет (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черная Л. Коричневые диктаторы. М., 1992. С. 279—331*).

Бош Карл (1874—1940) — немецкий химик-технолог. В 1913 г. создал первую промышленную установку синтеза аммиака под давлением на железном катализаторе. В 1931 г. вместе с Ф. Бергиусом был удостоен Нобелевской премии. К. Бош стал одним из владык монополистического капитала Германии, главой концерна «IG Farbenindustrie». Был в числе лиц (вместе с Крупном, Сименсом), с которыми согласовывал чрезвычайный декрет под названием «Экономическая программа правительства», представленный парламенту 30 августа 1932 г. Декрет резко снижал жизненный уровень наемных работников, разобщая их, и вводил прямое и дополнительное субсидирование для предпринимателей (*Черкасов Н.С. Лекции...; Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. СПб.: Норинт, 2000. С. 150*).

Браун Отто (1872—1955) — лидер социал-демократов, возглавлявший правительство Пруссии до выборов в июле 1932 г., точнее до 20 июля 1932 г., когда глава кабинета министров фон Папен разогнал социал-демократическое правительство Пруссии под предлогом пресечения беспорядков (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Брахер Карл Дитрих (1922) — профессор политехнической науки и современной истории университета в Бонне (с 1959 г.), один из ведущих германских историков второй половины XX в. В 1965—1967 гг. он был председателем западногерманского Объединения исследователей в области политических наук, председателем Комиссии по истории парламентаризма и политических партий. Среди работ К.Д. Брахера, имеющих «большую прессу» и высоко оцененных специалистами как образцовые (Standartwerke), основное место занимают сочинения, посвященные проблемам возникновения фашизма, его сущности и причин прихода к власти национал-социалистов. Это — фундаментальные исследования: «Распад Веймарской республики» (1955), «Захват власти национал-социалистами» (1960), «Немецкая диктатура» (1969). Произведения Брахера характеризуются отточенностью и изяществом стиля, меткостью

и точностью выражений, глубоким знанием источников и литературы (за исключением марксистской). Его работы, особенно более поздние, отмечены также печатью публицистичности и политической ангажированности.

Брахер — противник монокаузального объяснения национал-социализма. Он дает ему «плюралистическое» истолкование, что не помешало ему в ранних работах (50—60-х гг.) включить в число факторов, обусловивших установление нацистской диктатуры, потворство гитлеровцам монополистической буржуазии. Будучи яростным противником фашизма, Брахер решительно выступал против неонацизма в ФРГ. Указывая на его большую опасность, он подчеркивал в 1970 г., что угроза демократии ныне исходит справа, со стороны НДП. Учитывая «роковой опыт» начала 30-х гг., он решительно выступил против введения в 60-е гг. чрезвычайных законов в ФРГ.

Твердо стоящий на либеральных позициях, Брахер тем не менее отходит от принципа толерантности и допускает в своих более поздних работах «Споры о современной истории» (1976), «Кризис Европы 1914—1975» (1976) жестко антикоммунистические и антисоветские мотивы, не страшась упрека в антикоммунизме. Пересматривает он и свое отношение к «чрезвычайным законам», к «запрету на профессии», признавая их допустимость. Подняв на щит доктрину тоталитаризма, Брахер в конце 70-х гг. активно включился в процесс «идеологического оснащения» политической практики антикоммунизма и антисоветизма, доходя до отказа от собственных научных выводов 50—60-х гг. (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черкасов Н.С. Новый вариант старой теории (к концепции «тоталитаризма» К.Д. Брахера) // МИВИН*. Томск, 1980. Вып. 14. С. 22—31).*

Брюнинг Генрих (1885—1970) — председатель католической партии Центра, выразившей интересы крупной буржуазии, особенно химической и электротехнической, концернов, связанных с французским капиталом, рейнско-вестфальских предпринимателей, крупных помещиков, верхушки католического духовенства. За ней шли также и значительные массы мелкой буржуазии города и деревни, рабочих-католиков. Придя к власти (30 марта 1930 г.), правительство Брюнинга распустило парламент и провело внеочередные выборы в рейхстаг (14 сентября 1930 г.), на которых национал-социалисты получили в 8 раз больше голосов, чем прежде, и провели 107 своих депутатов, став второй после СДПГ (147 мест) фракцией парламента. В новом составе рейхстага правительство Брюнинга, не располагая большинством, смогло править лишь опираясь на поддержку социал-демократов, которые, в свою очередь, видели в Брюнинге меньшее зло, чем в нацистах. В 1931 г. Брюнинг распустил парла-

---

* МИВИН — сокращенное обозначение сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки».

мент на полгода в соответствии со статьей 48 Веймарской Конституции. Правительство действовало путем издания чрезвычайных законов, что создавало авторитарную традицию и приучало население к мысли о возможности обходиться без парламента. В 1932 г. он ушел в отставку, его сменил на посту канцлера фон Папен. В 1934 г. Брюнинг эмигрировал в США (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха*).

Вельс Отто (1873–1939) — один из председателей партии СДПГ (двумя другими были в то время (1930 г.) А. Криспин и Г. Мюллер), обосновывавший позицию штрейкбрехерства, «правый из правых в партии» (*Л. Гинцберг*). Председатель фракции СДПГ в рейхстаге 1933 г., он протестовал против передачи Гитлеру чрезвычайных полномочий. Своим обманным заявлением о том, что СДПГ начинает «новый крестовый поход за социализм», что «социализм не является более в Германии идеалом будущего, он — задача дня», он дезориентировал пролетариат, нанес большой урон идеологическим основам социал-демократии (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию*. С. 341).

Вессель Ханс Хорст (1907–1930) — один из тех «решительных ребят», которых NSDAP использовала для создания своих штурмовых отрядов. Сутинер и совершенно разложившийся субъект, осужденный 4 сентября 1924 г. берлинским судом за мошенничество к двум годам, он после отбывания срока, благодаря другу Генриху Гиммлеру, стал почетным членом берлинских штурмовых отрядов. Позже Геббельс «обнаружил» в уголовнике, нацисте, убитом в уличной драке в Берлине 23.02.1930 г., политического мученика и выдвинул скверные, но пропикнутые духом национал-социализма стихи Х. Весселя в качестве официального партийного гимна под названием «Хорст Вессель» (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Штрассер О. Гитлер и Я / Пер. с англ. И. Павленко, В. Белоножко. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 351; Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 114*).

Вильгельм II (1859–1941) — бывший германский император и прусский король, представитель агрессивного германского юнкерско-буржуазного империализма. Был свергнут ноябрьской революцией 1918 г. Отрекся от престола. Симпатизировал нацистам. После одной из обычных в практике нацистов потасовок, в ходе которой пострадал принц Август-Вильгельм, он писал сыну: «Ты можешь гордиться тем, что стал мучеником этого великого движения» (см.: *Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию*. С. 253–254).

Вольтман Людвиг (1871–1907) — немецкий буржуазный антрополог и социолог, стоявший на позициях социал-дарвинизма и пангерманизма. Издатель (с 1922 г.) журнала «Политико-антропологическое обозрение», где сотрудничали десятки реакционных профессоров, предлагавших для решения расовой проблемы прибегнуть к различным биологическим и медицинским средствам, чтобы помешать смешению рас и устранить «неарийское влияние»

на германскую расу. Ее Л. Вольтман необычайно восхвалял: ей, по его мнению, обязаны своими достижениями в области культуры итальянский и французский народы (*Черкасов Н.С. Лекции...; Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 281*).

Вольф Отто — владелец сталелитейных заводов, один из заправил концерна «IG Farbenindustrie», оказывавших решающее влияние на деятельность правительства Брюнинга. В период преобразований правительства в октябре 1931 г. он считал включение гитлеровцев в имперский кабинет преждевременным, полагал предпочтительным держать их на вторых ролях. После отставки Шлейхера О. Вольф рекомендовал ему прибегнуть, наконец, к чрезвычайным мерам: объявить осадное положение, арестовать генерала Бломберга, а самого Гинденбурга выслать в Восточную Пруссию. Рекомендации не были приняты (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 202, 375, 415*).

Гартман Эдуард фон (1842–1906) — философ-иррационалист, признававший основой всего сущего бессознательное духовное начало. Автор «этики пессимизма», он развивал идею о том, что эволюция влечет бессознательное начало к уничтожению Вселенной путем осознания ее неразумности и нецелесообразности (*Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 326*). Внимание нацистов он привлекал своими призывами к тому, чтобы «вытеснить Россию в Азию» (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Гаусгофер Альбрехт (Haushofer) (1903–1945) — поэт, драматург, автор произведений «Сципио», «Сулла», младший из геополитиков. С 1940 г. преподавал в Берлинском университете, одновременно работал в Министерстве иностранных дел. После июля 1944 г. был арестован за предполагаемую причастность к заговору против Гитлера, посажен в тюрьму Моабит, где создал «Моабитские сонеты». За несколько дней до окончания войны 23 апреля 1945 г. он был вывезен из тюрьмы и по дороге убит (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха. С. 493*).

Гаусгофер Карл (Haushofer) (1869–1946) — в Первую мировую войну был бригадным генералом. С 1921 г. — профессор географии Мюнхенского университета. Он стал основателем геополитики. Теоретик и практик, организатор немецкой школы геополитиков, создатель журнала «Zeitschrift für Geopolitik», вышедшего с 1924 г., автор многочисленных статей по проблемам внешней политики и ряда книг, касающихся межстрановых отношений, рассматриваемых неизменно с позиций геополитики. В том числе «Geopolitik der Pan-Ideen», «Geopolitik des Pazifischen Ozeans» и др. Фюрер использовал идеи геополитики в качестве теоретического обоснования нацистской экспансии, заимствовал, в частности, любимое выражение К. Гаусгофера «пространство как фактор силы». Но то рвение, с каким нацисты воплощали на практике его геополитические выкладки, приводило профессора в замешательство. Расстрел

сына нацистами усугубил это состояние и способствовал расставанию его с иллюзиями относительно нацизма. И 13 марта 1946 г. во время Нюрнбергского процесса, где он фигурировал в качестве свидетеля, он покончил с собой (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха. С. 494*).

Геббельс Пауль Йозеф (1897–1945) — заклятый враг Веймарской республики, откровенно заявлявший о намерении депутатов парализовать ее. Первоначально — сторонник Г. Штрассера, участник возглавляемой им «национал-социалистской левой партии», перешедший в 1926 г. к Гитлеру и сохранивший ему глубочайшую преданность до самого конца Третьего рейха. В октябре 1926 г. Гитлер назначил его гауляйтером Берлина, затем руководителем отдела пропаганды партии и одновременно министром пропаганды рейха. Его «Десять заповедей национал-социалиста», написанные еще на заре нацистского движения, стали прообразом идеологической программы партии. В своем политическом завещании Гитлер назначил Геббельса своим преемником на посту рейхсканцлера (см.: *Энциклопедия Третьего рейха. С. 131–135*).

Гейден Конрад — корреспондент «Vossische Zeitung», известный журналист, антифашист, бежавший от нацистов за границу. Он владел фактическим материалом «из первых рук» о перипетиях борьбы нацистов за власть и о соперничестве отдельных группировок в самом фашистском лагере. Работы его содержат яркие характеристики нацистских лидеров, но не глубокие: понимание классового характера фашизма как орудия монополий ему недоступно. Он подменяет крупное реакционное движение, каким был фашизм, личностью Гитлера. И этим, по существу, задает направление последующих исследований проблематики германского фашизма в буржуазной исторической науке (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Гельд Генрих — глава Баварского правительства с 1933 г. Гельд не скрывал своей классовой заинтересованности. Так, обращаясь к предпринимателям, он откровенно заявлял: «Мы, национал-социалисты, разобьем профсоюзы рабочих... Вы не должны возражать против приспособления нашей агитации к духу рабочих. Если мы говорим об огосударствлении чего-либо, это вовсе не значит, что мы действительно думаем о том» (цит. по: *Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 123*).

Ген Виктор — выходец из немецкого дворянства в Прибалтике, автор книги «О правах русских», где давал уничижительную характеристику русскому народу и подчеркивал, что он представляет опасность для Европы и Германии. В. Ген — один из видных деятелей «Пангерманского союза» (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Гёрделер Карл Фридрих (1884–1945) — один из лидеров заговора 20 июля 1944 г. Юрист по образованию, он был государственным деятелем в разных чинах, в том числе с 1931 г. — имперским комиссаром по вопросам цен. В 1931 г. при выходе в отставку канцлер Брюнинг предложил Гёрделера

в качестве своего преемника, но П. фон Гинденбург отклонил его кандидатуру. Будучи с 1920 г. членом Немецкой национальной партии, он в 1933 г. приветствовал приход NSDAP к власти. Однако даже как сторонник архиреакционного внутри- и внешнеполитического курса, желающий, по словам Г. Риттера (одного из друзей Гёрделера), «положить конец бешеному бегу революционного усердия и поставить на место вечного революционного смятения ясный и прочный порядок», он вскоре стал выступать против некоторых направлений политики Гитлера. В 1935 г. он оставил пост имперского комиссара, а в 1937 г. — и пост бургомистра Лейпцига. Одной из причин отставки было недовольство Гитлера якобы тем, что Гёрделер необоснованно затягивал открытие памятника композитору Р. Вагнеру.

С 1937 г. Гёрделер, совершив серию поездок за границу, установил контакты с некоторыми зарубежными политиками и принялся разрабатывать свою программу преобразований и спасения Германии ценой отстранения от власти нацистского руководства. Он возглавил одну из групп заговорщиков — представителей крайне правого, националистически настроенного крыла. При составлении заговорщиками списка будущего правительства Гёрделер планировался на пост канцлера, однако против его кандидатуры выступили руководители других групп, в частности К. фон Штауффенберг, живший более в универсальной перспективе, нежели в военной или националистической.

Цели Гёрделера принципиально расходились с целями патриотического направления заговора. Нацистскому государству он противопоставлял кастовое государство, по существу тоже фашистского типа, с сильной центральной властью в лице монарха или диктатора, радеющих о восстановлении границ 1914 г. и дополнении их Австрией и Судетской областью, а также Тиролем и добывающими их ведущей позиции Германии на континенте. Гёрделер возлагал надежды на то, что военной катастрофы удастся избежать путем устранения Гитлера и заключения сепаратного мира с западными державами.

После провала покушения на Гитлера Гёрделер несколько недель скрывался, но затем был схвачен гестапо. Находясь в заключении, он сетовал, как осложнял ему жизнь своим своеобразием и особенно своим курсом на сближение с левыми социал-демократами и коммунистами лидер патриотического крыла в заговоре 20 июля 1944 г. К.Ш. фон Штауффенберг. Судебная палата приговорила Гёрделера к смертной казни. Он был повешен (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черкасов Н.С. Проблемы немецкого антифашистского движения Сопrotивления в историографии ФРГ // МИВИН. Вып. 3. Томск, 1965. С. 111; Черкасов Н.С. Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года в Германии // МИВИН. Вып. 5. Томск, 1967. С. 134, 138—139, 144, 148*).

Геринг Герман (1893—1945) — один из главарей германского фашизма. Во время Первой мировой войны летчик, которого звал Гинденбург. С марта

1923 г. — руководитель SA, с 1932 г. — председатель рейхстага, рейхсмаршал. С 31 января 1933 г. — «чрезвычайный комиссар» в прусском Министерстве иностранных дел, где он сразу же развернул массированную антикоммунистическую кампанию. На Лейпцигском процессе по поводу поджога рейхстага выступил главным свидетелем обвинения. С 10 апреля 1934 г. был назначен Министром-президентом Пруссии. Одновременно с бешеной быстротой занимался перевооружением Германии.

Геринг был создателем так называемого Исследовательского Центра (агентурной службы), тайной государственной полиции (Gestapo), «диких концлагерей» («пещер пыток») и «штатных» концлагерей в Ораниенбауме и в Папенбурге и одним из организаторов расправы с Рёмом. С июля 1937 г. он возглавил государственный концерн-гигант «German Görings Werke» и через год уже оперировал 400 млн марок. В благодарность за удачно осуществленную первую крупную нацистскую агрессию — «аншлюс» в Австрии Гитлер громкогласно объявил Геринга своим наследником и исполняющим обязанности в случае его отсутствия.

Геринг участвовал в переговорах 12 ноября 1940 г. между Молотовым и Риббентропом, требуя от Молотова увеличения поставок зерна, нефти и другого стратегического сырья. Геринг намеревался принять самое активное участие в расправе над генералами — участниками заговора 20 июля 1944 г. Но Гитлер уже не доверял ему. «Крупнейший в истории клептоман», присвоивший себе накануне краха рейха 15 ящиков с сокровищами из итальянских музеев, он намеревался осуществить план разграбления Советской России, который он заключил в «зеленую папку».

В 1945 г. 7 апреля рейхсмаршал провел преступную операцию «Вервольф», в которой 184 молодых летчика под звуки маршей и германского гимна под выкрики «Умрем за родину, за фюрера!» с грузом взрывчатки спикировали на скопления войск союзников антигитлеровской коалиции. Двадцатого апреля он появился в подземелье имперской канцелярии с целью поздравить Гитлера с днем рождения. Затем прошелся по берлинским бомбоубежищам, чтобы показаться народу. Седьмого мая в светло-сером мундире с 12 орденами, нанизанными на пальцы несколькими перстнями и бриллиантовыми запонками приготовился к встрече с Эйзенхауэром, главнокомандующим экспедиционными войсками союзников в Западной Европе. Встреча не состоялась. Затем была тюрьма и Нюрнбергский процесс. Ампулу с ядом он разгрыз за несколько часов до момента казни (см.: *Черная Л. Коричневые диктаторы. С. 77—134*).

Герцль Теодор (1860—1904) — австрийский журналист, юрист по образованию. С 1891 г. — постоянный корреспондент венской газеты «Neue Freie Presse». В своей брошюре «Еврейское государство» он доказывал, что единственным радикальным решением еврейского вопроса является организация еврейяи самостоятельного государства. В 1897 г. в Базеле по его инициативе был

созван I-й Сионистский конгресс при участии 200 делегатов. Конгресс стал началом создания Всемирной сионистской организации. По окончании конгресса Герцль развернул лихорадочную дипломатическую деятельность: посетил Палестину, где был принят находившимся там кайзером Вильгельмом II. Побывал в России.

Сионистское движение Герцль строил на расплывчатой базе общенациональных лозунгов, причем по своим политическим воззрениям был даже несколько правее руководимой им сионистской массы. Провозглашал своим идеалом «аристократическую» республику. Пестрый конгломерат внутренние чуждых и даже враждебных по отношению друг к другу социальных групп, вошедших в сионистское движение (там были деградировавшие еврейские средние и мелкие буржуа, представители еврейской интеллигенции, группы еврейского ремесленного пролетариата), стал быстро распадаться. Противоречия и борьба между крупной еврейской буржуазией и пролетариатом ослабляли значимость общенациональных лозунгов и тем усугубляли процесс распада движения. На 7-м Сионистском конгрессе, состоявшемся вскоре после смерти Т. Герцля, Всемирная сионистская организация начала стремительно распадаться, однако позже возродилась вновь, причем настолько, что, по утверждению Э. Нольте, в сентябре 1939 г. президент Всемирной сионистской организации Х. Вейцман «объявил войну» Гитлеру (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черкасов Н.С. ФРГ: «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 173; Хасанов Д. Герцль Теодор // Большая советская энциклопедия / Под общ. ред. Н.И. Бухарина и др.; гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: АО «Советская энциклопедия», 1929. Т. 16. Ст. 496—497).*

Гесс Рудольф (1894—1987) — выходец из немцев Южной Америки. В 20 лет пошел добровольцем в армию, офицер, летчик во время Первой мировой войны. В 1920 г. примкнул к нацистам. В 1923 г. после «пивного путча» бежал в Австрию, затем добровольно вернулся и сел в Ландсбергскую тюрьму, где уже сидел Гитлер. Помог ему написать «*Mein Kampf*», так как был намного грамотнее его. Обожествлял Гитлера. Взамен принятого среди сообщников обращения «Герт Гитлер» он ввел новое — «мой фюрер». Когда Г. Штрассер как руководитель орготдела партии окончательно впал в немилость, Гесс возглавил политический отдел в верхушке NSDAP. С апреля 1933 г. ему официально присвоили титул «Заместитель фюрера». В 1938 г. его ввели в тайный министерский совет, а в августе 1939 г. — в министерский совет обороны. В этом же году был назначен Гитлером своим вторым (после Геринга) преемником.

Гесс был еще менее фюрера способен к аппаратной работе, хотя именно ему надлежало создать корпус аппаратчиков, всеисильный и в то же время беспрекословно послушный своему «вождю». Эту работу он перепоручил своему секретарю М. Борману. Через посредство А. Гаусгофера, который во время

Олимпийских игр 1936 г. познакомился с лордом Шотландии герцогом Гамильтоном, он попытался установить с ним контакт, чтобы обсудить возможность мирных переговоров. И тот, по совету британских спецслужб, готов был дать согласие. Но в мае 1941 г. когда Германия готовилась к операции «Морской лев», агрессии против Англии, Гесс неожиданно совершил полет в Шотландию с тем, чтобы уговорить лорда Гамильтона оказать давление на Уинстона Черчилля и британский кабинет министров с целью заключения немедленного перемирия с Третьим рейхом и объединения усилий в борьбе против СССР. Предполагалось, что Англия признает будущее господство Германии в Европе взамен сохранения за собой господства лишь в странах Британской империи. Эта акция — свидетельство того, что он был абсолютным профаном в политике. Будучи интернирован англичанами, он притворился сумасшедшим и эту же тактику использовал на Нюрнбергском процессе. Авторитетная экспертиза в Нюрнберге признала его вменяемым, но в то же время истерической и психопатической личностью. Он дожил до 93 лет в тюрьме Шпандау и покончил жизнь самоубийством (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черная Л. Коричневые диктаторы. С. 285—289; Энциклопедия Третьего рейха. С. 127*).

Гиммлер Генрих (1900—1945) — ветеринар по образованию, неудачливый владелец птицефермы близ Мюнхена, поклонник немецких националистов, воевал с Рёмом и Хорстом Весселем, активно работал в штабе Грегора Штраассера в 20-е гг., автор восторженного письма Гитлеру по поводу его выхода из тюрьмы в связи с «пивным путчем». С конца 20-х гг. — на службе у Гитлера главой SS. «Человек в пенсне» стал суперполицейским, железным организатором аппарата насилия и идеологом «ордена SS». Гиммлер сочинил целую «теорию» о вредных насекомых и равных им по «вредности» общественных и расовых слоях, «засоряющих человечество».

С 17 июня 1936 г., когда он был назначен рейхсфюрером SS и начальником немецкой полиции — неконституционных аппаратов власти, он осуществлял террор и целенаправленный геноцид в соответствии со своей «теорией». Концлагеря были любимым детищем «человека в пенсне», в них он вкладывал всю душу. С их помощью и с помощью селекции и стерилизации он создавал «нового человека», и потому с октября 1939 г. Гитлер назначил его «имперским комиссаром по укреплению немецкой нации». С 1943 г., став министром внутренних дел, он прибрал к рукам весь имперский аппарат насилия.

С августа 1944 г. он — главнокомандующий резервной армией и ответственный за вооружения вермахта. В 1945 г. он, заклятый враг большевизма и ненавистник восточных славянских народов, стал вдобавок еще и командующим группой войск «Висла». В мае 1945 г. Гиммлеру удалось, поменяв имидж (сбрил усы, нацепил повязку на один глаз), переправиться через Эльбу, но английские посты задержали его. Просьбы о встречах его с фельдмаршалом Монтгомери остались без ответа. Когда Гиммлер понял, что никто из высшего

командного состава союзников не намерен с ним разговаривать, он разгрыз ампулу с цианистым калием. Умер от яда — как дохнут крысы (*Черная Л.* Коричневые диктаторы. С. 135—214).

Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — кайзеровский фельдмаршал, монархист, избранный президентом в 1925 г. после смерти первого президента Веймарской республики Фридриха Эберта, после чего последовала эволюция ее вправо. В течение ряда лет он не прибегал к «диктаторской статье» 48, которая предоставляла президенту право в случае «нарушения общественной безопасности» издавать чрезвычайные декреты, имевшие силу закона. Но он и не исключал этой возможности. В 1929 г. он уже обсуждал с генералом Шлейхером возможность воспользоваться статьей 48. Под давлением консервативных друзей президента — помещиков, капиталистов, представителей военицизма, протестовавших против «господства партий» в парламенте, он допускает такое толкование этой статьи, которое позволило бы пустить ее в ход в любое время, когда у господствующих классов появится в том необходимость.

Первый чрезвычайный декрет появился в июле 1930 г. Он вводил в действие законопроект (в области финансов), отвергнутый парламентом, в котором большинство составляли представители СДПГ. Когда же социал-демократическая фракция рейхстага проголосовала за отмену его, Гинденбург издал декрет о роспуске рейхстага. В условиях нараставшей в 1930 г. шовинистической и реваншистской шумихи он обратился к народу с воззванием, заканчивавшимся словами: «Германия, Германия превыше всего!» Но сговор правительства с гитлеровской кликой, развернувшей эту шумиху, не произошел — партнеры не сговаривались. Однако давление крайних правых на президента, видевших в нем своего единомышленника, и монополизм в период, когда срок его президентства истекал, склонило его пойти на контакты с Гитлером и даже вслух признать, что «народ хочет Гитлера». Выборы президента в 1932 г. принесли победу все-таки Гинденбургу, но и фашизм не потерпел поражения. Общность интересов 83-летнего президента-милитариста и 43-летнего фашистского претендента на власть обусловила передачу, после непродолжительных колебаний, власти Гитлеру 30 января 1933 г. (*Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию, страницы см. в Указателе имен).

Гитлер Адольф (1889—1945) — фюрер и канцлер Третьего рейха, диктатор, развязавший Вторую мировую войну. Сын добропорядочного бюргера Алоиса Шикльгрубера (Schickelgruber) Адольф — несостоявшийся «свободный художник», «отчаянный лентяй» в пору обладания наследством, доставшимся от состоятельной тетки и рано умершей матери, и деклассированный элемент, люмпен с тех пор, как средства к существованию закончились. Он с воодушевлением воспринял весть о начале Первой мировой войны, возложив на нее надежду на «избавление от злых впечатлений юности». Уйдя на войну добровольцем, он по окончании ее оказался у разбитого корыта. Послевоенный Мюнхен

стал «университетами» Гитлера: попытка государственного переворота — «пивной путч» (1923 г.), Ландсбергская тюрьма и написание в течение 9 месяцев заключения книги «*Mein Kampf*». Не лишенный политического инстинкта и интуиции, он сумел использовать страх сильных мира сего перед революционными выступлениями пролетариата, разброд и отчаяние народных масс и деструктивный потенциал правозкстремистских военизированных организаций для реализации своих амбициозных притязаний.

Веймарская демократия оказалась слишком мягкой и беспомощной, чтобы противостоять этому, чтобы защитить себя. Он не был параноиком (в клиническом смысле), отягощенным «эдиповым комплексом», или фанатиком какой-то одной ложной идеи. Он был вполне вменяемым представителем низов среднего класса и настолько рассудительным, что сумел виртуозно «рационализировать в национальных символах» собственное социальное положение и положение всего своего социального слоя (мелкого буржуа, возмущенного и озлобленного), изложив это в книге «*Mein Kampf*». И он оказался настолько рационалистичным, насколько требовали обстоятельства, чтобы заставить германский капитал «разделить свою власть с нацистской бюрократией, а в ряде случаев и подчиниться ей» во имя реализации общей для них цели — развития монополистического капитализма в Германии, вступившего в стадию империализма. Вряд ли для этого необходим был гений, гораздо значимее — наличие авторитарной личности. Гитлер — крайняя степень проявления авторитарного характера. Таковой, впрочем, была и вся нацистская система, созданная им и его сподвижниками. (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черная Л. Коричневые диктаторы. С. 3—76; Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. С. 183, 184, 186; Шелленберг Вальтер. Лабиринт. М.: СП «Дон Бируни», 1991. С. 102—105).*

Гобино Жозеф Артур де (1816—1882) — французский социолог, писатель, дипломат XIX в., один из основателей расистской теории и расовоантропологической школы в социологии. В сочинении «Опыт о неравенстве человеческих рас» выступил против всех форм равенства. Трагическая диалектика истории, согласно Гобино, состоит в том, что смешение рас, с одной стороны, — источник возникновения и развития цивилизаций, а с другой — причина их последующего вырождения и гибели. Гобино пытался обосновать необходимость существования господствующей элиты, превозносил арийцев и особенно немцев как наиболее благороднейшую расу, наиболее способную к культурному развитию. Смешиваясь с другими расами, арийская снижает свои способности к культуре, утрачивает господствующее положение и приходит к возникновению демократии, которую Гобино считал худшей формой государства.

Гитлер и другие идеологи нацизма заимствовали и приспособили к собственным мировоззренческим концепциям многие положения Гобино с целью обоснования «права немцев господствовать над миром. Гитлер: «Если

поделить человечество на три категории: творцов культуры, ее носителей и ее разрушителей, то представителем первой следует считать лишь арийцев... Немецкий народ – воплощение достойной арийской расы, он призван в качестве расы господ подчинять себе менее ценные народы, прибегая к любым средствам принуждения... (*Черкасов Н.С. Лекции...; Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 128; Энциклопедия Третьего рейха. С. 187–188*).

Гугенберг Альфред (1865–1951) – немецкий промышленник и политический деятель, ярый националист, один из основателей Пангерманского союза, выступавшего за установление мирового господства Германии, лидер консервативной DNVP (немецкой национальной народной партии) – традиционного оплота реакции – с 1928 г. и до ее роспуска нацистскими властями, владелец газетно-издательского концерна, контролировавший на 60% немецкую прессу, и киноконцерна Германии UFA. Гугенберг финансировал национал-социалистскую партию Гитлера. С приходом гитлеровцев к власти занимал пост министра хозяйства до 29 июня 1933 г., когда, лишившись поддержки президента и испытывая давление штурмовиков, был вынужден уйти в отставку (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха. С. 503*).

Дарре Рихард Вальтер (1895–1953) – в Веймарской Германии со своими друзьями создал кружок «Союз Артам» (артаманы) – молодежную реакционную шовинистическую организацию, проповедовавшую культ «блюбо» (Blut und Boden). Дарре – автор многочисленных трудов по вопросам расовой доктрины, сельского хозяйства и марксизма (!!!). Согласно теории Дарре, крестьянство нордической расы – истинные создатели всей европейской культуры. И хотя его ненависть к городам («асфальтированным джунглям») отнюдь не устраивала руководителей рейха, в 1936 г. его наградили высшей наградой – «золотым партийным значком». Некоторое время он был рейхслайтером, руководителем Центрального управления сельскохозяйственной политики NSDAP. Гиммлер и Геринг охотно использовали его «теорию». В начале войны, когда стало ясно, что одной идеологией народ не прокормить, он лишился своих постов. Умер он в 1953 г. в Мюнхене от расстройства печени (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черная Л. Коричневые диктаторы. С. 170–171; Энциклопедия Третьего рейха. С. 200–201*).

Детердинг Генри – владелец англо-голландского концерна Роял, осуществлявший финансирование гитлеровцев: в 1923–1933 г. ссудил 50 млн долларов (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Димитров Георгий (1882–1949) – деятель болгарского и международного коммунистического движения, обвиненный нацистами в поджоге рейхстага. В своих выступлениях на Лейпцигском процессе (21 сентября – 23 декабря 1933 г.) Димитров вскрыл провокационный характер сфабрикованного нацистами обвинения, обнажил гнусный облик фашизма. Он высоко поднял знамя

пролетарского интернационализма, призвав народы к бесстрашной и бескомпромиссной борьбе против фашизма. Весть о его драматическом противостоянии на суде с Германом Герингом облетела весь мир. Своим героическим поведением на процессе Георгий Димитров снискал симпатии и уважение прогрессивной части человечества. В 1935 г. он был избран Генеральным секретарем Коминтерна. В 1948 г. он стал генеральным секретарем КПБ. Умер Георгий Димитров в Москве 2 июля 1949 г. (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гусев Н.Ф. Димитров Г.М. // Советская историческая энциклопедия. М., 1964. С. 214–215; Энциклопедия Третьего рейха. С. 208*).

Дрекслер Антон (1884–1942) — один из создателей (в 1919 г.) и лидер ДАР (Немецкой рабочей партии). Седьмого марта 1919 г. он учредил комитет независимых рабочих, ставший филиалом крупной Северогерманской ассоциации содействия миру. В январе 1919 г. Дрекслер объединил свою небольшую группу с так называемым политическим рабочим союзом, который возглавлял журналист Карл Харрер. Это объединение и получило название Немецкой рабочей партии. Он был не промышленным рабочим, а скорее рабочим-ремесленником (слесарь-инструментальщик. См.: *Энциклопедия Третьего рейха*), в одно время даже зарабатывал на жизнь, играя на цитре в ночных увеселительных заведениях. Это был типичный для Германии того времени обыватель, бессистемно успевший прочесть кое-какие книги, поняв их вкривь и вкось и на этой базе (типичная черта таких людей) построил свою систему взглядов, до предела плоскую и филистерскую. Но с непробиваемым упорством А. Дрекслер излагал ее в пивных своим «еще более тупым, полуобразованным сотоварищам» (*Н. Черкасов*). Политические цели его были сформулированы весьма неясно и расплывчато. В частности, он ратовал за образование массового объединения рабочих на националистической основе для борьбы против несправедливого мира и за искоренение марксизма.

В сентябре 1919 г. на очередном собрании ДАР в одной из мюнхенских пивных появился в качестве осведомителя Адольф Гитлер, который вскоре стал седьмым членом состоявшего ранее из шести человек руководства ее «политического рабочего кружка» (*Н.С. Черкасов*).

Дрекслер произвел на Гитлера неблагоприятное впечатление. В «Mein Kampf» он напишет, что тот «был не очень одаренным оратором... все его существо было слабым и нерешительным. Дрекслер и Харрер не были настолько фанатичными, чтобы нести движение в своих сердцах». Но «концепция» Дрекслера о необходимости ликвидации существующего якобы «масоно-еврейского капиталистического заговора» полностью отвечала чаяниям Гитлера. В преобразованной в NSDAP своей партии Дрекслер получил пост почетного председателя.

После провала «пивного путча» 1923 г. он оказался на короткое время в заключении. В этом же году вышел из NSDAP. В феврале 1925 г. он окончательно перешел в оппозицию Гитлеру.

Несмотря на временное примирение с Гитлером в 1930 г., Дрекслер уже никогда больше не принимал участия в движении, которое он породил. Умер Дрекслер в 1942 г. в Мюнхене (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха*. С. 218–219).

Дуисберг Карл (1861–1935) – один из ведущих германских промышленников, сделавший быструю карьеру в зарождавшейся в Германии химической промышленности и стоявший у истоков крупнейшего химического концерна «IG Farbenindustrie». С 1912 г. был его генеральным директором (до Ф. Боша). В Первую мировую войну это предприятие наладило производство отравляющих веществ, широко применявшихся на фронтах германской армией.

С 1925 г. Дуисберг – председатель административного и наблюдательного Советов концерна, в это же время он – сенатор общества кайзера Вильгельма и почетный доктор теологического факультета Марбургского университета. К. Дуисберг придерживался правых убеждений, но был скорее монархистом, нежели сторонником нацизма. В 1931 г., будучи председателем имперского союза промышленников, он отклонил предложение Кирдорфа о поддержке лозунга образования правительства во главе с Гитлером, формально потому, что в тот момент его концерн еще не был столь сильно заинтересован в этом, как тяжелая промышленность Рура. Выступить открыто против нацизма он так и не собрался (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию*. С. 197; *Залесский К. Указ. соч.* С. 206).

Дюринг Евгений (1833–1921) – немецкий философ. В среде немецкой социал-демократии получили некоторое распространение его идеи о социалистическом преобразовании общества, исключая революционный переворот, путем кооперирования мелких производителей, в духе мелкобуржуазного социализма. В 1881 г. он опубликовал книгу «Еврейский вопрос как вопрос расы, нравственности и культуры», в которой пытался обосновать антисемитизм. В качестве практической меры предлагал осуществить депортацию евреев и образование их особого государства. На базе сочинений Е. Дюринга был создан пресловутый «Катехизис антисемитизма», выдержавший 40 изданий и тем обусловивший соответствующий духовный настрой германских интеллектуалов (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Философский энциклопедический словарь* / Ред. кол.: *Аверинцев С.С.* и др. Изд 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 187–188).

Дюстерберг Теодор (1875–1950) – бывший офицер генерального штаба, основатель (в 1918 г.) и второй председатель полуполигальной, военизированной организации «Стальной шлем» (первый – Зельдте). Он вел переписку с руководством NSDAP (1931 г.), где выражал просьбу руководства «Стального шлема» прекратить взаимную конкуренцию, а также переманивание его приверженцев в штурмовые отряды. Гитлер ответил отказом. На президентских выборах 1932 г. был выдвинут в качестве кандидата от Немецкой националь-

ной партии, но проиграл: он получил 2 557 729 голосов против 18 650 730, отданных за Пауля Гинденбурга и 11 339 285 — за Гитлера. Нацисты приписали ему еврейское происхождение и тем отвратили от него электорат. Позже Гитлер извинился за это и предложил ему пост министра в коалиционном правительстве. Последовал отказ. И вновь — оголтелая клевета. Затем разрыв с Ф. Зельдте, перешедшим на сторону Гитлера, и тюремное заключение за оппозиционность. Известно, что он вступал в контакт с К. Гёрделером, хотя и без активного участия в движении Сопротивления фашизму. Умер Дюстерберг в 1950 г. в Хамелье (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха. С. 219—220*).

Зельдте Франц (1882—1947) — глава «Стального шлема», участник Гарцбургской конференции, где собралась элита крайней реакции для обсуждения вопроса о путях ликвидации парламентского строя и замене его террористической диктатурой. В отличие от Дюстерберга он перешел на сторону Гитлера и в его первом кабинете получил пост министра труда (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 226—227*).

Капп Вольфганг (1868—1922) — реакционно настроенный журналист и землевладелец, организатор реакционного монархического путча (Каппа-Лютвица) в 1920 г. Путчисты 13 марта заняли Берлин и образовали свое правительство во главе с Каппом. Президент Ф. Эберт покинул столицу. Но путч провалился в связи с тем, что весь рабочий класс Германии поднялся на борьбу в защиту республиканского строя (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Кеплер Вильгельм (1882—1960) — промышленник, владелец предприятий по производству бензина из бурого угля, экономический советник Гитлера (октябрь 1931 г.), организатор в середине 1932 г. «Кружка друзей экономики» из крупнейших предпринимателей, излагавших через посредство этого «кружка» свои взгляды на экономические проблемы национал-социалистскому руководству. Фактически это был один из главных каналов, через которые монополии диктовали свою волю нацистскому движению. Позже «кружок» этот был переименован в «Кружок друзей Гимmlера». После выборов в парламент 1932 г. Кеплер выдвинул идею написания крупнейшими политиками письма президенту Гинденбургу с призывом без промедления назначить Гитлера рейхсканцлером, так как будто бы он один может выполнить роль «спасителя страны». (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Кирдорф Эмиль (1847—1938) — магнат угольной промышленности Рура и распорядитель крупнейшими фондами, которые предназначались для использования в политических целях — форсированной подготовки нового передела мира. Придерживался крайне правых взглядов. Четвертого июля 1927 г. встретился с А. Гитлером в доме Эльзы Брукман, по ее рекомендации, и предложил ему письменно изложить свои идеи, пообещав распространить их среди промышленников Рура (позже этот документ был опубликован под названием

«Путь к возрождению»). В августе 1927 г. вступил в NSDAP. Способствовал установлению связей между Гитлером и руководителями тяжелой промышленности Германии, в том числе с Ф. Тиссенем. В 1928 г. вышел из NSDAP по тактическим соображениям, но продолжал пронацистскую деятельность. В 1929–1933 гг. поддерживал больше германскую народную партию, чем национал-социалистскую. С января 1931 г. стал отчислять в кассу NSDAP по 5 пфеннигов с каждой проданной им тонны угля. В 1934 г. вторично вступил в NSDAP (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 263–264*).

Класс Генрих — юрист, глава Пангерманского союза (1908–1939 гг.), участник Гарцбургской конференции 11–12 октября 1931 г. (слета реакционеров), обсуждавшей вопрос о путях ликвидации буржуазно-парламентского строя и замены его террористической диктатурой. Класс в своем выступлении высказал резкое недовольство политикой Шлейхера и выразил надежду на то, что президент Гинденбург отправит его в отставку (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Клинш Иоганн «Ганс» Ульрих (1898–?) — лейтенант рейхсвера, участник Первой мировой войны, служил на флоте. Участвовал в капповском путче и «походе на Берлин». В 1921 г. поступил в Мюнхенский университет. Был членом националистической организации «Консул». Вступил 20 июля 1921 г. в NSDAP и был назначен председателем «Гимнастического и спортивного отряда». С 4 ноября 1921 г. стал первым руководителем SA. В феврале 1923 г. ушел с этого поста, и его место занял Генрих Геринг. В апреле — мае он — первый адъютант командующего SA. Позже возглавил Союз «Викинг» (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 266*).

Клекнер Петер — глава металлургического концерна, проявлял в годы экономического кризиса острую заинтересованность в советских заказах, но правительство Брюнинга не только не способствовало расширению связей, но даже чинило препятствия. Вместе с другими воротилами крупной промышленности он участвовал во встрече с Гитлером 27 января 1932 г. в индустриальном клубе в Дюссельдорфе, в надежде услышать от «фюрера» в его своеобразной программной речи ответы на насущные вопросы (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Крупп фон Болен Густав (1870–1950) — германский промышленник и финансовый магнат, оказывавший значительную материальную поддержку нацистскому движению. С мая 1933 г. был назначен президентом «Фонда Адольфа Гитлера». На предприятиях Круппа, где в огромных масштабах производились также артиллерия и другое военное снаряжение, широко использовался труд военнопленных и других узников концлагерей. Существует мнение о якобы «нежелании Круппа ставить себя лично и промышленность в зависимость от партии», о стремлении его оттянуть момент официальной поддержки возглавляемого им промышленного союза фашистской власти и фашистской идеологии, о том, что он не знал, какое содержание вкладывала нацистская партия в слова «общественный порядок», и потому имевший за плечами нема-

лый опыт дипломатической работы Крупп фон Болен оставался просто лоялен к новому правительству. В 1948 г. Крупп фон Болен предстал перед американским военным трибуналом как военный преступник. От уголовной ответственности был освобожден по возрасту и состоянию здоровья (см.: *Шредер Э. Крупп // Великие промышленники. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 300, 302–303; Энциклопедия Третьего рейха. С. 267*).

Кюнль Рейнгард — германский историк, представитель радикально-демократического направления в западногерманской историографии, профессор Марбургского университета. В своей работе «Das Dritte Reich in der Presse der Bundesrepublik» (Fr. a. M., 1966) он подверг обстоятельной критике неадекватную и по существу антикоммунистическую интерпретацию истории и сущности германского фашизма, предлагаемую публике западногерманской прессой. Книга Р. Кюнля «Nation — Nationalismus — nationale Frage» (Köln, 1986) посвящена проблеме так называемого «нового национализма» в Западной Германии. Автор осуществляет критический анализ национальной политики правящих кругов Федеративной Республики, подчекивая при этом, что для будущего Германии принципиально важно определить, «на основе каких традиций будет складываться ее национальная идентичность: на основе традиций прусско-германского государства или же на основе традиций якобинских социальных сил; на основе традиций палачей Бухенвальда и Освенцима или традиций узников этих лагерей» (см., например.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Он же. «Левые» национал-социалисты в исторической литературе // МИВИН. Вып. XI. Томск, 1976. С. 38–44*).

Лей Роберт (1890–1945) — доктор философии, вступивший в 1923 г. в NSDAP. На конференции партийных руководителей Северной Германии 22.11.1925 г. он был единственным, кто выступил в поддержку Гитлера против Г. Штрассера, объявив собрание неправомочным. В дальнейшем Р. Лей стал активным партийным деятелем: рейхсляйтер, обергруппенфюрер SA до 31.04.1931 г. В 1928 г. он стал соучредителем партийной газеты «Westdeutscher Beobachter», на страницах которой сам выступал с антисемитскими статьями. С 21.10.1931 г. — имперский инспектор по вопросам организации, с 10.11.1931 г. — имперский организационный руководитель, заведующий организационным отделом NSDAP. В апреле 1933 г. на Лея была возложена подготовка к уничтожению германских профсоюзов, а в мае они были закрыты, их руководители арестованы и фонды конфискованы. Десятого мая 1933 г. Р. Лей возглавил Германский Трудовой фронт (DAF) — эрзац мощных некогда профсоюзов. Членам Трудового фронта было запрещено ходить группами в церковь и создавать хоровые общества для церковного пения. Последние ненацистские христианские-профсоюзы были ликвидированы 24 июня.

Под патронажем Р. Лея, публично заявившего в 1935 г., что в Германии, благодаря деятельности NSDAP, отсутствует классовая борьба, были созданы

на средства DAF (автомобильные заводы) «Volkswagen», которые, как предполагалось, на вкладываемые рабочими еженедельные 5 марок сделают каждого представителя народа обладателем собственной машины. Однако «народный автомобиль» создан не был, поскольку вскоре заводы были перепрофилированы на выпуск военной техники.

По окончании войны Р. Лей был привлечен в качестве одного из главных военных преступников к суду военного трибунала в Нюрнберге. Через 4 дня после предъявления ему обвинений он повесился в камере (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 299–301*).

Лутце Виктор (1890–1943) – бесцветный субъект, член NSDAP с 1922 г., один из инициаторов и активный участник уничтожения руководства SA во время «ночи длинных ножей». После ликвидации Рёма с 30.06.1934 г. был назначен начальником штаба SA, ставшего в 1939 г. органом допризывной подготовки резервистов. Позже эта функция перешла к SS, а SA стало своеобразным резервом армии и организацией, ведавшей вопросами гражданской обороны. После его смерти, наступившей в результате ранений, полученных в автомобильной катастрофе, штурмовые отряды окончательно потеряли свое значение (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 313–314*).

Люббе Маринус ван дер (1909–1934) – голландский коммунист, человек, очевидно, с поврежденной психикой, оказавшийся на месте подожженного рейхстага (возможно, под действием наркотических средств) и принявший на себя вину. Был приговорен Лейпцигским судом к смертной казни и спешно расстрелян (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Людендорф Эрих фон (1865–1937) – генерал, начальник штаба вооруженных сил Германии в Первой мировой войне. В послевоенное время стал лидером германских милитаристов, жаждавших сильной власти и реванша. Однако уже 1 февраля 1933 г. он направил письмо Гинденбургу, в котором возлагал на президента ответственность за предоставление Гитлеру власти: «Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из величайших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет в неопишное несчастье. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали это», – писал он (см.: *Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 414*).

Маннесман Альфред – один из четырех братьев, двое из которых: Рейнгарт и Макс были инженерами-изобретателями производства бесшовных труб. В 1890 г. они основали трубопрокатную компанию. В начале XX в. овладели месторождением железной руды в Марокко и стремительно разбогатели, став владельцами крупнейшего концерна «Mannesmann-Röhren-Werke». Руководящее общество имело акционерный капитал 180,2 млн марок (1935 г.). На предприятиях концерна было занято более 20 тыс. работников. Став сторонником Гитлера, А. Маннесман рассчитывал на то, что с приходом нацистов удаст-

ся избежать коммунизма и гражданской войны. В годы Второй мировой войны он был одним из главных поставщиков вооружения для германской армии. По решению Потсдамской конференции 1945 г. концерн подлежал ликвидации, на деле же он подвергся лишь небольшой реорганизации. В 60-е гг. XX в. он возобновил производство вооружения (*Большая советская энциклопедия* / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 38. М.: ОГИЗ РСФСР, 1938. С. 43–44; *Энциклопедия Третьего рейха*. С. 299–300).

Мейнеке Фридрих (1862–1954) – старейший немецкий историк буржуазно-либерального направления, склонный рассматривать феномен германского фашизма с позиций плюрального детерминизма. В книге «*Die deutsche Katastrophe*» (Wiesbaden, 1946) он делает акцент на факторах случайного порядка, которые имели место наряду с общими причинами победы нацизма, и, возможно, даже в решающем пункте. В 30-е гг. он ратовал за укрепление государственной власти, за всемерное использование президентом прав, предоставляемых конституцией (ст. 48), за жесткое отношение к СДПГ, но так, чтобы ее приверженцы не перебежали к коммунистам. Выражая интересы совершенно определенных группировок правящей верхушки, он маскировал свои рассуждения под «волю немецкого народа», который якобы уполномочил его изложить свои стремления. В начале 1932 г. он высказывал сомнения в том, что после прихода к власти нацисты будут придерживаться легальности и конституционности (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черкасов Н.С. Проблемы антифашистского движения. Спротивления в историографии ФРГ // МИВИН. Вып. 3. Томск, 1965. С. 116; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 39, 138, 186, 368*).

Мюллер Генрих (1901–?) – с 1935 г. шеф Gestapo (IV отделения RSHA), заместитель Р. Гейдриха, группенфюрер SS, один из главных руководителей массового уничтожения людей, наиболее одиозная фигура в аппарате насилия нацистской Германии. Мюллер служил нацистскому режиму столь же ревностно, как и раньше служил Веймарской республике, хотя высокое покровительство Гиммлера давало ему возможность сохранять для себя привилегированное и удивительно независимое положение в структуре Gestapo.

Мюллер прославился как мастер «деликатных миссий», требовавших человека, не обремененного комплексом совести. Один из его «шедевров» – дело Бломберга–Фрича. Он руководил также расследованием деятельности организации «Красная капелла», немецкой подпольной организации движения Спротивления, созданной с помощью советской разведки. Она насчитывала около 100 членов, в том числе известные личности Гарро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак. Членам ее удалось внедриться во многие военные и гражданские ведомства нацистов и занять там высокие посты. Агентурная сеть организации была раскрыта абвером в 1942 г., многие руководители были гильотинированы. Именно Мюллеру Гитлер поручил и такую «деликатную миссию», как

допрос Германа Фегелейна, мужа сестры Евы Браун, пытавшегося бежать из бункера.

В первых числах мая 1945 г. Мюллер исчез из поля зрения. По утверждениям Вальтера Шелленберга, ему удалось, воспользовавшись делом «Красной капеллы», которое он вел, установить контакты с советской разведкой и перейти на службу к ней в момент краха Третьего рейха. Он умер в Москве в 1948 г. По другим источникам, Мюллер перебрался в Чили к М. Борману, или его видели в Бразилии и Аргентине среди бежавших военных преступников.

В 1973 г. его имя вошло в список наиболее важных разыскиваемых нацистских преступников (*Энциклопедия Третьего рейха*. С. 266, 321–322).

Науманн Фридрих (1860–1919) — германский политический деятель, теолог, крупный публицист и оратор. Науманн выдвинул идею так называемого национального социализма задолго до Гитлера и проповедовал ее в основанных им же печатных изданиях «Hilfe», «Zeit». В 1896 г. он создал «Национально-социальный союз», предвосхитивший гитлеровцев. Через его деятельность пытался примирить буржуазно-демократическую политику с массой верующих протестантской церкви и монархией Вильгельма II, отстаивал идею нового капитализма, который якобы будет переходной ступенью к социализму. В период Первой мировой войны он выступил с проектом создания «Срединной Европы» и в своей книге «Mitteleuropa» попытался обосновать идею экспансии Германии в Центральную Европу (*Черкасов Н.С. Лекции...; Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 41. М.: ОГИЗ РСФСР, 1939. Ст. 321–322*).

Нейман Гейнц — совместно с Эрнстом Реммеле представлял сектантскую группировку в коммунистической партии Германии. Руководствуясь лозунгом «Бей нацистов, где бы их ни встретил!», сводил борьбу против фашизма к мелким потасовкам и исключал идеологическую борьбу, полемику с гитлеровцами, противился совместным с другими социалистическими партиями акциям против фашизма на уровне низовых организаций. В 1932 г. он был освобожден от обязанностей кандидата в члены ЦК КПГ (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Нейрат Константин фон (1873–1956) — барон, кадровый дипломат: в 1903 г. он был генеральным консулом Германии в Лондоне, во время Первой мировой войны — сотрудник германского посольства в Константинополе, с 1919 г. — посланник в Копенгагене, с 1922 по 1930 г. — посланник в Риме и с 1930 г. — вновь посол Германии в Лондоне. Фаворит Гинденбурга, он стал в кабинете Папена министром иностранных дел. В кабинете Шлейхера занимал тот же пост. Оттуда плавно перешел к Гитлеру и вступил в NSDAP. Среди нацистов слыл «консерватором» и «реакционером» в отличие от «революционеров» Геринга, Геббельса и Риббентропа. До 1938 г. он ревностно реализовывал агрессивные замыслы правительства Гитлера: 26.10.1936 г. он подписывает договор о военном сотрудничестве с Италией («Стальной пакт»)

и месяц спустя — «антикоминтерновский пакт». Но в феврале 1938 г. его, как не выказывавшего должного почтения относительно агрессивных планов Германии, на посту министра иностранных дел сменил Иоахим фон Риббентроп, а сам он был назначен президентом тайного Совета и «протектором Богемии и Моравии», т.е. наместником Гитлера в Чехословакии. В 1941 г. его отправили в отставку «по возрасту». В Нюрнберге Нейрат был приговорен к 15 годам тюрьмы. В 1954 г. он был освобожден из тюрьмы Шпандау и через два года умер (*Черная Л.* Коричневые диктаторы. С. 350—351; *Энциклопедия Третьего рейха*. С. 339—340).

Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий философ-иррационалист, автор идей сверхчеловека, воли к власти. Его называют в числе теоретиков, чьи взгляды были положены в основу «теории и философии» нацизма, которую создал, как он сам полагал, Адольф Гитлер. Такая однозначная и одиозная оценка роли Ф. Ницше, как предтечи нацизма, обусловила незаслуженный «длительный карантин» ницшевской философии в европейской культуре. Как в действительности обстояло дело?

Объявив Ницше своим великим предтечей, Гитлер выражал свою приверженность его взглядам часто эпитопскими ссылками на Ницше и тем, что держал его бюст на своем письменном столе. Гитлер не был склонен к сколь-нибудь вдумчивому прочтению текстов и потому весьма сомнительно, чтобы он читал великого мыслителя дальше выразительных заголовков его работ. Но амбициозному дилетанту, жаждавшему абсолютной власти, было достаточно и этого: «Воля к власти», «По ту сторону добра и зла», «Человеческое слишком человеческое», «Злая мудрость», — все это, несомненно, подогревало кипящую страсть. А образ Заратустры, сверхчеловека, «танцующего ногами, понятиями, словами на высоте 6 000 футов над уровнем человека» (*К. Свасьян*), прочно вошел в лексикон непревзойденного оратора.

На самом деле поистине трагическое мироощущение этого философа конца XIX в. ничего общего не имеет с «философией» Гитлера. Вся философия нацистов была «набором прагматических лозунгов, адресованных немецкому филистеру, которого так презирал Ф. Ницше, даже если он был «Bildungsfilister», т.е. образованным или полуобразованным филистером. Ницше исполнял функцию, так сказать, «украшения на фасаде фашистской идеологии» (*Л.Б. Черная*). Один из действительных идеологов германского фашизма А. Розенберг, очевидно, понимавший смысл ницшеанства, в «Мифе XX столетия» подчеркивал неарийский характер дионисизма и всего ницшеанского мировоззрения. И не без оснований. Многие из того, что превозносил Гитлер, Ницше категорически отвергал. В частности, в работе «Сумерки идолов или как философствуют молотом» в разделе «Чего не достает немцам», он со свойственной ему иронией сбивает спесь самомнения с соотечественников: «Немцы — их называли некогда народом мыслителей: мыслят ли они еще ныне

вообще?» Его пугали «сверхпатриотические» строки: «Deutschlad, Deutschland über alles». «Я боюсь, — писал он, — что это было концом немецкой философии». Так, превозносимый гитлеровцами «немецкий дух», по мнению Ф. Ницше, происходит из расстроенного кишечника». Чего стоит, наконец, его заявление «Я объявляю Германии войну»?

Не мыслитель Фридрих Ницше, недавний «истребитель кумиров», а «цитатно оболганый, идеологически оболваненный его двойник» стал кумиром германских фашистов (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Фридрих Ницше. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 39—44; Черная Л.Б. Коричневые диктаторы. С. 38—39).*

Нольте Эрнст (1923) — западногерманский буржуазный историк, автор многочисленных работ, вызвавших бурную реакцию не только среди специалистов, но и в среде широкой общественности. Его отличают энциклопедическая универсальность, афористичность и меткость многих оценок. Сочинения Э. Нольте характеризуются ярко выраженной философско-исторической направленностью, преемственностью с феноменологическими воззрениями М. Хайдеггера. Как и его учитель, Нольте выражает почтительное отношение к марксизму, обосновывает закономерность его возникновения, возможно, от него проникся, как отмечает В. Шидер, «духом исторического детерминизма», за что он его и критикует. Работу «Geschichtsdenken im XX Jahrhundert» он посвятил сопоставлению взглядов на исторический процесс авторов-марксистов и немарксистов.

Его первая книга «Der Faschismus in seiner Epoche» отражает критическую позицию автора по отношению к доктрине тоталитаризма. Э. Нольте осуществил типологию фашизма, выделив национал-социализм в качестве высшей ступени фашизма, не отрицал связь между нацистской партией и крупными монополистами, однако уверял, что поддержка ими гитлеровцев не имела целью устранение буржуазной демократии. Нольте несколько преуменьшал террористический характер национал-социалистской системы.

В конце 60—70-х гг. Нольте становится решительным критиком леворадикального студенческого движения и одним из организаторов крайне правого объединения профессоров и преподавателей вузов «Свободная наука» и переходит от критики тоталитаризма к его апологетике (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черкасов Н.С. Философия истории Э. Нольте и ее критика // Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. Екатеринбург, 1993; Черкасов Н.С. ФРГ: «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 174—176*).

Норден Альберт (1904—?) — немецкий публицист и историк, активный участник антифашистской борьбы в Германии, Франции, Чехословакии. В 1921 г. вступил в Коммунистическую партию Германии. С 1923 по 1933 г. был редактором многих ее изданий. С 1939 по 1940 г. находился в концлагере

во Франции. С 1941 по 1945 г. — эмиграция в США. После разгрома фашистской Германии вернулся в Восточную Германию. В 1947 г. вышла книга А. Нордена «Уроки германской истории», в которой автор дал марксистский анализ политической роли германского финансового капитала и юнкерства в развязывании обеих мировых войн. В монографии «Во имя нации» (1952 г.) он показал значение национального вопроса в освободительной борьбе германского рабочего класса. Темой научных исследований А. Нордена была история германо-советских отношений. Большое место отведено изучению проблем неонацизма и милитаризма в Западной Германии (см.: Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 337).

Папен Франц фон (1879—1969) — глава кабинета министров (канцлер), сформированного 1 июня 1932 г., первой акцией которого был роспуск рейхстага. Как политик — весьма ограничен, но обладал широкими связями в кругах прусского юнкерства и в генералитете, в среде промышленников. Его активно продвигал Шлейхер, военный министр, который рассчитывал, пользуясь бездарностью Папена, стать хозяином положения. 19 ноября 1932 г. правительство Папена приняло решение об отставке, но до 2 декабря все-таки он возглавлял его, а 2 декабря формирование правительства было поручено Шлейхеру, который создал переходный к диктатуре кабинет. После установления национал-социалистской диктатуры 30 января 1934 г. и отставки Шлейхера ему как доверенному лицу президента было поручено сформировать новое правительство. Выполнивший зловещую миссию, Папен сумел избежать наказания на Нюрнбергском процессе (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Ранке Леопольд фон (1795—1886) — крупный немецкий историк, друг и поклонник Бисмарка, объединителя Германии «железом и кровью». Л. Ранке стал основоположником «объективной» школы немецкой историографии. Историческая концепция его характеризуется европоцентризмом с окраской немецко-юнкерского шовинизма. Весь ход истории, по Ранке, определяют «ведущие» народы, с VI в.н.э. это — романо-германские. Гитлеровцам импонировали его идеи возвеличения, обожествления прусско-германского государства, провозглашение примата внешней политики над внутренней, усмотрение сути истории в борьбе за расширение государства (*Черкасов Н.С. Лекции...; Вайнштейн О.Л. Ранке Леопольд фон // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 11. М.: Советская энциклопедия. 1968. Ст. 879—881*).

Ратцель Фридрих (1844—1904) — основатель политической географии, которого немецкие геополитики 20—30-х гг. считали предшественником и учителем, «первым геополитиком». Начав свою деятельность с позиций буржуазного либерализма, он эволюционировал к реакционному национализму. Ратцель подхватил развиваемое исторической школой Л. фон Ранке учение о государстве как главной ценности исторического развития, положение

о примате внешней политики над внутренней политикой — внутренней функцией государства. Последнее он понимал не как политическую организацию общества, а как организацию территории и всего живущего на ней. Внутренняя конструкция государства представлялась Ратцелю в виде некоего пространственного организма — агрегата, состоящего из «куска земли и куска человечества». Главной и неизменной целью государства, полагал он, является «установление соответствия между территорией и все большим количеством людей». Борьба государств за пространство, тождественная борьбе живых организмов за существование, по мнению Ратцеля, и составляет стержень исторического процесса (*Черкасов Н.С. Лекции...; Ratzel F. Politische Geographie. München, 1923. S. 4, 6; Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 1901. С. 85; Ратцель Ф. Земля и жизнь. Т. 2. СПб., 1896. С. 610*).

Раушнинг Герман (1887–1982) — политический деятель национал-социализма, писатель. 28 мая 1932 г. Гитлер назначил Раушнинга президентом Данцигского сената, что вызвало раздражение у многих «старых бойцов». Они стали поносить его как выскочку. 5 августа 1933 г. он подписал договор с польским правительством об особом статусе Данцига и будущих германо-польских отношениях. Это означало, что он последовательно проводит в Данциге гитлеровскую политику. Но вскоре он резко отвернулся от национал-социализма и в 1936 г. эмигрировал сначала в Швейцарию, а затем — в Англию. Его имя было занесено в особый розыскной «черный список» Гимmlера, где значились лица, подлежащие немедленному аресту Gestapo. С 1948 г. Раушнинг проживал в США, в Гастоне, штат Орегон и занимался фермерством. В своих книгах 1939–1946 гг. он изложил свое понимание личности Гитлера и сути нацизма. В том числе: «Говорит Гитлер», «Революция нигилизма», «Зверь из бездны», «Время исступления», «Зов разрушения», «Консервативная революция» (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха. С. 394–395*).

Рём Эрнст Юлиус (Roehm) (1887–1934) — «авантюрист и дебошир» (*Х. Арендт*), человек с «несчастной склонностью» (гомосексуализм), но талантливый организатор. В Первую мировую войну был командиром роты. В боях под Верденом был тяжело ранен. В 1919 г. познакомился с Гитлером и стал его близким другом. Рём считал, что восстановить Германию сможет только партия, опирающаяся на поддержку низших классов. Он создал первые ударные группы NSDAP, получившие затем название штурмовых отрядов, которые обеспечивали защиту Гитлера и NSDAP. Рём оказался причастным к «пивному путчу», за что был осужден, но в тот же день освобожден. Сразу же принялся воссоздавать официально запрещенные штурмовые отряды. В апреле 1924 г. Рём вступил в Немецкую народную партию свободы (скрытая NSDAP, запрещенная после путча). С 17.05.1924 г. исполнял обязанности заместителя командующего запрещенных SA. С марта 1925 г. стал руководителем SA.

В конце апреля 1925 г. разошелся с Гитлером по поводу организации штурмовых отрядов и 1.05.1925 г. был смещен.

В 1928 г. уехал в Боливию военным инструктором. Но в сентябре 1930 г., когда у Гитлера возник конфликт со ставшими неуправляемыми SA, Рём был вызван в Берлин. Его восстановили в NSDAP, назначили (в 1931 г.) начальником штаба SA. Благодаря его усердию, численность штурмовых отрядов в 4 раза превысила численность рейхсвера. Указом правительства и президента SA 13.04.1932 г. были распущены. Рём призвал к вооруженному сопротивлению, но Гитлер отклонил эту идею. В июне запрет на деятельность SA был снят. К концу 1933 г. численность штурмовиков достигла почти 2 млн человек, и Рём вознамерился превратить SA в народную армию, с подчинением им вооруженных сил. Но Гитлер не собирался обострять отношений с высшим командованием и с промышленными кругами, которым не нравились призывы Рёма к социальной революции. К тому же многомиллионная армия штурмовиков Рёма Гитлеру оказалась не нужна. У него возникли опасения, что Рём может сместить его. Последовала «ночь длинных ножей». Рём был арестован и отправлен в тюрьму Штадельхайм. Его пытались склонить к самоубийству. Отказался. Зная, что Гитлер — «маменькин сын», боящийся крови, Рём требовал, чтобы «фюрер» прикончил его собственноручно, надеясь, что тот не сумеет это сделать. Его застрелил в камере эсэсовец Т. Эйхе (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 463–466; Черная Л. Коричневые диктаторы. С. 154, 163*).

Реммеле Герман — член ЦК КПГ, руководивший борьбой против фашизма с сектантских позиций, нанося тем самым непоправимый ущерб партии, в частности в деле создания единого фронта против грозной фашистской опасности. Как и Нейман, не считал необходимой идеологическую работу среди рабочих, принадлежащих СДПГ, среди отходящих от буржуазных партий слоев, сельскохозяйственных рабочих и среди безработных. Главной задачей КПГ он считал «внутрипартийное выравнивание», в то время как Э. Тельман заявлял от имени КПГ, что «главная задача... заключается в проведении массовой наступательной борьбы против фашизма, против наступления капитала». Реммеле был удален из состава секретариата ЦК КПГ после Всегерманской октябрьской конференции 1932 г. (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 178, 272, 353*).

Риббентроп Иоахим (1893–1946) — «вторым Бисмарком» называл его до поры до времени Гитлер. Знакомство их состоялось в середине августа 1932 г. На первых порах Риббентроп был посредником между Гитлером и Папеном и стал одним из главных интриганов в бесчестной сделке Шредер—Папен—Гинденбург—Гитлер. Лишь в 1934 г. он получил официальное назначение — уполномоченного по вопросам разоружения (!). Занимался «приватной дипломатией» или «дипломатией с черного хода» — вел переговоры в Париже

и Лондоне и добился важного дипломатического успеха — соглашения между Британией и Германией по флоту. Риббентроп 11 августа 1936 г. был назначен послом в Англию. Но благообразный, даже красивый господин с элегантною фигурой и светскими манерами, свободным владением английским языком был встречен без энтузиазма. Вернувшись в Берлин, он охарактеризовал Англию как «нашего самого опасного врага». Когда дипломат старой школы Нейрат позволил себе возразить против планов Гитлера захватить Австрию и затем Чехословакию, Риббентропу было предложено занять освободившийся пост министра иностранных дел. Своими самыми крупными достижениями он считал советско-германские пакты со всеми их секретными протоколами. Трибунал в Нюрнберге приговорил Риббентропа к виселице. Казнен (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черная Л. Коричневые диктаторы. С. 332–383*).

Риттер Герхард (1888–1967) — немецкий историк и методолог истории, профессор Гамбургского (1924–1925 гг.) и Фрейбургского (1925–1956 гг.) университетов. В своих исследованиях он придавал решающее значение субъективной воле отдельных деятелей, определяющих, по его мнению, ход истории. Власть и государство рассматривал как непостижимую и неодолимую силу — демонию, с которой могут совладать лишь редкие носители «государственного разума». В числе таковых Риттер называет короля Фридриха II и Бисмарка. В опубликованной после Второй мировой войны книге «Europa und die deutsche Frage» он, описывая период от Реформации до установления фашистской диктатуры, пытается доказать, будто фашизм не был плодом развития реакции в Пруссии, а затем в объединенной Германии, и уверяет, что дух завоевания и агрессии вовсе не всегда был присущ политике ее реакционных правящих кругов.

В монографии «Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung» (Stuttgart, 1955) он в апологетических тонах рисует главу «генеральского заговора» против Гитлера в 1944 г., заявляя, что будто лучшие традиции германского генералитета и чиновничества были непримиримы по отношению к гитлеризму. В книге «Staatskunst und Kriegshandwerk» (Bd. 1–4. München, 1954–1968) он оспаривает тот факт, что милитаризм был порожден германским юнкерством и буржуазией, возлагает ответственность за милитаризм на народные массы (*Черкасов Н.С. Лекции...; Черкасов Н.С. Проблемы немецкого антифашистского движения Соппротивления в историографии ФРГ // МИВИН. Вып. 3. Томск, 1965. С. 123–126; Черкасов Н.С. Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года // МИВИН. Вып. 5. Томск, 1967. С. 138–139; Гинцберг Л.И. Риттер Герхард // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. Ст. 91–92*).

Розенберг Альфред (1893–1946) — главный идеолог нацистской партии (NSDAP), обосновывавший идеи превосходства немцев над другими народами, «теоретик» антикоммунизма и антисемитизма, оправдывавший любое престу-

пление своих единомышленников. На случай завоевания территории Советского Союза подготовил «коричневую папку», где расписал все детали административного устройства Советской России до Урала (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Ротермир Гарольд (1868—?) — лорд, газетный король Англии, основавший в том числе газету «Дейли Мейл» и купивший в 1903 г. акции иллюстрированной «Дейли Миррор», а в 1908 — акции «Таймс». Состоял с 1914 г. членом палаты лордов, в 1917—1918 гг. был министром авиации в кабинете Ллойда Джорджа. Первоначально принадлежал к либеральной партии, но в 1923 г. перешел в лагерь консерваторов. Г. Ротермир участвовал в финансировании Гитлера. В своей «Дейли Мейл» он писал, что переход политической власти к национал-социалистам... создает прочную плотину против большевизма. (*Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1941. Ст. 489*).

Ротфельс Ханс (1891—1976) — крупный немецкий историк. Предметом его исследований в 20—30-х гг. была преимущественно политика Бисмарка. Во время фашистской диктатуры он покинул Германию и работал в США. После войны вернулся в Германию. Сфера его интересов переместилась в значительной степени в область новейшей истории. Он писал об антифашистском движении в Германии, превознося представителей буржуазного офицерства, высшее духовенство как чуть ли не единственных борцов против фашистского режима. С 1953 г. — редактор «*Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*». С конца 50-х гг. Ротфельс и его школа представляли едва ли не ведущее направление в буржуазной исторической науке ФРГ (*Черкасов Н.С. Проблемы немецкого антифашистского движения Сопrotivления в историографии ФРГ // МИВИН. Вып. 3. Томск, 1965; Гинцберг Л.И. Ротфельс Ханс // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Ст. 224—225; Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler. 1949*).

Сект Ганс фон — бывший командующий армией, генерал, игравший ведущую роль в руководстве рейхсвера. Противник парламентаризма и сторонник жесткой власти, он после выборов в рейхстаг 14 сентября 1930 г., когда нацисты одержали внушительную победу (107 человек насчитывала их фракция в рейхстаге), в своей статье в «*Deutsche Tageszeitung*» требовал включить гитлеровцев в правительство. Сект участвовал в Гарцбургской конференции (11 октября 1931 г.), где собралась крайне реакционная элита, в том числе 15 генералов и адмиралов. На конференции обсуждался вопрос о путях ликвидации буржуазно-парламентского строя и замены его террористической диктатурой. В ходе выборов президента 13 марта 1932 г. Сект высказывался в пользу избрания Гитлера. Будучи депутатом рейхстага от Народной партии, он позволял себе озвучивать перед народом откровенно милитаристские лозунги, слегка прикрывая их красивыми словами о любви к отечеству (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 130, 198, 254, 350*).

Тельман Эрнст (1886–1944) — бывший гамбургский рабочий, революционер, боевой руководитель германских коммунистов. Тогда, когда представители господствующих классов вели за кулисами торг с фашистами, а правые лидеры социал-демократии морально разоружали рабочий класс, немецкие коммунисты били в набат, устами Тельмана провозгласив: «Гитлер — это война!» Будучи депутатом парламента, он неустанно разоблачал проекты правительства — «отчаянную программу разбойничьего нападения на собственный народ». Возглавляемая им КПГ осуществляла активную антивоенную работу в массах, раскрывая замыслы германского империализма, направленные на подготовку реванша, на участие в антисоветском сговоре западных держав.

Немалые усилия он прилагал к формированию единого фронта пролетариата перед лицом фашистской угрозы, созданию отрядов антифашистской самообороны на каждом предприятии, на каждой бирже труда, организации Союза борьбы против фашизма (осень 1930 г.). Тельман настойчиво и убедительно доказывал вредоносность сектантской тактики Г. Неймана и его сторонников. Тельман, Ульбрихт и другие руководители КПГ не упускали возможности бывать на фашистских собраниях, где решительно разбивали пустую болтовню нацистов и излагали позицию КПГ. Нередко дело заканчивалось стычками и потасовками (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 47, 112, 164–165, 356; Эрнст Тельман. Речи и статьи. Письма. Воспоминания об Эрнсте Тельмане / Ред. В.С. Рыкин. М.: Политиздат, 1986*).

Тиссен Фриц (1873–1951) — матерый зубр монополистического капитала, магнат тяжелой индустрии Рура, стальной король, заметивший Гитлера уже в пору возникновения нацистской партии. В 1923 г. при посредничестве Э. Кирдорфа был познакомлен с руководителями нацистского движения и сублидировал партию с самого начала. В 1930 г. выступал за передачу власти гитлеровцам, но не был поддержан большинством представителей монополий. После финансового краха летом 1931 г. усилил свою активность, добиваясь окончательного перехода к диктатуре. Тиссен стал одним из авторов и подписантов письма Гинденбургу с призывом о назначении Гитлера канцлером. После прихода Гитлера к власти был назначен руководителем института, занимавшегося проблемами корпоративного государства. Первого мая 1933 г. вступил в NSDAP. В 1933–1934 гг. — ведущий экономический эксперт правительства. 12.11.1933 г. был избран депутатом рейхстага. В 1935 г. Тиссен разочаровался в нацизме и в знак протеста против преследования евреев вышел из состава Прусского Государственного Совета. В 1939 г. выступил в рейхстаге против планов предстоящей войны, а затем покинул Германию и поселился в Швейцарии. В своих письмах он обвинял Гитлера в сговоре с коммунистами. В начале 1940 г. он был лишен германского гражданства. В 1941 г. выпустил книгу «Я платил Гитлеру». После того как германские войска заняли Фран-

цию, он с семьей был арестован и заключен в концентрационный лагерь. В 1945 г. освобожден войсками союзников. В 1948 г. последовала денацификация и эмиграция его в Аргентину. Умер Фриц Тиссен 8.2.1951 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) (См.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972. С. 38, 57, 60, 122, 143; Залесский К. Указ. соч. С. 509–510).*

Трейчке Генрих фон (1834–1896) — немецкий историк и публицист, один из главных представителей так называемых младогерманцев — прусско-германской школы в буржуазной историографии. Трейчке выступал как защитник классового союза крупной буржуазии и юнкеров и как апологет прусско-юнкерского пути объединения Германии. Он прославлял культ грубой силы, войны. Его идеалом являлось сильное монархическое государство, способное вести борьбу за мировую гегемонию. Трейчке был идеологом реакционного пруссачества, шовинизма, расизма, германской экспансии. Он обосновывал идею «немецкой миссии», которую надлежит осуществить ударом «немецкого меча», что, несомненно, импонировало нацистам. Во время господства фашистов в Германии «Немецкая история в XIX веке» (основной труд Трейчке) значился в списке 100 важнейших книг, рекомендованных для нацистских библиотек. Гитлеровцы широко популяризировали восхваление им войны как «источника вечной молодости» человечества и средства разрешения социальных проблем. 100-летие со дня рождения Г. фон Трейчке было торжественно отмечено в Третьем рейхе.

Один из ведущих послевоенных немецких историков Г. Риттер, избегая открытого следования за Трейчке, соглашался с ним в главном и заявлял, что если руководящая роль правителей гарантирована, то война предстает как рождение «государственного разума» власть имущих. Он даже писал, что будто бы многие милитаристские концепции прусско-германской школы имеют положительное значение для нынешнего положения немцев (*Черкасов Н.С. Лекции...; Волина Е.А. Трейчке Генрих // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Ст. 381–383).*

Узе Бодо (1904–1963) — немецкий писатель, представитель так называемых «левых» национал-социалистов, впоследствии порвал с национал-социализмом и в 1932 г. перешел к коммунистам. В 1933 г. эмигрировал. В 1936–1938 гг. был комиссаром интернациональной бригады в Испании. Написал книгу очерков об Испании «Первая битва» (1938 г.), переведенную на русский язык в 1942 г. С 1939 г. жил в США, в Мексике. У. Бодо сотрудничал в антифашистской газете «Freies Deutschland». Среди его произведений известны «Лейтенант Бертрам» (1944 г.), «Патриоты» (1944 г.) (*Черкасов Н.С. Лекции...; Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 26. М.: Советская энциклопедия, 1977. Ст. 1547).*

Ульбрихт Вальтер (1893—1973) — деятель германского и международного рабочего движения, один из руководителей нелегальной работы КПГ в Германии во время фашизма, с самого начала распознавший хищническую сущность национал-социалистского движения, поддержку его со стороны реакционных сил в кругах монополистической буржуазии и потворство ему правящих кругов. Он постоянно заявлял об этом в своих речах, воззваниях, обращенных к населению, призывая крепить единство в борьбе против реакции и фашизма. С приходом гитлеровцев к власти был приговорен к двум годам заключения в крепости за участие «во враждебном государству союзе, преследующем цель уничтожения конституционного республиканского строя». Бесстрашный боец в заключительном слове заявил, что он, «несмотря на все преследования, и впредь будет отдавать все силы свои делу коммунистического движения». В 1943 г. он участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия» и был одним из его руководителей.

После окончания Второй мировой войны В. Ульбрихт стал одним из основателей и руководителей Социалистической единой партии Германии. С 1949 г. — он на государственной службе: 1949—1955 гг. — заместитель премьер-министра ГДР, в 1955—1960 гг. — первый заместитель председателя Совета министров ГДР, в 1960—1971 гг. — председатель Национального Совета Обороны. С образованием Государственного Совета ГДР в 1960 г. он стал его председателем.

Вальтер Ульбрихт написал книгу «Легенда о “немецком социализме”, в которой раскрыл всю лживость нацистской демагогии. В переизданной (1952 г.) в расширенном виде книге он проанализировал причины установления гитлеровской диктатуры и социальные силы, виновные в этом. В «Истории германского рабочего движения» — работе, подготовленной авторами ГДР под руководством В. Ульбрихта (1952 г.), был дан принципиальный анализ ошибок, допущенных КПГ в те годы: 1) неверной была постановка КПГ задачи установления диктатуры пролетариата и создания Советской Германии; 2) неправомерным оказалось направление «главного огня» не против нацистской партии и тех, кто подготовил гитлеровскую диктатуру, а против социал-демократии как партии, не проводя достаточного различия между социал-демократическим руководством и рядовыми членами партии (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. С. 108, 171, 355; *Советская историческая энциклопедия.* Т. 14. М., 1973. Ст. 787—788).

Фёглер Альберт (1877 —1945) — крупный промышленник, фюрер военной промышленности, генеральный директор Стального треста, возглавлявший вместе с Тиссеном, Кирдорфом, Штраусом и др. группировку монополистов, жаждавших установления диктатуры. В январе — октябре 1931 г. ему предлагали войти в правительство Брюнинга (в Министерство экономики), но он отказался, продолжая оказывать давление на президента с целью склонить

его к формированию правительства из гитлеровцев. Настойчивость феглеров и фликков возрастала по мере углубления экономического кризиса. Гитлер считал Фёглера одним из наиболее внушающих доверие монополистов среди организаторов «Кружка друзей экономики», своего рода совещательного (и вместе с тем субсидирующего) органа при Гитлере, «позорное пятно на всю крупную германскую буржуазию». Фёглер удостоился приглашения на конфиденциальное совещание (январь 1932 г.) в замке Тиссена, где Гитлер в сопровождении Геринга и Рёма обсуждал кандидатуры будущего нацистского правительства. Он был и в числе тех лиц, которые присоединились к «письму промышленников» к президенту (ноябрь 1932 г.) с требованием призвать нацистов к власти. Проведение реформы конституции и управления он рассматривал в качестве первоочередной задачи и для этого не жалел денег.

Когда американские войска вступили в Рурскую область, Фёглер был арестован и в тюрьме покончил жизнь самоубийством (см.: *Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 195, 204, 206, 224, 241, 243, 370, 393; Залесский К. Указ. соч. С. 523–525).*

Федер Готфрид – один из главных идеологов нацизма. Именно через него Гитлер установил связь с ДАР А. Дрекслера. Г. Федер был одержим идеей о том, что если отменить процент, взимаемый за предоставление кредита на вложенный капитал, то тем самым эксплуатация будет устранена, власть международного еврейства, якобы осуществляемая над народами, ликвидируется. «Теория» Федерера была одной из арсенала вульгарных экономистов, путавших местами причину и следствие, наивно полагавших, что можно устранить вредные последствия капитализма, не ликвидируя сам капитализм, и что возможно уничтожить процент на капитал, не ликвидируя сам капитал. Гитлер широко использовал тезис о «ликвидации процента рабства» в своей пропаганде, нимало не думая о возможности реализовать его на практике.

Стоит отметить, что сам-то Г. Федер глубоко верил в благотворность своей идеи, видя в ней панацею от всех бед, и считал, что партия должна на деле осуществлять ее. Вскоре он, однако, начинает жаловаться, что с его идеей не считаются, на правах ветерана партии он принялся ворчать на Гитлера. Впоследствии его оттеснили, заменив А. Розенбергом, освободили и от руководящей роли в партии, так как Гитлер понимал, что появляться с такими людьми, как Федер, перед промышленниками, значит лишь компрометировать себя. Ему было позволено читать лекции в качестве внештатного профессора технической высшей школы в Берлине и там излагать свои взгляды, но не более. Смерть его осталась почти незамеченной (*Черкасов Н.С. Из материала к лекциям о германском фашизме).*

Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – представитель классической немецкой философии XVIII–XIX вв., первый выборный ректор Берлинского университета. Его речи о немецкой нации, которую он рассматривал как

коллективную личность, имеющую свое особое призвание, произвели глубокое впечатление на идеологов гитлеризма. Им импонировала и его идея о создании «замкнутого», экономически самодостаточного и изолированного от остального мира национального немецкого государства с сильным аппаратом полицейской власти, регламентирующей вплоть до мелочей весь общественный порядок (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Флик Фридрих (1883–1972) — один из крупнейших магнатов тяжелой промышленности, создавший свой основной капитал на военных заказах в годы Первой мировой войны и во время послевоенной инфляции. Он оказывал финансовую поддержку Гитлеру, в частности на выборах в 1930 г. — 50 тыс. марок, на выборах президента 1932 г. — 50 тыс. марок, с целью отнюдь не «разумного решения экономических проблем партийными кругами», а получения со стороны гитлеровцев гарантий соблюдения своих интересов. В 1933 г. сумма пожертвований составила 120 тыс. марок. После прихода нацистов к власти Флик укрепляет свой капитал за счет конфискации еврейских предприятий и установления контроля за металлургическими предприятиями в оккупированных германской армией странах Европы. В 1938 г. Ф. Флик, доктор инженерных наук, доктор политической экономии становится фюрером военной экономики. Во время войны на заводах Флика широко применялся рабский труд заключенных и насильно вывезенных иностранных рабочих (примерно 48 тыс. человек).

Нюрнбергский трибунал приговорил Ф. Флика к семи годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Но 25 августа 1950 г. он был освобожден, быстро восстановил свой концерн, сделав его одним из мощнейших металлургических и военных промышленных объединений ФРГ. В 1955 г. Флик контролировал около 1000 компаний, приносящих прибыль свыше 22 млн долларов. Официально он считался самым богатым человеком в послевоенной Германии и пятым — в мире (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 239–241, 335; Залесский К. Указ. соч. С. 533–534*).

Форд Генри (1863–1947) — американский «автомобильный король», восхищавшийся расистскими идеями нацистов. Гитлер установил контакты с ним еще в 1932 г. с целью получения средств на преступную деятельность своей партии. Известно, что Г. Форд финансировал многие социальные проекты, в том числе после войны делал вложения в Фонд мира (*Черкасов Н.С. Лекции...; Harenbergs Personenlexikon 20. Jahrhundert. Dortmund, 1992. S. 384*).

Фрик Вильгельм (1877–1946) — доктор права, с 1903 г. — ассессор баварской государственной службы. С 1919 г. — начальник отдела Мюнхенской политической полиции, с 1923 г. — начальник Мюнхенской криминальной полиции. В начале 20-х гг. он познакомился с Гитлером, обратившимся к нему за разрешением на проведение митинга. Участник деятельности реваншистских

организаций, убежденный антикоммунист, он примкнул к национал-социалистскому движению и оказывал всяческое покровительство нацистам со стороны мюнхенской полиции.

Будучи чиновником полиции, он участвовал в «пивном путче» 1923 г. и отсидел за это некоторое время, хотя был приговорен к 15 месяцам тюрьмы, но приговор был скоро отменен и Фрик был восстановлен на своей должности. В 1924 г. он официально уволился из полиции, а в 1925 г., после снятия запрета на NSDAP, вступил в партию. В июне 1930 г. он получил пост министра внутренних дел и просвещения в Тюрингии. Это была первая земля Германии, где нацист стал членом правительства. Он пытался превратить Тюрингию в прообраз Третьего рейха, устанавливая единовластие и заполняя государственный аппарат нацистами, вводя в школах шовинистические песнопения и изгоняя прогрессивно мыслящих профессоров из высших учебных заведений. Но семь лет в его нацистской карьере были отмечены противостоянием с Г. Гиммлером, который сменил его на посту имперского министра внутренних дел 24.08.1943 г. Фрик остался имперским министром без портфеля.

В мае 1945 г. он был арестован союзниками антигитлеровской коалиции. В качестве главного военного преступника он был привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге. В. Фрик был признан виновным в преступлениях против человечности и в военных преступлениях и 1.10.1946 г. приговорен к смертной казни. Повешен (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. Указ. соч. С. 65, 89, 107, 131; Залесский К. Указ. соч. С. 547–549*).

Функ Вальтер (1890–1960) — один из ведущих сотрудников «Berliner Börsen Courier», назначенный советником Гитлера по вопросам экономики соответствующего отдела в руководстве NSDAP. В конце 1931 г. он был заменен на этом посту Вильгельмом Кеплером. В это же время пытался убедить элиту в необходимости назначения Гитлера канцлером. С 1937 г. Функ — министр экономики фашистского правительства и гитлеровский пресс-шеф. В ходе подготовки Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками Функ привел длинный список своих «друзей—промышленников», поддерживавших Гитлера якобы с тем, чтобы избежать коммунизма и гражданской войны (*Гинцберг Л.И. Указ. соч. С. 237–240*).

Хальгартен Георг — германо-американский левобуржуазный исследователь, автор книги «Hitler, Reichswehr und Industrie». Fr. a. M., 1955. Хальгартен привел многочисленные факты и цифры, свидетельствующие о поддержке монополиями нацистов, о значительном субсидировании ими гитлеровцев в начале 30-х гг., что способствовало установлению фашистского режима (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Цанген Вильгельм (1891–1971) — один из руководителей монополий металлургической промышленности, фюрер военной экономики. Он долго работал с А.Тиссенем, занимал пост генерального директора концерна «Маннесманн».

В. Цанген был участником встречи промышленников с Гитлером 26 января 1932 г. в Дюссельдорфском «Индустриальном клубе». Эту встречу организовал Тиссен. Цанген выразил опасение, что рабочие станут всерьез воспринимать демагогические требования национал-социалистов об отмене нетрудовых доходов. Гитлер развеял эти сомнения.

Во время Второй мировой войны на предприятиях Цангена широко использовался труд заключенных и иностранных рабочих. После войны (1957—1966 гг.) он — председатель наблюдательного совета концерна «Маннесманн» (Черкасов Н.С. Из материала к лекциям).

Цеткин Клара (1857—1933) — ветеран немецкого рабочего и коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии. Немало сил отдала Клара Цеткин борьбе за создание единого пролетарского антифашистского фронта еще до установления диктатуры гитлеровцев. Ей, как старейшему (с 1920 г.) депутату, выпала честь открыть заседание рейхстага 3 августа 1932 г., когда большинство его составляли пациенты и их сторонники. Превозмогая болезнь, не страшась угроз, она произнесла мужественную речь, в которой заявила: «Рейхстаг... должен... прогнать имперское правительство, пытающееся полностью устранить рейхстаг и разорвать конституцию. Место всех нас, над кем нависла угроза, всех страдающих, всех, стремящихся к освобождению, — в едином фронте против фашизма и его уполномоченных в правительстве». Никто, даже самые ярые ненавистники коммунистов, не посмели помешать ей (*Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. С. 323—324; *Советская историческая энциклопедия*. Т. 15. М., 1974. Ст. 757—759).

Челлен Юхан Рудольф (1864—1922) — шведский государствовед и социолог, близкий пангерманским кругам в Германии. Во время Первой мировой войны ратовал за «активную антирусскую политику». Под влиянием идей Ф. Ратцеля разрабатывал учение о государстве как географическом организме, как форме жизни. Обосновывал идеи о том, что жизнь государства всецело определяется борьбой за существование, естественным отбором. Лейтмотивом развития государства, по его мнению, является стремление стать географическим индивидуумом, автаркией. Для Германии, утверждал он, в соответствии с «законом роста» наиболее приемлемый вариант — создание Срединной Европы под ее главенством. Малые государства должны при этом умереть в результате их вхождения в ее состав. Учение Челлена стало как бы мостом между политической географией Ратцеля и германской геополитикой Третьего рейха. Сам термин «геополитика» введен в теоретический и практический политический лексикон именно Р. Челленом (*Kjellen R.* Der Staat als Lebensform. Berlin, 1924. С. 37—38, 61, 75, 142, 183).

Чемберлен Хаустан Стюарт (1855—1927) — онемеченный англичанин, социолог, сыгравший важную роль в распространении расизма и антисемитизма в Германии. Всю историю он сводил к борьбе двух противоположных рас:

«добродетельных арийцев» и «порочных, ублюдочных семитов». Немцы, по его мнению, более всего соответствуют для установления нового (после Первой мировой войны) порядка в Европе. Кайзер Вильгельм II рекомендовал включить сочинения Чемберлена в учебные программы (*Черкасов Н.С. Лекции...; Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 478*).

Шахт Ялмар (1877–1970) — президент имперского банка, сыгравший далеко не последнюю роль в установлении гитлеровской диктатуры. Будучи доверенным лицом германских и зарубежных монополий, он широко пропагандировал нацистов. В 1931 г. Гитлер называл его и Феглера как тех лиц из представителей монополистического капитала, на кого следовало в первую очередь опереться. Став главным эмиссаром Гитлера в кругах монополистов тяжелой промышленности (1932 г.), он, отставной председатель Рейхсбанка, ловко рассеивал их сомнения, возникавшие в связи с шумихой гитлеровцев по поводу «хищнического капитала». Так они боролись за массовую базу. Шахт принял самое деятельное участие в подготовке письма промышленников президенту. На Нюрнбергском процессе Папен свидетельствовал, что Шахт являлся к нему домой с требованием: «Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию» (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 241, 336, 369, 392*).

Шерингер Рихард (1904–?) — лейтенант рейхсвера, примкнувший к NSDAP и осмелившийся создать в армии фашистскую ячейку, что привело к аресту его и осуждению судом в Лейпциге на 1,5 года «за нацистскую пропаганду в армии». Р. Шерингер отбывал срок вместе с коммунистами, от которых узнал о «Капитале» К. Маркса, об идеях о социализме В.И. Ленина. Вступил в коммунистическую партию, и за это, почти накануне окончания заключения по первому приговору, он был приговорен ко второму сроку (2 года и 8 месяцев каторжной тюрьмы). Позже возглавил Баварскую организацию КПГ (*Шерингер Р. Мой путь к красному фронту: Мемуары. Харьков, 1933; Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О. Шмидт. М.: ОГИЗ, 1933. Т. 62. Ст. 303*).

Шефер Фриц — председатель Баварской народной партии (BVP), филиала партии Центра. Совместно с Брюнингом и другими католическими лидерами уже в 1932 г. накануне рейхстага пошли на сговор с гитлеровцами, чем предприняли судьбу парламента. Шефер не скрывал своей заинтересованности в допуске нацистов в правительство, «даже если придется с этой целью назначить Гитлера рейхсканцлером». Шел конец 1932 г. А 28 января 1933 г. Шефер от своего и Брюнинга имени заявил Папену о согласии войти в правительство Гитлера, но получил отказ. И сразу же после создания фашистского кабинета, 31 января 1933 г., они продолжили переговоры уже с самим Гитлером об условиях поддержки курса нового правительства (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 324, 366, 411*).

Шлейхер Курт фон (1882–1934) — германский военный и политический деятель, «политический генерал». Глава рейхсвера (1931 г.), пристрастный к политическим делам, политическим интригам, высказывавшийся за привлечение нацистов к власти. Военный министр в правительстве Папена и глава (рейхсканцлер) сформированного им самим в декабре 1932 г. переходного к диктатуре кабинета. Рассчитывал остаться у власти лишь до тех пор, пока Гинденбург или Гитлер не уступят. В случае удачи намеревался установить свою диктатуру. По словам левобуржуазного историка Э. Эйка, он попытался «расколоть оппозицию слева и справа». После тайной встречи Папена и Гитлера в Кельне судьба его была предрешена: с идеей стать будущим диктатором ему пришлось расстаться — гитлеровцам удалось добиться отставки Шлейхера и восхождения на пост рейхсканцлера их главаря — Адольфа Гитлера. В июне 1934 г. в «ночь длинных ножей» Шлейхер был убит гестаповцами (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. Шлейхер Курт // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 293*).

Шмитт Курт Пауль (1886–1950) — юрист и банкир, король германского страхового капитала. В 1929 г. был генеральным директором одной из крупнейших страховых компаний «Allianz». В 1932 г. фон Папен назначил его министром финансов. Позже он вступил в NSDAP и SS. Был одним из учредителей и членом «Кружка друзей экономики». После отставки Гугенберга 26.06.1933 г. Гитлер пригласил Шмитта в свое правительство, что было результатом компромисса Гитлера и финансовых кругов, желавших иметь на ключевом посту в правительстве своего представителя. 26.06.1934 г. его заменил на этом посту Я. Шахт (*Черкасов Н.С. Лекции...; Залесский К. Указ. соч. С. 609*).

Шонерер Георг фон — основатель австрийского движения пангерманцев (около 1890 г.), убежденный сторонник включения Австрии в Германскую империю (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Шпрингорум Фриц — давний сторонник Гитлера, один из подписантов письма крупнейших промышленников Гинденбургу о необходимости предоставить нацистской партии руководящие посты в правительстве (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Штампфер Фридрих — один из лидеров социал-демократии, руководитель издания «Neuer Vorwärts» — СДПГ в эмиграции (Чехословакия). Уже в довоенные годы пытался проанализировать исторические условия прихода гитлеровцев к власти. В своих мемуарах (*Stampfer F. Die ersten 14 Jahre der deutschen Republik. Karlsbad, 1936*) высказывает тезис о «вине масс» в победе фашизма, умаляет ответственность руководства социал-демократии, толкнувшего, по сути, массы в объятия гитлеровцев (*Черкасов Н.С. Лекции...; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 25, 27–28*).

Штауффенберг Клаус Шенк фон (1907–1944) — один из руководителей заговора 20 июля 1944 г. в Германии, непосредственный исполнитель покушения на Гитлера. Выходец из аристократического рода. С 1926 г. — на службе в рейхсвере. В 1940–1943 гг. работал в организационном отделе командования сухопутных сил, с октября 1943 г. — начальник штаба резервной армии. Летом 1943 г. примкнул к заговору против Гитлера; возглавлял патриотическое направление среди участников заговора. В противовес реакционному большинству заговорщиков, стремившихся к сепаратному миру с западными державами, Штауффенберг и его сторонники выступали за прекращение военных действий на всех фронтах и установление добрососедских отношений со всеми странами, в том числе с СССР. Штауффенберг выступал за установление единства действий со всеми антифашистскими силами, включая руководимое коммунистами направление движения Сопротивления. Расстрелян (*Черкасов Н.С.* Штауффенберг // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 345; *Черкасов Н.С.* Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года в Германии // МИВИН. Вып. 5. Томск, 1967. С. 135–145).

Штеннес Вальтер (1895–1989) — начальник штаба штурмовых отрядов в Восточной Германии, возглавил группу оппозиционеров Гитлеру в 1930 г. «Антигитлеровский национал-социалистический союз» и начал издавать газету «Рабочие, крестьяне, солдаты». После прихода нацистов к власти был арестован и подвергнут пыткам. Благодаря покровительству Геринга, был освобожден и уехал в Китай. Там он был военным советником Чап Кайши. С марта 1939 г. сотрудничал с советской политической разведкой, информировал о планах Гитлера напасть на СССР в конце мая 1941 г. В начале 50-х гг. Ф. Штампфер вернулся в Германию (*Черкасов Н.С.* Лекции...; *Залесский К.* Указ. соч. С. 621–622).

Штиллер Готфрид — немецкий историк, автор книги «История и ответственность», изданной в 1972 г. в Германской Демократической Республике, в которой он обосновывает возможность иного пути развития событий в Европе и идею ответственности субъектов исторического процесса (*Черкасов Н.С.* Лекции...).

Штрассер Грегор (1892–1934) — нацист, как и все остальные вожди NSDAP, хотя и более активно проповедовал идеи немецкого социализма, один из организаторов партии, глава орготдела ее. Склонился к сделке со Шлейхером, планировавшим установление своей диктатуры. Штрассера он предполагал сделать вице-канцлером. Но 8 декабря 1932 г. Г. Штрассер был смещен со всех занимаемых в партии постов. Пост руководителя орготдела партии Гитлер взял в свои руки. В июне 1934 г. в «ночь длинных ножей» Г. Штрассер был убит нацистами (*Черкасов Н.С.* Лекции...).

Штрассер Отто (1897–1974) – ветеран гитлеровского движения, попытавшийся взглянуть на фашизм ретроспективно – из 60-х гг. XX в. В своей книге «Der Faschismus. Geschichte und Gefahr» (München-Wien, 1965) он утверждал, что первоначально нацистская партия имела «революционный, антибуржуазный, антикапиталистический характер». О. Штрассер представлял фрондировавшие элементы гитлеровской партии. Он и его единомышленники пытались сочетать фашистскую идеологию, дикую вражду к организованному рабочему движению с борьбой против засилья крупного капитала. О. Штрассер возглавлял группу «Черный фронт». О своей борьбе он поведал также в статье: *Mein Kampf // Stern*, 1969. № 18 (См.: *Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. С. 46, 100, 132, 377; *Штрассер О.* Гитлер и я. Ростов н/Д, 1999).

Штреземан Густав (1878–1929) – немецкий политический деятель, приверженец идей пангерманизма, основатель Немецкой народной партии. С августа по ноябрь 1923 г. он возглавлял правительство большой коалиции (от Немецкой народной партии до СДПГ), которое помогло немецкой буржуазии справиться с острейшим политическим кризисом. В 1923–1929 гг. был министром иностранных дел Германии. Штреземан исподволь добивался ревизии Версальского договора. Ему принадлежит решающая роль в установлении взаимоотношений Германии с Францией, в заключении Локарнских соглашений (о неприкосновенности западных границ Германии и сохранении демилитаризации Рейнской зоны), в приеме Германии в Лигу Наций, в подписании пакта Бриана–Келлога (договор 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики). Густав Штреземан был удостоен Нобелевской премии мира в 1926 г. (*Гинцберг Л.И.* Штреземан Густав // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. Ст. 354; *Павлов Н.В.* Германия на пути в третье тысячелетие: Пособие по страноведению. Курс лекций. М.: Высшая школа, 2001).

Шуленбург, граф Вернер фон дер (1875–1944) – германский дипломат, в 1934–1941 гг. – посол в Советском Союзе. Участвовал в церемонии подписания Договора о ненападении между Германией и СССР. В 1941 г. пытался предупредить советское руководство о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Был причастен к июльскому заговору 1944 г., за что казнен 10 ноября 1944 г. по приговору Народного трибунала, (*Энциклопедия Третьего рейха*. С. 543).

Шюсслер Вильгельм – известный буржуазный историк, симпатизировавший нацистам и допускавший возможность привлечения гитлеровцев к власти в 1930 г. Но на вопрос корреспондента газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (25.12.1930), как он оценивает участие Гитлера в правительстве, лаконично ответил «Слишком рано». Историк понимал, что их участие в прави-

тельстве в условиях обострения экономического кризиса чреват провалом для них (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

Эккарт Дитрих (1868–1923) – ведущий нацистский журналист, купивший на деньги рейхсвера газету «Münchener Beobachter», которая стала называться «Völkischer Beobachter» и стала официозом партии (NSDAP). Д. Эккарт является автором поэмы «Jeuijo», строка из которой «Deutschland erwache!» (проснись, Германия!), стала позднее боевым кличем нацистского движения. Стихотворение «Штурм» было одной из самых популярных песен нацистов. Он был участником «капповского путча». Через А. Дрекслера он познакомился с Гитлером. Последний высоко ценил преданность Эккарта. Незадолго до смерти он опубликовал в Мюнхене пронизанную антисемитизмом книгу «Большевизм от Моисея до Гитлера». Из-за пристрастия к морфию и алкоголю он провел некоторое время в психиатрической лечебнице. Во время «пивного путча» он был уже тяжело болен. 23 декабря 1923 г. Д. Эккарт умер от сердечного приступа. (*Черкасов Н.С. Лекции...; Энциклопедия Третьего рейха. С. 549–550*).

Эрнст Карл (1904–1934) – один из высших руководителей штурмовых отрядов, руководитель группы, организовавшей поджог здания рейхстага. Убит нацистами в «ночь длинных ножей» (*Черкасов Н.С. Лекции...*).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

О некоторых тенденциях развития современной буржуазной историографии ФРГ*

Характерной чертой современного состояния западногерманской буржуазной исторической мысли являются ее интенсивные теоретические искания. Одна за другой появляются монографии, исследующие в разных аспектах природу и принципы исторического познания, возрастает поток статей, рассматривающих широкий круг методологических проблем исторической науки. Своеобразным показателем устойчивого интереса западногерманской историографии к этим проблемам явился выход в 1974 г. специального выпуска (Beiheft 3) ведущего исторического журнала ФРГ «Historische Zeitschrift», целиком посвященного актуальным теоретическим вопросам исторического познания [1].

Среди подобных работ заметное место принадлежит опубликованному в серии «История и общество» сборнику «Проблемы исторической науки» [2]. Составляющие его статьи охватывают практически все периоды истории от первобытной эпохи до новейшего времени и стремятся в своей совокупности сформулировать общее представление о природе исторической науки и ее месте в современном мире [3]. Наряду с этим в сборнике рассматривается ряд существенных проблем истории средних веков, а также новой и новейшей истории [4]. Статьи сборника образуют идейно-концептуальное единство, что позволяет смотреть на него как на выражение общих тенденций развития современной буржуазной исторической мысли ФРГ.

Сборник открывает статья Рудольфа Фирхауза «Что такое история?», в которой ставится вопрос о сущности и социальной функции исторической науки, основных ее методологических проблемах.

---

* Полностью статья Б.Г. Могильницкого, Н.С. Черкасова «О некоторых тенденциях развития современной буржуазной историографии ФРГ» опубликована в сборнике Средние века. Вып. 40. М., 1976. С. 200–217.

Г. Моммзен в статье «К развитию историографии нового и новейшего времени в Федеративной Республике» [5] пытается охарактеризовать основные черты эволюции западногерманской историографии после Второй мировой войны и дать оценку ее современному состоянию. Предметом его анализа являются течения, идущие в основном русле западногерманской буржуазной историографии, сохраняющие в той или иной степени преемственность с традиционным немецким историзмом, обозначаемые в марксистской литературе как «консервативное» и «либеральное» (или «псевдолиберальное») направления [6].

Рассматриваемое издание — своеобразный манифест пробивающего себе дорогу в исторической науке ФРГ течения, провозгласившего необходимость развернутого пересмотра господствовавших на протяжении полутора веков принципов немецкого идеалистического историзма [7] и претендующего на создание «образа истории», в известной степени отличного от традиционно сложившегося в немецкой буржуазной историографии. При этом речь идет не столько о тех или иных фактических коррективах господствовавшей концепции истории, сколько о попытках определенного переосмысления самих ее теоретических основ, чем и объясняется наш интерес к этому изданию.

Р. Фирхауз в своей программной статье настойчиво подчеркивает, что кризис исторической науки, «особенно в Германии, является... кризисом историзма и истористической исторической науки» [2, S. 11]. Отсюда делается принципиально важный вывод об *ограниченном* характере этого кризиса, затронувшего лишь определенную сферу немецкого буржуазного исторического сознания, именно ту, на которую наложил свою печать идеалистический историзм. «Кризис исторического сознания, — заявляет Фирхауз, — конечно, кризис, как я думаю, одной определенной формы, именно той формы, которая сложилась под влиянием историзма. Мне также кажется, что так называемый кризис исторической науки, в сущности, является кризисом истористической истории, т.е. определенной формы выражения исторической науки» [2, S. 18].

В данной связи большой интерес представляет предпринятый Г. Моммзеном анализ послевоенной эволюции западногерманской историографии.

1945 год, несомненно, оказал огромное влияние на немецких буржуазных историков. Под влиянием разгрома гитлеровского фашизма Ф. Мейнеке, Л. Дехио и другие представители буржуазной историографии

заговорили о «немецкой катастрофе», «конце германской истории», о необходимости коренного пересмотра методологических принципов традиционного историзма [8]. Однако, как уже неоднократно отмечалось в марксистской литературе, большинство буржуазных историков ФРГ вскоре оправилось от «шока» 1945 г. и стало пропагандировать старые националистические концепции, слегка приправленные «атлантическими» идеями. Представители консервативного направления, господствовавшего в 50-х гг. в западногерманской историографии, выступили против «ревизии» немецкого историзма. Это констатирует и Г. Моммзен. «1945 г., — пишет он, — не означал для западногерманской историографии, как и вообще для развития послевоенной (Западной) Германии, столь кардинального разрыва преемственности, как это ощущалось тогда историками... На деле историческая наука опиралась и дальше на традиции времени Веймара».

Автор статьи рисует весьма реалистическую картину состояния западногерманской историографии, которая, как он пишет, «не только в непосредственно послевоенные годы, но и позднее оставалась преимущественно консервативной областью науки». Историзм, бесспорно, утвердил себя в ней, преимущественная ориентация на «историю идей» даже усилилась, предпринимались попытки приспособить идейно-политические концепции Ранке к требованиям современности. «Политический анализ немецкой истории не поднимался выше выяснения антиномии духа и силы» [2, S. 126—130]. Оценка Г. Моммзеном состояния историографии ФРГ в данный период подтверждает вывод о том, что «реставрации» капитализма после 1945 г. сопутствовала и соответствующая «реставрация» в исторической науке [9].

Началом 60-х гг. Г. Моммзен датирует наступление нового этапа в развитии исторической науки в ФРГ, который характеризуется «критической дистанцией по отношению к собственной историографической традиции, восприимчивостью в области методологии к импульсам, даваемым смежными дисциплинами, и готовностью к сравнительному социально-историческому анализу». Он связывает его с появлением нового поколения историков, формировавшегося уже в послевоенной Западной Германии, и особенно с дискуссиями о причинах прихода к власти национал-социализма.

Для историков-консерваторов характерно стремление представить «Третий рейх» как нарушение преемственности германской истории.

В связи с этим у них преобладала тенденция подчеркивать «демонические», иррациональные черты личности Гитлера, его «определяющее» влияние на развитие фашистского режима. Особое место уделялось анализу национал-социализма. «Посредством идентификации национал-социализма с «гитлеризмом», усиленного подчеркивания тоталитаризма... — пишет Г. Моммзен, — отодвигались на задний план вопросы о социальных причинах фашистской диктатуры, об ответственности господствующей элиты за ее утверждение. Коллаборация консервативных групп, важной части крупных промышленников и широких буржуазных слоев, исчезла из поля зрения» [10].

Подобная трактовка национал-социализма, слишком грубо искажающая историческую действительность, не могла долго существовать в качестве преобладающей. И именно в развитии западногерманской историографии национал-социализма во второй половине 50-х гг. наблюдаются сдвиги, явившиеся началом сдвигов в историографии ФРГ в целом. Расширение круга доступного историкам архивного материала, накопление большого количества фактов, успешное изучение национал-социализма марксистской исторической наукой привели к пересмотру ряда стандартных тезисов буржуазной историографии фашизма.

В западногерманской историографии национал-социализма преобладающее влияние постепенно переходит к историкам-либералам. Для них характерно стремление к более тонкой и гибкой интерпретации национал-социализма, учитывающей и социально-экономическую сторону событий, и связи гитлеровцев с монополистическими кругами. Такая, более научная, интерпретация создавалась для более эффективной борьбы с марксистской трактовкой германского фашизма. Признание того, что экономическая политика германского фашизма была продолжением и «усилением» тенденций к «монополизации и устранению свободной конкуренции», наблюдавшихся с начала века, характерно и для статьи Дитмара Петцины «К интерпретации мирового экономического кризиса в Германии», замыкающей сборник. В работах ряда историков-либералов (например, К.Д. Брахера) проявляются и определенные гуманистические, антифашистские тенденции, стремление извлечь более или менее реалистические уроки из прошлого.

В конце 50-х — начале 60-х гг. наиболее видные представители историков-либералов — Г. Ротфельс, Т. Шидер, К.Д. Эрдман, В. Конце и др. — занимают ключевые позиции в руководстве организациями

и учреждениями исторической науки, в редакциях важнейших исторических журналов, тесно сотрудничают с правительственными и полуправительственными учреждениями [11].

На усиление позиций историков-либералов оказали большое влияние и изменения на международной арене и в политической жизни самой Западной Германии. Обнаружившийся в этот период кризис империалистической политики «с позиции силы», первые проявления начинающейся разрядки в международных отношениях, все более явная бесперспективность внешнеполитического курса ХДС/ХСС, активизация демократического движения в ФРГ — все это требовало перехода к более гибким и пластичным методам идеологической защиты интересов западногерманской буржуазии, большего учета реальностей как настоящего, так и прошлого.

Конечно, либерализм значительной части этих историков, особенно представителей старшего поколения, был чисто внешним. Он может быть охарактеризован как «псевдолиберализм», а иногда и как всего лишь либерально окрашенный консерватизм. Часть западногерманских историков продолжает стоять на сугубо консервативных позициях, хотя число их неуклонно сокращается. Тем не менее развитие и укрепление либерального направления в историографии ФРГ явились важными показателями дифференциации среди идеологов западногерманской буржуазии и в кругах самих господствующих классов Западной Германии. В определенном смысле оно явилось одним из симптомов перехода значительной части их к реалистической внешней политике и более гибкому маневрированию в социальной и политической областях внутри страны, осуществляющемуся после прихода в 1969 г. к власти правительства СДПГ/СвДП.

Следует также отметить, что логика ожесточенной борьбы с наиболее реакционными силами, развернувшейся как в области политического курса, так и в области идеологии и достигшей особой остроты в период дебатов по вопросу о ратификации договоров с СССР и ПНР, вела к тому, что ряд представителей либерального направления в историографии ФРГ переходил на более четко выраженные реалистические позиции в оценке событий недавнего прошлого. В работах некоторых из них стали проявляться определенные демократические тенденции. Влияние политической борьбы на формирование «новой ведущей группы» западногерманских историков отмечает и Г. Моммзен, говоря

о «фазе усилившегося политического ангажемента», который характеризует новый этап развития историографии ФРГ [2, S. 139].

В этом новом этапе, наступившем с начала 60-х гг., Г. Моммзен выделяет два направления, отличающиеся степенью готовности к пересмотру методологического багажа немецкого историзма и традиционных клише в оценке основных событий истории Германии, но признающие необходимость такого пересмотра. Для обоих направлений характерны значительный интерес к социально-экономическим темам, к истории рабочего движения, стремление противопоставить марксизму свои идеи в тех областях, где марксизм оказывает наибольшее влияние на развитие исторической мысли. Показательно также стремление выйти за рамки «национально-государственного рассмотрения».

Для обоих направлений характерно использование данных смежных социальных дисциплин, прежде всего социологии и «политологии», а также признание возможности применения в той или иной мере количественных методов анализа общественных явлений, включая применение электронно-вычислительной техники. Немаловажное значение в этом плане имеет процесс интеграции буржуазной исторической науки, особенно влияние англо-американской историографии с ее позитивистско-прагматическими традициями.

К первому Г. Моммзен относит историков-либералов старшего поколения (термин «либеральное направление» он не употребляет), среди которых особо отмечает крупнейшего теоретика исторической мысли ФРГ Т. Шидера. Эта «вторая генерация лидеров немецких историков» послевоенного периода (к первой Г. Моммзен относит Г. Риттера и других ведущих историков-консерваторов, а также Г. Ротфельса) «привязана... к идеалистической традиции немецкой истории... (Она)... готова к усвоению социально-научных и политологических методов исследования лишь в той мере, в какой это не затрагивает основных позиций историзма и примата индивидуализирующей мотивации действий» [2, S. 145].

Ко второму направлению Г. Моммзен относит «более молодых» историков (не выделяя среди них каких-то ведущих фигур), для которых, по его выражению, «терминология идеалистической историографии стала чуждой». Это «подрастающее поколение историков... проникнуто методологическим синкретизмом первых послевоенных лет и... недостаточно осознает себя в теоретическом плане». Г. Моммзен отмечает

влияние на него теории систем, структурализма, неопозитивизма и, не в последнюю очередь, критической теории франкфуртской школы, а также современных неомарксистских теоретиков [2, S. 147—148]. При всей теоретической неопределенности и непоследовательности взглядов этих историков их более широкое, чем у представителей первого направления, обращение к социальной и экономической истории, признание некоторыми из них научной значимости марксизма, требование создания «критической истории общества» означают определенный шаг вперед, имеют прогрессивное значение.

Характерной чертой этого поколения историков ФРГ является интерес к современности. Г. Моммзен отмечает перенесение, начиная с 60-х гг., центра тяжести исторических исследований на историю современности. Если в 1953 г. Г. Ротфельс определял *Zeitgeschichte* как период 1917—1945 гг. и считал, что занятия историей, непосредственно предшествующей тому времени, в которое живет историк, вследствие недостаточной временной дистанции не могут быть научными, то «сегодня... робость перед историческим исследованием, сознательно включающимся в актуальную политическую борьбу, в значительной степени преодолена» [2, S. 142—143]. Именно этой группе западногерманских историков особенно свойствен, по словам Моммзена, «политический ангажемент».

Конечно, неправильно объяснять, как это делает Г. Моммзен, различие взглядов двух направлений, о которых он говорит, преимущественно разницей в возрасте и тем, что представители старшего поколения испытали на себе гитлеровскую диктатуру, в то время как более молодые «едва ли сознательно переживали события Второй мировой войны». Дело в том, что взгляды молодого поколения историков ФРГ формировались в обстановке углубившегося кризиса, буржуазной исторической мысли, развития демократического движения в Западной Германии, успехов марксистской исторической науки. Показательно, что по ряду вопросов, как исторических, так и политических, к ним приближаются и некоторые представители старшего поколения, сумевшие пересмотреть свои позиции. Несомненно, что выработке у этих историков более четких и последовательных взглядов мешала идеологическая атмосфера в Западной Германии. Как пишет Р. Кюнль, «фашистское господство и период капиталистической реставрации с их жесточайшим гонением на марксизм оказали сильное воздействие даже на таких ис-

ториков, которые предпринимали все усилия, чтобы преодолеть такие барьеры... знакомство с Марксом шло слишком часто через вторые и третьи руки» [12]. Тем не менее, как пишут в своей коллективной работе историки ГДР, марксистская наука рассматривает ученых, выступающих против официальной ангажированной историографии даже по частным вопросам, наряду с представителями демократического направления, как прогрессивную силу, которая в состоянии противостоять антидемократической государственно-монополистической системе средствами исторической науки [13].

Нельзя, однако, забывать, что отмечаемые реалистические и демократические тенденции развиваются на фоне сохранения традиционным идеалистическим историзмом достаточно сильных позиций в западногерманском буржуазном обществоведении [14]. Заявления его влиятельных представителей о необходимости идейно-теоретического перевооружения нередко оборачиваются весьма поверхностной модернизацией старых принципов, не затрагивающих их существенного содержания. Так, в частности, обстоит дело с таким основополагающим принципом немецкого идеалистического историзма, как принцип индивидуализации. Вслед за Ф. Мейнеке, Э. Трельчем и Г. Риттером в новейшей западногерманской историко-теоретической литературе по-прежнему утверждается, что идеал исторического познания заключается в том, чтобы «понять самое явление в его неповторимости и исторической конкретности» [15], а «первая цель истории есть познание ситуаций в их неповторимом своеобразии» [16].

Сильные позиции в западногерманской историографии сохраняет герменевтика историзма. «Понимание, особенно в немецкой научной традиции, — подчеркивает К.-Г. Фабер, — является ключевым понятием наук о духе и, тем самым, также истории» [17]. Фабер подвергает обстоятельной критике так называемую нормативную герменевтику, убедительно показывает несостоятельность попыток ее ведущих современных представителей, таких как Г.Г. Гадамер, Ю. Хабермас и А. Вельмер, развивать «великую герменевтическую традицию XIX — начала XX в.», приспособив ее к современному состоянию теории исторического знания. Он раскрывает неисторичность «нормативной герменевтики», ее иррационализм подчеркивает, что границы исторического понимания обусловлены тем, что даже контролируемое понимание дает лишь вероятностное знание о прошлом [18]. «Историческая

герменевтика» у Фабера выступает как попытка обновления одного из важнейших принципов немецкого идеалистического историзма ценою серьезного пересмотра его содержания. Показательно, что, отвергая присущие традиционной герменевтике иррационализм и релятивизм, Фабер тем не менее считает необходимым сохранить в арсенале исторической теории эту категорию.

Таким образом, даже те западногерманские ученые, которые признают научную несостоятельность тех или иных принципов немецкого идеалистического историзма, не только решительно не порывают с ним, но и видят свою задачу в том, чтобы в определенных границах и в модифицированной форме сохранить его позиции в современной исторической науке [19]. В такой атмосфере открытая и достаточно последовательная (в определенных границах, обусловленных исходными мировоззренческими позициями) критика немецкого идеалистического историзма, предпринятая на страницах рассматриваемого сборника, приобретает принципиально важное значение.

В наиболее развернутом виде она ведется Фирхаузом. Констатируя факт «давно идущего, но теперь обострившегося процесса разложения историзма» [2, S. 11], он делает заслуживающую внимания попытку раскрыть причины, вызвавшие безысходный кризис этой своего рода официальной методологии немецкой буржуазной историографии. Он подчеркивает неспособность идеалистического историзма удовлетворительно понять и объяснить сложную мотивированность коллективной человеческой деятельности и поведения в их конкретности. Причину этого он усматривает в ориентации немецкого идеалистического историзма на индивидуалистическое понимание деятельности, а главное — в истощении и дискредитации его философской базы. Фирхауз справедливо подчеркивает, что учение исторического идеализма о понимании делало познание художественно-интуитивным, а не методическим и проверяемым актом. «Потому оно не пришло через описание и субъективное истолкование к объяснению, которое одно делает познание научным» [2, S. 13]. Фирхауз поднимается до осознания «несовременности» идеалистического историзма, его неспособности объяснить явления современного мира, происходящие в нем перемены.

Авторы сборника отвергают традиционное для немецкой общественной мысли представление об истории как индивидуализирующей науке, неспособной давать объективно-истинное отражение прошлого

и оперирующей преимущественно иррациональными средствами его понимания. В этом плане существенное значение имеет отрицание принципиального различия между историческим и естественно-научным познанием. Фирхауз указывает на отсутствие принципиального различия между историческим познанием и какой-либо другой формой научного познания в отношении условий, в которых находится познающий субъект, и преследуемых им целей. Будь это физик, историк или философ, подчеркивает он, каждый в своем стремлении к научному (т.е. методически осуществляемому, рационально обоснованному и контролируемому) познанию принадлежит своему времени, на каждого влияет его социальная среда, состояние науки и его собственные мотивы. Отмечая известные различия между этими формами познания, заключающиеся в том, что предмет историка недоступен точным измерениям и не знает идентичных повторений, а сам он ведет себя по отношению к своему предмету иначе, чем физик, Фирхауз тем не менее указывает на несостоятельность постулата о принципиальном различии между познанием естественных процессов и человеческой деятельности [2, S. 9–10].

Тенденция к преодолению пропасти между историческим и естественно-научным познанием сказывается в усвоении западногерманской историографией количественных методов исследования. В современной историографии ФРГ все шире распространяется убеждение в возможности и даже необходимости использования в историческом исследовании естественно-научной методики.

Несмотря на известное отставание в этом отношении от ряда других западных стран, буржуазная историография ФРГ сегодня может говорить об определенных успехах в области использования количественных методов исследования [20]. Обобщая эти успехи, Фирхауз указывает на появление в исторической науке особого направления, имеющего дело прежде всего с применением количественных методов, характерным образом усматривая их значение в повышении меры объективности исторического познания. «Чем сильнее, — утверждает он, — в науках о культуре и социальных науках выдвигается требование точности и проверяемости результатов, чем важнее исключить субъективный элемент, тем больше требуются «объективные» и свободные от соотнесения их с теми или иными ценностями методы познания, которые должны устанавливать структурные и генетические закономерности»

[2, S. 10]. Он настойчиво подчеркивает, что современная историческая наука не может ограничиваться методом филологической критики текстов и интуицией. «Она должна работать с теориями, которые раскрывают последовательность исторических событий и сложную структуру действия исторических связей. И она должна привлекать те методы, с помощью которых прошлое может ответить на поставленные сегодня вопросы» [2, S. 7]. В поисках таких методов определенная часть историков ФРГ все решительнее обращает свои взоры к познавательному арсеналу естественных наук.

Вместе с тем необходимо отметить, что данная тенденция имеет и свои негативные стороны. Сближение исторического и естественно-научного познания подчас оборачивается усилением релятивистских тенденций в буржуазной историографии, под которые подводится естественно-научный фундамент. Тем не менее представляется возможным утверждать, что сближение исторического и естественно-научного познания в целом является научно плодотворным. При всех сопутствующих ему негативных явлениях оно содействует дальнейшей дискредитации обветшавших принципов немецкого идеалистического историзма, в частности отказу от пресловутого идиографизма [21].

Одним из важнейших аргументов в пользу сближения исторического и естественно научного познания является признание возможности получения объективно-истинного знания о прошлом. Как известно, на смену господствовавшим в 30—50-х гг. XX в. в буржуазной историографии субъективистским и релятивистским взглядам в настоящее время приходит признание, хотя далеко не единодушное и последовательное, возможности объективного познания прошлого [22].

Проблема *объективности* исторического познания стала предметом оживленной полемики в современной историографии ФРГ, отражающей реакцию против недавнего засилья релятивистских и субъективистских взглядов, фактически отвергавших возможность существования истории как науки и делавших бессмысленным само занятие ею [23]. Такие взгляды не только вступали в неразрешимое противоречие с историографической практикой, но и, по существу, затрудняли выполнение буржуазной наукой ее социальной функции.

Авторы сборника убеждены, что историческая наука способна давать истинное знание о своем предмете. Наиболее отчетливо эта точка зрения формулируется в статье Гезы Альфёльди «Смысл древней исто-

рии». Признавая действительные трудности, стоящие перед исследователем античности, автор в то же время выступает *против* утверждения об отсутствии «объективной» древней истории и доказывает, что история античности в своей основе научно *познаваема*.

Современная критика исторического субъективизма не является, однако, простой рецепцией традиционного буржуазного объективизма. В отличие от последнего современные «неообъективисты» уделяют значительное внимание проблеме *взаимоотношения между объектом и субъектом* познания, пытаясь именно в этой плоскости решить проблему истинности исторического познания. Так, Фирхауз указывает на три гносеологические позиции, существующие в решении вопроса о взаимоотношении между познающим субъектом и объектом познания: безусловно, отвергая представление, что историк является простым регистратором свершившихся событий, и взгляд, согласно которому познающий субъект конструирует свой предмет, вкладывая смысл в аморфную массу явлений прошлого, он противопоставляет плоскому объективизму и бесплодному субъективизму третью позицию, основанную на признании взаимодействия между предметом познания и познающим субъектом [2, S. 9].

Характеризуя взаимоотношения между познающим субъектом и объектом исследования, авторы сборника обращают внимание на то, *как современность влияет на познание исторического прошлого*. Именно этот вопрос является излюбленным предметом спекуляций релятивистов и презентистов, низводящих историю до роли простой функции современности [24]. С существенно иных позиций рассматривают его авторы сборника. Для них влияние современности — один из необходимых компонентов научного исторического познания, обуславливающих возможность достижения научной истины. В этом плане представляет научный интерес постановка вопроса Альфёльди о «представлении об истории» (*Geschichtsbetrachtung*) как одном из факторов, влияющих на возможности и границы исторического познания. Определяя это понятие как «наше понимание формирующих историю сил, характера и смысла процесса исторического развития», Альфёльди подчеркивает, что «представление об истории» связано с принадлежностью историка к известной общественной группе, «духом времени», идеологией и другими так называемыми «вненаучными факторами» и оказывает огромное влияние на интерпретацию истории. Он считает,

что такое влияние нельзя квалифицировать как релятивизм исторического познания; напротив, оно является благотворным, так как именно благодаря ему историческая наука имеет возможность шагать в ногу с требованиями своего времени, расширяя границы теоретико-познавательных возможностей.

Однако проблема объективности исторического познания в рамках буржуазной методологии не может быть решена удовлетворительно. Отказываясь от исследования социальных и гносеологических предпосылок объективного знания о прошлом и тем самым от четкой постановки вопроса об объективности исторического познания, перенося центр тяжести в сферу морального должностования, буржуазные теоретики неизбежно делают серьезные уступки релятивизму и субъективизму, подменяя проблему предпосылок, обеспечивающих достижение объективной истины в истории, проблемой веры в возможность истины в истории. Так, Альфёльди утверждает, что «каждое поколение ученых само должно находить историческую истину — или то, что для него является истиной... Каждое поколение исследователей должно верить, что его представление об истории лучше, шире, научно обоснованнее, чем те, что были в прошлом, что оно, таким образом, в состоянии лучше, чем прежние поколения, познать, понять и интерпретировать исторический процесс» [2, S. 39]. Такой ход рассуждений оставляет возможность для релятивистского истолкования природы исторического познания, ибо если историческая наука оперирует только истинами, пригодными для одного поколения, трудно говорить о возможности объективного познания прошлого.

Проблема социальной значимости исторической науки является одной из самых острых в современной буржуазной историографии. Ее развернутое обоснование составляет лейтмотив почти всех статей сборника. Задаваясь вопросом, для чего нужна история, и подчеркивая, что несколько десятилетий назад, когда выдающееся общественное значение истории было общепризнанным, этот вопрос сочли бы абсурдным, Фирхауз признает, что сегодня история подвергается нападкам за то, что ничего не сделала для правильной ориентации социальной деятельности в настоящем и для формирования (*Gestaltung*) будущего [2, S. 17]. Он пишет о «нередко вымученных усилиях историков утверждать свою методологическую самостоятельность перед лицом других социальных наук» и «высокомерных требованиях неисториков» пре-

вратить историю в направленные на прошлое социологию и политологию. Отвергая эти нападки, он подчеркивает социальную полезность истории, включая этот аспект в свое определение исторической науки.

Г. Моммзен также с явным беспокойством отмечает, что в наши дни «окончательно подорвана сохранявшаяся даже в первое время после 1945 г. традиционная монополия исторической науки в области «политического воспитания», что «усилилась тенденция отдать в деле общественной и политической ориентации в рамках школьного образования предпочтение перед историей политическим и социальным наукам», что «исторической науке сделан вызов, требующий от нее вновь определить свое место в системе общественных наук и дать отчет в своем методологическом самопонимании» [2, S. 124–125]. Он считает, что в целом западногерманская историография смогла отразить этот натиск.

Обращает на себя внимание особенно настойчивое стремление авторов сборника обосновать социальную значимость истории древнего мира и средних веков. Отмечая большой интерес к проблемам античной истории, вызывающим оживленные дискуссии, Альфёльди пишет, что античная история является органической частью всей исторической науки, без которой не могут существовать остальные разделы, в том числе и новая история; благодаря своей методике работы с источниками она имеет большое значение для других исторических дисциплин как своеобразная школа работы историка. «Поскольку европейская цивилизация выросла из античности, без знания древней истории нельзя понять ее существенные черты, ее нормы и институты, ее культуру. Следовательно, история античности является необходимой предпосылкой для всякого исторического знания, в том числе и знания современности; наконец, древняя история имеет большое значение для воспитания универсально-исторического образа мышления.

Общественной функции античной истории посвящен специальный раздел статьи Альфёльди. Автор подчеркивает влияние изучения древней истории на образ мышления и сознания общества, а тем самым на его образ поведения и деятельности. История античности вносит свой вклад в разъяснение вопроса, чем, собственно, является человек, а следовательно, и в укрепление духовного здоровья общества.

С аналогичных позиций написана статья Ф. Зейбта «Актуальна ли медиевистика?». Пронизанная ностальгией по тем временам, когда немецкая буржуазная медиевистика решала актуальнейшие задачи

современности, находясь на передовых рубежах идейно-политической борьбы, статья обосновывает мысль, что и в наши дни изучение средних веков не потеряло своей актуальности, сохраняет известный общественный интерес. С удовлетворением отмечая проявляющийся в разных формах интерес современного человека к старине и ее предметам, Зейбт указывает на общественную природу этого интереса и видит значение истории средних веков в том, что она служит политическому ориентированию в современном обществе.

Как и Альфёльди, Зейбт подчеркивает, что цивилизация не может нормально развиваться без обращения к своему прошлому, познание которого необходимо для понимания настоящего. В этом плане несомненный интерес представляет его трактовка проблемы континуитета. В нашей литературе при рассмотрении этой проблемы на первый план обычно выдвигаются тщетные попытки буржуазных ученых в полемике с материалистическим пониманием истории обосновать представление о «нормальном» развитии общества как плавном, не знающем скачков эволюционном процессе. Следует, однако, отметить и другой аспект в подходе буржуазных ученых к этой проблеме. Речь идет о признании истории процессом, все звенья которого взаимосвязаны таким образом, что высшее не может быть понято без низшего. Тракуемая под таким углом зрения проблема континуитета становится одним из важнейших теоретических аргументов, обосновывающих социальную значимость исторической науки.

Именно таким представляется ход рассуждений Зейбта. Характеризуя значение истории средних веков для понимания современности и отмечая в этой связи, что средневековые общественные отношения и институты могут фигурировать как поучительный контраст к нашему миру, Зейбт указывает, что наряду с этим значение медиэвистики заключается в том, что она, как и другие разделы исторической науки, обнаруживает *не только прерывность, но и континуитет* общественного развития. Раскрывая эту мысль, он подробно рассматривает роль средних веков в формировании современного мира, что, по его убеждению, и определяет непреходящую актуальность медиэвистики.

Нельзя не признать, что такая трактовка проблем континуитета существенно отличается от широко распространенных в западногерманской историографии в первые послевоенные десятилетия и имевших хождение даже в 60-е гг. [25] взглядов, отражавших страх буржуазного

общества перед прошлым, «усталость от истории» и конструировавших непроходимую пропасть между прошлым и настоящим. Отвергая подобные взгляды, авторы сборника настойчиво проводят мысль о нерасторжимой связи времен как важнейшей объективной предпосылке выполнения исторической наукой своей социальной функции.

Эта мысль получает определенное теоретическое обоснование у Фирхауза. Подчеркивая историчность мира общественных явлений и объективно существующую вследствие этого связь прошлого, настоящего и будущего, Фирхауз указывает, что настоящее является продуктом всего исторического процесса, точно так же, как все представления о будущем, все проекции в него вытекают из опыта и ожиданий прошлого. Он решительно отвергает взгляд о «неисторичности» современного «индустриального» (или «буржуазного», поясняет ученый) общества. Напротив, утверждает он, этому обществу «требуется острое сознание историчности своего существования и мира, в котором оно живет», а это может дать только историческая наука. История дает также современной политической, социальной и ценностной системам сознание историчности и тем самым является «базисом той критики, как современности, так и техницистического планирования будущего, которая является условием свободы» [2, S. 19]. Не случайно интерпретируемый как неразрывная связь времен континуитет входит в определение истории, даваемое Фирхаузом, являясь важнейшим обоснованием ее социальной значимости.

Следует подчеркнуть, что авторы сборника, ратуя за повышение социальной значимости исторической науки, в то же время *избегают говорить о закономерности исторического процесса* как той единственной объективной основе, которая делает возможным действительно плодотворное использование современностью знания прошлого. Постулируемая ими связь времен не идет дальше провозглашения сентенций о присутствии прошлого в настоящем, о генезисе из прошлого современных структур, институтов, норм, понятий и т.п. Характерно, что недостаточность такой постановки вопроса до некоторой степени сознают даже отдельные авторы. Так, Зейбт, сетуя на падение интереса к медиевистике в ФРГ, указывает, что в Западной Германии, как и в западном мире вообще, отсутствует такой стимул для изучения средних веков, какой в социалистических странах дает марксизм, рассматривающий феодализм как необходимое звено всемирно-исторического

процесса. С этим закономерно связано отрицание общественного прогресса. Показательно, что во всем сборнике есть лишь одно упоминание о прогрессе в истории: Альфёльди цитирует высказывание испанского философа Ортеги-и-Гассета об идее прогресса как усыпляющем факторе.

Тем не менее для современного состояния западногерманской буржуазной историографии показательно само стремление укрепить социальные позиции своей науки. Сочетающиеся с критикой, хотя и непоследовательной, основополагающих принципов немецкого идеалистического историзма, оно свидетельствует об известном идейно-теоретическом перевооружении историографии ФРГ. *В обстановке относительной стабилизации западногерманского буржуазного общества возрастает требование исторического обоснования его основных ценностей.*

Авторы сборника неоднократно подчеркивают значительность той роли, которая принадлежит исторической науке в современном обществе, интерес к истории со стороны неспециалистов, широкой публики. Г. Моммзен даже начинает свою статью с оптимистического заявления о том, что «в наше время тот вклад, который вносит историческая наука в рамках социально-научного изучения общества в прояснение политического и общественного самопонимания, не является больше спорным... Исторические темы остаются предметом общественных дискуссий, находят благодаря средствам массовой информации и публицистики широкую публику, а пренебрежение к истории, которое было следствием сознания прерванного континуитета, оказалось преходящим явлением» [2, S. 124]. Вот почему буржуазная общественная мысль не может сегодня мириться с ранее распространенным нигилистическим отношением к исторической науке, выдвигая ее на передний план в современной идеологической борьбе. Вот почему, наконец, констатируя самый факт известного переосмысления западногерманской буржуазной историографией ее идейно-теоретических позиций, нельзя упускать из виду главное — *в своих исходных посылках она остается неизменной.* Идеализм и антикоммунизм по-прежнему являются теми китами, на которых стоит весь создаваемый западногерманской историографией «образ истории».

В рассматриваемом сборнике эти черты буржуазной историографии ФРГ наиболее рельефно отразились в уже упоминавшейся статье Ганса

Рооса «Отношение автократии и анархии как универсально-историческая проблема». Пронизанная мыслью о принципиальном различии форм государственного общественного устройства на Западе и на Востоке (куда автор помещает также Россию), эта статья в который раз тщетно пытается обосновать излюбленный тезис буржуазной пропаганды о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция — чисто русское явление, порожденное специфическими русскими условиями. Буржуазному Западу, убежден автор, не угрожает перспектива социалистической революции. Утверждая, что автократия как особый тип господства принадлежит к восточноазиатскому культурному кругу, и относя к ней русское самодержавие, Роос совершенно произвольно конструирует радикально отличный от Запада путь исторического развития России, главной отличительной чертой которого является несовместимость государства и общества. По его утверждению, господство самодержавия сделало невозможным существование в России действительного общества, что и послужило главной причиной победы Октябрьской революции. При этом сама революция характеризуется как порождение «вульгарного анархизма».

Деспотической автократии в статье противопоставляется утвердившаяся на буржуазном Западе «нормальная» форма государственного устройства, представляющая собою сочетание демократических и аристократических элементов. Важнейший политический урок, который можно извлечь из изучения форм государственного устройства в универсально-историческом плане, состоит, по убеждению Рооса, именно в том, что весь опыт истории якобы доказывает необходимость такого сочетания как обязательного условия, предотвращающего вырождение как демократии (в охлократию), так и аристократии (в олигархию). Заявляя, что в настоящее время вырождение демократии в «господство черни» возможно еще чаще, чем в античности, он видит источник стабильности современной демократии в ее сотрудничестве с аристократическими элементами. «Об этом, — завершает свои рассуждения автор, — должен думать каждый политик и каждый историк» [2, S. 114].

Попыткой своеобразного историко-теоретического обоснования выдающейся роли аристократического элемента в истории является опубликованная в сборнике статья Альфреда Фризе «К вопросу о господстве знати в раннее средневековье», отражающая взгляды, получившие

широкое распространение в современной западногерманской медиевистике [26]. Утверждая, что «господство в различной форме и с различной степенью интенсивности является основным феноменом истории человечества», автор стремится на материале раннего западноевропейского средневековья обосновать тезис об изначальной предызбранности знати к политическому и социальному господству. Господство знати во всемирно-историческом плане образует тип так называемого харизматического господства, при котором «руководящие качества, передаваемые по наследству», не нуждаются в рациональном обосновании, так как они проявляются в магически сакральном культе предков.

Так, мистифицируется действительно серьезная научная проблема происхождения социально-политического господства знати, а сама знать превращается в некий универсально-исторический феномен, не подлежащий рациональному осмыслению.

Статьи Фризе и Зейбта представляют для советских медиевистов особый интерес, так как позволяют до некоторой степени судить о том, насколько новые тенденции, наметившиеся в историографии ФРГ, затронули медиевистику.

На наш взгляд, история средних веков принадлежит к тем разделам западногерманской буржуазной историографии, в которых эта тенденция прослеживается относительно слабо. Вплоть до настоящего времени здесь сохраняют свои позиции традиционно влиятельные в немецкой буржуазной медиевистике консервативные и откровенно реакционные течения.

Тем знаменательней появление в последние годы в медиевистике ФРГ более реалистических тенденций в освещении некоторых существенных проблем средневековой истории. В особенности показательно возникновение подобных тенденций в подходе к такой кардинальной проблеме всей немецкой истории, как Реформация и Крестьянская война, в трактовке которой в немецкой буржуазной историографии всегда господствовали научно- и политически-реакционные взгляды, восходящие еще к Ранке и трактовавшие борьбу народных масс как выступление асоциальных, разрушительных сил. Такие взгляды продолжают до настоящего времени доминировать в буржуазной историографии ФРГ. Но наряду с этим в ней начинается известная переоценка традиционных представлений, которая затронула даже трактовку образа Т. Мюнцера. Если еще совсем недавно вождя народной реформации

трактовали как «смесь демагога и дилетанта», как олицетворение чуждого немецкой истории разрушительного начала, то в появившихся в последние годы публикациях он получает широкое признание, правда лишь как религиозный деятель [27].

Следует отметить и определенные теоретические поиски западногерманских медиевистов, которые идут в русле характеризуемых нами общих тенденций теоретического перевооружения современной буржуазной историографии ФРГ. В рассматриваемом сборнике эти поиски нашли отражение в статье Зейбта. Защищая тезис об актуальности медиевистики в современном обществе, западногерманский ученый указывает на значение истории средних веков для теоретического осмысления актуальных проблем современности. Автор пишет о генерализирующей функции исторической науки, отходя, по существу, от традиционного идиографизма. Зейбт говорит о необходимости вывести рассмотрение исторического процесса из сферы простого описания, чтобы раскрыть его как *каузальный процесс*. Только показав ход исторических событий в его причинной связанности с их определенными предпосылками, можно осмыслить всю систему структур, составляющих современное общество. Для решения этой задачи может немало дать знание средних веков, ибо они предоставляют в наше распоряжение ценный материал, помогающий решить проблему образования современных структур.

Новые явления в западногерманской буржуазной историографии нашли яркое выражение в заметном изменении ее отношения к марксистской исторической науке вообще и к историографии ГДР в частности. Авторы сборника неоднократно касаются вопросов взаимоотношений с марксистской исторической наукой, оценки достигнутых ею результатов.

В настоящее время огульное отрицание достижений марксистской историографии, бездоказательное охаивание ее методов, недавно еще преобладавшее в историографии ФРГ, как и в западной исторической мысли вообще, безвозвратно ушли в прошлое. Этим продолжают заниматься лишь закоснелые зубры «холодной войны», каковых среди серьезных историков Запада становится все меньше. Еще в начале 60-х гг. некоторые видные западногерманские историки были вынуждены констатировать крупные достижения марксистской исторической мысли, особенно в таких областях, как изучение экономической и социальной

истории [28]. Авторы популярного словаря-справочника по истории, изданного впервые в 1962 г. и явившегося как бы программным документом либерального направления, должны были признать «отдельные достижения» даже исторической науки ГДР, которая по политическим соображениям особенно третировалась в буржуазной историографии ФРГ [29]. Во второй половине 60-х — начале 70-х гг. в западногерманских журналах начинают появляться рецензии и обзоры марксистской исторической литературы, в которых предпринимается более или менее объективный ее анализ [30]. Сошлемся в качестве примера на содержательную рецензию К. Рейнделя, опубликованную в ведущем западногерманском историческом журнале, на книгу известного медиевиста из ГДР Э. Мюллер-Мертенса, посвященную генезису раннефеодального немецкого государства. Отмечая, что эта книга историка-марксиста является «идеологически целенаправленным трудом», рецензент тем не менее дает ей высокую оценку, подчеркивая ее новизну и значительный вклад в разработку проблемы становления немецкого средневекового государства [31].

Показательно также участие историков из ГДР в дискуссии на тему о соотношении между капитализмом и фашизмом, развернувшейся в ФРГ в конце 60-х гг. В 1971 г. со статьей, воскрешающей в памяти времена огульного охаивания марксистской концепции истории, выступил один из наиболее реакционных историков ФРГ В. Тройе [32]. В ней он попытался «расправиться» с теми исследователями-марксистами ГДР (Д. Эйххольц, Э. Чихон и др.), работы которых как раз позитивно были оценены рядом историков ФРГ. Несомненно, что она была направлена в первую очередь против последних. Однако выпад В. Тройе на сей раз встретил резкую отповедь. Т. Мэзон, отмечая успехи ученых ГДР в изучении экономической истории Германии, констатировал, что изучению ее в ФРГ препятствует «частная собственность на крупнейшие промышленные предприятия». Огульные нападки Тройе на историков ГДР, по его мнению, мешают дискуссии между «коммунистическими и некоммунистическими» историками, полезность которых для него не подлежит сомнению [33]. Г. Моммзен в рассматриваемом сборнике пишет, что «западногерманская наука преодолела фазу голого противоборства с коммунистической историографией», и заявляет о заинтересованности историков ФРГ «в интенсивной совместной работе» с историками ГДР и даже о «неотложной необходимости более

тесных контактов с исторической наукой ГДР» [2, S. 155]. В статье, помещенной в другом сборнике, он же пишет о «преодолении» первоначально чисто полемического отношения к марксистско-ленинской историографии, научные достижения которой «несмотря на ее строгую идеологическую направленность, сегодня общепризнанны» [34].

Признание успехов марксистского исторического исследования, полезности контактов и дискуссий с его представителями в целом, безусловно, имеет позитивное значение. В то же время оно свидетельствует о стремлении буржуазной историографии вести борьбу с марксистской интерпретацией истории более гибкими и тонкими методами, вести ее на ее же плацдармах, прежде всего в области социально-экономических исследований, используя при этом как «старые», так и современные методы и аргументы, выискивая малейшие промахи историков-марксистов для дискредитации «коммунистической» историографии вообще. Это лишний раз требует повышения качества исследований историков-марксистов, тщательной разработки ими методологических проблем исторической науки, принципиальной и аргументированной критики как старых, так и «новых» вариантов буржуазной исторической идеологии.

---

1. Мы не можем согласиться с характеристикой состояния западногерманской буржуазной историко-теоретической мысли, которую дает *М.А. Барг* (Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973. С. 29: «Главное, что объединяет все их суждения в единый... тип, заключается в полной удовлетворенности нынешним состоянием исторической науки — и идеографической, и событийной. В них нет ни намека на критику неокантианской исторической методологии...»). Мы надеемся показать, что действительная картина современного состояния теоретических исканий западногерманской буржуазной историографии является гораздо более сложной.

2. *Probleme der Geschichtswissenschaft*. Düsseldorf, 1973.

3. См. статьи: *Р. Фирхауз* «Что такое история?», *Г. Мильденбергер* «История и первобытная история», *Г. Альфельди* «Смысл древней истории», *Ф. Зейбт* «Актуальна ли медиевистика?» и *Г. Моммзен* «К развитию историографии нового времени в Федеративной Республике» // *Probleme der Geschichtswissenschaft*. Düsseldorf, 1973.

4. См. статьи: *А. Фризе* «К вопросу о господстве знати в раннее средневековье», *Г. Роос* «Отношение автократии и анархии как универсально-историческая проблема», *А. Тимм* «Вопросы истории науки и хозяйства на примере XVIII в.» и *Д. Петцина* «К интерпретации мирового экономического кризиса в Германии».

5. В историографию нового времени *Г. Моммзен* включает, как и другие западногерманские авторы, и историографию новейшего времени.

6. См.: *Lozek G., Syrbe H.* Geschichtsschreibung kontra Geschichte. Berlin, 1964; *Черкасов Н.С.* К оценке современного состояния западногерманской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4. Томск, 1966; *Unbewältigte Vergangenheit.* Berlin, 1977.

7. Нельзя согласиться с встречающимся в нашей литературе взглядом, относящим возникновение немецкого идеалистического историзма к концу XIX в. (см.: *Толокнов В.* «Историзм» как методологическая концепция в немецкой буржуазной исторической мысли // Вопросы методологии истории и историографии. Вып. 3. Томск, 1974. С. 57). Его основные принципы были сформулированы уже в начале прошлого столетия *В. Гумбольдтом* в известной работе «О задачах истории» (1821) и нашли наиболее яркое воплощение и последующее развитие в историографической практике так называемой исторической школы права и школы *Л. фон Ранке*. О немецком идеалистическом историзме, его эволюции и кризисе см. содержательные исследования американского историка *Дж. Иггера: Iggers G.* The Dissolution of German Historism /Ideas in History/ Durham, 1965; *idem.* The German Conception of Historical Thought from Herder to the Present. Connecticut, 1968 (нем. пер.: *Deutsche Geschichtswissenschaft.* München, 1971).

8. *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946; *Ritter G.* Geschichte als Bildungsmacht. Stuttgart, 1946; *Dehio L.* Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld, 1948.

9. *Ansichten einer künftigen Geschichtswissenschaft.* Teil I. Hrsg. von J. Geiss, R. Tamchina. München, 1974; *Kühnl R.* Zur Lage der Geschichtswissenschaft in der BRD // Blätter für die deutsche und internationale Politik. 1975. Hf. 1. S. 98; ср.: *Данилов А.И.* Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ // Средние века. Вып. XV. 1959.

10. Конечно, в действительности имела место не «коллораация» этих социальных групп с фашистским режимом, а его активная поддержка ими. Не столько они приспособлялись к нацизму, сколько нацизм приспособлялся к ним, выражал их интересы. Тем не менее сама постановка одним из ведущих представителей буржуазной историографии ФРГ вопроса о «замазывании» классового содержания фашизма и ответственности за него господствующих классов Германии весьма показательна и свидетельствует об усилении реалистических тенденций в ней (ср. также: *Mommsen H.* Beamtentum im Dritten Reich. Stuttgart, 1966).

11. См.: *Lozek G., Syrbe H.* Op. cit. S. 6–7; *Unbewältigte Vergangenheit.* S. 93.

12. *Kühnl R.* Op. cit. S. 101.

13. *Unbewältigte Vergangenheit.* S. 479.

14. См.: *Патрушев А.И.* Традиции «немецкого историзма» в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы истории. 1975. № 10.

15. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1860. S. 2.

16. *Hedinger H.-W.* Subjektivität und Geschichtswissenschaft. Grundzüge einer Historik. Berlin (West), 1969. S. 217.

17. *Faber K.-G.* Theorie der Geschichtswissenschaft. München, 1972. S. 109.

18. Ibid. S. 109–146.

19. Ср.: *Schieder T.* Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte // Historische Zeitschrift. 1962. Bd. 195. Hf. 2. S. 273.

20. См.: *Arnold K.* Geschichtswissenschaft und elektronische Datenverarbeitung. Methoden, Ergebnisse und Möglichkeiten neuer Hilfswissenschaft // Historische Zeitschrift. Beiheft 3. München, 1974; *Воронцов Г.А.* Некоторые новейшие направления в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы истории. 1974. С. 73–84.

21. Убеждение о необходимости использования количественных методов в историческом исследовании свидетельствует о практическом признании определенной ее частью несостоятельности традиционного понимания истории как индивидуализирующей науки.

22. См.: *Могильницкий Б.Г.* О некоторых тенденциях развития современной буржуазной исторической мысли // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 7–8. Томск, 1972. С. 62–63; *Шарифжанов И.И.* Проблема объективности в современной англо-американской буржуазной историографии и философии истории // Там же. Вып. 9. Томск, 1974.

23. Ср.: *Junker D., Reisinger P.* Was kann Objektivität in der Geschichtswissenschaft heißen und wie ist sie möglich? // Historische Zeitschrift. 1974. Beiheft 3. S. 1–2.

24. См.: *Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. С. 140–142; *Ирибаджаков Н.* Клию перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 305–308; *Loesdau A.* Der Präsentismus in der bürgerlichen Historiographie der USA // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1966. Hf. 7; *idem.* Globalstrategie und Geschichtsideologie. Berlin, 1974. S. 61–76.

25. См., например: *Lauer H.E.* Die Forderungen des 20. Jahrhunderts an die Geschichtsforschung. Freiburg im Brsg., 1966. S. 1–6; Ср.: *Kuhn A.* Geschichte – eine Bildungsmacht // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1969. Hf. 8. S. 449.

26. Марксистскую критику этих взглядов дал А.И. Неусыхин (см.: Средние века. Вып. 20. 1961. С. 294–300; См. также: *Барс М.А.* Проблемы социальной истории... С. 144–146).

27. О современном состоянии изучения Реформации и Крестьянской войны в историографии ФРГ см.: *Unbewältigte Vergangenheit.* S. 132–143. Автор этого раздела М. Штейнмец констатирует появление в Западной Германии «прогрессивных сил среди историков и теологов, изучающих Реформацию» (S. 135). См. также: *Steinmetz M.* Thomas Müntzer in der Forschung der Gegenwart // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1975. Hf. 6. S. 670.

28. См.: *Torke H.J.* Die deutsche Geschichte in den Büchern der Swjetunion. Braunschweig, 1963. S. 1.

29. *Geschichte.* Fischer-Lexikon. Fr. a. M., 1965. S. 132.

30. См. особенно: *Neue politische Literatur.* Villingen. 1970. Hf. 4; 1973. Hf. 2.

31. См.: *Reindel K. (Rez.).* E. Müller-Mertens. Regnum Teutonicum. Aufkommen und Verbreitung der deutschen Reichs- und Königsauffassung im früheren Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1974. Bd. 218. Hf. 1. S. 111–113.

32. *Treue W.* Zur jüngeren Wirtschaftsgeschichtsschreibung in DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1971. № 31.

33. *Mäson T.* Zur politischen Relevanz historischer Theorien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1972. № 20.

34. *Geschichtswissenschaft* in Deutschland. München, 1974. S. 144. Примером плодотворных научных контактов между историками ГДР и ФРГ является состоявшийся в марте 1975 г. в Меммингене международный симпозиум, посвященный 450-летию Крестьянской войны в Германии. Материалы симпозиума свидетельствуют о наметившемся у ряда видных западногерманских ученых под несомненным влиянием марксистской историографии более реалистическом понимании характера Крестьянской войны и природы ее отношения к реформации. См.: *Historische Zeitschrift*, Beiheft 4 (neue Folge) — Revolte und Revolution in Europa. München, 1975.

Философия истории в работах Э. Нольте*

Пожалуй, нет среди немецких историков последних десятилетий автора, сочинения которого вызывали бы столь бурную реакцию со стороны коллег по профессии, а порой и широкой общественности, как Эрнст Нольте. Для всех его работ характерно подчеркивание их философско-исторической направленности, стремление обозначить преемственность с воззрениями М. Хайдеггера — учителя Э. Нольте, в связи не только с анализом конкретной истории изучаемого периода, но и с постижением глубочайшей сути описываемых событий (в контексте всемирной истории).

Первая его работа «Фашизм в свою эпоху» [1], написанная, по определению самого автора, с позиций «феноменологической философии», содержала резкую критику теории тоталитаризма, которая была оценена им как «приложение к холодной войне». Фашизм характеризуется им как феномен, имеющий собственную природу, как предмет самостоятельного изучения историков. В советской исторической литературе неоднократно отмечалась роль книги Нольте в кризисе доктрины тоталитаризма, который имел место в 60-е — первой половине 70-х гг. [2].

В появившейся в 1968 г. работе «Кризис либеральной системы и фашистское движение» [3] Нольте попытался дать характеристику основных черт фашизма.

В конце 60-х — начале 70-х гг. Э. Нольте приобретает широкую известность как решительный критик леворадикального студенческого

---

* Статья опубликована в сборнике: Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. Екатеринбург, 1993.

движения, развернувшегося в то время. Он становится одним из организаторов крайне правого объединения профессоров и преподавателей вузов «Свобода науки». В это же время происходит и его отказ от критики теории «тоталитаризма» — он становится одним из наиболее ревностных ее сторонников. Собственно говоря, критика этой теории у него никогда и не была последовательной. В шкале фашистских режимов он выделял степень «радикального фашизма», которую достиг лишь германский национал-социализм, приобретший, по его оценке, тоталитарные черты. Фашизм и социализм он рассматривает как комплементарные (т.е. связанные друг с другом) понятия, определяя фашизм как большое, вызванное Октябрьской революцией в России контрреволюционное движение, что, кстати, вызывало критику его со стороны других историков ФРГ, например К.Д. Брахера, говорившего даже о близости позиции Нольте марксизму [4].

В 1974 г. появилась работа Э. Нольте «Германия и холодная война» [5], в которой он отслеживает идеологические корни той глобальной конфронтации, которая являлась важнейшей чертой обстановки в мире после Второй мировой войны.

В книге «Марксизм и индустриальная революция» (1983 г.) [6] Э. Нольте показывает закономерность возникновения марксизма как ответа на происходившие в обществе Запада социальные и идеологические перемены, обусловленность форм марксизма специфической обстановкой в различных странах. В 1990 г. появилась работа «Ницше и нищезанство» [7].

Однако наибольшую известность получили взгляды Нольте в период развернувшегося во второй половине 80-х гг. «спора историков» ФРГ. Одним из поводов к спору, собственно, и стала его статья в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» в июле 1986 г. [8]. В разгар дискуссии появилась задолго до этого широко разрекламированная книга Нольте «Гражданская война в Европе» [9], выдержавшая за короткое время несколько изданий. Появился также сборник статей Нольте, посвященный самому ходу «спора историков» [10].

«Гражданская война в Европе», безусловно, является ключевой во всем творчестве Э. Нольте, его, так сказать, «книгой жизни». Она вызывала и вызывает ожесточенные споры, особенно в обстановке, когда произошло «крушение реального социализма» в СССР и странах Восточной Европы, совершилось объединение Германии, начинается качественно новый период истории Германии, Европы, да и всего мира.

Нельзя не отметить энциклопедическую универсальность познаний Э. Нольте, смелые и глубокие обобщения в его работах, меткость и афористичность многих оценок. Однако сама его концепция вызывает серьезные возражения среди многих германских историков. Дается негативная оценка ей и во многих публицистических выступлениях в печати. Примерами критической оценки работы являются развернутые рецензии на нее в журнале «Geschichte und Gesellschaft» Г. Моммзена и В. Шидера [11].

Основная идея, выражающая суть концепции Э. Нольте, заключается в том, что вся история Европы после 1917 г. определяется борьбой двух сил — коммунизма, пришедшего к власти в России, и национал-социализма, явившегося немецкой и даже в какой-то мере общеевропейской реакцией на него. При этом Гитлер «учился» будто бы у большевиков и действовал по их примеру. Критики Нольте отмечают односторонность такой концепции, оставляющей без внимания все другие события истории междувоенного периода. Г. Моммзен отмечает, что Нольте преувеличивает влияние коммунистов в Веймарской республике, «в нарисованной Нольте черно-белой картине регулярно выступают как единственно действующие лишь коммунисты и национал-социалисты, в то время как социал-демократы и националистические группировки лишь оказывали им помощь». Нольте в рамках своего дихотомического подхода к истории отказывается тем самым от системного анализа своего предмета с целью выяснения различий и сходства между исследуемыми политическими структурами [12].

Отмечается, что Нольте, по существу, оправдывает преступления гитлеровского режима их «вторичностью». Смешивая действительные факты и всевозможные домыслы и предположения, он объективно обеляет фашистский период немецкой истории, представляя злодеяния гитлеровцев, вытекающие из самой сути фашизма, нормальным, обычным явлением, сходным с тем, что было в жизни и других народов. Гитлер в связи с его антикоммунизмом выступает как представитель «Запада» против носящего «азиатские» черты большевизма. Нольте слишком приуменьшает террористический характер национал-социалистской системы, он пишет даже о «продолжавшейся либеральности существования» и даже о «сходстве с плюралистическими системами западной демократии». Метод Э. Нольте, по словам Г. Моммзена, состоит в том, что он «насильственно втискивает всю сложность полити-

ческой и общественной жизни в прокрустово ложе постулируемой им идеологической гражданской войны в масштабах всего мира». «Историческая ответственность перекладывается с немецких плеч на другие... Историографически Нольте исключает национал-социалистскую эпоху из континуитета немецкой истории» [13].

Не менее серьезной критике подвергает работу Э. Нольте В. Шидер. Он отмечает, что Нольте не удалось преодолеть фундаментальное, пронизывающее всю его книгу противоречие — между оценкой нацистского режима как сингулярного, имеющего свою особую природу феномена, и утверждением о формировании его под влиянием большевизма, его вторичностью. В. Шидер считает, что Нольте не оставляет в своей работе места для альтернативности исторического развития, говорит о его «скрытой принудительности». От «Гражданской войны в Европе», пишет он, «веет духом исторического детерминизма».

Недостатком работы Нольте В. Шидер считает ее «индифферентность», в то время как работы, посвященные истории Третьего рейха, не могут, считает он, писаться вне рамок моральных оценок. «Отказ от моральных оценок преступных действий национал-социалистов не может привести к их историческому преодолению».

Несомненно, работы Э. Нольте требуют пристального внимания и изучения со стороны нашей отечественной науки. Недавно вышла в свет его новая книга «Историческое мышление в XX веке», где он пытается проследить основные направления историко-философского мышления нашего столетия, сопоставляя при этом различные направления марксистской мысли и авторов-немарксистов.

---

1. *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

2. См., например: *История фашизма в Западной Европе.* М., 1978. С. 579–580.

3. *Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistische Bewegungen. München, 1968.

4. *Bracher K.D.* Zeitgeschichtliche Kontroversen. München, 1976. S. 15–16.

5. *Nolte E.* Deutschland und der Kalte Krieg. München, 1974.

6. *Nolte E.* Marxismus und industrielle Revolution. München, 1983.

7. *Nolte E.* Nietzsche und der Nietzscheanismus. Fr. a. M.; Berlin, 1990.

8. *Nolte E.* Vergangenheit, die nicht Vergehen will. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 6.07.1986.

9. *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Fr. a. M.; Berlin, 1987.

10. *Nolte E.* Das Vergehen der Vergangenheit. Berlin; Fr. a. M., 1987.

11. *Mommsen H.* Das Ressentiment als Wissenschaft. Geschichte und Gesellschaft, 1988. Hf. 4; *Schieder W.* Der Nationalsozialismus im Fehlurteil philosophischer Geschichtsschreibung // Geschichte und Gesellschaft. 1989. Hf. 1.

12. *Mommsen H.* Das Ressentiment als Wissenschaft. S. 495—496.

13. *Ibid.* S. 498—499.

Новый вариант старой теории (к концепции «тоталитаризма» К.Д. Брахера)*

Карл Дитрих Брахер, профессор политехнической науки и современной истории университета в Бонне (с 1959 г.) — один из крупнейших историков ФРГ. Правда, сам он считает себя, прежде всего, политологом, представителем модной сейчас на Западе «политической науки», занимающейся, по его словам, «выяснением различных политических систем, господствующих в XX веке» [1].

Авторитет Брахера среди представителей общественных наук ФРГ, да и не только ФРГ, весьма велик. В 1965—1967 гг. он был председателем западно-германского Объединения исследователей в области политических наук, являлся председателем созданной в ФРГ комиссии по истории парламентаризма и политических партий. К.Д. Брахер — член Академии наук и искусств США, Британской академии, приглашался читать лекции в Гарвардском, Стэнфордском, Принстонском, Оксфордском, Тель-Авивском университетах, высших учебных заведениях Японии [2]. Основные работы Брахера не только неоднократно переиздаются, не только имеют «большую прессу», но и, как правило, высоко оцениваются специалистами.

Надо сказать, что высокая оценка работ К.Д. Брахера имеет существенные основания. Исследования Брахера характеризуются актуальностью, злободневностью их тематики. Защитив диссертацию по проблемам идеологии ранней Римской империи [3], он почти полностью переключился на изучение недавнего прошлого Германии. Основные его сочинения посвящены проблемам истории, по которым в исторической науке ведутся наиболее ожесточенные дискуссии, имеющие акту-

---

* Полный текст статьи опубликован в сборнике: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 14. Томск, 1980.

альнейшее политическое звучание и сегодня, — проблемам возникновения, сущности и, особенно, причин прихода к власти национал-социалистов.

К числу таких работ относятся «Распад Веймарской республики» (1955 г.), «Захват власти национал-социалистами» (1960 г., совместно с В. Зауэром и Г. Шульце), «Немецкая диктатура» (1969 г.). Это — фундаментальные исследования, носящие обобщающий характер, как бы подводющие итог изучению данных проблем буржуазной историографией к моменту выхода этих работ в свет [4]. Характерным для Брахера является умение выделить основные проблемы изучаемой им темы, не погрязая при этом в массе псевдонаучных детализаций, что характерно для сочинений многих буржуазных авторов ФРГ, пишущих о фашизме. В произведениях Брахера обращает на себя внимание отточенность и изящество стиля, меткость и точность выражений. Все это сочетается с глубоким знанием источников и колоссальной литературы о фашизме (за исключением, сразу заметим, марксистской). Не случайно работы Брахера характеризуются историками ФРГ как «образцовые», как пример для подражания, как «Standartwerke» [5].

Работы Брахера отличают также публицистичность, политическая ангажированность, «сознательное стремление поставить горький исторический опыт прошлого на службу сегодняшней политической практике». О беспристрастности, независимости историка от событий своего времени для него не может быть и речи. «История и политика, — пишет он, — всегда были связаны друг с другом самым тесным образом» [6]. Без учета идейных, социальных и политических влияний на содержание научных представлений их «верность и притязания на надпартийную объективность — фикция», — отмечает К.Д. Брахер [7]. Опираясь на опыт Веймарской республики, он во многих своих работах стремится выяснить условия, обеспечивающие, на его взгляд, бесперебойное функционирование парламентской демократии в Федеративной Республике, что и является для него главной задачей «политической науки», ставшей, по его словам, «наукой демократии» [8].

Не выходя за рамки оценок национал-социализма, имеющих место в западногерманской буржуазной исторической мысли, решительно выступая против его «монокаузального» объяснения и стремясь дать ему «плюралистическое» истолкование [9], Брахер... сделал ряд важных и интересных наблюдений. Его работы сыграли важную роль в признании

частичной ответственности монополистической буржуазии за фашизм, в обращении к изучению социально-экономических аспектов предыстории нацистской диктатуры [10].

Для работ Брахера типично резко критическое отношение к национал-социализму, отповедь тем, кто пытается выискивать в нем какие-то «хорошие стороны», призыв к тому, чтобы не допустить его повторения в любой форме. Он решительно выступал против неонацизма в ФРГ, указывая на его большую опасность, на наличие в ФРГ «нацистского потенциала», и не только в лице «старых наци» [11]. Угроза демократии сегодня, как и 40 лет назад, писал Брахер в 1970 г., исходит справа, со стороны НДП [12].

В 60-е гг. Брахер решительно выступал против так называемого «чрезвычайного законодательства», против нарастания авторитарных тенденций в Западной Германии. В 1965 г. вместе с группой ученых, руководителей профсоюзов он подписал обращение против принятия «чрезвычайных законов» [13]. В появившейся в 1970 г. статье «Чрезвычайное положение» Брахер показывает, что чрезвычайные меры, ограничивающие демократические свободы, создают условия «для псевдолегального государственного переворота и диктаторского господства». «Чрезвычайное законодательство противоречит духу основного закона (Конституции ФРГ. — Н.Ч.)... Сомнительно, совместимо ли оно вообще с демократией», — пишет он, критикуя тех, кто ищет идеологическое оправдание этих законов «в страхе перед военной угрозой или в недифференцированном антикоммунизме» [14].

Положительное значение имели выступления Брахера в защиту реалистической внешней политики ФРГ, против угрозы новой мировой войны. В 1958 г. он писал, что в современных условиях «война как последнее средство реализации... национальных стремлений должна быть исключена» [15].

Реалистические оценки содержатся в его последних работах. Так, в «Кризисе Европы» он резонно отмечает, что «раскол и переселения 1945 г. были связаны с национал-социалистской политикой агрессии и катастроф», были реакцией на нее. «Требование воссоединения в границах 1937 г., — пишет он, — находилось в противоречии с внешнеполитическими реальностями, которые должны были ощущаться в возрастающей степени». Воссоединение двух германских государств, считал он, в обозримом будущем вряд ли возможно [16].

В ряде работ Брахера указывалось на роковые последствия антикоммунизма для судьбы Германии. Так, он отмечал, что борьба с «красной опасностью», которую повели в 1918–1919 гг. руководители немецкой социал-демократии, установленный ими с этой целью союз с «антиреволюционными, зачастую даже антидемократическими силами» привели не только к таким событиям, как убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург, к «кровавой ликвидации Советской республики в Мюнхене», но и явились исходным пунктом для борьбы против самой Веймарской республики, для «карьеры квартировавшего в Мюнхене ефрейтора А. Гитлера» [17]. Страх перед «большевистской опасностью после 1918 г., равно как и в 1923 г., а также после 1930 г. помешал увидеть опасность диктатуры справа», — пишет Брахер в другой работе. Он верно отмечает, что курс на превращение гитлеровской Германии в «антибольшевистский бастион», антисоветская направленность Мюнхенского соглашения 1938 г. в огромной степени способствовали возникновению Второй мировой войны [18]. Брахер писал о «сомнительной политической пользе запрета КПГ» в ФРГ в 1956 г. [19].

Подобные высказывания создали Брахеру репутацию ученого, твердо стоящего на либеральных, даже демократических позициях. При этом порой упускалось из виду, что наряду с реалистическими оценками, антифашистской позицией для Брахера характерны были также антикоммунистические выпады, неизменная защита концепции «тоталитаризма», отождествляющая фашистские режимы и реальный социализм. Правда, до начала 70-х гг. он делал акцент на необходимости борьбы с «правой разновидностью тоталитаризма».

Последние работы Брахера — «Споры о современной истории» (1976 г.) и «Кризис Европы 1917–1975» (1976 г.) [20] свидетельствуют о его резком повороте вправо, в сторону ожесточенного антикоммунизма и антисоветизма. Их автор публично отрекается от тех позиций, которые он защищал несколько лет тому назад, объявляет их ошибками. Как пишет в хвалебной рецензии на «Споры...» граф П. Кильманзег (сын командующего вооруженными силами НАТО в Центральной Европе в 1966–1968 гг.), «читатель поражен, что такой либерал, как К.Д. Брахер, столь спокойно рассматривает трудности», связанные с реализацией принципов демократии в Западной Германии [21].

«Споры о современной истории» представляют собой сборник статей, написанных Брахером в 1973–1975 гг. Подобные сборники,

включающие статьи за ряд лет, публиковались им раньше («Германия между демократией и диктатурой» — 1964 г., «Немецкая дилемма» — 1971 г. и др.). Однако раньше это были сборники статей, уже опубликованных, в различных изданиях и знакомых читателям. Как уже отмечалось, для них были характерны реалистические оценки, выступления против фашистской опасности. В данный же сборник включены статьи, ранее нигде не публиковавшиеся, остававшиеся в письменном столе автора.

В отличие от предыдущих сборников статьи рассматриваемого строго систематизированы, в них практически отсутствуют повторения. Это позволяет предположить, что автор стремился дать сразу более или менее цельную картину своих пересмотренных взглядов, которые на сей раз имеют весьма реакционную политическую направленность. Как пишет П. Кильманзег, «Брахер не оставляет никакого сомнения в том, что он ведет «споры о современной истории» с политическими намерениями» [22]. Суть их, по словам другого рецензента (И. Дюффлера), в том, что «Брахер защищает демократию Федеративной Республики от критики со стороны левых» [23]. При этом, по словам самого Брахера, «не следует страшиться распространенного упрека в антикоммунизме» [24].

Книга содержит непривычную в устах Брахера ругань в адрес «левых интеллектуалов», для которых «стало модой отрицать всякое сравнение... между фашистско-национал-социалистской и коммунистической диктатурами» [25].

Брахер отрекается от прежних своих возражений против «чрезвычайного законодательства». Оно, считает он теперь, ни в коем случае не означает ограничения демократии, а напротив, соответствует «духу основного закона» в плане борьбы с «экстремизмом». Оправдывает он и «запрет на профессии», как средство не дать коммунистам использовать «преимущества права свободной демократии для ее преодоления» [26].

Расточая всевозможные похвалы в адрес «демократии», созданной во «Второй республике» (так многие авторы ФРГ называют нынешнее западногерманское государство), Брахер пишет, что достигнутые в этих условиях «степень свободы и благосостояния... немыслимые до сих пор в немецкой истории», делают безосновательными опасения относительно «возврата к додемократическим отношениям». «Опасность диктатуры устранена в политической системе Второй республики настолько, насколько это вообще возможно». Преемственность авторитарной

традиции, которая была заметна до конца 60-х гг., наконец прервана. Те, кто возмущаются «удалением радикалов с общественной службы... легкомысленно или ошибочно идентифицируют мероприятия по защите свободно-демократического конституционного порядка», пишет Брахер, с «традициями немецкой диктатуры», от которых «вторую немецкую демократию отделяет глубокая пропасть». Нет нужды доказывать, насколько «легкомысленными или ошибочными» выглядят эти выводы на фоне новой волны неонацистской активности в ФРГ, реабилитации средствами литературы, публицистики, кино и т.д. гитлеризма, усиления преследований «инакомыслящих» и «подозрительных», особенно в связи с известными акциями террористов во второй половине 1977 г.

Идиллическая картина «второй немецкой демократии», рисуемая Брахером, позволяет ему сделать тот главный вывод, который он и стремится обосновать на протяжении всей книги: «Применение коммунистическими агитаторами и псевдонаучными теоретиками в Федеративной Республике теории фашизма (т.е. рассмотрение фашизма как одной из форм господства монополистического капитала. — Н.Ч.) теряет в наши дни всякую точку опоры» [27]. В журнале западногерманских марксистов Ф. Краузе совершенно справедливо пишет, что сборник статей Брахера, охарактеризованный самим автором как «критика современной критики теории тоталитаризма» [28], «служит нарастающему в настоящее время (идеологическому) оснащению антикоммунизма» [29].

Та резко антикоммунистическая направленность, которая характерна для «Споров о современной истории», определяет и изложение конкретных событий европейской истории в написанном Брахером 6-м томе «Истории Европы», выпускаемой известным издательством «Пропплен». Книга настолько насыщена самыми грубыми, примитивными штампами антисоветской и антикоммунистической пропаганды, что диву даешься, сравнивая с этим сочинением спорные, но тонкие, аналитические, аргументированные работы автора 50–60-х гг. Это и рассуждения о «русском империализме», непрерывная линия развития которого будто бы продолжается с XVII в. до сих пор; и утверждения о «путчистском» характере Октябрьской революции 1917 г. в России, которая якобы «противоречила» теории марксизма; это и характеристика современного левого экстремизма и терроризма как вариантов практической реализации марксизма [30]. Видимо, стремление Брахера

«доказать» справедливость своей концепции на общеевропейском материале привело к тому, что он лишь поверхностно ознакомился с фактами истории Советского Союза и некоторых других стран. Об этом свидетельствуют и некоторые фактические ошибки, допускаемые в столь солидном издании. Утверждается, в частности, что США признали Советский Союз лишь в годы Второй мировой войны [31]. Показательно также, что в довольно обширном списке литературы практически отсутствуют марксистские работы — названы лишь переведенное в ФРГ учебное пособие «Международное коммунистическое движение», видимо, случайно подвернувшаяся под руку автору брошюра Ем. Ярославского, изданная в 1973 г. в Гамбурге, и по одной работе П. Алатрй и Д. Уоддиса. В то же время включены в библиографию сочинения Л. Троцкого и «исследования» А. Солженицина [32].

Для характеристики политических позиций Брахера в данной книге приведем лишь один пример. Он резко обрушивается на распространенное, по его признанию, среди многих историков и широкой общественности мнение о том, что за возникновение «холодной войны» несут ответственность в первую очередь правящие круги США, «экономический империализм, стремление к военно-политическому господству и мировой капитализм». Брахер пытается опровергнуть это мнение и взвалить вину за «холодную войну» на Советский Союз с его «революционно-экспансионистскими притязаниями». «Не излишек антибольшевистской воинственности и агрессивности нужно критиковать, — заключает он, — а недостаток последовательности в защите интересов Запада при решениях 1944–1945 гг.» [33].

Теоретической базой политических выводов и установок в последних работах Брахера является выдвигаемый им вариант теории тоталитаризма. С ее критикой выступали ряд крупных буржуазных исследователей фашизма, в том числе Э. Нольте [34]. Составители вышедшего в 1968 г. сборника материалов по проблеме тоталитаризма, несмотря на все оговорки по поводу «полезности» в некоторых отношениях данного термина, вынуждены были заявить, что «считают понятие («тоталитаризм». — *Н.Ч.*) во многих отношениях чрезвычайно проблематичным». Оно «отягощено в идеологическом отношении и может применяться в теории и политике лишь с величайшей осторожностью (а может быть, его лучше вообще не применять)» [35]. Наличие тенденции на «вытеснение» доктрины тоталитаризма вынужден был отметить и сам Брахер [36].

Однако теория тоталитаризма не исчезла из научного оборота. Появились новые ее варианты.

Вклад в активизацию этой теории внес своими последними работами и К.Д. Брахер, всегда остававшийся ее приверженцем — даже в те времена, когда он выступал с выдержанными в духе антифашизма и внутри- и внешнеполитического реализма заявлениями. Впрочем, это и не удивительно. Несмотря на отдельные меткие замечания Брахера относительно социально-экономической подоплеки прихода национал-социализма к власти, признание тех или иных форм связи его с монополистическими кругами и военщиной, Брахер всегда оставался в рамках «плюралистического» его объяснения. Та «политическая наука», которая занимается «выяснением реальных различий политических систем, господствующих в XX веке — демократически-плюралистических, авторитарных и диктаторско-тоталитарных режимов» [37], выдвигая на первый план описание политических и государственных институтов, «техники» завоевания и осуществления власти, но не раскрывая их классовую сущность, неизбежно становится на фальшивый путь сокрытия сущности и выпячивания формальных моментов.

Во всех работах Брахера, посвященных истории национал-социализма, гитлеровское и коммунистическое движения ставятся в один ряд, объявляются «тоталитарными». Правда, в 60-е гг. у Брахера появляются некоторые сомнения относительно научности и пригодности теории тоталитаризма в ее общепринятой среди буржуазных идеологов форме. Но эти сомнения сопровождаются резкой критикой в адрес «теории фашизма», т.е. попыток определить общие черты различных фашистских режимов и в первую очередь их общую классовую сущность. «Ни теория фашизма, ни теория тоталитаризма, каждой из которых легко злоупотребить в политических целях, не отвечают в полной мере требованиям, которые нужны для объяснения феномена диктатуры XX века». Однако «теории фашизма» для объяснения этого явления он находит «еще более спорными», чем попытки объяснения их на базе теории тоталитаризма. Он считает целесообразным создание более гибкой теории тоталитаризма, призывает к «дифференцированному» рассмотрению тоталитарной политики [38]. Но эти робкие критические замечания в адрес упомянутой доктрины остались у Брахера, по существу, лишь эпизодом его размышлений и не получили никакого дальнейшего развития.

В последних работах Брахера любое сомнение в ценности теории тоталитаризма отмечается. «При всей потребности в коррективах она действительно серьезно рассматривает особый характер... диктаторских режимов в условиях XX века, чего не могут сделать марксистские теории фашизма», — пишет он [39]. Правда, в роли последних он понимает, судя по всему, главным образом концепции авторов так называемой франкфуртской школы и современные левацкие варианты теории «социал-фашизма». Серьезные же марксистские исследования проблем фашизма ему не известны. С ожесточением нападает он и на феноменологическую теорию фашизма Э. Нольте, которая, как он полагает, при всех различиях ее с марксистской, близка к ней, поскольку рассматривает социализм и фашизм как комплементарные понятия. Она определяет фашизм как большое, вызванное Октябрьской революцией контрреволюционное движение. Благодаря этой теории «сегодня столь же модное, сколь и бессмысленное употребление волшебного слова “фашизм” в разнообразных контекстах стало распространенным во всем мире, как никогда прежде» [40].

Современные дискуссии о фашизме Брахер считает бесплодными. Они, по его словам, «соответствуют модной тенденции генерализации и теоретизации историко-политических событий и процессов», но они «воспроизводят большей частью лишь споры и ошибки 20–30-х гг., когда ложные определения фашизма оставили государства и народы слепыми и беззащитными перед лицом конкретных реальностей и проблем, сделавших возможными тоталитарные диктатуры Муссолини и Гитлера» [41].

Главный тезис Брахера состоит в том, что в XX в. наиболее важной проблемой является соотношение демократии и диктатуры. Между ними, а не между фашизмом и социализмом существуют принципиальные различия. «Классификация только идеологическая или социально-экономическая, — пишет Брахер, — просматривает решающий критерий политической свободы» [42]. Изучение различий между ними он объявляет центральной задачей исторической науки [43].

Брахер не скрывает антимарксистской направленности подобной постановки вопросов. Однако она нуждается, по крайней мере, в двух замечаниях. Во-первых, Брахер, столь рьяно защищавший тезис о поликаузальности исторических явлений, в данном случае все дело сводит к формам политического режима. Во-вторых, он совершенно необосно-

ванно обвиняет марксизм в приписывании противоположности «фашизм—социализм» центрального места в событиях нашей эпохи. Такую позицию занимают лишь некоторые левацкие вульгаризаторы теории социализма. Марксизм-ленинизм же видит основу современного развития в противоборстве социализма и капитализма, пролетариата и буржуазии, которая в условиях резкого обострения противоречий не гнушается авторитарных и фашистских методов управления.

В связи с рассмотрением Брахером проблемы «демократии и диктатуры» находится и определение им сущности революции. Он пишет о «коммунистических и фашистских революциях». «Утверждение о том, что революции возможны только слева, наивно», — пишет он [44]. Гитлера он также называет «революционером». Под революцией он предлагает понимать «все глубокие политические преобразования... пошли ли они под знаком левой или правой, какой-то иной или вообще никакой идеологии». Он говорит о «революционных аспектах расизма, идеи жизненного пространства» [45]. Брахер отвергает не только марксистское определение революции как двигателя общественного прогресса, но даже либеральную характеристику фашизма как контрреволюции, данную Э. Нольте [46].

Таким образом, мы видим, что основные моменты традиционной концепции тоталитаризма в последних работах Брахера налицо. В чем же состоит то «новое», «современное» в развитии теории тоталитаризма, о чем пишет Брахер как об условии спасения этой теории «как от весьма злобствующих противников, так и от ее некритических сторонников, которые порой слишком много думают о политической выгоде?» [47]. Признавая, что доктрина тоталитаризма «появилась в тени глобального противостояния Востока и Запада, что в обстановке “холодной войны” понятие тоталитаризма использовалось в целях идеологической борьбы и в связи с этим обросло различными ненаучными наслоениями, он призывает к тому, чтобы “не отбрасывать, однако, полностью всю концепцию, а приложить усилия к дифференциации типов и версий тоталитаризма” [48]. Нужна, считает Брахер, разработка «современной теории тоталитаризма, которая могла бы дать более сложную картину... чем классическое отождествление фашизма и коммунизма» [49].

Однако установка Брахера дать более дифференцированную картину «тоталитарных режимов» не нашла сколько-нибудь существенного

воплощения даже в его собственной историографической практике. В основном его усилия в этом плане свелись к попыткам доказать отсутствие почвы под понятием «фашизм». Он предлагает говорить не о «фашизме», а о «фашизмах», причем национал-социализм вообще исключается из их числа как совершенно специфическое явление, более близкое к «левым», а не к «правым» диктатурам [50]. «Различия отдельных фашизмов часто важнее, чем их сходство», — пишет он [51]. Не случайно Брахер говорит не о «немецком фашизме», а о «немецкой диктатуре».

Выяснению специфики, уникальности этой диктатуры посвящены, по существу, его основные сочинения. В то же время различие между «правыми» и «левыми» диктатурами (в ряду последних подразумеваются социалистические страны) им фактически не изучаются. Он постоянно подчеркивает их сходство, которое зачастую якобы важнее их различий [52]. Они столь же малы, как «различия между революционным и контрреволюционным насилием» [53]. Различия между фашистскими и социалистическими режимами Брахер видит фактически лишь в наличии при фашизме «принципа фюрерства», который для социалистических режимов необязателен [54]. Впрочем, подобные мнимоченные поиски «различий между фашистской и коммунистической формами тоталитаризма» предпринимаются не впервые.

На такое же их различие указывал еще в 1964 г. Р. Фирхауз [55]. Из этого делается вывод, что, несмотря на подобные различия, фашизм и коммунизм являются «разновидностями тоталитарных режимов».

Итак, в работах Брахера понятие «фашизм» решительно отвергается, а понятие «тоталитаризм» объявляется вполне легитимным, приемлемым в научном обороте, защищается от нападок. И различия между социализмом и фашизмом рассматриваются как менее существенные, чем их сходство. Требование «дифференциации» теории тоталитаризма сводится, тем самым, лишь к «дифференциации» фашистских режимов с акцентом на «сходстве правых и левых диктатур».

Таким образом, «новая» концепция тоталитаризма, предлагаемая Брахером, не содержит, по существу, ничего принципиально нового. Как и прежние варианты этой теории, она имеет целью апологию капиталистической системы, защиту ее традиционных политических институтов, представляющихся К.Д. Брахеру более надежными, чем «диктатуры XX века».

Вызывает, однако, удивление то, что такой маститый ученый, как К.Д. Брахер, завоевавший большой авторитет своими конкретно-историческими исследованиями по предыстории национал-социализма, человек, внесший в свое время значительный вклад в дело борьбы с опасностью правого радикализма в ФРГ и в отстаивание реалистического внешнеполитического курса Западной Германии, совершил в последнее время столь резкий поворот к безусловной защите и пропаганде этой теории. Это, как показывает «Кризис Европы», не могло не сказаться на профессиональном уровне его конкретно-исторических сочинений, содержание которых подгоняется к теории, ограниченность которой признается даже многими буржуазными исследователями. Что касается марксистской теории фашизма, на которую обрушивается с позиций концепции тоталитаризма К.Д. Брахер, то она, несомненно, явит миру, и не только исторической науки, свой эвристический потенциал в исследовании этой продолжающей оставаться весьма актуальной проблемы.

---

1. *Bracher K.D.* Das deutsche Dilemma. Lebenswege der politischen Emanzipation. München, 1971. S. 335.

2. *Wer ist wer.* Fr. a. M., 1975. S. 107–108; *Bracher K.D.* Die Krise Europas 1917–1975 (Propyläen Geschichte Europas. Bd. 6. Fr. a. M. – B. (West) – Wien, 1976. Umschlag.

3. *Bracher K.D.* Verfall und Fortschritt im Denken der frühen römischen Kaiserzeit. Tübingen, 1948.

4. *Bracher K.D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart – Düsseldorf, 1955; *Bracher K.D., Sauer W., Schulz G.* Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln – Opladen, 1960; *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. B., 1969.

5. См., например, оценку Г. Моммзеном «Распада Веймарской республики» (Probleme der Geschichtswissenschaft. Düsseldorf, 1973. S. 135). «Важнейшей книгой о национал-социализме» называет «Захват власти национал-социалистами» К. Эпштейн (*Epstein K.* Vom Kaiserreich zum Dritten Reich. Fr. a. M. – B. (West) – Wien, 1972. S. 285). Он же называет эту работу «образцовой» (Ibid. S. 298). См. также характеристики работ Брахера как «Standartwerk» А. Хилльгрубером (Das historisch-politische Buch. 1977. Hf. 3. S. 67), В. Випперманом (*Wippermann W.* Faschismustheorien. Darmstadt, 1975. S. 140).

6. *Bracher K.D.* Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. Berlin – München – Wien, 1964. S. 7.

7. *Bracher K.D.* Das deutsche Dilemma. S. 320.

8. Ibid. S. 329.

9. Оценку работ Брахера историками-марксистами см., например: *Дякин В.С.* Западногерманские буржуазные историки о падении Веймарской республики //

Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1961. С. 236–240; *Ушаков В.Б.* Крах Веймарской республики и установление фашистской диктатуры в Германии в изображении западногерманской буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1958. № 2. С. 148–153; *Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972. С. 37–39 и др.

10. *Корнева Л.Н.* Проблема сущности германского фашизма и взаимоотношений монополистического капитала с национал-социалистической партией в 1919–1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ. Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1974.

11. См., например: *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. S. 519 etc.

12. *Bracher K.D.* Das deutsche Dilemma. S. 391.

13. *Leipziger Volkszeitung.* 1965. 17. April.

14. *Bracher K.D.* Das deutsche Dilemma. S. 413, 418, 420, 421.

15. *Bracher K.D.* Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. S. 378.

16. *Bracher K.D.* Die Krise Europas. S. 236, 317, 321.

17. *Bracher K.D.* Entstehung der Weimarer Republik. Hannover, 1963. S. 15.

18. *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. S. 76, 328–332.

19. *Bracher K.D.* Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. S. 116.

20. *Bracher K.D.* Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976; *Bracher K.D.* Die Krise Europas 1917–1945.

21. *Killmansegg P.* Die entscheidende Gegensatz: Demokratie und Diktatur // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1976. 28. August.

22. Ibid.

23. Das historisch-politische Buch. 1976. Hf. 7. S. 212.

24. *Bracher K.D.* Zeitgeschichtliche Kontroversen. S. 9.

25. Ibid. S. 81.

26. Ibid. S. 110–111, 118.

27. Ibid. S. 158.

28. Ibid. S. 2.

29. Marxistische Blätter. 1976. Hf. 6. S. 107.

30. *Bracher K.D.* Die Krise Europas. S. 13–14, 40–41, 36, 377.

31. Ibid. S. 34–38; 155–156; 441.

32. Впрочем, незнание марксистской и особенно советской литературы — характерная черта западногерманской историографии вообще. Так, до сих пор в обширнейшей литературе по национал-социализму отсутствуют какие бы то ни было упоминания о фундаментальных исследованиях А.А. Галкина, Л.И. Гинцберга, А.С. Бланка, П.Ю. Рахшмира.

33. *Bracher K.D.* Die Krise Europas. S. 231–232, 234.

34. См.: *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. Впоследствии Нольте, однако, как уже отмечалось, отказался от наиболее важных положений критики теории тоталитаризма. См., например, *Nolte E.* Studentenbewegung und «Linksfaschismus» // Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik. Tübingen, 1971.

35. *Seidel B., Jenker S. Wege der Totalitarismus – Forschung.* Darmstadt, 1968. S. 24, 26.
36. *Bracher K.D. Zeitgeschichtliche Kontroversen.* S. 7.
37. *Bracher K.D. Das deutsche Dilemma.* S. 335.
38. *Bracher K.D. Die deutsche Diktatur.* S. 533–534.
39. *Bracher K.D. Zeitgeschichtliche Kontroversen.* S. 15–16.
40. *Ibid.* S. 18. См. также рецензию П. Кильманзегга. Впрочем, сам Брачер сравнительно недавно писал о «фашистской контрволне» в Европе после Первой мировой войны как «реакции на демократические, социалистические и коммунистические тенденции» (*Die deutsche Diktatur.* S. 118).
41. *Ibid.* S. 18.
42. *Ibid.* S. 6, 32, 61 и.а.; *Bracher K.D. Der Faschismus // Meyers Enzyklopädisches Lexikon.* Bd. 8. München, 1973. S. 551. Еще ранее Брачер писал, что история Германии – «все более отчетливая конфронтация демократии и диктатуры» (*Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur.* S. 7).
43. *Bracher K.D. Die Krise Europas.* S. 11. Видимо, в соответствии с этой задачей в книге приводятся схемы конституционных структур различных государств, где Веймарская республика и ФРГ, с одной стороны, сравниваются с национал-социалистским режимом и ГДР – с другой (S. 446–447).
44. *Ibid.* S. 40; *Idem. Zeitgeschichtliche Kontroversen.* S. 6, 77.
45. *Bracher K.D. Zeitgeschichtliche Kontroversen.* S. 36, 132, 136.
46. *Ibid.* S. 133.
47. *Ibid.* S. 52.
48. *Ibid.* S. 34–35.
49. *Ibid.* S. 52.
50. *Ibid.* S. 27, 19–20.
51. *Bracher K.D. Die Krise Europas.* S. 136.
52. *Ibid.* S. 380.
53. *Bracher K.D. Zeitgeschichtliche Kontroversen.* S. 28.
54. *Bracher K.D. Die deutsche Diktatur.* S. 372.
55. *Vierhaus R. Faschistisches Führertum // Historische Zeitschrift.* 1964. Bd. 198. Hf. 3.

ФРГ: «спор историков» продолжается?»*

10 ноября 1988 г. выступая в бундестаге по поводу 50-летия организованных нацистами еврейских погромов – «хрустальной ночи», председатель этой палаты западногерманского парламента Ф. Еннингер (ХДС) к удивлению и возмущению большинства присутствующих разразился патетическими фразами по адресу фашистского рейха и его

---

* Статья опубликована в: Новая и новейшая история. 1990. № 1.

главаря. «Разве Гитлер не сделал действительностью то, что только обещал Вильгельм II, а именно — обеспечить немцам прекрасные времена? Не был ли он действительно избран волею providения — вождь, которого оно дарит народу раз в тысячелетие?» — заявил он [1]. Под давлением общественного мнения Еннингеру пришлось уйти в отставку с занимаемого им поста. Однако само его выступление было весьма симптоматично. По словам члена президиума ГКП (Германской коммунистической партии. — *Н.Х.*) Ю. Ангенфорта, в данном случае «те силы, которые потерпели поражение в так называемом “споре историков”, вновь предприняли попытку сделать те или иные моменты оправдания нацистского режима предметом дебатов... Они вновь пытаются приурашивать прошлое» [2].

«Спор историков», развернувшийся в 1986 г., явился продолжением тех споров об оценке фашизма, о его сущности, об уроках его пребывания у власти для современности, которые идут в ФРГ на протяжении практически всего периода ее существования [3].

Колоссальный, насчитывающий многие тысячи наименований поток литературы о фашизме в ФРГ не иссякал никогда. Однако временами он достигал особой активности, «споры о фашизме» приобретали крайнюю остроту. Это происходило, как правило, в переломные в той или иной степени периоды в жизни страны, а также было связано с наиболее важными годовщинами событий, имеющих отношение к истории германского фашизма. Резкая активизация дискуссий о фашизме происходила, например, в конце 60-х — начале 70-х гг. — в период подъема демократического движения, подъема борьбы с возросшей неофашистской опасностью, перехода к более реалистической внешней политике. Большое количество такой литературы появилось в связи с 50-й годовщиной прихода Гитлера к власти.

Однако все рекорды по ожесточенности и интенсивности дискуссий побивает «спор историков», новые исторические дебаты», как их называет западногерманская печать, развернувшиеся с особой силой в 1986—1987 гг. и, по сути, дела не закончившиеся и сегодня. «Вспыхнувший в 1986 г. “спор историков” все еще не утих», — констатирует в феврале 1989 г. автор обзора новой литературы по нему Ютта Людвиг [4]. За короткое время появилось более 100 статей [5], и число их продолжает увеличиваться. Опубликовано уже несколько сборников на основе материалов «спора» [6]. Появилась обширная литература

о развернувшейся дискуссии [7], в частности статья в «Новой и новейшей истории» [8].

Непосредственно начало «спора» было положено тремя публикациями. В апреле 1986 г. в газете «Die Welt» вышла серия статей консервативно настроенного профессора университета в Кельне Андреаса Хилльгрубера (умер в мае 1989 г.), опубликованная также в виде отдельной брошюры: «Двойной закат. Гибель германского рейха и конец еврейства в Европе». В июне того же года во «Frankfurter Allgemeine Zeitung» появилась статья другого консервативного историка Э. Нольте «Прошлое, которое не хочет уходить». Ответом на эти публикации стала статья либерального философа и социолога Ю. Хабермаса в еженедельнике «Die Zeit», где резко критиковались эти и ряд других консервативных авторов [9].

В статье Нольте излагалась пропагандируемая им уже на протяжении нескольких лет теория «вторичности» нацистских преступлений. Но здесь она преподносилась в особенно откровенной неприкрытой форме. По его мнению, начало «массовым уничтожениям» в истории Европы положили события Французской буржуазной революции конца XVIII в. В XX в. первой крупной акцией геноцида было уничтожение армии турецкими националистами в 1915–1916 гг., свидетелем которого был немецкий консул в Эрзеруме М.Э. фон Шейбнер Рихтер, ставший впоследствии сторонником Гитлера и погибший во время «пивного путча» в ноябре 1923 г. [10].

Наибольшую же ответственность за преступления гитлеровцев несут, по мнению Нольте... большевики. Преступные акции Гитлера были обусловлены будто бы его страхом стать потенциальной жертвой «азиатских акций» большевиков, оказаться в «клетке с крысами», в которую они, по утверждению белоэмигрантов, якобы сажали своих противников и в которую, пишет он, они посадили немецких генералов, плененных под Сталинградом, чтобы добиться их выступления против Гитлера. Смысл таких утверждений очевиден. Используя становящиеся сегодня широко известными преступления сталинизма (которые, безусловно, ничем не могут быть оправданы), смешивая воедино действительные факты и всевозможные домыслы и предположения, он стремится обелить фашистский период немецкой истории, представить злодеяния гитлеровцев, вытекавшие из самой сути фашизма, чем-то нормальным, обычным, сходным с тем, что было в истории других

народов. Нольте в книгах и статьях неоднократно осуждает фашистские преступления. И, по-видимому, нет оснований сомневаться в его отрицательном отношении к ним. Но избранный им способ объяснения означает фактически их оправдание. Национал-социализм он рассматривает как специфический для Германии способ борьбы с большевизмом (последний он отождествляет со сталинизмом).

Попыткам доказать «родство» фашизма и коммунизма Нольте посвятил в последние два десятилетия практически всю свою деятельность [11]. Являясь профессором Института им. Ф. Мейнеке при университете Западного Берлина, он ведет курс «Коммунисты и национал-социалисты. 1917–1945 гг.» [12]. В интервью газете «Die Welt» Э. Нольте подчеркнул, что специально приурочил к 70-й годовщине Октября выход в свет своей книги «Гражданская война в Европе. 1917–1945» [13] с подзаголовком «Национал-социализм и большевизм», в которой эти явления, по его словам, рассматриваются как «дополняющие друг друга» [14].

При «объяснении» преступлений фашизма Нольте затрагивает даже «священную» для западногерманской историографии тему — преследование евреев в Третьем рейхе, изображаемое им как главное, а порой даже чуть ли не единственное злодеяние гитлеровцев [15]. В одной из статей он утверждает, что поскольку президент Всемирной сионистской организации Х. Вейцман в сентябре 1939 г. «объявил войну» Гитлеру, то с евреями в Германии «вполне справедливо» было обращаться как с военнопленными [16].

Что касается работы А. Хильгрубера [17], то суть ее такова: несмотря на то что на оставшейся под контролем Гитлера территории Германии продолжалось уничтожение заключенных концлагерей, осуществлялось «окончательное решение еврейского вопроса», предусматривавшее полную ликвидацию евреев Европы. «Защитники Восточного фронта» в конце 1944 — начале 1945 г. своей «героической борьбой» якобы спасли всю Европу от «большевистского потока».

Автор заявляет, что историк, изучающий эти события, должен идентифицировать себя с отчаянными и самоотверженными усилиями немецкой армии на Востоке по спасению немецкого населения от «мести Красной Армии» и «предотвращению ее прорыва в центр Германии и Европы» [18]. Таким образом, усилия Гитлера и его приспешников продлить еще на какое-то время свое господство, оттянуть справедли-

вую кару за содеянные ими злодеяния предстают как будто бы справедливое дело, как «защита Запада» от «азиатских орд».

Косвенно предъясняется упрек западным державам в том, что они якобы оказались в это время «не на правильной стороне» и отдали большевизму «всю Европу». Показателен в этой связи заголовок заключительной части публикации А. Хилльгрубера в «Die Welt»: «В результате этой войны была потеряна вся Европа» [19]. Замечаниями о «свокорыстных планах» держав – противников фашистского блока, о «польских планах выселения немцев из Восточной Пруссии», выдвигавшихся в 20-е гг., о страданиях немцев, «изгнанных» из «восточноевропейского пространства», где они играли «сложную роль», Хилльгрубер извращает характер развязанной гитлеровцами войны, затушевывает ее преступный характер. Р. Кюнль справедливо замечает: «Разве не был режим, который в 1944–45 гг. вел “оборонительную борьбу”, тем же самым режимом, начинавшим в 1939–41 гг. агрессивную войну с целью поработить навечно народы до Урала и уничтожить “десятки миллионов” как это значилось в его планах? Разве 1944–45 гг. не были последней фазой существования режима убийц, теперь, наконец, разгромленного народами Европы? Хилльгрубер такие вопросы не ставит» [20].

Выступления Э. Нольте и А. Хилльгрубера вызвали резкую критику Ю. Хабермаса [21]. Отмечая, что в серьезной исторической науке ФРГ, при всех расхождениях в оценках периода национал-социализма, существовало относительное согласие по поводу того, что преступления фашизма вытекали из сущности самого фашистского режима, а развязанная Гитлером война носила агрессивный характер, он обвиняет консервативных историков в «ревизионизме», итогом которого является создание «философии НАТО, окрашенной в германские национальные цвета». Нольте, по оценке Хабермаса, «пытается одним выстрелом убить двух зайцев»: доказать, что нацистские преступления не являются исключительными, поскольку предпринимались как ответ на «угрозу уничтожения со стороны большевизма (сохраняющуюся и сегодня)»; в Освенциме же имело место «лишь использование технических новшеств» для борьбы с «азиатской угрозой» со стороны «врага, который и сегодня все еще стоит перед воротами».

Выступление Ю. Хабермаса против попыток оправдания нацистского прошлого, та резкая и нелюбимая критика, которой он их

подверг, имели большое положительное значение. Собственно, после него и начался все более острый и ожесточенный «спор историков».

Каковы же причины возникновения этого «спора»? Они, очевидно, связаны с эволюцией политического сознания граждан ФРГ, произошедшей в последние годы и отражающей изменение позиций и роли Западной Германии в капиталистическом мире. В 80-е гг. продолжалось укрепление экономических позиций ФРГ. Повысился ее удельный вес в блоке НАТО. Все это приводит к возрастанию стремлений ведущих кругов западногерманского финансово-промышленного капитала играть более самостоятельную роль в мировой политике, что находит свое выражение, в одних случаях, в усилении националистических, а порой и реваншистских устремлений в рамках «атлантической солидарности», а в других — в довольно гибком, учитывающем в той или иной мере реальную ситуацию политическом маневрировании на общеевропейской сцене. Усиление позиций западногерманского капитала проявилось и в сфере идеологии. В 80-е гг. возросло влияние неоконсерватизма, в частности и на историческую науку.

Что касается «спора историков», то, по словам Р. Кюнля, в его ходе «коалиция в составе правого крыла союзных партий (ХДС/ХСС), крупных консервативных газет, в особенности “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Die Welt”, “Rheinischer Merkur”, и консервативных историков предприняла широкое наступление, имеющее целью сдвинуть вправо основы историко-политического сознания Федеративной Республики» [22].

В первую очередь это наступление имеет целью «обезвредить» («entsorgen») наиболее зловеющий период немецкой истории — период фашизма, восстановить ее «идентичность», «освободить» от якобы чуждого ей, являющегося результатом действия внешних, а то и вообще иррациональных сил, гитлеризма. На протяжении ряда лет западногерманские политики и историки жалуются на то, что период национал-социализма никак не уходит в прошлое, «не становится историей».

Так, историк Г. Люббе, выступая на международном конгрессе в Западном Берлине, проводившемся в связи с 50-й годовщиной событий 30 января 1933 г., отмечал: «По мере увеличения временной дистанции от 12 лет «Третьего рейха» в бдительном сознании наших современников не наблюдается никакого потускнения воспоминаний о них» [23].

Сожалеет о невозможности сделать историей национал-социалистское прошлое и Э. Нольте. «Напротив, — пишет он, — ...оно кажется все более живым и полным сил... как ужасное видение, как прошлое, которое прямо-таки обосновалось в современности, нависая над ним карающим мечом» [24]. Автор нашумевшей биографии Гитлера Й. Фест пишет: «Гитлер и национал-социализм, несмотря на многолетние усилия по их осмыслению, все еще больше мифы, чем история, общественное сознание ориентируется, как и прежде, скорее на их заклинание, чем на их познание» [25]. Такое положение является, по мнению идеологов правых, совершенно нетерпимым. «Сейчас самое время, — заявлял председатель ХСС Ф.-Й. Штраус, — выйти из тени “Третьего рейха” и сферы обаяния Гитлера и снова стать нормальной нацией... Мы должны более уверенно идти по истории к будущему» [26]. Пока же, считал он, граждане Федеративной Республики «не уверены в правильности пути в будущее, так как их отношение к своей собственной истории глубоко нарушено» [27].

Повсеместно раздаются призывы к воссозданию «национальной идентичности». Термин «идентичность», пришедший от «новых правых», становится в начале 80-х гг. «модным словом» [28]. Как средство ее достижения рассматривается интенсивная идеологическая обработка населения, которая должна затронуть, по словам деятеля ХДС Л. Херманна, «глубинные слои исторического самосознания» и, прежде всего, преодолеть аллергию по отношению к фашистскому прошлому [29].

По мнению неофициального советника канцлера Г. Коля профессора Михаэля Штюрмера, ФРГ превратилась в «страну без истории». «Будущее в такой стране, — пишет он, — выиграет тот, кто восполнит воспоминания, сформулирует понятия и истолкует прошлое» [30]. В каком же направлении должно развиваться это истолкование? Надо прекратить, заявляет историк Э. Топич, критику нацистских преступлений, поскольку она якобы становится «средством деморализации современной, живущей в условиях демократических свобод Федеративной Германии и отчуждения ее от атлантических партнеров, особенно от США» [31].

Усиливаются призывы к «воссоединению» Германии. «Не для того, чтобы требовать сегодня восстановления германского рейха, — отмечает близкий к СДПГ историк Г.А. Винклер, — надо переписать историю. Режим, который поставил на карту и проиграл единство Германии,

не может далее изображаться... бесчеловечнейшим в истории. Следует сопоставить его злодеяния со злодеяниями, совершавшимися в других странах» [32]. «Ревизия» истории в этом направлении и предпринимается консервативными политиками и историками ФРГ. Это нашло выражение и в прозвучавших в свое время призывах отметить 40-ю годовщину капитуляции фашистской Германии «тихими размышлениями», и в инсценировке «американо-германского примирения» во время посещения Р. Рейганом в мае 1985 г. кладбища бывших эсэсовцев в Витбурге [33] и, наконец, в ходе «спора историков».

Потребность в такой интерпретации истории, которая способствовала бы национальной идентификации немцев в ФРГ с неотягощенным эксцессами фашизма прошлым Германии, становится все более настоятельной для укрепления «нового национализма». Показательно большое внимание, уделяемое исторической науке. Период, когда она отодвигалась на второй план политологией и социологией, а преподавание истории даже изымалось из школьных программ, кончился. Федеральный канцлер либо федеральный президент теперь лично присутствуют на съездах западногерманских историков и выступают на них с программными речами [34]. Отмечается всеобщий интерес к изучению прошлого с тем, чтобы найти в нем опору для укрепления «исторического самосознания» граждан ФРГ [35].

Пришедшее к власти в 1982 г. правительство, возглавляемое христианскими демократами, выступило с широко разрекламированной программой создания музейных учреждений по истории. В Бонне предполагается создать Дом немецкой истории, в комиссию экспертов по разработке концепции которого включены консервативно настроенные профессора (Л. Галль, К. Хильдебрандт, Х. Мёллер и др.). По оценке Г. Моммзена, речь идет о том, чтобы, с одной стороны, «документировать историю успехов Федеративной Республики, а с другой — показать тысячу лет славной немецкой истории до национал-социализма и использовать ее для поддержки консервативно окрашенного патриотизма». Только под давлением общественности было решено отвести для показа истории Веймарской республики и периода фашизма всего одну из 23 основных тем экспозиции [36].

Еще большее значение придается созданию Немецкого исторического музея в Западном Берлине. 28 октября 1987 г. в присутствии Г. Коля и правящего бургомистра Западного Берлина Э. Дипгена

в прежнем здании рейхстага был подписан документ о сооружении в 1992–1998 гг. музея за счет выделенных правительством ФРГ 380 млн марок — дара по случаю 750-летия Берлина. Показательно, что он будет сооружаться на том месте, где в прошлом находился являвшийся воплощением прусского милитаризма генеральный штаб, а позднее — резиденция главаря эсэсовцев Гимmlера. В качестве основы фонда будущего музея его директору К. Штёльцлю (ранее директору исторического музея в Мюнхене) был вручен экземпляр первого издания «Deutschlandslied» с ее достопамятной строфой «Германия превыше всего». Г. Коль назвал сооружение музея «национальной задачей европейского значения», укрепляющим «сознание единства людей разделенной Германии». Э. Дипген подчеркнул, что он должен стать «контрмузеем» по отношению к музею немецкой истории в столице ГДР [37], пропагандирующему демократические и революционные традиции истории Германии. В состоящую из 16 членов комиссию экспертов по разработке концепции экспозиции включены историки-консерваторы и правый социал-демократ Р. Лёвенталь. Характерно, что организаторы намерены отразить историю «всей» Германии, включая историю ГДР и Западного Берлина, не являющегося частью территории ФРГ. Явный вызов действующим международным соглашениям сочетается со спором на тему, какой музей «главнее», где хранить, например, подлинник, а где копию документа о создании ФРГ.

Одновременно развернулась кампания за создание в Бонне мемориала «жертвам войны и насилия» — и борцам Сопротивления, и тем, кто сражался в рядах гитлеровских вооруженных сил, и жертвам фашистских концлагерей, и тем из их палачей, которых постигло справедливое возмездие. Историк Й.-Г. Райсмюллер кощунственно ставит их в один ряд, призывает к тому, чтобы «нация объединила их всех в своей памяти» [38]. А. Дреггер заявляет в бундестаге: «Мертвых нашего народа нельзя делить по судейским меркам на правых и неправых» [39]. В такой интерпретации все оказываются в одинаковой степени жертвами Гитлера, которого, по меткому замечанию журнала «Konkret», консервативные историки пытаются «удалить из немецкой истории как инородное азиатско-большевистское тело» [40]. Да и сам Гитлер оказывается жертвой страха перед «большевистской клеткой с крысами».

«Не хватит ли разбираться с нацистским прошлым?» — вопрошает историк Г. Гиллессен. «Как много необходимых решений в области

внешней и внутренней политики не состоялось из опасений того, что (западногерманское. — Н.Ч.) государство будут сравнивать с... гитлеровской диктатурой», — считает он [41]. Среди причин того, что «прошлое не уходит», Э. Нольте называет «заинтересованность подвергавшихся преследованиям в том, чтобы постоянно сохранять свое привилегированное положение среди тех, кто появился на свет позднее» [42]. Виновниками «неблагополучного» состояния исторического сознания граждан Федеративной Республики оказываются, таким образом, не фашисты, а их жертвы.

Инициатива «исторических дебатов» исходила не столько от историков, сколько от политических сил правого направления и их печатных органов. Однако была предпринята попытка подкрепить «ревизию» исторического прошлого авторитетом профессионалов, хотя при этом каких-то дополнительных фактов, данных, которые бы оправдывали попытку «по-новому» посмотреть на преступления фашистского режима, в научный оборот введено не было. Речь шла лишь о новой интерпретации известных событий, фактов, направленной на преодоление болезненного восприятия фашистского прошлого, укрепление новой «национальной идентичности». Определение дебатов как «спора историков» весьма неточно, ведь в них участвуют также философы, политологи, социологи, журналисты. «Речь идет не просто об исторической проблематике, а о принципиальных выводах, следствиях, уроках для настоящего и будущего» [43].

Историк Г.-Х. Краус отмечает, что со времени дискуссии о работах Ф. Фишера, развернувшейся в начале 60-х гг. в стране «не было столь широкой общественной дискуссии» [44]. По словам издателя журнала «Der Spiegel» Р. Аугштейна, «пять лет назад едва ли кто считал возможным то, что сегодня происходит среди историков, философов и социологов. Щедро сыплются всевозможные оскорбления и обвинения, выходящие за рамки допустимого в академической среде» [45]. Поток брани вызвало выступление Ю. Хабермаса против националистической «ревизии» истории. Его критики утверждают, что он будто бы своей статьей дал «сигнал к публицистическому забрасыванию ее грязью» [46], является «дилетантствующим в истории агитатором» [47] и вообще лучше бы помолчал (Г. Хильдебрандт) [48].

Н. Гейсс обвиняет Хабермаса в том, что он «на долгие годы отравил политико-духовную атмосферу в ФРГ» [49]. Сплошным потоком идут

жалобы на искажение текста, на извращение смысла цитат. Дело дошло даже до поджога автомашины одного из участников дискуссии. Спор вновь и вновь вспыхивает при обсуждении новых книг, театральных постановок, кинофильмов, телепередач (например, телесериал «Отцы и дети» — об истории семьи хозяев химического концерна). В ней режиссер В. Зинкель показывает связь этой семьи с нацистским режимом [50].

Дискуссия вызвала многочисленные отклики в Италии, США, Великобритании, Франции, Израиле [51], а также в социалистических странах.

Напрасно председатель западногерманского Союза историков, специалист по античной истории Х. Майер призывает участников дискуссии проявлять сдержанность и не использовать «национал-социалистское прошлое в качестве дубинки в межпартийной борьбе» [52]. Даже его осторожные советы историкам — «ревизионистам» не перегибать палку и не отрицать беспримерности нацистских преступлений вызвали их неприкрытое раздражение. Один из них А. Молер обругал его за «некомпетентность, усугубляемую официальным положением», и «догматизм» [53].

Суть «ревизии» фашистского прошлого, предпринимаемой как правыми историками, так и националистически настроенными публицистами можно свести, по оценке Р. Кюнля, к «комбинации трех элементов: во-первых, к преуменьшению значимости преступлений фашизма и изображения их как нормальных явлений; во-вторых, к легитимации части их как совершенных ради благих целей, как суровой, но неизбежной необходимости; в-третьих, к затемнению причин той части этих преступлений, которая никак не может быть оправдана, чтобы, в конце концов, можно было переложить вину за них на других, прежде всего на социализм и коммунизм» [54].

В ходе развернувшейся дискуссии ожил и, казалось бы, давно уже не выдвигавшийся на квалифицированном уровне тезис о «превентивной войне» Гитлера против СССР. Ссылаясь на высказывания неких перебежчиков к гитлеровцам (что уже само по себе лишает их сведения достоверности), Г. Гиллессен (как и Й. Фест, являющийся одним из редакторов «Frankfurter Allgemeine Zeitung») делает вывод: «Гипотеза о том, что Сталин вскоре напал бы на Гитлера, если бы сам не подвергся нападению с его стороны... становится все более убедительной» [55].

Еще дальше идет Й. Хофман, один из научных руководителей военно-исторического центра во Фрейбурге, утверждая, что «наступательная диспозиция Красной Армии и советские мероприятия создавали уже в 1941 г. серьезную стратегическую угрозу», а Гитлер летом 1941 г. «имел последнюю возможность предупредить другого агрессора» [56]. Как будто бы не было ни «плана Барбаросса», ни высказанных Гитлером еще в начале его политической карьеры намерений относительно «расширения жизненного пространства на Востоке», ни планов порабощения и истребления населения оккупированных стран [57].

«Идентичность» немецкой истории, таким образом, вовсе не нарушается разбойничьим нападением на Советский Союз, более того, оно оказывается вполне оправданным интересами борьбы с «большевистской угрозой». Член правления ГКП К. Бахман, выступая на симпозиуме историков, организованном Международной федерацией борцов Сопротивления в Вене (1988 г.), назвал высказывания Хофмана «высшей точкой» сдвига правоконсервативных историков ФРГ: они «перенимают взгляды на историю, до сих пор пропагандировавшиеся только крайне правыми» [58].

Научная недоказуемость и явно провокационная политическая направленность тезиса о «превентивной войне» вызвали поток писем в редакцию газеты, часть из которых появилась на ее страницах, в частности, и от сотрудников упомянутого исследовательского центра во Фрейбурге. Их авторы высказывают свое возмущение упомянутыми публикациями. Б. Петров из университета в Тюбингене пишет: «Вызывает сожаление и тревогу то, что давно уже похороненные легенды вновь извлекаются газетой на свет божий с целью достижения вождельной сегодня немецкой идентичности» [59]. Работающий в Лондоне западногерманский историк Й.В. Брюгель называет утверждение Гофмана «удивительным» и недоумевает, как человек, занимавший такой пост, мог прийти к подобным выводам [60]. Новые попытки оживить тезис о «превентивной войне» подверглись острой критике на страницах еженедельника «Die Zeit» летом 1988 г. [61].

В публикациях «ревизионистов» постоянно встречаются утверждения о том, что немцы должны, наконец, избавиться от чувства коллективной вины за преступления фашизма, которую на них будто бы возлагают во всем мире. Нольте заявляет, что «речи о вине немцев» слишком сходны с утверждением гитлеровцев о некоей «вине евреев»

[62]. В действительности вопрос о «коллективной вине немцев» не ставился всерьез даже во время Второй мировой войны никем, кроме некоторых политиков в правящих кругах Англии и США. В СССР всегда разграничивали преступную фашистскую клику и немецкий народ. Тем более не ставится этот вопрос в настоящее время, хотя это и не освобождает честных представителей немецкого народа от чувства вины за те преступления, которые совершались от его имени, от чувства ответственности за то, чтобы подобного не повторилось впредь. «Ревизионисты» же призывают смотреть в прошлое без каких-либо угрызений совести. «Не только немцы имели тяжелое прошлое», — заявляет Э. Нольте [63]. «Каждый большой народ имел свой Освенцим», — вторит ему Г. Цем в «Die Welt» [64].

Существует прямая связь между теми событиями, которые происходят в Советском Союзе в ходе перестройки, и характером, тематикой дискуссии, развернувшейся среди историков ФРГ. «В то время как в СССР начинают по-новому, самокритично анализировать и освещать свое прошлое (и в первую очередь сталинские годы), в ФРГ предпринимаются усилия по реидеологизации истории и оживлению «образа врага», — пишет Р.-Д. Мюллер [65]. Время развертывания «спора историков» весьма примечательно, отмечает коммунист К. Бахман, это время призыва к перестройке и гласности в Советском Союзе [66]. Наличие параллелей между проблематикой «преодоления прошлого» в германской истории и критической переоценкой истории советского общества, происходящей в Советском Союзе, отмечает Д. Гейер в докладе «Перестройка и советское общество», сделанном на конгрессе историков ФРГ в Бамберге (октябрь 1988 г.) [67].

В ходе дискуссии Нольте и другие консервативные историки, особенно Й. Фест и К. Хильдебрандт, вновь и вновь обращаются к теории тоталитаризма, большинство сторонников которой пытаются объединить как однотипные фашистские и социалистические режимы, в первую очередь национал-социалистскую Германию и Советский Союз. В 80-е гг. наблюдается ее явный ренессанс, она вновь выходит на передний план антикоммунистической пропаганды, глубоко проникает в историографию [68]. Сегодня основной акцент делается на «сходстве» черт гитлеровского террора и преступлений сталинизма в СССР, что особенно проявилось в ходе развернувшихся в ФРГ «дебатов». В рамках этой «теории» поборники «идентичности немецкой истории» упорно

стремятся доказать «первичность» большевистского террора и «вторичность» преступных акций гитлеровцев.

Дело не только в несоответствии этого тезиса фактам, как это показывали и ряд западногерманских участников «спора» [69]. Какими бы тяжелыми ни были преступления Сталина, они не могут быть оправданием преступлений фашизма. Это отмечают многие историки ФРГ. Так, профессор университета в Биллефельде Ю. Кокка в статье под характерным названием «Гитлер не может быть оттеснен на второй план Сталиным и Пол Потом» пишет, что «подобные попытки имеют целью, не отрицая чудовищности национал-социалистских преступлений, сделать их более относительными» по отношению к другим преступлениям, совершавшимся во всемирной истории [70].

Попытка историков-«ревизионистов» осуществить сдвиг вправо, реабилитировать нацистское прошлое встретила серьезное сопротивление. Они даже не ожидали такого решительного отпора. Если в период так называемой «гитлеровской волны» и 50-летнего «юбилея» захвата власти нацистами с критикой апологетики фашизма выступали преимущественно лишь историки-марксисты и отдельные демократически настроенные авторы, то на этот раз «формируется внушительный контрфронт историков и публицистов, сохранивших понимание реалий истории и чувство политической ответственности» [71]. Вслед за мужественным выступлением Ю. Хабермаса, опубликовавшего затем еще ряд статей [72], с критикой взглядов «ревизионистов» выступили Ф. Бергхан, М. Брозат, Г.А. Винклер, В. Граб, К. Зонтхаймер, А. Клёне, Ю. Кокка, Р. Кюнль, Г. Моммзен, Б. Фауленбах, В.Ф. Хауг, Г. Шперль, Э. Йекель и другие историки [73].

Наряду со сторонниками «социально-критического» направления, с историками, близкими к социал-демократической партии, к критике «ревизионистов» подключались многие видные историки-либералы и даже некоторые представители консервативного направления. Наибольшее возмущение некоторых из них вызывает слишком вольное обращение Нольте, Феста и других поборников восстановления «идентичности немецкой истории» с фактами, в частности с такими, как геноцид евреев Европы, преступления в Освенциме. Искажение этих фактов, считают они, подрывает престиж западногерманской исторической науки, вызывает недоверие в отношении Федеративной Республики. Однако большинство из них в своей критике исходят и из понимания

того, что «консервативная ревизия может вновь оживить опасные направленные вправо традиции немецкого прошлого и создать угрозу для демократического развития страны и ее внешних связей» [74].

Большую активность в критике «ревизионистского» пересмотра истории национал-социализма проявил член Исторической комиссии при правлении СДПГ профессор Г. Моммзен. В его статьях, опубликованных не только на страницах центральных органов печати ФРГ, но и на страницах социал-демократического еженедельника «Vorwärts», профсоюзной студенческой прессы [75], дается обстоятельный анализ причин, побудивших «ревизионистов» к пересмотру исторического прошлого, ведется аргументированная полемика с их взглядами.

Г. Моммзен неоднократно отмечает, в частности, что широкое привлечение ими «теории тоталитаризма» имеет вполне определенную цель — «дать теоретическое обоснование исключению периода «Третьего рейха» из континуитета немецкой истории», оправданию «консервативно настроенной элиты» Веймарской республики» [76]. Сами дебаты он характеризует как «индикатор принципиального изменения подхода к наследию национал-социализма в политической культуре Западной Германии», показатель того, что «моральные и юридические барьеры против распространения неонацистского и крайне националистического мышления рушатся» [77]. Вопреки призывам официальных и неофициальных консервативных кругов рассматривать годовщины капитуляции фашистской Германии как дни памяти о «национальной катастрофе», Г. Моммзен заявляет, что «поражение национал-социалистской Германии было не только в интересах народов, жизнь которых исковеркала развязанная Гитлером война, и обреченных на подавление и уничтожение его палачами групп населения, но и самих немцев» [78].

Следует отметить, что существенной поддержкой для тех, кто выступил против «ревизионистского» переписывания истории, явилась речь президента ФРГ Рихарда фон Вайцеккера в бундестаге 8 мая 1945 г. по поводу 40-й годовщины окончания войны в Европе, в которой он заявил: «День 8 мая [79] — это день освобождения. Он освободил нас всех от человеконенавистнической системы режима насилия... Мы не должны отделять 8 мая от 30 января 1933 г. Вайцеккер подчеркнул, что именно Гитлер напал на Польшу, что «возникновение Второй мировой войны остается связанным с именем немцев» [80].

Своей речью президент «вызвал непримиримую ненависть ультра-правых врагов внутри и вне собственной партии», вплоть до обвинений в том, что он «поставил себя во главе антинемецкой перевоспитательной пропаганды» [81]. Атаки на Вайцзеккера продолжались и в ходе «спора историков» в ФРГ [82]. Против идей национального превосходства, за «борьбу против забвения прошлого и создания легенд о нем» президент ФРГ высказался и в речи на открытии XVI Международного конгресса исторических наук в Штутгарте 25 августа 1985 г. [83]. Выступая на открытии другого — XXXVII конгресса историков ФРГ Р. Вайцзеккер подчеркнул: «За то, что пришлось пережить немецкому народу и соседям в годы нацистского господства, он не может возлагать ответственности на других. Его вели за собой преступники, и он позволял им себя вести» [84].

Важную роль в отпоре наступлению реакционных сил в области истории сыграл журнал «Blätter für die deutsche und internationale Politik» и газеты «Deutsche Volkszeitung» (с 1987 г. — «Volkszeitung»), на страницах которых широко представлены авторы, выражающие позиции демократического и антивоенного движения ФРГ. В журнале были опубликованы материалы «спора историков», статьи историков ФРГ, ГДР, СССР, дающие оценку дискуссии с последовательно антифашистских позиций [85].

Борьбу против попыток реабилитации нацистского прошлого развернули западногерманские историки-марксисты. Существенным был их вклад в критику реакционных концепций истории фашизма и Второй мировой войны в предшествовавшие нынешним дебатам годы, особенно в связи с той дискуссией, которая развернулась по поводу 40-й годовщины окончания Второй мировой войны [86]. В ходе самого «спора историков» появились многочисленные статьи, посвященные дискутируемым проблемам, на страницах газеты ГКП «Unsere Zeit» и теоретического органа партии — журнала «Marxistische Blätter».

Председатель ГКП Герберт Мисс отмечает, что призывы консервативных политиков и историков «выйти из тени Гитлера» и шагать более прямой походкой являются, по сути дела, попыткой «освободиться от фашистского прошлого путем аннулирования его уроков». Посредством использования «теории тоталитаризма» в ФРГ пытаются сегодня представить как «разрыв с немецкой идентичностью все демократические и леворадикальные движения, ликвидировать все позитивные сдвиги, произошедшие в ФРГ за последние 15 лет» [87].

К. Бахман, констатируя, что в ФРГ «постепенно развивается свое национальное самосознание», высказывает тревогу по поводу того, что реакция при этом пытается сформировать ложные исторические представления, ложную национальную идентичность [88].

В подборке статей о дискуссии историков в мартовском номере «*Marxistische Blätter*» за 1987 г. наряду с конкретной критикой позиций историков-«ревизионистов», выявлением политической подоплеки предпринятого ими выступления, его целей, авторы статей обращают внимание на следующие моменты:

— Необходимость критики тезиса о «коллективной вине немцев», используемого националистическими кругами для того, чтобы, с одной стороны, переложить ответственность за фашистские преступления с действительно виновных на всех немцев, а с другой — для разжигания настроений вражды к другим нациям, несправедливо считающим немцев преступным народом [89].

— Важность воспитания у граждан ФРГ, особенно молодежи, гуманистического национального чувства, включения в «идентичность немцев Федеративной Республики... всего великого, ценного, гуманного, что внес наш народ в сокровищницу мировой культуры... и противопоставления с фашистами, наихудшими преступниками, вышедшими, однако, из рядов нашего народа» [90].

— Осуждение стоящими на буржуазно-демократических позициях учеными в ходе «спора историков» антикоммунистических и антисоветских выпадов «ревизионистов» [91].

— Наличие точек соприкосновения, общих позиций у марксистов и многих немарксистских историков, выступивших против «ревизии» немецкой истории, фактическое создание их коалиции [92].

Перед западногерманской общественностью с анализом «спора историков» выступали и историки ГДР: К. Госвайлер, К. Петцольд [93]. Их работы сыграли существенную роль в том, чтобы остановить наступление поборников формирования ошибочного «нового сознания».

В развернувшейся дискуссии речь шла не только об истории, «спор историков» стал не столько спором о прошлом, сколько о будущем Федеративной Республики. Как отмечалось в «*Marxistische Blätter*», «дебаты историков убедительно показали, как все-таки велик демократический потенциал в стране» [94]. Попытка «ревизионистов» добиться коренного сдвига исторического сознания населения ФРГ вправо

не увенчалась успехом. Их атака на достигнутый ценой больших усилий демократических сил негативный консенсус преобладающей части общественности страны в отношении фашистского прошлого была остановлена.

Немалую роль в этом сыграли и изменения в международной обстановке в сторону ограничения гонки вооружений, ослабления напряженности, в которые оказалась вовлечена и Федеративная Республика. Большое значение имела и позитивная оценка общественностью ФРГ перемен, происходящих в Советском Союзе, перестройки и гласности, что затрудняет крайне правым силам создавать «образ врага». В течение последнего времени в политике правящих кругов ФРГ наблюдается определенный сдвиг в сторону реализма. Все эти сдвиги, по-видимому, должны найти отражение и в тех дискуссиях на политические и исторические темы, которые разворачиваются в стране. Показательным является заявление федерального канцлера Г. Коля в бундестаге в январе 1987 г.: «Мы, немцы, никогда не должны забывать, оттеснять на второй план или умалять преступлений национал-социализма, ибо лишь помня о них, мы можем быть способны жить в мире с другими народами» [95].

Выступая на приеме в Кремле во время своего официального визита в СССР в ноябре 1988 г., Г. Коль отмечал: «Мы, немцы, отдаем себе отчет в том, сколько несчастья и страданий людям и семьям вашей страны было тогда (во время Второй мировой войны. — *Н.Ч.*) причинено руками немцев, сколько разрушений, сколько было потеряно доверия» [96]. Показательно и почти единодушное осуждение речи Ф. Еннингера западногерманской общественностью [97].

В то же время нельзя не учитывать, что несколько примолкшие «ревизионисты» отнюдь не сдали своих позиций. Их продолжает в ряде случаев поддерживать «большая пресса» консервативного направления. И хотя, по словам историка Ф. Бергхана, в ходе «спора» в бесчисленных статьях, появившихся в еженедельной прессе, были опробованы уже практически все возможные аргументы» [98], не исключено, что при определенных обстоятельствах споры об оценке национал-социалистского прошлого могут вспыхнуть с новой силой. Поводом к ним может явиться, например, явно обнаружившееся в ходе земельных и муниципальных выборов, а также выборов в Европейский парламент 1989 г. усиление позиций крайне правых группировок.

Как бы то ни было, наступление консервативно-националистических сил, развивавшееся в течение 70—80-х гг. в сфере исторической науки ФРГ, натолкнулось в настоящее время на серьезное сопротивление со стороны всех стоящих на демократических, либеральных и просто реалистических позициях историков.

1. *Das Parlament*. 25.XI.1988.

2. *Unsere Zeit*. 12.XI.1988.

3. О развитии западногерманской историографии фашизма см., например, *История фашизма в Западной Европе*. М., 1978, гл. XIII; *Weißbecker M. Entteufelung der braunen Barbarei*. Berlin, 1975; *Wippermann W. Faschismustheorien*. Darmstadt, 1975; *Unbewältigte Vergangenheit*. Berlin, 1977; *Faschismusvorsuchung*. Berlin, 1980.

4. *Ludwig J. Zur Wort- und Rückschritte im Historikerstreit // Das Parlament*. 17.X.1989.

5. *Die Welt*. 27.VIII.1987.

6. *Streit ums Geschichtsbild*. Hrsg. R. Kühnl. Köln, 1987; «*Historikerstreit*». Hrsg. E.R. Piper. München, 1987; *Gegen den Versuch, Vergangenheit zu verbiegen*. Hrsg. H. Hoffmann. Fr. a. M., 1987; *Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit*. Hrsg. D. Diner. Fr. a. M., 1987; *Auschwitz — Dachau — Buchenwald. Verdrängung oder Bewältigung? Antifaschismus und «Historikerdebatte»*. Fr. a. M., 1987, etc.

7. *Licht in der Schatten der Vergangenheit*. Berlin (West); *Normalität oder Normalisierung? München, 1987; Geschichtswende? Ensorgungsversuche zur deutschen Vergangenheit*. Freiburg (Breisgau), 1987; *Wieder die Entsorgung der deutschen Geschichte*. Hrsg. Die Grünen im Bundestag. Bonn, 1987; *Mommsen H. Auf der Suche nach historischer Normalität*. Berlin (West), 1987; *Kosiek R. Historikerstreit und Geschichtsrevision*. Tübingen, 1987; *Wehler H.-U. Ensorgung der deutschen Vergangenheit? München, 1988; Hennig E. Zum Historikerstreit. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Faschismus? Fr. a. M., 1988; Geiss J. Die Habermas-Kontroverse. Ein deutscher Streit*. Berlin (West), 1988; *Die neue deutsche Ideologie*. Hrsg. W. Eschenbach. Darmstadt, 1988; *Bölling R., Faulenbach B. Geschichtsbewußtsein und historisch-politische Bildung in der Bundesrepublik Deutschland. Beiträge zum «Historikerstreit»*. Düsseldorf, 1988; *Fleischer H. Zur Kritik des Historikerstreits // Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1988. Hf. 40—41, etc. Марксистскую оценку см.: *Фаллин В. По поводу новых «исторических дебатов» // Мировая экономика и международные отношения*. 1987. № 12; *Lozek G. Der Streit geht weiter // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1988. Hf. 1; *Kühnl R. Ein Kampf ums Geschichtsbild // Streit ums Geschichtsbild*, etc.

8. *Хёрсттер-Филлипс У. «Спор историков» в ФРГ // Новая и новейшая история*. 1987. № 3.

9. *Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen will // Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 6.VII.1986; *Hillgruber J. Zweierlei Untergang. Die Zerschlagung des Deutschen*

Reiches und das Ende des europäischen Judentums. Berlin (West), 1986; *Habermas J.* Eine Art Schadensabwicklung // *Die Zeit*. 11.VII.1986.

10. Версия о том, что «Гитлер... вспомнил об этом геноциде для осуществления собственных преступных целей» выдвигается в книге автора из США: *Bardakjan K.W.* Hitler and the Armenian Genocide. Cambridge (Mass.), 1985. P. 2.

11. Показательно то, что в последнее время Э. Нольте все больше сближается с крайне правыми кругами. Так, он сотрудничает в близком к неонацистам журнале «Mut» (*Unsere Zeit*. 1.II.1988), выступает в казарме бундесвера, пытаясь доказать, что гитлеровский вермахт будто бы был непричастен к преступлениям периода Второй мировой войны, повинны в них лишь «эйнзатцгруппы» SS (*Konkret*. 1987. № 3. S. 24–27).

12. *Freie Universität Berlin.* Namens- und Vorlesungsverzeichnis. Wintersemester 1986/87. Berlin (West), 1986. S. 465.

13. *Nolte E.* Der europäischen Bürgerkrieg. National – Sozialismus und Bolschewismus. 1917–1945. Berlin (West), 1986. S. 465.

14. *Nolte E.* Hitler war auch ein europäischer Phänomen // *Die Welt*. 21.IX.1987.

15. *Фалин В.* Указ. соч. С. 77–78.

16. *Historikerstreit*. S. 24. Стоит к тому же вспомнить общеизвестную норму международного права, не допускающую физического уничтожения военнопленных.

17. Оценку ее см.: *Фалин В.* Указ соч. С. 78–81.

18. *Hillgruber A.* Zweierlei Untergang. S. 25.

19. *Die Welt*. 15.IV.1986.

20. *Streit ums Geschichtsbild*. S. 230.

21. *Habermas J.* Op. cit.

22. *Streit ums Geschichtsbild*. S. 13.

23. *Lübbe H.* Es ist nicht vergessen, aber einiges ausgeheilt // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 24.I.1983.

24. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 6.VII.1986.

25. *Fest J.* Die Geschuldete Erinnerung // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 29.VIII.1986.

26. *Strauß F.-J.* Mehr aufrechter Gang // *Frankfurter Rundschau*. 14.I.1987; *Strauß F.-J.* Entscheidung für Deutschland // *Bayernkurier*. 17.I.1987.

27. *Strauß F.-J.* Wer die Deutschen kriminalisieren will, der fälscht Geschichte // *Die Welt*. 15.I.1987.

28. *Opitz R.* Zur Gegenwärtigen Diskussion um Faschismus und Neofaschismus // *Marxistische Blätter*. 1983. Hf. 1. S. 48.

29. Цит. по: *Kühnl R.* Nation – Nationalismus – nationale Frage. Köln, 1986. S. 24.

30. *Stürmer M.* Suche nach der verlorenen Erinnerung // *Das Parlament*. 17–24. V. 1986.

31. *Rheinischer Merkur* // *Christ und Welt*. 26.IV.1986.

32. *Winkler H.A.* Auf ewig in Hitlers Schatten? // *Frankfurter Rundschau*. 14.XI.1986.

33. Один из руководителей ХДС, председатель фракции христианских демократов в бундестаге А. Дреггер направил даже письмо 53 американским сенаторам, пытавшимся убедить Р. Рейгана отменить намеченное посещение этого кладбища, в котором заявил, что рассматривает их позицию как оскорбление павших на Восточном фронте своего брата и его товарищей // *Frankfurter Rundschau*. 24.IV.1985.
34. Г. Коль сам является историком по образованию. Он защитил диссертацию на историческую тему в университете Гейдельберга.
35. *Mommsen H.* Die Last der Vergangenheit wird weitgehend ausgelammert // *Frankfurter Rundschau*. 8.IV.1986.
36. Ibid.
37. *Die Welt*. 29.X.1987.
38. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 5.V.1986.
39. *Das Parlament*. 17–24.V. 1986.
40. *Konkret*. 1986. № 10. S. 104.
41. *Gillessen G.* Die Pflicht der Antigone // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 4.XII.1985.
42. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 6.VII. 1986.
43. *Lozek G.* Op. cit. S. 5.
44. *Kraus H.-Ch.* Wissenschaft gegen Vergangenheitsbewältigung // *Criticon*. 1987. Hf. 99.
45. *Der Spiegel*. 6.X.1986.
46. *Kraus H.-Ch.* Op. cit. S. 15.
47. *Die Welt*. 27.VIII. 1987.
48. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 31.VII.1986.
49. *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1948. Hf. 8. S. 474.
50. *Guten tag*. 1987. № 6. С. 37–28.
51. См., например: *Germania: ricerca di un identitata* // Il Mulino. 1986. № 2; *Golotti E.* Ce una volta Hitler... // *Rivista storia contemporanea*. 1987. № 1; *Rusconi E.G.* Italien und die deutsche «Historikerstreit» // *Ist der National-Sozialismus Geschichte?*
52. *Meier Ch.* Kein Schlusswort // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 20.IX.1986.
53. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 19.VII.1986.
54. *Kühnl R.* Op. cit. S. 212.
55. *Gillessen G.* Der Krieg der Diktatoren // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 20.VIII.1986.
56. *Hoffmann J.* Stalin wollte den Krieg // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 16.X.1986.
57. См., например: *Benz W.* Rußlandsfeldzug des Dritten Reiches: Ursachen, Ziele, Wirkungen. Fr. a. M., 1988.
58. *Unsere Zeit*. 2.XI.1988.
59. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 3.IX.1986.
60. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 31.X.1986.
61. *Die Zeit*. 1.VII.1988, 8.VII.1988, 12.VIII.1988.

62. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 6.VII.1986.
63. *Die Zeit*. 31.X.1986.
64. *Die Welt*. 24.XI.1986.
65. *Müller R.D.* Der andere «Holocaust» // *Die Zeit*. 1.VII.1988.
66. *Unsere Zeit*. 2.XI.1988.
67. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 18.X.1988.
68. *Die Totalitarismus-Doktrin* in Antikommunismus. Berlin, 1985.
69. См., напр.: *Jäckel E.* Die elende Praxis der Untersteller // *Die Zeit*. 12.IX.1986; *Faulenbach B.* NS-Interpretationen und Zeitklima // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1987. № 22; *Kocka J.* Die Identität und historischer Vergleich // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1988. № 40–41.
70. *Kocka J.* Hitler sollte nicht durch Stalin und Pol Pot verdrängt werden // *Frankfurter Rundschau*. 23.IX.1986.
71. *Lozek G.* Op.cit. S. 10.
72. *Habermas J.* Eine Art Schadensabwicklung. Fr. a. M., 1987.
73. *Broszat M.* Wo sich die Geister scheiden // *Die Zeit*. 3.X.1986; *Grab W.* Kritische Bemerkungen zur nationalen Apologetik. 1987. № 2. *Sontheimer K.* Rechtsdruck bei den Christdemokraten // *Evangelische Kommentare*. Februar, 1986; *Mommsen Z.* Weder leugnen noch vergessen befreit von der Vergangenheit // *Frankfurter Rundschau*. 1.XII.1986; *Haug W.F.* Der neuen Deutungskämpfe in Antifaschismus // *Das Argument*. Bd. 158. 1986; *Spört G.* Sinnstifter unter sich // *Die Zeit*. 17.X.1986.
74. *Kühnl R.* Op. cit. S. 270.
75. *Mommsen H.* Der Last der Vergangenheit // *Frankfurter Rundschau*. 8.IV.1986; idem. Neues Geschichtsbewußtsein und Relativierung des National-Sozialismus // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 1986. Hf. 10; idem. Die Wende im Geschichtsbild // *Vorwärts*. 1986. № 50/51; idem. Die Geschichte des deutschen Widerstands // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1986. № 50; idem. Suche nach der «verlorenen Geschichte»? // *Merkur*. 1986.Hf. 9/10; idem. Die Verantwortung des Historikers // *Rote Blätter*. 1986. № 2, etc.
76. *Vorwärts*. 1986. № 50/51. S. 40–41.
77. *Merkur*. Hf. 9/10. S. 966.
78. *Vorwärts*. 1986. № 50/51. S. 40–41.
79. В ФРГ, как и в других странах Западной Европы, днем окончания Второй мировой войны в Европе считается 8 мая.
80. *Das Parlament*. 11.V. 1985.
81. *Siebold H.R.* Eine Kampagne gegen Weizsäcker // *Deutsche Volkszeitung / die Tat*. 5.XII.1986.
82. *Weizsäcker R von.* Geschichte, Politik und Nation // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1986. Hf. 2. S. 69–70.
83. *Kühnl R.* Op. cit. S. 223–225.
84. *Das Parlament*. 11–18.XI.1988. S. 11.
85. *Blätter für die deutsche und internationale Politik*. 1986. № 10. 12; 1987. № 1, 2, 3, 12.

86. См.: *Борозняк А.И.* Историки-марксисты ФРГ против фальсификации характера и итогов Второй мировой войны // Вопросы истории. 1986. № 12.
87. *Unsere Zeit*. 21.I.1987.
88. *Unsere Zeit*. 30.I.1987.
89. *Marxistische Blätter*. 1987. № 1. S. 6–7.
90. *Marxistische Blätter*. 1987. № 3. S. 64.
91. *Ibid.* S. 66.
92. *Ibid.* S. 69.
93. *Gossweiler K.* Nur eine Historikerdebatte? // Streit ums Geschichtsbild; *Patzold K.* Von Verlorenen, Gewonnenen und Erstrebten oder: Wohin der «neue Revisionismus» steuert // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 1986. Hf. 12; *idem.* Wo der Weg nach Auschwitz begann // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 1987. Hf. 2.
94. *Schuster F.* Demokratische Positionen in der «Historikerdebatte» // *Marxistische Blätter*. 1987. № 3.
95. Цит. по: *Geschichtswende?*.. S. 78.
96. *Известия*. Московский вечерний выпуск. 25.XI.1988.
97. См.: *Безыменский Л.* Отзвук «Хрустальной ночи» // *Новое время*. 1988. № 48. С. 11.
98. *Berghahn V.* Geschichtswissenschaft und Grosse Politik // *Aus Politik Und Zeitgeschichte*. 1987. № 11. S. 26.

«Левые» национал-социалисты в исторической литературе*

Характерной чертой германского фашизма было наличие глубокого противоречия между его функцией выразителя интересов наиболее реакционных и агрессивных кругов финансового капитала и объективными интересами большинства различных социальных групп, главным образом, мелкобуржуазных, составлявших его массовую базу. Это противоречие усиливалось вследствие того, что фашизм, для того чтобы исполнить свою роль и привлечь миллионы сторонников, должен был широко прибегать к социальной демагогии, к «антикапиталистическим» лозунгам. Неизбежным результатом этого противоречия было постоянное существование серьезных внутренних конфликтов в национал-социалистской партии, борьба различных групп в ней. Естественно, что наиболее острой она была в период развития NSDAP в массовую партию, ее борьбы за власть и в первое время после захвата

---

* Статья полностью опубликована в сборнике: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. XI. Томск, 1976.

власти. Представители различных социальных слоев, составлявших массовую базу движения, стремились добиться проведения им политики, в той или иной мере отражавшей их интересы, хотя и понимаемые часто ложно.

История внутренних конфликтов в NSDAP сравнительно слабо изучена. Советскими историками пока не написано специальных исследований, посвященных этой теме. Число специальных работ, посвященных ей, за рубежом также невелико. Однако вопросы, связанные с внутренней борьбой в NSDAP, отражавшей противоречие между ее социальной функцией и объективными интересами большого числа ее сторонников, так или иначе затрагиваются в многочисленных работах, посвященных германскому фашизму в целом, либо тем или иным отдельным сторонам его истории. Это позволяет говорить о наличии на сегодняшний день историографии данной, имеющей и теперь весьма важное значение, проблемы. Это значение состоит, на наш взгляд, в том, что изучение ее позволяет правильнее оценить характер массовой базы современного неофашизма, определить основные направления борьбы с ним, а также выявить характер течений, которые, заимствуя те или иные черты фашистских движений, в действительности не относятся к ним [1].

Один из наиболее серьезных конфликтов в NSDAP был связан с деятельностью так называемых «левых» национал-социалистов в период частичной стабилизации капитализма и в первые годы мирового экономического кризиса. Возглавляемые братьями Грегором и Отто Штрассерами «левые» в основном действовали на территории северных и западных районов Германии. На совещании в Хагене в сентябре 1925 г. они образовали так называемое «Объединение северных и западных организаций NSDAP», которое провело в ноябре 1925 г. и январе 1926 г. две конференции в Ганновере, где обсуждались вопросы, связанные с выработкой новой программы партии и основными направлениями ее деятельности. Хотя на собрании нацистских руководителей в Бамберге 14 февраля 1926 г. взгляды «левых» были подвергнуты Гитлером резкой критике, а само «Объединение» формально было вскоре распущено, Штрассеры и их сторонники продолжали проводить свой курс. Ими было создано независимое от мюнхенского партийного центра издательство «Kampfverlag», по тиражам и влиянию своих изданий успешно конкурировавшее с изданиями мюнхенского руководства NSDAP.

Лишь после острого столкновения с Гитлером по поводу поддержки «левыми» забастовки саксонских металлистов в апреле 1930 г. О. Штрассер вместе со своими сторонниками в июле 1930 г. выходит из нацистской партии, создав «Боевое содружество революционных национал-социалистов», преобразованное затем в «Черный фронт». Однако и после ухода О. Штрассера в NSDAP оставалось значительное число прежних сторонников «левых». Что же касается их ведущего представителя Г. Штрассера, то он с конца 1927 г. стал руководителем организационного отдела нацистской партии и оставался им до декабря 1932 г., когда был исключен Гитлером из партии в связи с тем, что предлагал включить в будущее правительство кроме крайних националистов представителей иных политических групп. В ночь на 30 июня 1934 г., когда нацистское руководство уничтожило вождей штурмовых отрядов, был убит и Грегор Штрассер [2].

Стремление фашизма создать себе массовую базу для того, чтобы прийти к власти, и наличие противоречий между целями фашизма и интересами этой социальной базы были отмечены еще в документах Коминтерна. Так, IV Конгресс Коммунистического Интернационала (ноябрь — декабрь 1922 г.) отмечал: «Фашисты... пытаются также путем социальной демагогии создать себе почву в массах: в крестьянстве, в мелкой буржуазии, даже в известной части пролетариата» [3]. В резолюции третьего расширенного пленума ИККИ в июне 1923 г. о борьбе против фашизма говорилось, что «всюду основная сущность его сводится к сочетанию грубого террористического насилия с мнимореволюционной фразеологией, демагогически спекулирующей на запросах и настроениях широких трудящихся масс». Резолюция констатировала, что в эпоху революционного подъема фашизм заигрывал с пролетарскими массами, спекулируя на их революционных требованиях, и «следовавшая за ним масса шаталась между обоими враждебными лагерями, являющимися воплощением великих всемирно-исторических классовых противоречий, классовой борьбы». Исполком Коминтерна считал, что «смутно и бессознательно» находящиеся в фашистских рядах революционные элементы могут втягиваться в пролетарскую классовую борьбу [4].

В Программе Коммунистического Интернационала, принятой его VI Конгрессом (1928 г.), отмечалось, что «фашизм стремится проникнуть в рабочую среду, вербуя наиболее отсталые слои рабочих, используя

их недовольство, пассивность социал-демократии и т. д.», что фашизм использует «в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую идеологию» [5].

XIII пленум ИККИ в декабре 1933 г., давший известное, утвердившееся в марксистской историографии, определение фашизма, отметил, что фашизм «пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам... стремясь проникнуть также в рабочий класс» [6].

Стремление германского фашизма, «облаченного в маску классового борца», проникнуть в массы, в том числе и в ряды рабочего класса, путем выдвижения антикапиталистических лозунгов, отмечал неоднократно журнал «Коммунистический Интернационал» [7]. Журнал считал, что отколовшаяся в 1930 г. от NSDAP группа О. Штрассера особенно ловко спекулирует на настроениях масс. В то же время она не имеет будущего, так как за Гитлером стоят денежные тузы, и он благодаря этому сохраняет контроль над партийным аппаратом, в то время как группа О. Штрассера, выдвигая слишком радикальные лозунги, с точки зрения буржуазии, играет с огнем и потому не получает ее поддержки [8].

«Маскировка социальной демагогией дала возможность фашизму увлечь за собой в ряде стран выбитые кризисом из колеи массы мелкой буржуазии, и даже некоторые части наиболее отсталых слоев пролетариата», — отмечал в своем докладе на VII Конгрессе Коминтерна Г.М. Димитров [9]. «Фашизм приходит обыкновенно к власти, — говорил он, — во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в *борьбе даже в самом фашистском лагере*» [10] (курсив мой. — Н.Ч.). Эта борьба отражает противоречивые интересы тех разнородных социальных групп, которые он стремится привлечь под свои знамена.

Таким образом, в документах Коминтерна была в основном определена та социальная среда, выразителями настроений которой явились «левые» национал-социалисты.

Проблемы внутрипартийной борьбы в национал-социалистском движении затронуты в работах советских историков А.А. Галкина, Л.И. Гинцберга, А.С. Бланка и Б.А. Филиппова.

А.А. Галкин предпринял попытку точного определения социальной базы «левых» в NSDAP. Он считает, что они опирались на «представителей полуремесленного пролетариата, традиционно придерживавшихся консервативных, крайне националистических взглядов, враждебно относившихся к марксистам», а также на те слои «среднего сословия» с характерными для него консерватизмом и шовинизмом, которые пролетаризировались во время войны, революции и послевоенной инфляции. Они «стояли на позициях широкого использования социального маневрирования во имя ослабления, а затем и разгрома организованного рабочего движения».

А.А. Галкин отмечает весьма пагубную для немецкого рабочего класса роль «левых», поскольку их деятельность «способствовала распространению среди части рабочих иллюзии относительно “заслуг” NSDAP в борьбе за их интересы». Однако ценность «левых» для NSDAP «не могла идти ни в какое сравнение с ценностью поддержки еще одной фракции — монополистической буржуазии или представителей городских мелких буржуа». Поэтому они («левые». — Н.Х.) были принесены в жертву, причем одни из них быстро переориентировались (например, Геббельс), другие — пали жертвами репрессий [11]. А.А. Галкин констатирует, что «нацистское руководство получило рычаги правления только после того, как решительно разделалось с фракцией Грегора Штрассера, считавшейся “левой” [12].

Л.И. Гинцберг, не останавливаясь специально на деятельности «левых», отмечает, что они «пытались сочетать несоединимое: фашистскую идеологию, дикую вражду к организованному рабочему движению с борьбой против засилья крупного капитала». Подчеркивая, что и Отто, и Грегор Штрассеры были отъявленными фашистами, он, однако, как представляется, недооценивает их расхождение с Гитлером, утверждая, например, что Г. Штрассер был «единомышленником Гитлера во всем, кроме вопроса об участии в правительстве» [13].

А.С. Бланк считает, что целью «левых» в NSDAP было проникновение в чисто пролетарские организации, максимальное расширение социальной базы фашистского движения за счет привлечения в его ряды рабочих. «“Левые”, — пишет он — жонглировали антикапиталистической фразеологией, подвергали яростным нападкам отдельных не связанных с нацистами капиталистов. В некоторых случаях они даже в целях обмана поддерживали отдельные забастовки рабочих». А.С. Бланк

пишет, что каких-либо принципиальных разногласий с руководством NSDAP у «левых» при этом не было — «речь шла о выборе более целесообразных методов и демагогических лозунгов» [14]. Вопрос об объективной социальной базе идеологии «левого» национал-социализма автор не ставит, рассматривая внутривнутрипартийную борьбу в NSDAP лишь попутно с изложением своей основной темы.

Более или менее специально останавливается на изучении деятельности «левых» национал-социалистов Б.А. Филиппов. Он также считает, что «левые» нацисты «были проводниками идей фашизма в ряды пролетариата... они опирались на те слои рабочих, которые были привлечены в NSDAP националистическими лозунгами и требовали политики, отвечающей их интересам» [15]. Автор анализирует проект программы NSDAP, разработанный в начале 1926 г. Г. Штрассером, отмечая, что в нем «под видом “социализма” речь шла о государственном регулировании капиталистической экономики» [16]. Что касается группы О. Штрассера, в 1930 г. ушедшей из NSDAP, то он считает ее «оппозицией националистически настроенных мелкобуржуазных интеллигентов, которые пытались под лозунгами национального единства бороться и против монополистической буржуазии» [17].

Таким образом, советские историки, исследуя деятельность «левых» национал-социалистов, приходят к следующим основным выводам: а) «левые» были наиболее рьяными пропагандистами социальной демагогии фашизма; б) они опирались на отсталые слои рабочих и некоторые группы мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции; в) их идеология не отличалась принципиально от идеологии фашизма в целом; г) развитие контактов между NSDAP и ведущими кругами монополистической буржуазии неизбежно вело к разрыву нацистского руководства с «левыми». Однако эти верные теоретические выводы не подкреплены пока еще достаточным изучением конкретного материала. Особенно внимательного изучения заслуживает, на наш взгляд, социальная база «левых» — это проблема, связанная с выяснением характера внутренних противоречий и столкновений в фашистском движении и возможностей использования их в борьбе с ним.

Оценка и анализ деятельности «левых» национал-социалистов имеются также в некоторых работах историков ГДР. Так, В. Руге пишет, что взгляды О. Штеннеса (лидера «мятежа» берлинских штурмовиков против партийного руководства в начале 1931 г.) при всей их

неясности и дилетантизме «отражали разочарование части сторонников нацистов предательством социалистических лозунгов и все более очевидным согласованием действий Гитлера с монополистами». Он отмечает, что руководство КПГ ставило задачу использовать брожение и недовольство среди сторонников фашизма и «направить их путанные социалистические устремления по ясному революционному пути». В. Руге считает, что движение О. Штрассера, «не имея цельной программы, организационного и пропагандистского аппарата, денежных средств... было не в состоянии добиться существенного прорыва в фашистские ряды» [18].

Наиболее обстоятельно из историков ГДР проблемы внутренней борьбы в NSDAP рассматривает М. Вайсбеккер. В своей статье об NSDAP, помещенной в капитальном двухтомном справочнике «Буржуазные политические партии в Германии (1830—1945 гг.)», он подробно прослеживает основные этапы эволюции столкновений в нацистском движении. М. Вайсбеккер останавливается на двух основных эпизодах борьбы «группы Штрассеров» с мюнхенским партийным руководством. В 1925—1926 гг. использованные ею «вводящие в заблуждение фразы о национальном социализме (не национал-социализме!), о тотальной немецкой революции... о передаче нации земли, недр и средств производства должны были обеспечить NSDAP влияние среди доминирующих в северо- и западногерманских областях пролетарских сил». Фактически же борьба шла «вокруг тактических вопросов, а не единодушно признаваемых целей». Победа осталась за мюнхенским направлением, поскольку оно получало «более значительную политическую и финансовую поддержку крупной буржуазии, недоверчиво относившейся к “направлению Штрассеров” [19].

Серьезная напряженность возникла в NSDAP, отмечает М. Вайсбеккер, и в период создания массовой базы фашизма: «Она отражала как противоречия между империалистическим курсом вождей и интересами приверженцев национал-социализма, так и различное влияние отдельных монополистических групп на партию». Стремясь упрочить союз с крупной буржуазией, руководство NSDAP «делало все, чтобы избежать любого шага от социальной демагогии к действительной борьбе за социальные интересы трудящихся». Разрыв Гитлера со сторонниками О. Штрассера летом 1930 г. привел к тому, что большая часть мелкой буржуазии, испытывавшая мало симпатий к социалистическим фразам,

не видела теперь никаких препятствий к тому, чтобы открыто завершить свой переход к NSDAP. М. Вайсбеккер отмечает, что КПП усматривала серьезную социальную основу борьбы различных «клик вождей» в фашистском движении, что она стремилась привлечь на сторону революционного пролетариата имевшиеся в нем элементы, действительно верившие в социализм [20].

М. Вайсбеккер посвящает также статью деятельности основанного О. Штрассером после разрыва с Гитлером «Боевого содружества революционных национал-социалистов» («Черный фронт»). Он отмечает, что программа О. Штрассера, так называемые «14 пунктов германской революции», имела целью помешать переходу разочарованных сторонников NSDAP к КПП. Он констатирует, что в «Содружестве» имелись действительно революционные элементы, которые, в частности, провели решение о том, чтобы призвать сторонников своей группы либо бойкотировать выборы в рейхстаг в сентябре 1930 г., либо голосовать за кандидатов КПП. Их лучшие представители (Корн, Р.Х. Рем, Порф, Гроссе) в конце 1930 г. перешли в ряды коммунистов. Сам же О. Штрассер продолжал стоять на национал-социалистских позициях. Организация его впоследствии вносила раскол в ряды антифашистской эмиграции, а после войны, вернувшись в 1955 г. из эмиграции в Канаде в Западную Германию, он вновь пытался создать фашистские организации [21].

Наибольшее внимание деятельности «левых» национал-социалистов уделяет историография ФРГ. Ряд работ посвятили этой проблеме историки США. Следует отметить, однако, что подавляющее большинство исследований появилось сравнительно недавно, во второй половине 60-х и начале 70-х гг. Так, еще в 1967 г. американский историк Й. Ньюмарки констатировал, что «немногие аспекты истории германского национал-социализма пользовались столь малым вниманием ученых, как природа его фракционных конфликтов... До сих пор не было попыток сделать их предметом всестороннего теоретического анализа» [22].

Причиной повышения (в последние годы) интереса к данной проблематике наряду с накоплением большого фактического материала, вводом в научный оборот обширных архивных фондов национал-социалистской партии, хранившихся ранее в США и недоступных для большинства исследователей, является также обострение во второй половине 60-х гг. внутривнутриполитической борьбы в ФРГ — вспышка в ней

неонацистской опасности (НДП) и значительное оживление демократических сил, что привело к многочисленным острым дискуссиям о природе фашизма, его социальной базе, его связях с монополиями и т.д., в ходе которых неизбежно возникал вопрос о характере «левого» национал-социализма.

Ряд буржуазных идеологов (Ю. Хабермас и др.) поспешили приклеить ярлык «левого фашизма» молодежному и студенческому движению [23], резко активизировавшему свою деятельность и зачастую с неясных и утопических позиций отвергавшему современное капиталистическое общество. Все это требовало выяснения природы «левого» национал-социализма, его базы и объективной роли. Кроме того, в 60-х гг. среди историков и «политологов» ФРГ наблюдается резкое повышение интереса к изучению деятельности различных группировок, действовавших в политических партиях Веймарской республики или отколовшихся от них (Splittenparteien).

Это последнее обстоятельство связано, очевидно, с выяснением возможностей раскола организованного демократического движения в ФРГ, его «плюрализации». Репродуцируются издания различных сектантских, ультралевых, троцкистских и иных групп Веймарского периода, об их деятельности пишутся статьи и монографии [24]. Объектом изучения оказались и различные течения в германском фашизме, прежде всего «левые» национал-социалисты.

Показательно, что во многих работах по истории Веймарской республики и национал-социализма, написанных как в *годы фашизма*, так и в *первые послевоенные годы*, вопрос о «левых» течениях в NSDAP либо вообще не ставился [25], либо характеристика этого явления ограничивалась несколькими фразами. В тех же работах буржуазных историков, в которых авторы все-таки говорили об этом, наблюдалась явная тенденция изобразить «левых» как настоящих социалистов-революционеров с тем, чтобы подчеркнуть якобы «социалистический» характер NSDAP в целом, «сблизить» ее в рамках преобладавшей в те годы концепции тоталитаризма с коммунистической партией.

Особенно безапелляционные оценки подобного рода давались историками консервативного направления. Так, В. Герлиц и А. Квинт писали о «пролетарски-социалистической» программе и «явно социалистических требованиях крыла Штрассера» [26]. Впрочем, аналогичные

оценки давались и историками-либералами, и социал-демократами. Так, А. Розенберг писал о том, что в 1929 г. существовало «решительно социалистическое крыло NSDAP», которое вело пропаганду «приблизительно в стиле КПГ» и стремилось «открыть путь для социалистического переворота в Германии», предпосылкой чего должен был стать «отрыв» Гитлера от его союзника из дойч-националов Гугенберга. Весной 1930 г., писал А. Розенберг, левые национал-социалисты вместе с КПГ и левыми социал-демократами представляли революционное движение в Германии [27].

Х. Гребинг пишет о том, что на Рейне и в Руре национал-социалисты вели себя «подчеркнуто социалистически и даже по-пролетарски» говорит о «социалистической» группе О. Штрассера [28]. О «социалистическом крыле О. Штрассера летом 1930 г.» писал К.Д. Брахер [29]. И даже весьма критично настроенный к мифам буржуазной историографии Г. Хальгартен писал о «полусоциалистических подчиненных» Гитлера [30]. П. Эртцен считает, что «левый фашизм» является тем компонентом, который отличает фашизм в целом «от традиционной авторитарной, националистической и милитаристской реакции» [31]. Список подобных характеристик «левых» можно было бы значительно расширить.

Ряд западногерманских историков пытались также рассматривать «левых» национал-социалистов как часть некоего национал-большевистского течения в Веймарской Германии, которое якобы могло стать «третьей силой» и успешно бороться и с коммунизмом и с гитлеризмом под флагом ориентации на Восток и антикапиталистически окрашенной идеологии [32]. Кстати, за сторонника «третьего фронта», «отклоняющего индивидуализм буржуазного общественного порядка» с той же страстью, что и коллективизм общественного порядка масс», выдавал себя и сам О. Штрассер [33]. Параллели между деятельностью сторонников Штрассера и национализмом некоего нового рода, в котором «оказывается несостоятельным общепринятое различие между левыми и правыми», проводит К. Зонтхаймер [34]. Задачей «национал-большевизма» должны были стать «попытки направить КПГ по национальному курсу», поскольку, как пишет он, в полном соответствии с клише буржуазной пропаганды, она была якобы подчинена «Советам» [35].

По этому же пути идет и О.Э. Шюддекопф, который говорит о наличии в 1925—1926 гг. в NSDAP «сильного национал-коммунистиче-

ского течения», о том, что северные группы нацистов переживали «превращение из мелкобуржуазной в пролетарскую партию» [36]. «Левые люди в лагере правых», к которым автор относит и сторонников Штрассеров, и сторонников «национал-большевизма», и представителей различных младогерманских группировок, множество которых появилось в последние годы Веймарской республики, по мнению автора, «считали, во всяком случае, сохранение и развитие мирных отношений с СССР главным принципом германской внешней политики». Это обуславливает важность изучения их деятельности и в наше время [37].

Что касается степени самостоятельности «левых» в национал-социалистской партии, то здесь мнения западногерманских историков резко расходятся. Если некоторые из них подчеркивают противоположность их принципов «гитлеровскому» направлению в NSDAP и их организационную самостоятельность, то другие призывают не переоценивать их расхождений с Гитлером. Так, А. Тирел в комментариях к сборнику документов о «боевом периоде» NSDAP отмечает, что Г. Штрассер в 1925—1926 гг. действовал по поручению «фюрера», что можно говорить не о «крыле» О. Штрассера в национал-социалистской партии, а всего лишь о «кружке» его сторонников и т.д. [38]. Г. Хайбер характеризует деятельность «объединения северных и западных организаций NSDAP» как всего лишь «фронт против мюнхенского партийного руководства» [39].

С более или менее демократических позиций была написана книга, вышедшая в 1958 г., близкого к профсоюзным кругам историка Г.-Г. Шумана «Национал-социализм и профсоюзное движение». Автор отмечает, что «вплоть до захвата власти национал-социализму не удалось сколько-нибудь существенное проникновение в ряды рабочего класса... После 30 января это положение не изменилось решающим образом» [40]. «Деятельность “левых” национал-социалистских профсоюзов, — пишет он, — как это давно уже поняли ведущие предпринимательские круги... была лишь отдушиной для тех групп, которые слишком буквально понимали термин “sozialistische” — “социалистическая” в наименовании партии» [41]. (Н.С. Черкасов переводит в этом случае именно «социалистическая». — Н.Х.). Тем не менее деятельность «левых» являлась препятствием для использования нацистской партией жизненно важных для нее финансовых источников крупного капитала, что и было одной из главных причин неуклонного и тщательного искоренения «социализма» внутри NSDAP [42].

В 1966 г. почти одновременно появились две работы, посвященные анализу деятельности «левых» национал-социалистов. Это работы Р. Кюнля и Г. Шильдта [43]. Обе они были написаны молодыми учеными и явились изложением их диссертационных сочинений. Правда, если Р. Кюнль излагает события, начиная от образования «Объединения северных и западных организаций NSDAP» до разрыва О. Штрассера с нацистской партией, то Г. Шильдт ограничивается изложением лишь недолгой истории упомянутого «Объединения». Однако позиции авторов по рассматриваемым ими проблемам весьма различны. Книга Шильдта, кстати, в свое время эмигрировавшего из ГДР в Западную Германию, воспитанника реакционной фрейбургской школы историков, где среди его учителей были такие столпы консервативного направления историографии ФРГ, как Г. Обен, Г. Риттер, написана с позиций подчеркнутого академизма и мнимой беспристрастности. Один из рецензентов книги Шильдта с похвалой пишет, что в его исследовании «критика идеологии едва ли играет какую-либо роль» [44]. Это, однако, не может скрыть явно антидемократических взглядов автора.

Книга Р. Кюнля, ученика В. Абендрота, главы, стоящей в основном на демократических позициях марбургской школы социологии и политологии, несмотря на существенную непоследовательность взглядов автора, написана с боевых антифашистских позиций. Автор не ограничивается выявлением голых исторических фактов, а стремится определить сущность германского фашизма, его классовую природу [45].

Г. Шильдт весьма скрупулезно реконструирует историю возникновения и деятельности «Объединения северных и западных организаций NSDAP», используя при этом широкий круг источников, в том числе архивные материалы и записи бесед с причастными к деятельности этого «Объединения» лицами. Он справедливо критикует некоторые из этих источников, особенно явно неточные мемуары О. Штрассера, гипертрафующие роль их автора в описываемых событиях [46]. Повидимому, резонным является его упрек Р. Кюнлю в том, что тот чрезмерно доверяет версиям О. Штрассера [47]. Г. Шильдт отмечает, что единого блока гауляйтеров Северной и Западной Германии в описываемое им время не было. В «Объединении» налицо была большая пестрота взглядов и идеологических направлений [48]. В то же время он считает, что целью сторонников Штрассеров был, несомненно, социализм. Так, Г. Штрассера он называет «ведущим социалистом» NSDAP,

Геббельса — «самым значительным социалистом» в нацистском движении, которого от коммунистов отделял... лишь его антисемитизм.

Р. Лей, будущий руководитель гитлеровского «Трудового Фронта», целиком и полностью подчинявшего трудящихся предпринимателям, оказывается «по-человечески чувствовал положение рабочих», а его «социализм» был «родствен классическому идеалу гуманности». «Одним из решительнейших социалистов» был, по мнению автора, и ставший позднее палачом Польши и других оккупированных территорий Э. Кох [49]. Характеризуя подобным образом «левых» национал-социалистов и отмечая, что при этом у них не было принципиальных расхождений с Гитлером («Социальные требования Гитлера были ограниченнее, чем у Штрассера. У Гитлера они находились на периферии, у Штрассера — в центре») [50], Г. Шильдт тем самым определяет и NSDAP в целом как «социалистическое» течение. Более того, он пытается найти «определенную общность» между коммунистами и национал-социалистами на том основании, что и те и другие были якобы едины «в отклонении Веймарской республики, демократии вообще» [50]. Показательно, что в отличие от почти всех западногерманских авторов Г. Шильдт тем самым характеризует «социалистические» лозунги нацистов как демагогию. Он оставляет в стороне вопросы о связях NSDAP с монополистическими кругами и о влиянии их на размежевание в ней [51].

Наиболее обстоятельным и глубоким исследованием деятельности «левых» до сегодняшнего дня остается монография Р. Кюнля. В Марксистской литературе уже отмечались демократические исходные позиции автора данной работы, равно как и ее существенные недостатки [52]. Следует отметить, что в появившихся в последние годы статьях и книгах Р. Кюнля его оценка национал-социализма в целом и «левых» в нем существенно углубилась. Выдвигаемые в них положения снимают значительную часть высказывавшихся ему упреков в недостаточно четком представлении о классовой сущности фашизма. В данном случае взгляды Р. Кюнля на проблему «левых» рассматриваются с учетом его публикаций последних лет.

В своей монографии о «национал-социалистской левой» Р. Кюнль прежде всего пытается выяснить условия ее возникновения и активизации. Он видит их в том, что, несмотря на стабилизацию с 1924 г. экономической обстановки в стране, социальные сдвиги, развившиеся

в Германии после мировой войны, продолжались. Они «особенно затрагивали мелкую буржуазию, экономической самостоятельности которой угрожали процессы концентрации и централизации в промышленности». Мелкий буржуа чувствовал себя ущемленным и со стороны крупной буржуазии, и со стороны рабочих с их профсоюзами. Это его настроение усиливалось поражением в войне и его последствиями [53]. Мелкие торговцы и предприниматели, служащие особенно остро ощущали угнетение со стороны крупных предпринимателей в индустриальных районах Северной Германии. Поэтому нацистская пропаганда «должна была, если она не хотела бить в пустоту, в большей мере выступать в согласии с антикапиталистическими лозунгами» [54]. Подробно анализируя «социалистические» требования программы Г. Штрассера, Р. Кюнль приходит к выводу, что они не «выходили существенно за рамки двадцати пяти пунктов» NSDAP. «Как здесь, так и там, — пишет он, — речь идет о специфическом мелкобуржуазном антикапитализме» [55]. В другом месте своей работы Кюнль отмечает, что касающиеся экономической политики пункты программы NSDAP, хотя она и называла себя рабочей партией, «в целом определенно выражали интересы “старого миттельштанда”, мелких производителей, мелких торговцев и ремесленников» [56].

Точка зрения Кюнля в данном случае представляется правильной. Что касается конкретного содержания социально-экономических разделов «25 пунктов» и программы Г. Штрассера, то они действительно отражали устремления мелкой буржуазии. Другое дело, что национал-социалистские лидеры и не думали о том, чтобы на практике осуществлять выдвинутые ими же требования, что в официальных комментариях к «25 пунктам» (написанных псевдонаучным языком и практически оставшихся неизвестными массам) гарантировалась неприкосновенность частной собственности крупнейших капиталистов [57]. Фактически здесь имеет место противоречие между положениями, сформулированными в упомянутых программах, и социально-политической функцией национал-социализма. Суть этого противоречия удачно сформулировали другие ученики В. Абендрота в коллективно написанном предисловии к сборнику оценок соотношения фашизма и капитализма. «Антикапитализм программы, — пишут они, — ...находился в противоречии с политической и общественной функцией фашизма и его практикой» [58]. Несовпадение между программными установками и объективной

функцией движения, конечно, не является чем-то уникальным в современной истории, однако в случае с национал-социалистским движением оно проявилось наиболее резко, имело особенно далеко идущие последствия.

Именно это противоречие между программными установками, в которых нашло отражение самосознание мелкобуржуазных сторонников фашизма, и объективной функцией фашистского движения сделало возможным создание массовой базы национал-социализма. Это «зияющее», по словам Кюнля, противоречие и образовало основу социальной демагогии гитлеровцев, позволившей им создать массовое движение, без которого не могла быть установлена система фашистского господства [59].

Немалую роль в создании этой массовой базы фашизма сыграли «левые» национал-социалисты. В то же время они по мере расширения контактов Гитлера и его окружения с предпринимателями, и особенно по мере того как вопрос о приходе NSDAP к руководству страной стал ставиться в практической плоскости, по мнению Кюнля, становились помехой для национал-социалистского руководства. Фашистское движение, пишет он, формируется не только потому, что «капиталистические предприятия вскармливают его своей финансовой помощью с тем, чтобы впоследствии использовать его против рабочих организаций». Оно возникает и из социально-экономического кризиса, вызванного трудностями воспроизводства капиталистических отношений. «Фашистское массовое движение возникает спонтанно, имея вполне амбивалентный характер и будучи направлено как против социализма и демократии, так и против капитализма» [59]. Однако по мере того как ведущие слои господствующего класса вступают в союз с фашистским движением, «они предоставляют в его распоряжение денежные средства и пропагандистские возможности и требуют взамен, чтобы антикапиталистические элементы внутри фашистского движения были подавлены и вся сила движения использована против “левых”» [60]. При этом буржуазная пресса преувеличивала значение «антикапиталистических» формулировок «левых» национал-социалистов, утверждая, что от них якобы всего лишь шаг до марксизма, побуждая тем самым руководство NSDAP к более решительному подавлению оппозиции в партии [61]. Этому способствовали, по сути дела, заявления О. Штрассера, и его сторонников в печати «Kampfverlag» о том, что их «революционная

концепция» будто бы, поддерживая в национальных вопросах дойч-националов, в экономических и социальных поддерживает СДПГ и КПГ [62].

В. Абендрот в предисловии к книге Р. Кюнля о «левых» пишет, что в условиях экономического кризиса, когда шансы NSDAP на приход к власти резко возросли, северогерманское крыло... быстро потеряло свое внутрипартийное влияние и могло быть нейтрализовано или удалено Гитлером. Мюнхенское руководство партии, которое до сих пор должно было использовать эту группировку, теперь должно было избавиться от всех тех тенденций, которые могли сделать партию сомнительной для вождей экономики [63].

Кюнль решительно выступает против попыток представить «левых» настоящими социалистами. Отмечая, что «для любой политической теории, притязавшей на то, чтобы быть социалистической, ключевым является вопрос об отношении к частной собственности». Он констатирует «...NSDAP и на своем левом крыле занимала совершенно иную позицию, чем рабочие партии» [64]. Возражая А. Швейцеру и Г. Фабри, характеризующим «левых» как социалистов, Кюнль пишет: «Национал-социалистские левые были выразителями антикапиталистических настроений среди слоев, которые тем не менее строго придерживались принципов буржуазного общества» [65]. Полемизируя по аналогичному поводу с М. Брозцатом, он подчеркивает, что речь должна идти не более чем «об антикапиталистических стремлениях мелких собственников, которые были направлены лишь против крупного капитала, но твердо стояли на базе частной собственности» [66]. «Антикапиталистическая агитация NSDAP имела только демагогическую функцию: таких лозунгов требовали мелкобуржуазные массы», — пишет Р. Кюнль [67].

Концепция Р. Кюнля относительно характеристики течения «левых» и их роли в национал-социалистском движении близка к марксистской. Она, конечно, не свободна от недостатков. Нельзя согласиться с автором, когда он определяет национал-социалистское движение в целом как мелкобуржуазное, что свидетельствует о нечетком понимании им классовой сущности фашизма и идеализации «ранней» NSDAP [68]. Однако справедливости ради надо заметить, что подобная неудачная формулировка применяется им в основном в том контексте, где он говорит о социальном составе NSDAP, а не об ее объективной функ-

ции. Недостатком является и недифференцированный подход Кюнля к мелкой буржуазии — без попыток выделить именно ту ее часть, на которой базировались «левые». Р. Кюнль не противопоставляет демагогию лидера «левых», среди которых подвизался и такой виртуоз политической лжи и обмана, как Геббельс, и настроения их рядовых сторонников. Тем не менее рассматриваемая книга внесла важный вклад в изучение проблемы «левого» национал-социализма и критику его трактовки буржуазной историографией.

В 1967 г. появилась книга американского исследователя Й. Ньюмарки о фракционной борьбе в NSDAP. Одну из глав он посвящает характеристике «левых», «северных фракций», как он называет это течение [69]. В изложении самой истории внутрипартийного конфликта в фашистском движении Ньюмарки не вносит чего-либо существенно нового. Он пишет о том, что на севере нацисты должны были стремиться идентифицировать себя с рабочими, которые составляли здесь большинство. Однако, констатирует он, опираясь на изученные им архивные данные, рабочих в местных группах нацистской партии было вначале очень мало. Клант — лидер группы в Гамбурге, сообщал в марте 1925 г. партийному руководству в Мюнхене: «Мы имеем лишь пятерых рабочих, завоеванием которых гордимся больше, чем пяти докторов наук». Отчеты других округов за апрель 1925 — февраль 1926 гг. показывали такую же картину [70].

Ньюмарки приходит к выводу, что сравнение документов «северных фракций» и «25 пунктов» показывает, что различие между ними «не было столь резким, как это обычно рисуют» [71]. Он считает, что «социалистическая ориентация» в 1925—1928 гг. была присуща нацистской партии в целом. «Политика “Kampfverlag” не была оппозиционной той, о которой говорил Гитлер в 1925—1929 гг.», — пишет он [72]. «Социалистическая» ориентация партии отразилась и на ее членском составе. «Нацизм ее базировался на связи со средним классом, после 1925 г. получал существенную часть членов из рабочих и низших классов. На севере и западе подъем движения обеспечили в значительной степени рабочие» [73]. Эта, «несомненно, социалистическая ориентация», считает Ньюмарки, была «исправлена» лишь «самим» Гитлером в 1929 г. Это «исправление» совпало с «поворотом по отношению к нацистам в кругах промышленников и консерваторов», поскольку «экономический кризис 1929 г. сделал для большого бизнеса очевидной

необходимость широкой социально-политической базы для защиты своих интересов» [74].

Ньюмарки, таким образом, констатируя ориентацию друг на друга крупного капитала и нацистских лидеров после 1929 г., в то же время присоединяется к широко распространенному в буржуазной историографии тезису о «социалистическом» характере «ранней» NSDAP. Нацистская партия, по его мнению, не имела определенной классовой ориентации и на разных этапах своего существования ориентировалась на различные социальные силы: до 1929 г. — на мелкую буржуазию, после — на крупный капитал. Решающая роль в осуществлении этих поворотов принадлежала самому Гитлеру, его харизматическому влиянию на партию.

Главным вопросом, на который пытается ответить Ньюмарки в своем исследовании, является вопрос о том, почему фракционные конфликты в нацистском движении не были, по его мнению, столь драматичными и принципиальными, как конфликты в «марксистских партиях». «Объединение северных и западных организаций NSDAP в 1925—1926 гг., “Kampfverlag” в 1926—1930 гг. и штурмовые отряды до 1934 г., представлявшие наиболее динамичные и мощные составные части движения, — пишет автор, — как только Гитлер повернулся против них, распались почти мгновенно... Почему вожди этих фракций, столь очевидно популярные и могущественные, были покинуты своими последователями в решающий момент?» [75]. Причину этого Ньюмарки видит в том, что «нацистская партия базировалась на харизматической легитимации» [76], т.е. на личных качествах Гитлера, на его способности неотразимым образом влиять на окружающих. «Харизматический авторитет поднимал вождя над фракционными конфликтами... Фракции могли рассчитывать на поддержку членов партии лишь пока они представляли себя действующими от имени Гитлера. Как только они приходили в конфликт с Гитлером, сторонники покидали их и фракция терпела крах» [77].

Ньюмарки в своей концепции признает определенное значение классовых моментов в развитии конфликтов в нацистском движении, и в первую очередь в деятельности «левых». Однако в конечном счете разгром «левых» и союз NSDAP с монополистическими кругами объясняются им личными решениями «харизматического вождя». Он гипертрофирует значение организационной структуры NSDAP, не видя ее

обусловленности задачей привлечения на сторону наиболее реакционных кругов крупного капитала массовой, главным образом, мелкобуржуазной базы, а не личностью Гитлера.

Характеризуя идеологические позиции лидеров «северных фракций», Ньомарки вслед за целым рядом уже упоминавшихся западно-германских авторов считает их одной из разновидностей «национал-большевизма». На нелепость и явно дезинформирующий смысл этого термина указывает уже то, что сам автор называет это течение «анти-марксистским и антиинтернационалистским» [78], т.е. ничего общего с большевизмом не имеющим.

Значительно более грубую, чем Ньомарки, попытку представить «левых» национал-социалистов и NSDAP в целом носителями «социалистических» идей, доказать «пролетарский» характер германского фашизма предпринимает американский историк М. Келе [79]. Он всерьез воспринимает обращенную к рабочим демагогию национал-социалистов, пытается доказать наличие у гитлеровцев «социальной теории», в соответствии с которой «рабочие играли важную роль в нацистском анализе социальной действительности» [80]. Что касается «левых», то, по мнению М. Келе, неверно переоценивать их самостоятельность во всех отношениях. Ни Г. Штрассер, ни другие лидеры «левых» никогда не пытались оспаривать руководящее положение Гитлера в партии и его авторитет. Выступая против тех историков, «которые имеют тенденцию приуменьшать или игнорировать серьезные идеологические дискуссии, бывшие реальной причиной фракционной борьбы в NSDAP», Келе отказывается от попыток определения социальной основы этих дискуссий. Он резко отрицательно отзываясь о «написанном на неомарксистском языке» анализе социальной базы «левых» у Р. Кюнля [81]. Американский историк считает, что и «левые», «штрассериты», как он их называет, и NSDAP в целом ориентировались на рабочий класс. В доказательство этого положения Келе приводит заявление Гитлера о том, что целью его является «утвердить свастику на каждом заводе, в каждом цехе», и факты поддержки нацистской пропагандой отдельных забастовок в 1927—1928 гг., и создание NSBO — национал-социалистских производственных ячеек. Гитлер, считает автор книги, «стоял над идеологическими дискуссиями» в партии, не возражая против «абстрактного социализма» сторонников Г. Штрассера. Резко выступал он лишь против их «восточной ориентации», под которой

буржуазные авторы понимают высказанные Геббельсом и другими деятелями «левых» демагогические заявления о целесообразности союза Германии с «национальной», «освободившейся от марксизма» Россией против «версальских угнетателей» [82].

Деятельность «левых», считает Келе, оказала «сильное и устойчивое влияние на развитие NSDAP». Он совершенно справедливо замечает, что объективно функцией «левых» было «освободить рабочих от марксизма», посредством пропаганды мнимого «социализма» привлечь их на сторону национал-социализма [83]. Однако в отличие от почти всех других исследователей, Келе считает, что «левые» и NSDAP в целом добились в этом отношении поставленных целей. Доказательство этого тезиса и является стержнем его работы. «Экономические различия между средним классом и рабочим классом в 20-х гг. исчезли», — пишет он [84]. Исходя из этого абсолютно неверного, с точки зрения большинства даже буржуазных авторов, положения, Келе считает возможным писать о том, что «если добавить к... числу промышленных рабочих (членов NSDAP. — *Н.Ч.*), работающих по найму служащих, ремесленников и сельскохозяйственных рабочих, то более половины членов NSDAP могут быть классифицированы как “рабочие” в широком смысле этого слова» [85]. Келе пишет даже о «классовом характере нацистской партии как партии рабочих» [86]. Как мы видим, в стремлении доказать свои фальсифицирующие характер нацистского движения тезисы, американский историк порывает с элементарными нормами научной добросовестности. Его позиция объективно совпадает со штампом нацистской пропаганды о «рабочести кулаком и лбом» (*Arbeitertum der Faust und der Stirn*), прямо нацеленным на ликвидацию классового самосознания трудящихся.

«Левые», считает Келе, всегда были в NSDAP, и говорить, как это делают другие авторы, о «разгроме» их и об окончательном оформлении союза Гитлера с правыми кругами, не следует. «Несмотря на правый курс, проводимый им в 1930—1932 гг., Гитлер не “разгромил” левое крыло в своей партии, — пишет он. — Напротив, ему была предоставлена как раз в эти годы свобода агитации и организации» [87]. Таким образом, несмотря на «правый курс» Гитлера, вся нацистская партия оказывается у Келе «левой», «рабочей», «социалистической», но отнюдь не партией наиболее реакционных кругов крупного капитала.

Если говорить о западногерманской историографии, наиболее интенсивно занимающейся данной темой, то в ней, как в оценке национал-социализма в целом, так и в оценке «левых», в настоящее время преобладает трактовка, даваемая историками либерального направления [88]. Примером являются обобщающие работы по истории германского фашизма лидеров этого направления К.Д. Брахера и М. Брозцата.

Брахер, характеризующий NSDAP как партию мелкой буржуазии, как «сборную партию средних слоев населения» [89], считает сторонников Штрассеров носителями «антикапиталистической» тенденции этих слоев. Рабочих, как он неоднократно подчеркивает, нацистской партии на свою сторону в целом привлечь не удалось [90]. Ориентация Гитлера на «новых друзей в промышленности и торговле», для которой деятельность «левых» создавала определенные затруднения [91], привела к разрыву с последними. Гитлер легко добился победы, поскольку он был «абсолютным, единственным центром кристаллизации в движении и в то же время стоял над ним» [92].

Брозцат считает причиной усиления «социал-революционной тенденции в NSDAP» то, что нацистская партия «в индустриально-городских центрах Северной и Западной Германии интенсивнее сталкивалась с социалистически организованными рабочими» [93]. Он отмечает отсутствие принципиальных расхождений сторонников Штрассера с гитлеровским руководством. Курс их, пишет он, был «определенно ориентирован не программными вопросами, а соображениями пропаганды, имея в первую очередь целью превратить социальное недовольство в национальную динамику». Тем не менее он «едва ли был совместим с буржуазными и консервативными представлениями национальной правдой» [94], что и привело к его ликвидации Гитлером. Брозцат считает также причиной поражения «левых» «харизматический» характер движения, «мировоззрение коего воплощалось в Гитлере, без которого оно теряло всю свою интригующую силу» [95].

В общем и целом воспроизводит оценки Брахера и Брозцата работа молодого западногерманского историка Вильгельма Хорна о внутрипартийных проблемах NSDAP до ее прихода к власти. В ней значительное место отведено характеристике «левых» национал-социалистов. Хорн констатирует, что «вопрос о месте и значимости “национального социализма” в NSDAP все еще спорен» [96]. Хорн также считает, что

причина неудачи фракционных течений в нацистской партии заключалась в принципе «фюрерства», которым она руководствовалась. «Левые» не имели никаких шансов, пишет он, «пока масса членов партии соглашалась с притязаниями «фюрерской» идеологии и видела в Гитлере воплощение национал-социализма» [97]. Причину же развития этой «идеологии» автор видит в том, что в сложной обстановке колоссальных социальных и политических потрясений в Германии «широким слоям населения бегство от собственной ответственности под крылышко сильного руководства казалось единственным выходом» [98].

Если говорить о мелкобуржуазных слоях населения, то автор, очевидно, прав, отмечая эту особенность их настроений в данный период. Именно это их стремление к отказу в сложной обстановке от собственных решений, к тому, чтобы спрятаться за «сильную личность», и было использовано в своих целях фашизмом. Хорн, однако, говорит о таких настроениях применительно ко всему населению Германии. Как и Ньюмарки, он не видит классовых и политических основ идеологии «фюрерства», передвигая их в область социальной психологии. Не видит он и классовой обусловленности слабости «левых».

Работа Хорна содержит ряд реалистических, верных оценок деятельности «левых» в NSDAP в целом. Отмечается, что «от рабочего класса NSDAP смогла оторвать только периферийные слои», что постоянно повторяющиеся призывы «выиграть» рабочих для «национальной идеи» были «слишком прозрачны для маскировки того, что Гитлер отводил рабочему классу в своих политических расчетах лишь функцию инструмента». Хорн констатирует, что образование национал-социалистских профсоюзов тормозилось не недостатком средств и кадров у партии, как заявляло руководство национал-социалистов, а опасениями, что это затруднит... сближение Гитлера с пропагандистски атакуемым «капитализмом» и может обострить внутрипартийную борьбу в NSDAP [99].

Причину возникновения «левого» крыла в NSDAP Хорн видит в разносторонности социального состава этой партии. Он, однако, не делает попытки конкретно определить его базу. Отмечается, что у «левых» не было четко сформулированной общей линии: внутри «Объединения северных и западных организаций NSDAP», пишет он, при относительно прочных организационных рамках развились весьма разнообразные и противоречивые точки зрения [100]. Излагая историю

событий, приведших к отколу группы О. Штрассера от NSDAP, В. Хорн отмечает, что хотя в этот период социальный состав гитлеровской партии «существенно не изменился, экономический кризис усилил осознание сторонниками национал-социализма фактической разноречивости их интересов и тем самым обострил внутривнутрипартийные напряжения» [101].

Характеризуя концепцию «левых», Хорн полагает, что ее основным содержанием было «отклонение капиталистической хозяйственной системы, подчеркивание интересов лиц наемного труда, т.е. более точная интерпретация «антикапиталистических пунктов программы» [102]. Основным же содержанием внутривнутрипартийной борьбы он считает стремление части членов партии освободиться от «отождествления “фюрера” и “идеи” посредством конкретизации партийной программы и дискуссии по повседневному политическим вопросам» [103]. Ликвидировать принцип «фюрерства» оппозиции не удалось, и она потерпела поражение — таков вывод В. Хорна.

Анализ работ буржуазных авторов позволяет выделить несколько проблем, имеющих наиболее важное значение в оценке ими деятельности «левых» национал-социалистов. Это — вопрос о причинах появления и усиления «левого» крыла в NSDAP, вопрос о причинах, по которым произошло его столкновение с гитлеровским руководством, вопрос о причинах поражения «левых» в этом столкновении и, наконец, вопрос о значении победы Гитлера над ними для дальнейшего развития нацистской партии и политической обстановки в Германии вообще.

Ответа на первый из этих вопросов многие буржуазные историки, особенно консервативного направления, просто не дают. Они удовлетворяются констатацией наличия в NSDAP «левого» крыла с «социалистическими» тенденциями. Что касается западногерманских историков-либералов, то они признают существенное влияние социально-экономических факторов на внутривнутрипартийную борьбу в нацистском движении, дают зачастую реалистические оценки ее. Однако нежелание признать национал-социализм движением, выражающим прежде всего интересы наиболее реакционных кругов крупного капитала, стремление доказать его мелкобуржуазный характер лишают их возможности увидеть то противоречие между социальной функцией и массовой базой фашизма, которое было основной причиной этой борьбы. Они также чрезмерно преувеличивают роль Гитлера и значение политических и идеологических «структур» рассматриваемого периода. Такими

структурами, будто бы серьезно влиявшими на ход внутрипартийной борьбы, изображаются католическая и протестантская церкви. Так, И. Фест пишет о «недоверии трезво мыслящих протестантов с Севера к любящей мелодраму мелкобуржуазной богеме и ее представляющемуся “проримским” курсу» [104].

Говоря о причинах разрыва Гитлера с «левыми», большинство буржуазных историков констатирует растущую ориентацию его на открытый союз с крупной буржуазией и «национальными правыми силами», которые не желали терпеть в фашистской партии «социалистическое» крыло, с опаской относясь к его социальной демагогии. «Гитлер стремился убедить буржуазные силы, занимавшие командные высоты... в Веймарской республике, особенно руководство рейхсвера и экономики, в своей лояльности. При всех обстоятельствах он должен был помешать тому, чтобы социалистическое крыло его собственной партии (т.е. «левые» национал-социалисты. — *Н.Ч.*) испортило этот гешефт», — пишет О.Е. Шюддекопф [105]. К. Зонтхаймер подчеркивает, что «Гитлер без колебаний отказался от социалистического компонента своей идеологической смеси, когда в решающие годы своего подъема он смог заручиться поддержкой магнатов индустрии» [106]. В то же время отмечается, что Гитлер проявлял «сдержанность» в отношении представителей «левых» и стремился использовать их в своих целях и дальше» [107]. Все эти моменты отмечены совершенно справедливо. Однако, как мы видим, буржуазная историография опять-таки сводит все дело к позиции одного Гитлера, оставляя в стороне вопрос о сущности национал-социализма как такового.

Свести все дело к личным качествам Гитлера стремится буржуазная историография и при ответе на вопрос о причинах поражения «левых». И. Фест выдвигает на первый план «ловкость» и «силу обольщения» Гитлера [108]. Большинство консервативных историков пишут о его «демоническом характере», которому, якобы, нельзя было противостоять. И. Ньюмарки пишет о «харизматическом источнике власти» как определяющем факторе решения фракционных конфликтов в пользу вождя движения [109]. При этом многими авторами резонно подчеркивается антидемократический характер NSDAP, в силу которого в массах партии о конфликте между руководителями просто-напросто не знали [110]. Большая часть буржуазных историков, как можно было видеть, отмечают слабость «левого» течения в национал-социализме,

но при этом видят причины ее отнюдь не в несоответствии подлинной «левизны» с самим характером фашистского движения.

Что касается значения победы Гитлера над «левым» крылом национал-социалистского движения, то большинство буржуазных авторов, в противоположность точке зрения исследователя-марксиста из ГДР М. Вайсбеккера о «сравнительно малых последствиях» внутриполитической борьбы для NSDAP [111], считают, что она привела к решительному изменению характера партии. После ухода О. Штрассера, пишет Э. Нольте, «даже самые недоверчивые из капиталистов перестали считать NSDAP партией “левых”» [112]. Ф. Глюм считает даже удаление О. Штрассера из национал-социалистской партии чуть ли не главной причиной успеха ее на выборах в сентябре 1930 г., поскольку после этого мелкая буржуазия, которая «во всех странах ничего не боялась более, нежели потери своего общественного статуса в пользу рабочих», перешла на ее сторону [113]. Тем самым проводится грань между «ранней» и «поздней» NSDAP, предполагается, что «ранняя» NSDAP имела в той или иной степени «социалистические» черты. Отказ от них позволил ей сделать решающий рывок к власти.

* *
*

Были ли «левые» национал-социалисты выразителями какой-то тенденции, какой-то стороны самого фашистского движения или носителями чужеродной тенденции, по существу, несовместимой с этим движением? Ответ на этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение для тех дебатов о «левом фашизме», которые в последние годы развертываются в ряде капиталистических стран. Термин «левый фашизм» при этом употребляется в двух смыслах. В одном случае «фашистскими» называют те или иные акции левых сил, например употребление ими силы против своих политических противников. В другом случае речь идет о выискивании «левых» тенденций, «левого» содержания в фашизме, как таковом. Руководствующиеся в своих исследованиях концепцией тоталитаризма буржуазные авторы однозначно «сближают» фашизм и левое движение. Так, Нольте доходит до парадоксальной формулировки о том, что «марксизм есть фашизм социализма и тем самым, собственно, и есть левый фашизм». В то же самое время он все-таки пишет о том, что «никто и ничто не могло помешать Гитлеру

в 1939 г. без исключения экспроприировать промышленников, если бы они оказали ему сопротивление» [114], т.е. осуществить в его понимании социализм.

Политическая направленность подобного рода предположений совершенно очевидна — все относительно в этом мире, все политические фронты условны: левое студенческое движение (оценка которого в данном случае и является целью Нольте), борющееся против фашизма и войны, само якобы не понимает, насколько оно близко по истинной мотивации своих поступков к ненавидимому им фашизму. «Само желание искоренить войну, — пишет он, — посредством искоренения (!?) господствующих классов показывает архаическое стремление к эрзац-войне и к тому, чтобы дать выход агрессивным инстинктам биологической природы человека» [115]. Стремление к миру, таким образом, оказывается агрессивным, «левое» по существу становится «фашистским».

Марксистская историческая мысль отвергает как ненаучные и политически реакционные утверждения о левом (социалистическом) содержании фашизма. Изучение «левого» *национал-социализма* показывает, что, несмотря на присутствие в рядах его искренних противников капитализма (часть из них, пусть и небольшая, впоследствии нашла даже дорогу к коммунистам), в целом оно было частью *фашистского* движения 20—30-х гг. в Германии, являлось проводником в массы целей и намерений, заведомо чуждых им, но тщательно скрываемых методами социальной демагогии.

В этой связи представляется необходимым осуществлять научный анализ социальной природы и политических устремлений как тех в основном мелкобуржуазных групп, деклассированных элементов, социально неопределившихся молодых людей, которые, объективно имея определенные основания и возможности участвовать в антикапиталистической борьбе, оказываются вовлеченными в орбиту фашистских движений, так и тех фашиствующих группировок, которые пытаются примкнуть к революционному, антикапиталистическому движению и, паразитируя на нем, добиться осуществления своих корыстных и даже реакционных целей.

---

1. Например, перонистское движение (хустисиализм) в Аргентине, в котором наличествуют течения от крайне правых до ультралевых (См.: *Альварес Х.А.* За новую свободную Аргентину // Коммунист. 1973. № 17. С. 108).

2. Изложение конкретной истории деятельности «левых» национал-социалистов, помимо ряда статей, см.: *Kühnl R.* Die nationalsozialistische Linke 1925–1930. Meisenheim am Glan, 1966; *Schildt G.* Die Arbeitsgemeinschaft Nord – West. Freiburg im Br., о. J. (1966); *Schüddekopf O.-E.* Linke Leute von rechts. Stuttgart, 1960; *Horn W.* Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919–1933). Düsseldorf, 1972; *Orlow D.* The history of the Nazi party. Minneapolis, 1967; *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. Fr. a. M., 1963 (Dokumente).

3. *Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932.* М., 1933. С. 297.

4. Там же. С. 380–381.

5. Там же. С. 12.

6. *Правда.* 1934. 3 янв.; См. также: *Lewerenz E.* Die Analyse des Faschismus durch die Kommunistische Internationale (1919–1933) // *Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung.* 1970. Hf. 1.

7. См., например: *Коммунистический Интернационал.* 1930. № 9. С. 46–56; № 22. С. 18–23; 1932. № 4.

8. *Коммунистический Интернационал.* 1930. № 22. С. 20.

9. *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 1. София, 1967. С. 607.

10. Там же. С. 608.

11. *Галкин А.А.* Германский фашизм. М., 1967. С. 183–185, 193.

12. *Галкин А.А.* Социология неофашизма. М., 1971. С. 43.

13. *Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972. С. 100–101, 377.

14. *Бланк А.С.* Германский фашизм и западногерманский неонацизм. Ч. 1. Вологда, 1971. С. 42, 45, 60.

15. *Филиппов Б.А.* Рабочая политика германского фашизма накануне и в первые годы мирового экономического кризиса // *Проблемы истории рабочего движения и международных отношений.* Л., 1969. С. 32–33.

16. Там же. С. 34.

17. Там же. С. 39.

18. *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin, 1967. S. 373.

19. *Weißecker M.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei 1919–1945 // *Die bürgerlichen Parteien in Deutschland.* Bd. II. Leipzig, 1970. S. 398–399.

20. *Op. cit.* S. 404–406.

21. *Weißecker M.* Kampfgemeinschaft Revolutionären Nationalsozialisten 1930–1931 // *Die bürgerlichen Parteien in Deutschland.* Bd. II. Leipzig, 1970. S. 250–254.

22. *Nyomarkay J.* Charisma and Factionalism in the Nazi Party. Minneapolis, 1967. P. 3.

23. *Habermas J.* Protestbewegung und Hochschulreform. Fr. a. M., 1969. S. 147–148.

24. *Bock H.-M.* Syndikalismus und Linkskommunismus von 1918–1923. Meisenheim am Glan, 1965; *Fritz B.D.* Die Kommunistische Arbeitsgemeinschaft (KAG) im Vergleich mit der KPO und SAP. Bonn, 1966; *Tjaden K.H.* Struktur und Funktion der

«KPD – Opposition». Meisenheim am Glan, 1964; *Weber H.* Sozialistische Splittergruppen in der Weimarer Republik // Neue politische Literatur. 1965. Hf. 4, u.a.

25. *Braun O.* Von Weimar zu Hitler. N.Y., 1940; *Friedensburg F.* Die Weimarer Republik. Hannover – Fr. a. M., 1957.

26. *Görlitz W., Quint A.* Adolf Hitler. Eine Biographie. Stuttgart, 1952. S. 166, 255.

27. *Rosenberg A.* Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Fr. a. M., 1955. S. 472, 476.

28. *Grebing H.* Der Nationalsozialismus. Ursprung und Wesen. München, 1959. S. 59, 61–62.

29. *Bracher K.D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart – Düsseldorf, 1955. S. 172.

30. *Hallgarten G.W. F.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Fr. a. M., 1955. S. 99.

31. *Theorien* über den Faschismus. Köln – Berlin, 1967. S. 225.

32. *Paetel K.O.* Versuchung oder Chance? Zur Geschichte der deutschen Nationalbolschewismus. Göttingen u.a. (См. рецензию: *Könneman E.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1966. Hf. 5).

33. *Exil* – Literatur. 1933–1945. Fr. a. M., 1965. S. 146.

34. *Sontheimer K.* Antidemokratischen Denken in der Weimarer Republik. München, 1962. S. 39.

35. *Ibid.* S. 160.

36. *Schüddekopf O.E.* Linke Leute von rechts. Stuttgart, 1960. S. 190, 209.

37. *Ibid.* S. 400.

38. *Tyrell A.* (Hrsg.) Führer befiehl... Dusseldorf, 1969. S. 99–100, 312–313.

39. *Heiber H.* Joseph Goebbels. Berlin, 1962. S. 47.

40. *Schumann H.-G.* Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Hannover – Fr. a. M., 1958. S. 3.

41. *Ibid.* S. 38.

42. *Ibid.* S. 33.

43. *Kühnl R.* Die nationalsozialistische Linke 1925–1930; *Schildt G.* Die Arbeitsgemeinschaft Nord – West. Untersuchungen zur Geschichte der NSDAP 1925/1926. Dissertation. Freiburg im Breisgau, 1964.

44. *Muth H.* Literaturbericht // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1971. Hf. 10. S. 625.

45. В данной связи представляется неоправданным обвинение Р. Кюнля и В. Абендрота в попытках «приукрасить» деятельность «левых» нацистов, которое выдвигает Б.А. Филиппов (См.: *Филиппов Б.А.* Указ. соч. С. 32).

46. *Strasser O.* Hitler und Ich. Konstanz 1948; *Strasser O.* Exil. München, 1958.

47. *Schildt G.* *Op. cit.* S. 12.

48. *Ibid.* S. 7, 137.

49. *Ibid.* S. 72, 75–77, 88, 89.

50. *Ibid.* S. 81.

51. *Ibid.* S. 68.

52. Бланк А.С. Указ. соч. Ч. II. С. 150; Рахмиров П.Ю. Современная буржуазная историография германского фашизма // Методологические и историографические проблемы исторической науки. Вып. 7, 8. Томск, 1972. С. 77–78; Рецензия: Вайсбеккер М. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1968. Hf. 4. S. 520–522.
53. Kühnl R. Die nationalsozialistische Linke... S. 5–7.
54. Ibid. S. 11.
55. Ibid. S. 41.
56. Ibid. S. 22.
57. См.: Сидоров А. Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936. С. 114–115.
58. *Faschismus und Kapitalismus*. Hrsg. Von Abendroth W. Fr. a. M. – Wien, 1967. Einleitung. S. 6.
59. Kühnl R. Bedingungen, Aufstieg und Sieg des Faschismus // Blätter für die deutsche und internationale Politik. 1971. Hf. 1. S. 36, 38.
60. Ibid. S. 38.
61. Kühnl R. Die nationalsozialistische Linke... S. 70.
62. См.: Tyrell A. Führer befiehl... S. 312.
63. Kühnl R. Die nationalsozialistische Linke... Vorwort.
64. Ibid. S. 64.
65. Kühnl R. Der deutsche Faschismus // Neue politische Literatur. 1970. № 1. S. 26.
66. Ibid. S. 39.
67. Ibid. S. 19.
68. Kühnl R. Die nationalsozialistische Linke... S. 64. На это уже указывали в своем анализе работы Р. Кюнля, П.Ю. Рахмиров и А.С. Бланк.
69. Nyomarkay J. Charisma ... P. 71–109.
70. Ibid. P. 73–75.
71. Ibid. P. 80.
72. Ibid. P. 90.
73. Ibid. P. 91.
74. Ibid. P. 92–93.
75. Ibid. P. 3–4.
76. Ibid.
77. Ibid. P. 46.
78. Ibid. P. 94.
79. Kele M. Nazi and Workers. Chapel Hill. 1972. См. рецензию: П.Ю. Рахмиров // Новая и новейшая история. 1974. № 4. С. 225–226.
80. Kele M. Nazi and Workers. P. 29.
81. Ibid. P. 84–85.
82. Ibid. P. 79–80, 122, 213–214, 29, 98.
83. Ibid. P. 69, 99.
84. Ibid. P. 73.
85. Ibid. P. 215.

86. Ibid. P. 213—214.
87. Ibid. P. 216—217.
88. *Корнева Л.Н.* Проблемы сущности германского фашизма и взаимоотношений монополистического капитала с национал-социалистической партией в 1919—1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1975.
89. *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. Berlin, 1969. S. 173.
90. Ibid. S. 170—172.
91. Ibid. S. 146, 198.
92. Ibid. S. 161.
93. *Broszat M.* Der Staat Hitlers // Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Bd. 1. Stuttgart, 1971. S. 521.
94. Ibid. S. 522.
95. Ibid. S. 529.
96. *Horn W.* Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919—1933). Düsseldorf, 1972. S. 21.
97. Ibid. S. 427.
98. Ibid. S. 27.
99. Ibid.
100. Ibid. S. 236—237.
101. Ibid. S. 253.
102. Ibid. S. 250.
103. Ibid. S. 231.
104. *Fest J.* Hitler. Eine Biographie // Stern. 1973. № 35. S. 58.
105. *Schüddekopf O.-E.* Op. cit. S. 317.
106. *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1962. S. 352.
107. *Nyomarkay J.* Op. cit. P. 47
108. *Fest J.* Op. cit. S. 62.
109. *Nyomarkay J.* Op. cit. P. 36, 46—47.
110. *Tyrell A.* Op. cit. S. 313.
111. *Weißbecker M.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei. S. 405.
112. *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 413.
113. *Glum F.* Der Nationalsozialismus. München, 1962. S. 160—162.
114. *Nolte E.* Studentenbewegung und «Linksfaschismus» // Hamburger Zeitschrift für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik. Tübingen, 1971. S. 239—240.
115. Ibid. S. 246.

ПРОБЛЕМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ФАШИЗМУ В ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы немецкого антифашистского движения Спротивления в историографии ФРГ*

В период после Второй мировой войны в немецкой буржуазной историографии наблюдается резкое повышение интереса к проблемам новейшей истории. Происходит своего рода мобилизация сил западногерманских буржуазных историков для борьбы с марксизмом, прежде всего в той области исторической науки, в которой раскрытие объективных исторических закономерностей представляет особую опасность для империализма — в области новейшей истории. «Из политических соображений мы не можем ждать, когда недавние события станут далеким прошлым», — писал в 1950 г. один из ведущих представителей западногерманской исторической мысли Герхард Риттер. Он призывал к созданию «очень большого и очень современного, имеющего большие финансовые средства, выходящего за рамки существовавших до сих пор институтов, научно-исследовательского учреждения» в области новейшей истории [1].

В настоящее время нет, пожалуй, ни одного крупного западногерманского историка, который не занимался бы в той или иной степени проблемами новейшей истории или, по крайней мере, методологическими проблемами исторической науки вообще. Такие видные историки, как Герхард Риттер, Ганс Ротфельс, Герман Обэн, Герман Геймпель, Перси Эрнст Шрамм и др., прежде разрабатывавшие преимущественно темы по истории средневековья, истории XVII—XIX вв., теперь посвящают специальные исследования проблемам новейшей истории. Они, по выражению одного из ведущих историков-марксистов ГДР академика Лео Штерна, «были посланы... на передний край — изучение новейшей истории, чтобы они ... в сложной всемирно-исторической ситуации указывали западногерманской молодежи политические цели и маршруты» [2].

---

* Статья опубликована в сборнике статей: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965.

В Западной Германии создан целый ряд исследовательских центров, занимающихся изучением новейшей истории, в том числе специализирующихся на проблемах истории Германии периода 1933—1945 гг. Среди них Мюнхенский институт современной истории, одним из крестных отцов которого был Г. Риттер. Проблемам новейшей истории посвящены специальные журналы: «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», «Aus Politik und Zeitgeschichte» и др., значительное внимание уделяет им главный орган западногерманских историков — «Historische Zeitschrift» [3].

Одно из важнейших мест в современной западногерманской историографии новейшего времени занимают проблемы движения Сопротивления фашизму в Германии в годы нацистской диктатуры. По словам Г. Ротфельса, «эта тема принадлежит к центральным темам новейшей истории, и не только немецкой» [4]. Здесь нагромождается особенно много легенд, вымыслов, фальсификаций, имеющих целью всячески принизить и извратить ту непримиримую борьбу, которую вел с фашизмом под руководством коммунистов немецкий рабочий класс, изобразить единственными «подлинными борцами с фашизмом» представителей милитаристско-буржуазно-чиновничьей оппозиции Гитлеру, организовавших заговор 20 июля 1944 года [5].

Та ожесточенная борьба, которая идет между марксистской и буржуазной историографией по проблемам движения Сопротивления, является отражением борьбы по коренному вопросу всей жизни немецкого народа — кому принадлежит будущее Германии? *Рабочему классу*, который в союзе с другими прогрессивными силами боролся против фашистской диктатуры... или *монополистической буржуазии*, которая вкупе с другими реакционными силами привела национал-социалистскую партию к власти, развязала Вторую мировую войну, накануне краха фашистского рейха попыталась устранить Гитлера, чтобы сохранить условия для своего господства в стране..?

Кто был носителем сопротивления фашизму, поставившему под угрозу само существование немецкой нации, — рабочий класс во главе с коммунистической партией или буржуазия? — так ставится этот вопрос в исторической литературе.

Исследованиями историков-марксистов ГДР, Советского Союза и других стран [6] доказывалось, что именно немецкий рабочий класс, спланировав вокруг себя другие патриотические силы, нес на себе глав-

ную тяжесть борьбы против фашистского режима, что «Коммунистическая партия Германии была единственной партией, которая непрерывно и последовательно с первого и до последнего дня оказывала организованное сопротивление гитлеровскому фашизму» [7].

Реакционная западногерманская историография стремится опровергнуть этот исторический факт и изображает в качестве главной силы антифашистской борьбы «людей 20-го июля». Консервативное направление, признанным главой которого является Г. Риттер, характеризуется отказом от сколько-нибудь серьезного пересмотра традиционной для немецкой реакционной историографии исторической картины, отказом от признания каких-либо закономерностей исторического развития. Это направление смыкается с клерикально-теологическим («Общество Ранке», В. Кюннет и др.) [8] и с не исчезавшим все послевоенные годы неонацистским (Х. Зюндерманн, О. Ремер, В. Глазобок и др.) направлениями.

Псевдолиберальное направление, наиболее видными представителями которого являются Г. Ротфельс, Т. Шидер, нынешний (с 1962 г.) председатель западногерманского Союза историков К.-Д. Эрдман и др., отличается более гибкой тактикой. При сохранении в основном идейно-методологического багажа Л. фон Ранке и других «классических» представителей реакционной немецкой историографии, они провозглашают себя защитниками принципов «свободы» и «демократии», заявляют о необходимости отказа от «узких рамок национального мышления» и перехода к оценке исторических событий с позиций «западного мира» в целом. Вместо грубого игнорирования неприятных исторических фактов, характерного для историков консервативного направления, они прибегают к их полупризнанию с тем, чтобы тем вернее эти факты фальсифицировать. Подчеркивается отрицательное отношение к нацизму с тем, чтобы тем «убедительнее» пропагандировать антикоммунизм, являющийся «символом веры» этого направления. Характерный для обоих направлений реваншизм у историков-консерваторов облечен в сугубо националистические формы, а у сторонников псевдолиберального направления он выступает в форме призывов к «решению Восточно-европейских проблем» как «общеевропейской», «западной» задачи [9].

Во второй половине 50-х гг. псевдолиберальное направление занимает ведущее положение в западногерманской историографии [10], историки консервативного направления, слишком грубо и прямолинейно

атакующие законы общественного развития, пребывают на втором плане, хотя и продолжают сохранять влиятельные позиции, особенно их лидер Г. Риттер.

Применительно к историографии движения Сопротивления разница между представителями этих двух направлений состоит в том, что историки консервативного направления выдвигают на первый план тех деятелей заговора 20 июля 1944 года, которые принадлежали к его наиболее правому и националистически настроенному крылу, особенно К. Гёрделера. Историки псевдолиберального направления уделяют большее внимание другим группировкам в заговоре, более склонным к тесному союзу с Западом, к более «демократическим» методам управления, дополненным «социализацией» (т.е. реформистскими преобразованиями, не затрагивающими основ капиталистического строя). Они не отказываются, подобно большинству историков консервативного направления, от анализа деятельности тех отрядов антифашистского движения Сопротивления, которыми руководили коммунисты. Если историки-консерваторы ограничиваются обычно бранью по адресу немецких коммунистов и обвинениями в их «предательстве», то историки псевдолиберального направления, признавая мужество немецких коммунистов в борьбе с фашизмом, сопровождают это признание попытками противопоставить коммунистов-подпольщиков Центральному комитету КПГ, Советскому Союзу. Практика социалистического строительства в послевоенной Германии (ГДР) подается ими как нечто противоречащее идеалам коммунистов-борцов Сопротивления и т.д. Особенно усердствуют в подобных попытках историки социал-демократы и люди, исключенные в различное время из рядов коммунистического движения. Безусловно, между этими направлениями нет сколько-нибудь четко выраженной грани — одно переходит в другое, налицо множество оттенков.

В ФРГ существует и, пока еще небольшая, группа прогрессивных историков, стремящихся объективно осветить историю Сопротивления фашизму в Германии, показывающих ту роль, которую сыграл в нем рабочий класс, отмечающих зачастую связь национал-социализма с монополистической буржуазией (Г. Вайзенборн, Г. Брюдигам, К. Гирш, В. Абендрот, В. Бельц и др.).

В книге Г. Вайзенборна «Безмолвное восстание», вышедшей первым изданием в 1953 г., на очень большом фактическом материале, на-

чало собиранию которого положила в первые же послевоенные годы старейшая немецкая писательница Рикарда Гух, показывается, что рабочий класс, трудящиеся массы были главной силой Сопротивления. Автор констатирует непоследовательность и неэффективность буржуазной оппозиции гитлеровскому режиму. Нацизму, пишет он, удалось ее нейтрализовать «запугиваниями, ловкой пропагандой и успешной политикой... (имеется в виду захват Гитлером ряда стран Европы. — *Н.Ч.*), а буржуазия любит успех... Оппозиция... состояла из рассказчиков анекдотов... из людей, которые бранились, иногда даже громко, при случае протестовали, но не действовали» [11]. Г. Вайзенборн, высоко оценивая значение борьбы немецких коммунистов против фашизма, отмечает, что в Сопротивлении рабочие социал-демократы работали вместе с ними [12]. «Чрезвычайно выросшее во время войны число групп Сопротивления и рост эффективности их действий, — пишет он, — доказывают, что путь социалистического Сопротивления (имеются в виду группы, состоящие из коммунистов и социал-демократов в противовес буржуазным группам. — *Н.Ч.*) в конечном счете имел шансы на успех» [13].

Работе Г. Вайзенборна присущ и ряд существенных недостатков: объективизм, преувеличение размаха антифашистской борьбы в Германии («большая часть немецкого народа как лев боролась против порабощения ее нацистской деспотией и оказывала ей упорное сопротивление вплоть до капитуляции» [14], пишет он). Имеет место и переоценка роли христианских церквей в этой борьбе. Однако представляется, что это не дает основания для отнесения ее, хотя и с некоторыми оговорками, к общему потоку *реакционной* западногерманской историографии Сопротивления, как это делают В.Т. Фомин и П.Ю. Рахшир [15]. Более правильной является оценка этой книги Д. Мельниковым как «акта протеста против засилья милитаристской и реваншистской идеологии», как попытки честно разобраться в проблемах движения Сопротивления в Германии» [16]. За правильность такой оценки говорит и все творчество Г. Вайзенборна, писателя-антифашиста. В годы нацизма он сам был активным участником подпольной группы, возглавлявшейся Х. Шульце-Бойзенем и А. Харнаком и до мая 1945 г. томился в нацистском застенке. Не случайно его последний роман «Преследователь» (1961) [17], посвященный нелегкой судьбе борца-антифашиста в Западной Германии, вызвал яростные нападки

реакционной прессы ФРГ, а его пьеса «Нелегальные», посвященная героям антифашистского подполья, с большим успехом шла в театрах ГДР.

Резкий протест против господствующего в западногерманской историографии (и в общественной жизни ФРГ вообще) антикоммунизма выражен в книгах К. Гирша и Г. Брюдигама [18]. «Болезненный, относящийся собственно к области психопатологии, антикоммунизм... был основным элементом национал-социалистского режима, — пишет К. Гирш. — Он... пережил режим, распускает сегодня снова свои зловонные цветы и уже опять затуманивает многим взор на происходящее кругом» [19]. «Антикоммунизм не может привести ни к чему иному, кроме как к тотальному бедствию, к неизмеримой, непредставимой катастрофе», — заканчивает он свою книгу, цель которой, по его словам, состоит в том, чтобы помочь немецкому народу освободиться «от этого патологического антикоммунистического комплекса», являющегося «основной глупостью нашей эпохи» [20].

В книге Г. Брюдигама приводятся убедительные доказательства причастности немецких монополий к установлению национал-социалистского режима. Характеризуя движение Сопротивления нацизму, он пишет: «В то время как стремления оппозиционных буржуазных и особенно милитаристских кругов сводились к тому, чтобы закончить войну только против западных держав и, если возможно, вместе с ними продолжить ее против Советского Союза, социалистически ориентированное движение Сопротивления постоянно выступало за немедленное окончание войны. Путч 20 июля ни по своему размаху, ни по своей целенаправленности, ни по своей предыстории не является значительнейшим событием немецкого Сопротивления» [21].

Против изображения события 20 июля 1944 года в качестве центрального момента немецкого Сопротивления выступает В. Абендрот. Он пишет, что «элементарной истиной является то, что Сопротивление фашистскому режиму в Германии началось не в этих сферах (заговорщиков 20 июля. — *Н.Ч.*) и что на важных фазах своего развития оно было делом исключительно иных групп» [22].

Отражением усиления антимилитаристских и антиреваншистских тенденций у некоторой части западногерманских историков является и появление таких книг, как «Бросок к мировому могуществу» Ф. Фишера и «Неприятные исторические факты» А. Гроте [23]. Эти авторы, оставаясь в целом на почве традиционной немецкой историографии,

делают попытку отказаться от некоторых созданных этой историографией реакционных мифов. Ф. Фишер стремится объективно подойти к вопросу об ответственности германского империализма за Первую мировую войну. А. Гроте подвергает критике легенды о «миролюбии» Бисмарка, о «превентивном» со стороны Германии характере Первой и Второй мировых войн, об «ударе кинжалом в спину» и т.д. [24].

Однако взгляды большинства вышеупомянутых историков не вполне последовательны, часть из них не смогла до конца избавиться от антикоммунистических предрассудков. К тому же в боннском государстве возможности действительно объективного исследования антифашистской борьбы весьма ограничены вследствие преследований со стороны государства и официальной историографии против демократически настроенных историков, отсутствия финансовой поддержки, а также вследствие того, что, как отмечал марбургский профессор В. Абендрот (сам подвергшийся преследованиям и исключенный из СДПГ за свои прогрессивные взгляды) «в условиях холодной войны многие бывшие борцы Сопrotивления не решаются дать полную картину своей борьбы и своих связей» [25]. Немногочисленные работы по истории движения Сопrotивления, написанные с прогрессивных позиций, буквально тонут в потоке издаваемой в ФРГ апологетической литературы о «людях 20 июля», пропитанной духом антикоммунизма. Число подобных публикаций особенно возросло в связи с 20-й годовщиной со дня свершения заговора 20 июля 1944 года.

В оценке проблемы движения Сопrotивления историки и консервативного, и псевдолиберального направлений исходят из некоторых общих, присущих западногерманской историографии в целом, идейных основ. Таковыми являются антикоммунизм и доктрина тоталитаризма. Антикоммунизм — «главное идейно-политическое оружие империализма... основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма» [26], — определяет характер подавляющего большинства работ западногерманских буржуазных историков, к которым с полным основанием можно причислить и историков социал-демократов в области новейшей истории. К. Гирш усматривает в том связь с политикой боннского государства. «Вся политическая и военная концепция Федеративной Республики имеет одно основное направление, один исходный пункт, один источник — антикоммунизм» [27].

После Второй мировой войны в стране происходит своеобразное «сращивание» руководства научных учреждений и объединений, занимающихся проблемами истории, с монополистическими кругами и с правительственными органами. Это «сращивание» наблюдается в финансовом и организационном планах (путем субсидирования работ по истории со стороны правительства и монополий, путем привлечения ведущих историков к работе в правительственных органах в качестве экспертов, которые помогают определять направление внутренней и внешней политики и т.д. [28]). Имеет место и приспособление результатов исторических исследований к идеологическим запросам правящих классов. «Новое направление немецкой историографии чрезвычайно хорошо согласуется с направлением немецкой политики в годы режима Аденауэра», — отмечал английский историк Д. Барраклоу [29]. «Извращение и фальсификация немецкой истории недавнего прошлого ведутся не только праворадикальными и неофашистскими организациями, издательствами и журналами. Они ведутся в официальном порядке», — писал прогрессивный западногерманский публицист и историк Г. Брюдигам [30].

Главной составной частью всех антикоммунистических теорий в настоящее время стала концепция тоталитаризма, лежащая в основе различных фальсификаций роли немецких коммунистов и немецкого рабочего класса вообще в борьбе с фашизмом. «Антикоммунизм, — пишут историки-марксисты ГДР Г. Лоцек и Х. Зюрбе, — появляется в специфической, замаскированной под науку, форме — в облике доктрины тоталитаризма... Доктрина тоталитаризма представляет центральное звено империалистической западногерманской идеологии истории» [31].

Согласно этой концепции различные фашистские режимы и социалистическое общество являются всего лишь двумя вариантами «тоталитарной системы», возникающей в различных странах в XX в. Основы этой концепции были заложены еще в появившейся в конце 30-х гг. в США книге германо-американского историка Х. Арендт «Элементы и происхождение тоталитарного господства» [32] и в вышедшей в 1930 г. книге испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», ныне пользующейся широкой популярностью у историков ФРГ [33]. Взгляды Х. Арендт и Х. Ортеги-и-Гассета были с готовностью подхвачены представителями различных направлений буржуазной исторической мысли после Второй мировой войны. Они служили средством

оправдания агрессивных планов германского империализма и перенесения ответственности за возникновение и господство нацизма на народные массы. Характерно, что доктрина тоталитаризма является тем пунктом, где сходятся взгляды представителей как консервативного, так и псевдолиберального направлений западногерманской историографии.

В общем виде эта доктрина считает появление «тоталитарных режимов» следствием развития «современного индустриального общества», которое якобы ведет к усилению политической активности широких народных масс и к секуляризации духовной жизни. Быстрый рост населения, сопровождающий это развитие, инициирует усиление национализма. Крушение старых авторитетов, отсутствие у масс опыта в области политики и растущий национализм обуславливают появление «сильных личностей», которые, используя современные средства пропаганды, играя на национальных и социальных устремлениях масс, приходят к власти и создают «тоталитарные однопартийные государства». Особенно успешно, по мнению одного из защитников этой теории, В. Гофера, имеющего в виду царскую Россию и Кайзеровскую Германию, «авторитарные государства вырастают... на почве прежних абсолютистских государств». Отсюда делается клеветнический вывод: «национал-социализм и большевизм принадлежат к одинаковому типу тоталитаризма» [34].

Доктрина тоталитаризма ставит знак равенства между противоположными явлениями — революционной *борьбой* масс за *уничтожение капиталистического строя* и террористическим режимом фашизма, который, используя социальную демагогию, привлекает мелкобуржуазные слои и неустойчивую часть рабочего класса на *борьбу за сохранение этого строя*. Защитники концепции «тоталитаризма» преследуют в современных условиях вполне конкретные политические цели: «превратить отвращение немецкого народа и всех миролюбивых народов вообще к преступлениям гитлеровского фашизма в антикоммунизм» [35]. Общность установок, лежащих в основе взглядов различных направлений западногерманской историографии, определяет и общность трактовки ими ряда кардинальных проблем истории Сопротивления нацизму в Германии.

Буржуазные историки относят к движению Сопротивления все политические силы, группировки и лица, в той или иной мере на различных этапах истории национал-социалистского режима проявлявшие свою

оппозиционность фашистскому руководству. Таким образом, в число борцов Сопротивления попадают и те люди, которые подобно руководящей группе участников заговора 20 июля 1944 года, лишь пытались спасти в последний момент перед лицом грозящей военной катастрофы те позиции германского империализма, которые еще могли быть спасены, а в случае удачного развития событий даже сохранить за Германией руководящую роль в Европе, по крайней мере — в Центральной. Достаточно вспомнить хотя бы тайный меморандум Герделера генералам от 26 марта 1943 г., в котором он считал нужным после переворота добиваться границ 1914 г., «дополненных Австрией и Судетской областью», включения в состав рейха Южного Тироля, а также достижения «ведущей позиции Германии на континенте» [36]. В ряде работ в число участников Сопротивления зачисляются даже военный преступник Я. Шахт, видный нацист полиции-президент Берлина граф Хелльдорф (один из организаторов провокационного поджога рейхстага в феврале 1933 г. [37]), гитлеровский военачальник генерал-фельдмаршал Роммель, оппозиция которого сводилась к верноподданнической просьбе к Гитлеру поскорее начать переговоры о сепаратном мире с западными державами, и т. п. [38].

Подобное расширение состава участников Сопротивления связано с тезисом о том, что оно было делом всех классов (при руководящей роли буржуазно-юнкерских кругов), либо вообще было лишено классового содержания и являлось выражением лишь морального неприятия гитлеровского режима, «восстанием совести». Особенно настойчиво подчеркивает этот момент в своих работах, посвященных истории Сопротивления, Г. Ротфельс: «Оппозиция объединяла элементы из всех слоев общества — рабочих и церковь, деловых людей и интеллигенцию, аристократов и военных» [39]. Считая наиболее важным проявлением борьбы с нацизмом заговор 20 июля 1944 года, «руководимый ведущими людьми определенных общественных групп» (т.е. буржуазии, военной, чиновничества и правой социал-демократии. — *Н.Ч.*), он заявляет, что заговор «охватывал все социальные слои — буржуазные и военные, аристократические и пролетарские, светские и церковные» [40]. В другой своей работе Г. Ротфельс утверждает, что «при всяком более близком изучении подлинного движения Сопротивления... наталкиваешься, как на основной мотив, на моральное отвращение ко злу вообще, на возмущение бесчеловечностью» [41]. Бесспорно, мораль-

ные мотивы играли важную роль в антифашистской борьбе, бесспорно и то, что среди участников заговора против Гитлера, в буржуазных и военных кругах было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями нацизма и потому вступивших в борьбу с ним. Но при определении отношения различных социальных сил к нацистскому режиму одной «моральной» оценки недостаточно. Сопrotивление рабочего класса носило, прежде всего, классовый характер, ибо оно в конечном счете имело целью уничтожение господства того класса, который сделал возможным установление власти национал-социализма со всеми его кровавыми злодеяниями. Оппозиция буржуазии была направлена, какими бы высокими мотивами ни руководствовались отдельные ее представители, на сохранение тех социальных условий, в которых развился фашизм.

Взгляды, аналогичные взглядам Г. Ротфельса, развивает в речи, произнесенной на официальных торжествах по случаю 19-й годовщины событий 20 июля 1944 года, А. Бергштрессер. Он заявляет, что участники Сопrotивления приносили в жертву свои жизни «без различия социального происхождения, вероисповедания и политических убеждений», причем общей платформой для этих жертв были «порядочность, добрые нравы, честность и неприкосновенность достоинства человека», т.е. то, что «записано в 1-й статье Конституции ФРГ» [42]. Здесь мы имеем дело с попыткой свести программу Сопrotивления к неким общим рассуждениям о необходимости буржуазной добропорядочности, выхолостив из нее всякое социальное содержание и придать больший авторитет тому политическому режиму, который сделал эту программу законом жизни страны.

Очень отчетливо стремление приукрасить социальные порядки ФРГ ссылками на их преемственность с идеалами Сопrotивления выражено в работах западногерманского историка Голо Манна. Он заявляет, что «Сопrotивление покоилось на подлинной элите из всех классов, традиционных групп и местностей». Даже остэльбское дворянство, которое «во время захвата власти нацизмом взяло на себя тяжелую вину, реабилитировало себя благодаря жертвам 20 июля». «Аристократами были они все, благороднейшими, лучшими; они не были связаны классами и сословиями», — говорит он об участниках заговора против Гитлера [43]. «Сопrotивление, вершиной которого является 20 июля 1944 года, как это проявилось в знаменательной совместной работе и в совместном

самопожертвовании генералов, графов и социал-демократов, по существу уже не было делом отдельных сословий и классов». В результате потрясений эпохи нацизма и послевоенных лет в Западной Германии, по мнению Г. Манна, возникло «бесклассовое, почти не имеющее исторических корней... общество, сегодня отказавшееся от мании величия и великодержавной политики», характерных для прошлой Германии. Это «бесклассовое общество» — наследник «бесклассового» Сопротивления, добилось, пишет Г. Манн, «благополучия, которое мы сегодня имеем» и проводит «рациональную, конструктивную и скромную внешнюю политику» [44]. В ФРГ, подобно тому как это было в Сопротивлении, «сегодня больше нет ни консервативной, ни социалистической партий», в чем особая заслуга социал-демократии, которая «делала, наконец, правильные выводы и попыталась воссоздать себя как вторую партию народа, аналогичную демократической партии Америки» [45].

А. Бергштрессер и О. Флехтхейм, отрицая классовую базу антифашистской борьбы, видят основу Сопротивления в семье, которая противилась притязаниям национал-социалистического государства на «тотальное господство». «В ней, — пишет О. Флехтхейм, — можно честно есть свой хлеб (хотя, может быть, и без масла), собирать марки или играть в кегли» [46]. Опыт истории, однако, с достаточной убедительностью показал, что именно отказ от активной политической деятельности приводит ко все большему вмешательству политической реакции и милитаризма в жизнь каждого человека, к тому, что миллионы людей, в конечном счете, отрываются от «собираения марок» и «игры в кегли в кругу семьи» и превращаются в пушечное мясо. Бегство в личную жизнь, характерное для значительной части немцев в период нацизма, являясь, безусловно, определенным показателем неприятия существующего режима, не могло тем не менее создать какую-либо базу для антифашистской борьбы, наоборот, оно сужало эту базу.

Для буржуазной историографии характерно разграничение понятий «Сопротивление» и «антифашистская борьба». Марксистское понимание антифашистской борьбы, прежде всего как классовой борьбы рабочего класса, объединяющего вокруг себя широкие социальные слои против господства монополистического капитала, совершенно неприемлемо для буржуазных историков, отрицающих классовую природу фашизма. «Признание классового характера фашизма, — пишет

Г. Плюм, — неизбежно приводит к включению антифашизма в систему классовой борьбы.

Антифашизм может быть для марксистских историков не только оппозицией против Гитлера. Для них антифашисты боролись как в Народном фронте Франции и Испании, так и против монархических систем Болгарии и Италии, как в лагерях для иностранных рабочих в Германии, так и во французском Сопrotивлении и в партизанских группах. В соответствии с восточным (т.е. марксистско-ленинским. — *Н.Ч.*) пониманием истории, антифашизм должен начинать действовать там и тогда, где и когда устанавливаются фашистские государственные и общественные формы», либо возникает угроза установления таких форм [47].

По мнению К. Плюма, «в эпоху фашизма... о классовой борьбе в смысле марксизма-ленинизма не было и речи» [48]. Буржуазная историография отказывается от самих терминов «антифашизм», «антифашистская борьба», так как они якобы слишком «заражены» духом классовой борьбы, предпочитая говорить об «оппозиции», о «Сопrotивлении» [49], под которым понимается нечто уникальное, единственное в своем роде, неповторимое, характерное лишь для условий Германии 1933—1945 гг. И этот феномен якобы имел под собой лишь моральную, этическую основу, но не классовую. Сопrotивление, таким образом, отрывается от антифашистской борьбы народов — борьбы против наиболее реакционных сил международного империализма и прежде всего его ударной силы — германского фашизма, при этом подчеркивается, что Сопrotивление есть нечто совершенно отличное от революционной борьбы, имеющей целью изменение общественного, экономического строя [50].

В советской исторической литературе до сего времени нет четкого определения понятия «движение Сопrotивления». Так, в статье «Движение Сопrotивления» в Советской исторической энциклопедии (автор Н.Г. Цирульников) [51] говорится о том, что это — «национально-освободительное, антифашистское демократическое движение народных масс во время Второй мировой войны 1939—1945 гг. против германских, итальянских и японских оккупантов и сотрудничавших с ними реакционных элементов». В то же время в статье говорится о борьбе немецких антифашистов против гитлеровского режима, как о составной части движения Сопrotивления, хотя это и противоречит вышеприведенной

формулировке. Представляется более правильным говорить о движении Сопротивления как об антифашистской борьбе и в странах, оккупированных державами фашистского блока, и в самих фашистских государствах, включая сюда борьбу антифашистов в этих государствах в период до начала Второй мировой войны, одним словом — во всех тех случаях, когда имело место сопротивление «своему» либо оккупирующему фашистскому режиму. Подобная трактовка более точно определяет движение Сопротивления как составную часть всемирной антифашистской борьбы народов и подчеркивает классовый характер его как движения, направленного против монополистической буржуазии и исполнителей ее воли — различных фашистских режимов. Бесспорно, национально-освободительный характер борьбы в оккупированных нацистской Германией странах (в том числе и в странах, являвшихся ее союзниками) обусловливал участие в ней и различных патриотически настроенных групп буржуазии. Но и в них решающей силой движения Сопротивления являлся рабочий класс, выдвигавший наряду с лозунгами борьбы за национальное освобождение лозунги коренных социальных преобразований [52]. В этом отношении принципиальных отличий в характере движения Сопротивления в оккупированных странах и в Германии не было.

В Германии, где на повестке дня не стояли вопросы борьбы за освобождение от иностранных оккупантов, участие рабочего класса в движении Сопротивления фашизму было еще более определяющим, чем в странах, оккупированных нацистами. Этот факт подтверждается и исследованиями историков-марксистов и работами некоторых западногерманских авторов, стремящихся объективно исследовать исторические события. Так, Г. Вайзенборн пишет, что в Сопротивлении «наибольшую активность проявляли рабочие, которые... понесли жертвы намного большие, чем кто-либо» [53]. Антифашистское движение Сопротивления, руководимое коммунистами, объединявшее вокруг себя рабочих, крестьян, передовую интеллигенцию, демократические круги буржуазии, было единственной силой, последовательно ведшей борьбу с фашизмом.

Конечно, сопротивление фашистскому режиму в различной степени оказывали и мелкобуржуазные круги, отдельные слои средней и даже крупной буржуазии, испытывавшие давление со стороны наиболее могущественных монополистических группировок и нацистского государ-

ства. Их целью была замена нацистского режима иным режимом — «либеральным», но сохраняющим в неприкосновенности основы буржуазного правопорядка. По сути дела, к этому течению примыкали и многие лидеры социал-демократической партии. Социальная база этого течения была весьма сужена в результате широкого распространения фашистской националистической и социальной демагогии. Независимо от того, были ли отдельные группировки его организационно связаны с антифашистским движением Сопротивления, руководимым коммунистами, их деятельность могла внести определенный вклад в дело борьбы с фашизмом. Этот вклад измеряется тем, в какой мере их деятельность шла в русле этого движения, стремившегося к объединению, к созданию широкого, антигитлеровского фронта, а не была объективно (а часто и субъективно) направлена на раскол антифашистского движения, на устранение из него народных масс (как это имело место у некоторых руководителей заговора 20 июля 1944 года).

Их — представителей немецкой монополистической буржуазии, германского милитаризма и высшего чиновничества — западногерманская историография изображает главными носителями сопротивления Гитлеру. Их оппозиция национал-социалистскому режиму находилась в прямой связи с успехами и неудачами гитлеровской Германии на фронтах Второй мировой войны. Их *целью* было сохранение экономических и политических позиций германских монополий и в Германии, и в Европе, основными внешнеполитическими *лозунгами* — антикоммунизм и антисоветизм. По существу они хотели всего лишь избавиться в последний момент от обанкротившейся фашистской диктатуры с тем, чтобы заменить ее другой формой антинародного режима, другой формой диктатуры монополистического капитала. Значительная часть из них считала даже возможным оставление у власти некоторых нацистских руководителей, не столь одиозных, как Гитлер [54].

Для буржуазной историографии характерно единодушие и в признании, что единственно дающий шансы на успех, даже единственно допустимый — это путь сопротивления «сверху», путь заговора, путча, но не путь развертывания массовой антифашистской борьбы. Так, Г. Мау и Г. Краусник в «Немецкой истории недавнего прошлого» пишут: «Чем дальше, тем очевиднее обнаруживалось, что такую борьбу с шансами на успех мог вести только тот, кто оставался в аппарате тотального государства или же мог связаться с обладателями ключевых

позиций, имевшими в своем распоряжении средства реальной силы. Взоры оппозиции направлялись все больше и больше на армию» [55]. В. Герлиц пишет, что принять решение о необходимости действовать могли «лишь те круги, которые, благодаря своим позициям в руководстве армии, бюрократическом и дипломатическом аппарате, экономике или же на основе общественных и международных связей вообще еще были в состоянии отчетливо предвидеть приближающуюся опасность. Человеку, стоящему у тисков, за плугом или же находящемуся в сером мундире на фронте, это было вообще невозможно» [56].

Ссылками на необходимость сохранения «в интересах Сопротивления» ключевых позиций и «избежания худшего» западногерманские историки стремятся оправдать тех из руководителей заговора 20 июля, кто верой и правдой служил гитлеровскому режиму, пока он одерживал победы, но накануне его катастрофы попытался «на ходу выскочить из поезда». К.Д. Брахер заявляет даже о том, что, по существу, единственно возможным было «сопротивление посредством частичной коллаборации» [57], т.е. соучастия в нацистских преступлениях. Такую же точку зрения защищает и Г. Биндер: «Тот, кто хочет оказывать сопротивление в сфере политики и не разочаровался при этом с самого начала, вынужден обеспечивать себе доступ к ключевым позициям. Но это возможно только тогда, когда до некоторой степени «соучаствуют» [58].

Антифашистская работа в массах, среди трудящихся слоев населения объявляется западногерманскими историками «бесплодной», могущей вызвать лишь усиление репрессий. Она презрительно называется «саботажем» и «подрывной деятельностью» [59].

При освещении истории движения Сопротивления в западногерманской буржуазной исторической литературе немало внимания уделяется рассмотрению вопроса о роли Коммунистической партии Германии в антифашистской борьбе [60]. При этом допускается явная фальсификация.

В первые годы после разгрома нацизма западногерманские исследователи Сопротивления, часть из которых сама принимала участие в антифашистском движении (Р. Пехель, Ф. фон Шлабрендорф), констатируют значительное распространение коммунистического подпольного движения, стойкость и патриотизм коммунистов. Но уже в это время деятельность коммунистов в борьбе с фашизмом объявляется второстепенной по сравнению с «делом 20 июля». Поскольку же па-

мья о героической борьбе коммунистов с нацизмом была свежа в широких слоях населения Западной Германии, то замолчать ее было просто невозможно. Тезис о том, что все слои населения: монополисты и коммунисты, боролись против нацистов, имеет в этот период особое значение (книга Ротфельса «Немецкая оппозиция против Гитлера» появилась в 1947 г.).

В последующие годы, в условиях обострения «холодной войны», наступления реакции в ФРГ преобладающей среди западногерманских историков оценкой антифашистского движения Сопrotивления, руководимого коммунистами, становится обвинение его в «предательстве», «исключение» его из числа сил, боровшихся против Гитлера. Наиболее отчетливо эти взгляды выражены в книге Г. Риттера «Карл Гёрделер и немецкое движение Сопrotивления» (1954).

По мере перехода преобладающего влияния в западногерманской историографии к сторонникам псевдолиберального направления, усиливаются попытки более тонкой фальсификации истории коммунистического движения в Германии путем противопоставления одних его групп другим, низовых организаций — Центральному Комитету, КПГ — советским коммунистам и т.д. Активизация подобного рода фальсификаторской деятельности в области истории коммунистического движения связана и с усилением попыток идеологов империализма внести раскол в ряды мирового коммунистического движения; подорвать коммунистические партии изнутри. Конечно, преобладание в западногерманской историографии той или иной оценки антифашистского движения Сопrotивления, руководимого КПГ, не является на каждом из этих этапов абсолютным. Те «новые» методы фальсификации истории КПГ, которые за последнее время получили особенное распространение, не исключают и широкого распространения работ, в которых антигитлеровская борьба КПГ либо замалчивается, либо с порога объявляется «предательством».

Прием замалчивания антифашистской борьбы КПГ вообще является одним из наиболее распространенных в западногерманской историографии, особенно в исторической литературе, рассчитанной на более или менее массового читателя. В работах Ганса Бухгейма о национал-социализме в разделе, посвященном Сопrotивлению, об участии в нем коммунистов даже не упоминается [61]. Аналогичным образом поступают Г. Мау и Г. Краусник [62]. Не остается, конечно, места для упоминания

о борьбе немецких коммунистов с фашизмом и в изданиях типа «Всемирных» и «Немецких историй», многочисленных в ФРГ и обычно принадлежащих перу авторов консервативного направления [63].

Характерно, что по такому же пути идет В. Гофер [64] и один из наиболее рьяных пропагандистов «объективной исторической науки», возможной-де лишь в «западном мире», где будто бы царит «политическая свобода» и отсутствует «давление» на историка со стороны социальных групп. В своей работе о национал-социализме он ухитряется ничего не сказать об участии коммунистов в Сопротивлении, кроме вскользь брошенной фразы об их «связи с Советами» [65]. От «объективности» Гофера, когда он касается вопроса, ответ на который имеет важное значение в политической борьбе сегодняшнего дня, не остается и следа.

Некоторые авторы, кто в своих работах, появившихся вскоре после Второй мировой войны, признавал активное участие коммунистов в антигитлеровской борьбе, в последующих изданиях этих работ сводят упоминания о борьбе КПГ к минимуму и сопровождают их различными вымыслами. Так, Ф. фон Шлабрендорф в первом издании своих воспоминаний «Офицеры против Гитлера» включил в список казненных нацистами их противников имена руководителей берлинских коммунистов А. Зэфкова и Ф. Якоба, подчеркивая их стойкость и мужество [66]. В издании 1960 г. эти места изъяты. Из книги исключены также и отрывки, компрометирующие ставшего к этому времени генеральным инспектором бундесвера генерала Хойзингера, говорящие о согласии немецких генералов с приказом Гитлера относительно истребления мирного населения в Советском Союзе. Исключено даже и то место, где в 1946 г. автор в качестве своей заслуги упоминал, что он протестовал против запрета КПГ в 1933 г. [67].

После этого не приходится удивляться и тому, что в учебниках по истории, издающихся в ФРГ, как в школьных, так и в предназначенных для студентов высших учебных заведений, об антифашистской борьбе немецких коммунистов не говорится ни слова [68]. «В наше время исторического антикоммунизма не хотят говорить о том, что немецкие коммунисты особенно активно участвовали в немецком Сопротивлении и понесли в борьбе против тирании колоссальные кровавые жертвы», — пишет Г. Брюдигам [69].

Часть представителей реакционной историографии, взявшая на вооружение доктрину тоталитаризма, изображает борьбу коммунистов

против национал-социализма как борьбу двух соперничающих «тоталитарных группировок». Начало подобной клеветнической трактовке было положено еще начальником американской разведывательной службы в Швейцарии, поддерживавшим в свое время тесный контакт с руководителями заговора 20 июля 1944 года, Алленом Даллесом в его книге «Заговор в Германии», вышедшей в 1947 г. в Нью-Йорке [70]. Подобной же трактовки вопроса придерживаются в своих работах Г. Риттер, Г. Ротфельс, К.Д. Брахер и многие другие западногерманские историки [71].

Несмотря на наличие огромного количества фактов борьбы КПГ за создание единого антифашистского фронта накануне 1933 г., именно на коммунистов возлагается вина за приход к власти Гитлера, так как они будто бы отказывались от сотрудничества с другими партиями и тем самым ослабляли сопротивление фашизму [72]. Карл Миш договаривается даже до чудовищного по своей лживости и невежеству утверждения о том, будто бы коммунисты «были совершенно довольны тем, что Гитлер добивался ликвидации капиталистически-буржуазного (? — Н.Ч.) общества» [73].

Та часть буржуазных историков, которая стремится к сохранению репутации «объективных» исследователей и не считает для себя возможным полное отрицание или замалчивание роли коммунистов в борьбе с нацистским режимом, сопровождает, как правило, признание участия КПГ в Сопротивлении всевозможными оговорками о том, что оно будто бы имело лишь второстепенное значение. Так, Г. Вебер утверждает, что после массовых арестов 1933 г. «партия полностью развалилась» и потому отдельные коммунистические группы не могли оказать существенное влияние на ход борьбы с фашизмом [74]. Аналогичный вывод делает и Г. Топпе [75].

Подобные утверждения начисто опровергаются фактами. Несмотря на то что КПГ понесла наибольшие по сравнению с другими партиями потери в борьбе против фашизма — из 300 тыс. членов партии, насчитывавшихся в ее рядах в 1933 г., 150 тыс. человек подверглось преследованиям, было брошено в тюрьмы и концлагеря, десятки тысяч из них погибли [76] — она оставалась единственной силой внутри страны, которая продолжала организованное сопротивление нацизму вплоть до самого конца Третьего рейха [77]. Силу и размах коммунистического сопротивления вынуждены признавать и сами гитлеровцы. Например,

в приговоре нацистского суда по делу подпольной антифашистской группы Зэфкова—Якоба—Бестлейна (1944 г.) говорилось, что обвиняемые «в таких масштабах воссоздали КПГ и стремились разложить вермахт, что из этого возникла наивеличайшая опасность для рейха» [78].

Ведущая роль коммунистов в борьбе с фашистским режимом отмечается и целым рядом буржуазных исследователей, особенно теми из них, кто сам принимал участие в нелегальной работе. Так, Р. Пехель в 1947 г. в своей книге «Немецкое сопротивление» писал, что вопреки жестоким репрессиям «коммунисты были единственными, кто после запрещения партий и ареста большинства их вождей и функционеров тотчас повели боевую борьбу против режима в условиях нелегальности. Их руководители сидели в застенках гестапо и концлагерях, и над ними было проведено множество процессов. Смертные приговоры и приговоры к тюремному заключению сыпались как из рога изобилия. Их поведение по отношению к не ведающим жалости судьям... было образцовым, так что временами казалось, что сохранение чести Сопротивления поручено исключительно им... Немецкие коммунисты доказали свою стойкость. КПГ была отмечена наибольшим числом кровавых потерь» [79].

Весьма широко распространен в западногерманской историографии тезис о «предательстве» коммунистов, которые действовали якобы не в интересах Германии, а лишь в интересах Советского Союза. Г. Риттер в своей книге «Карл Гёрделер и немецкое движение Сопротивления» [80], ставшей своего рода классическим образцом для реакционной литературы по этой теме, отмечает, что в заключении ему пришлось встретить коммунистов, «которые по 11 лет провели в заключении, но были непоколебимы в своих убеждениях» [81]. Эту непонятную для него стойкость он пытается объяснить «фанатизмом» и склонностью к «героическому мученичеству», превращением коммунистического мировоззрения в «эрзац-религию». Риттер всячески поносит коммунистов и объявляет их «фанатизм» «бесплодным», так как они, дескать, боролись не за свободу Германии, а за «включение ее в восточный блок». Действия коммунистических групп были, по Риттеру, бессмысленными и потому, что посредством их нельзя было справиться с нацизмом [82]. Участников антифашистской группы Х. Шульце-Бойзена — А. Харнака (известной также под названием «Красной капеллы»), поддерживавших связь с Советским Союзом, он называет «предателями», которые

«совершенно определенно состояли на службе у иностранной державы» и «не имели... ничего общего с немецким Сопrotивлением». «Тот, кто, будучи немцем, способен посреди борьбы не на жизнь, а на смерть, — пишет Г. Риттер, — отречься от дела своего фатерланда (т.е. грабительской гитлеровской войны. — *Н.Ч.*), является предателем, и не только по букве закона». Эту тираду, выдержанную вполне в духе геббельсовской пропаганды, Риттер завершает прямым одобрением расправы нацистов над своими противниками. «Процесс, проведенный имперским военным судом в *безупречной форме* (курсив мой. — *Н.Ч.*) не мог завершиться иначе, как массовой казнью» [83]. Обвиняют коммунистов в предательстве также В. Герлиц, Г. Плюм и многие другие западногерманские историки [84].

В связи с этими обвинениями стоит сказать несколько слов о широко дебатиреуемом в западногерманской историографии Сопrotивления так называемом «деле Остера». Ганс Остер, заместитель начальника Абвера адмирала Канариса, вместе со своим шефом поддерживал систематическую связь с западными разведками, прежде всего с английской [85]. Остер предупредил в мае 1940 г. правительства Бельгии и Голландии о готовящемся вторжении немецких войск [86]. Хотя группа Канариса преследовала при этой акции политические цели, сводившиеся, в конечном счете, к установлению союза Германии с западными странами на предмет борьбы против «большевизма», сам по себе поступок Остера не может не вызывать одобрения с точки зрения антифашистской борьбы. Тем более достойна восхищения деятельность группы Х. Шульце-Бойзена — А. Харнака, которая, работая в важнейших учреждениях нацистского государства, стремилась оказать максимальную помощь главной силе антифашистской борьбы — Советскому Союзу, приблизить окончание войны и крушение гитлеровского режима.

Хотя западногерманские историки оценивают поступок Остера с явным неодобрением, они склонны все-таки оправдывать его. Г. Риттер пишет, что Остер действовал якобы из рыцарских побуждений, будучи возмущен решением Гитлера вторгнуться в Бельгию и Голландию без объявления войны. К тому же Остер, продолжает Риттер, «стремился не к поражению Германии», чего хотели участники коммунистических групп, а «всего только к провалу наступательной операции против нейтральных стран» [87]. В качестве оправдывающего Остера момента приводятся доказательства того, что его акция не оказала

никакого влияния на ход военных действий. К. Зондтнер посвящает несколько страниц опровержению утверждения А. Даллеса о том, что Остер сообщил о готовящемся вторжении 3 мая 1940 г., т.е. за 7 дней до того, как оно началось. Он приходит к выводу, что это случилось лишь вечером 9 мая, а потому никак не сказалось на развитии событий [88].

К. Ассман идет еще дальше. Не вдаваясь в какой бы то ни было анализ фактов, он заявляет, что немецкий генерал вообще не мог поступить так, как поступил Остер. Ассман *a priori* убежден в том, что сообщение о разглашении им даты нападения на Бельгию и Голландию не соответствует действительности, «Я считаю это сообщение выдуманной, — пишет он. — Немецкий генерал не поступит так. Никогда! Если бы он сделал это, то он не был бы... немецким генералом... Мы хотим с позором изгнать из нашей среды и забыть тех, кто в своей ненависти к законному режиму зашел так далеко, что для того, чтобы свергнуть главу государства, предательством оказал врагу содействие в победе над своим народом» [89].

Цель подобных манипуляций такова: отвести от столь прославляемых западногерманской историографией участников заговора против Гитлера какие-либо подозрения в том, что они могли выступить за поражение фашистской Германии в войне, изобразить их еще более лояльными по отношению к немецкому милитаризму, к вермахту, чем даже это имело место в действительности. В нынешнем бундесвере не должно быть никакой оппозиции к его руководству. Ситуация, в которой действовали заговорщики против Гитлера, была «исключительной», ибо политика «фюрера» привела к «опасности» установления «большевизма» в Германии — только это оправдывает действия руководителей заговора, в принципе, конечно, желавших «победы немецкого оружия», — таков ход рассуждений многих западногерманских историков. В Федеративной Республике, пишет Г. Риттер в статье для сборника «Вопросы, от решения которых зависят судьбы современности», вооруженные силы «являются инструментом в руках главы государства, который не должен притязать на право участия в политических решениях». «Безусловное послушание без обоснования каких-либо причин по отношению к законной государственной власти, — продолжает он, — уже в классической древности почиталось высшей солдатской добродетелью» [90].

Несмотря на все эти оговорки, контакты заговорщиков с западными странами, в целом, оправдываются западногерманскими историками, в то время как совместная борьба немецких коммунистов и антифашистов других стран, тот вклад, который они внесли в дело разгрома нацизма, объявляется «предательством». Это — наглядное свидетельство *классового* подхода «объективной» исторической мысли западной Германии к историческим фактам!

Одним из фальсификаторских приемов, имеющих целью доказать «вненациональный» характер КПГ, является утверждение о том, будто бы в 1939—1941 гг., в период действия советско-германского пакта о ненападении, немецкие коммунисты прекратили борьбу с нацистским режимом и возобновили ее только после нападения Гитлера на Советский Союз. К.-Д. Эрдман утверждает, что в это время коммунистическое нелегальное движение «затихло» [91]. Г. Ротфельс заявляет, что будто бы «многие коммунисты повернулись тогда по указанию Москвы в национал-социалистскую сторону» [92].

В 1939-м — начале 1941 г. действительно имело место некоторое снижение активности антифашистской борьбы в Германии. Однако оно было обусловлено не каким-либо изменением позиции КПГ по отношению к нацизму, а рядом объективных причин. Большое число участников Сопротивления было призвано в армию, десятки тысяч антифашистов, прежде всего коммунистов, только незадолго до этого освобожденных из тюрем, концлагерей, в сентябре 1939 г. были вновь арестованы. Военные успехи фашистской Германии и сопровождавшая их разнузданная шовинистическая пропаганда повлияли на создание некоторых неустойчивых противников нацизма [93]. Сложная международная обстановка затрудняла правильную ориентацию части находившихся в условиях глубокого подполья групп Сопротивления. Тем не менее борьба немецких коммунистов против фашизма не прекращалась ни на минуту.

Уже в первые дни войны ЦК КПГ опубликовал заявление, осуждающее развязанную империалистами войну и призывающее рабочий класс к объединению сил в борьбе за свержение Гитлера [94]. В октябре 1939 г. выходивший в Стокгольме журнал немецких коммунистов «Die Welt» писал: «КПГ призывает... всех своих сторонников в Германии, а также социал-демократов решительно и непоколебимо вступать на путь борьбы за мир, за свержение Гитлера и его империалистических хозяев» [95].

В 1940 г. при помощи инструкторов ЦК КПГ, прибывших в Германию из-за границы, было восстановлено нелегальное центральное руководство берлинской партийной организации, ведущей активную антифашистскую работу [96]. По данным полицейской службы Берлина, с сентября 1939 по июнь 1941 г. было арестовано 433 коммуниста [97]. КПГ призывала немецкий народ следить за соблюдением германосоветского пакта о ненападении, подчеркивая при этом, что гарантией сохранения добрых отношений с СССР является воля к миру народных масс [98].

Немецкие коммунисты были противниками имевшей хождение в некоторых кругах Сопротивления идеи о желательности войны для свержения нацизма. «Мы не желали никакой войны. Мы не были того мнения, что она является единственным шансом на освобождение Германии от террористического режима», — вспоминает одна из активных участниц подпольного коммунистического движения Грета Кукгоф. Немецкие коммунисты понимали гибельность войны и для немецкого народа, и для всех народов других стран и поэтому боролись за ее предотвращение. Они считали, что в условиях мира немецкий народ, несмотря на большие трудности и необходимость тяжелых жертв, мог бы избавиться от фашистского режима собственными силами [99].

Весьма разнообразен арсенал приемов, применяемых для фальсификации истории борьбы КПГ с фашизмом историками псевдолиберального направления. Один из них — противопоставление коммунистов, оставшихся в годы нацистского режима в Германии, руководству ЦК КПГ, находившемуся в эмиграции, особенно товарищам Вильгельму Пику и Вальтеру Ульбрихту.

Г. Вебер в комментариях к тенденциозно подобранному им сборнику документов по истории коммунистического движения в Германии, предостерегает от того, чтобы «просто игнорировать коммунистическое движение Сопротивления», участников которого он называет «благородными и храбрыми борцами за лучший мир» [100]. Но все это оказывается нужным автору лишь для придания большего веса тезису о том, что «коммунистические группы действовали... в большинстве случаев независимо от руководства, находившегося в эмиграции» [101]. Известен факт, засвидетельствованный в документах и воспоминаниях участников, подтвержденный целым рядом исследований историков ГДР, что «КПГ была единственной партией, ЦК которой и его Политбюро из

эмиграции руководили нелегальной работой внутри страны и за границей и координировали ее так, что даже в Германии она осуществлялась оперативно» [102]. Вебер, нимало не смущаясь, называет это легендой, которая должна поднять престиж руководства. Он заявляет, например, что «группа Шумана показывала мало верности линии» руководства КПГ [103]. Однако анализ документов, составленных Г. Шуманом и его друзьями для учебы антифашистского актива, показывает, что в них нет сколь-нибудь существенных расхождений с той линией, которую в этот период (1944 г.) проводил ЦК КПГ, и содержание которой доводилось через радиопередачи и другими путями до коммунистов, работающих в Германии. Отдельные ошибки и неточности, допущенные в этих документах и легко объяснимые, если принять во внимание условия глубокой конспирации, в которых работала группа ряд лет, и отсутствие живого контакта с руководством партии, касаются второстепенных вопросов [104].

Историк социал-демократ Аннедора Лебер в своей книге «Совесть восстает» (1954 г.) прибегает к аналогичному приему. Она пишет, что «коммунисты... проявили себя как энергичные противники нацистской диктатуры, со стороны которой подвергались беспощадным преследованиям», они «несомненно, серьезно и субъективно честно вели борьбу против тирании и за лучший социальный порядок». Однако «коммунистический партийный аппарат, — пишет А. Лебер, — все больше удалялся от рабочего движения». За этим следуют всевозможные непристойные выдумки относительно руководства ЦК КПГ, не подтверждаемые какими-либо фактами [105]. В вышедшей три года спустя книге того же автора «Совесть решает» (1957 г.) фальсификации истории коммунистического Сопrotивления фашизму принимают еще более широкий характер. Снова отмечаются героизм и жертвы коммунистов, многие из которых поднялись в своей борьбе «до нравственных высот» [106]. Но, заявляет А. Лебер, «КПГ... была инструментом русской внешней политики», а «большевистские схемы», против которых якобы выступала в свое время Роза Люксембург, были «неприменимы к индустриально развитым странам с сильными профсоюзами и относительно высоким уровнем жизни рабочих», что привело к неудаче попыток коммунистов воспрепятствовать приходу фашистов к власти и к неудачам в период Сопrotивления [107]. Утверждается, что «коммунистические группы в провинциях» не имели «связей с Москвой»

и «надеялись на то, что после войны будет возможно возникновение национально ориентированной КПП». Все это нагромождение фальсификаций, в котором трудно сказать чего больше — невежества в вопросах истории коммунистического движения или сознательного извращения фактов, завершается иезуитской попыткой противопоставить борьбу немецких коммунистов в годы фашизма политике СЕПГ и КПП в послевоенной Германии. «Они, — пишет А. Лебер, — отдавали свои жизни за дело, которое считали правильным... Топор палача упредил потерю ими своих иллюзий и уберег их от практики коммунизма в Германии» [108].

Подобные антикоммунистические выпады встречаются и на страницах работ некоторых авторов, в общем стоящих на прогрессивных позициях. Так, молодой западногерманский историк А. Клене в своей книге, посвященной молодежному движению против нацизма, отмечает необходимость борьбы против «тех замаскированных и явных попыток оправдания национал-социализма, которые сегодня снова можно многократно видеть в нашей стране», выступает против того мнения, что «оппозиция национал-социалистскому режиму была делом маленькой, находящейся на высоких общественных постах элиты». Показывая массовый характер движения Сопротивления, которое наряду с другими требованиями выдвигало лозунг ликвидации «опасных экономических позиций силы», он приходит к выводу, что «сегодня (1957 год. — *Н.Ч.*) двенадцать лет спустя после краха национал-социалистского режима, эти требования... ни в коем случае не выполнены целиком» и что «в Германии (Западной. — *Н.Ч.*) нужно удалить корни национал-социализма» [109]. В то же время, поддаваясь влиянию антикоммунистической тенденции, господствующей в западногерманской историографии, он заявляет, что будто бы «содержание оппозиции молодых коммунистов Третьему рейху никоим образом не может быть отождествлено с содержанием нынешней политики КПП — СЕПГ» [110]. Но ведь именно в Германской Демократической Республике, государстве, в котором руководящая роль принадлежит СЕПГ — партии немецких коммунистов — уничтожены те корни нацизма, удаление которых считали необходимым борцы Сопротивления и которые, как признает сам А. Клене, в ФРГ все еще сохраняются! Именно КПП, работая в Западной Германии в условиях нелегальности, считает своей основной задачей борьбу за ликвидацию господства той силы, которая привела к вла-

сти национал-социализм, — монополистического капитала. О каком же противоречии между традициями антифашистского движения Сопротивления и «нынешней политикой КПП — СЕПП» может идти речь? Скорее можно говорить о противоречии между фактами о Сопротивлении нацизму, которые А. Клене, в общем-то, довольно объективно излагает в своей книге, и некоторыми, явно искусственного происхождения, антикоммунистическими привесками к ним.

Еще одной линией, по которой ведется фальсификация истории Сопротивления КПП нацизму, является отрицание какой-либо связи между борьбой немецких коммунистов и борьбой других демократических сил против фашизма. Утверждается, что «немецкие коммунисты имели в виду не... интересы Германии, а интересы собственного утверждения у власти», что они стремились «не к восстановлению после свержения Гитлера свободного и демократического порядка», а к замене нацистской диктатуры «красной» [111]. Наличие контактов между коммунистами и другими противниками Гитлера отрицается либо, подобно тому, как это делает Г. Риттер, характеризуя связь между представителями оперативного руководства КПП в Германии и группой социал-демократов — участников заговора 20 июля 1944 года, объявляется «несчастьем» [112].

В действительности же именно КПП была той партией, которая в решениях своих Брюссельской (1935 г.) и Бернской (1939 г.) конференций «указывала путь к объединению всех заинтересованных в свержении гитлеровской диктатуры классовых сил и групп немецкого народа» [113] и «сформулировала программу новой Германской Демократической Республики, которая должна быть результатом совместной борьбы немецкого рабочего класса и всех других антифашистов против гитлеровской диктатуры. В этой республике не должен более господствовать монополистический капитал... судьбу Германии должен определять объединенный рабочий класс в союзе с крестьянством, средними слоями и интеллигенцией» [114]. Линию на объединение всех антифашистских сил немецкие коммунисты проводили в жизнь в ходе борьбы с гитлеризмом, конкретизируя ее в последние годы войны в движении Национального Комитета «Свободная Германия». Следуя этой линии, они стремились к установлению контактов со всеми противниками нацизма, в том числе и с теми, чья оппозиция была непоследовательной и обуславливалась эгоистическими классовыми интересами. Анализируя

опыт антифашистской борьбы в Германии, член ЦК СЕПГ Отто Винцер писал: «Вследствие явной реакционности заговорщиков (20 июля. — *Н.Ч.*) встает вопрос, правильно ли было то, что коммунисты... установили связь с социал-демократами, делавшими общее дело с представителями монополистического капитала, которые хотели спасти для немецкого империализма после поражения Гитлера то, что еще могло быть спасено. Этот шаг... без сомнения, в общем был правилен... Если бы удар против гитлеровского правительства удался, то задачей коммунистов и всех честных антифашистов было бы привести в движение народные массы и провести в Германии подлинно демократические преобразования» [115]. Что же касается участников заговора 20 июля, то как раз союз с антифашистским движением, руководимым коммунистами, который пытались установить патриотически настроенное крыло заговорщиков, мог дать шансы на успех их предприятия, изменившего бы, безусловно, в таком случае свой антинациональный характер. «Несчастьем», предопределившим их бессилие и неудачу, была не попытка установления контактов с коммунистами, а антикоммунизм и отказ от опоры на движение масс.

Ожесточенным нападкам подвергается в западногерманской историографии деятельность созданного по инициативе ЦК КПГ в 1943 г. на конференции немецких антифашистов в СССР — эмигрантов и военнопленных — Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ). Движение НКСГ объединяло стремившиеся к свержению Гитлера и заключению мира силы рабочего класса, буржуазной антигитлеровской оппозиции и оппозиции в армии [116]. Широко распространенный тезис о том, что «НКСГ нужно причислять не к немецкому Сопротивлению, а к инструментам советской пропаганды военных лет» (К.-Д. Эрдман) [117], о том, что члены этой организации были «дезертирами» и «предателями», которые заслуживали сурового наказания, в последние годы дополняется более тонкими приемами извращения исторической истины. Примером может служить книга Б. Шойрига «Свободная Германия», вышедшая в 1960 г. Автор пишет, что «активность военнопленных была... публичным призывом к спасению рейха не только от внешнего врага, но, прежде всего, от самого Адольфа Гитлера», что «Национальный комитет и Союз немецких офицеров постоянно подчеркивали необходимость действий для спасения (Германии. — *Н.Ч.*)» [118]. Он даже жалуется на то, что в западногерманских судах

бывшим участникам движения «Свободной Германии» отказывают в признании, которым пользуются участники оппозиции 20 июля 1944 года [119]. Но в то же время Б. Шойриг утверждает, что это движение «было изолировано от внутринемецкого Сопротивления», так как представители последнего» никогда не пересекали линии фронта, чтобы получить указания в Москве или Лунёво (резиденция НКСГ. — Н.Ч.)» [120].

Довод этот не выдерживает, конечно, элементарной критики, ибо НКСГ имел много других каналов, по которым поддерживался контакт с группами в Германии и в немецких войсках в оккупированных странах Европы — радиопередачи, переброска антифашистской литературы через линию фронта и через нейтральные страны и т.д. [121]. Только «Манифест» НКСГ был издан летом 1943 г. тиражом в 6 млн экземпляров, из которых 4 млн было сброшено в Германию и на оккупированные ею территории [122]. Эффективность пропаганды НКСГ вынуждены были признавать сами нацистские руководители, уделявшие значительное внимание контрпропаганде против нее [123]. Однако Б. Шойриг считает возможным утверждать, что работа Национального комитета была неэффективной, так как руководившие ею В. Пик, В. Ульбрихт и другие ведущие члены КПГ не пересмотрели после прихода Гитлера к власти свои взгляды и не «отказались от учения о классово-борьбе». Последняя в гитлеровской Германии будто бы «перестала быть ведущей или хотя бы должной быть принимаемой во внимание концепцией политики» [124]. Книга обильно приправлена антисоветской клеветой, в основном позаимствованной из сочинений ренегатов НКСГ — Г. фон Эйнзиделя, Й. фон Путкаммера и др. Б. Шойриг, подобно большинству историков ФРГ, занимающихся проблемами Сопротивления, сознательно игнорирует исследования стоящих на позициях марксистской методологии авторов ГДР, СССР и других стран под тем предлогом, что их свидетельства нельзя якобы считать вполне достоверными, так как «их безусловная партийность грубо извращает связи событий» [125]. О том же, что из себя представляет «объективность» буржуазных историков в подобном вопросе, можно судить по заявлению И. Бюлера, который считает, что вопрос о том, как рассматривать Паулюса и Зейдлица — генералов, примкнувших к НКСГ, — «как борцов Сопротивления или как предателей родины всегда будет зависеть от точки зрения того, кто дает оценку» [126].

Мерой объективности оказывается допущение признания антифашистской борьбы «предательством»!

Ряд западногерманских авторов говорит о наличии двух тенденций в движении «Свободная Германия» — «коммунистической» и «национальной», подразумевая при этом то, что коммунисты не могут быть сторонниками «национальной» политики. Об этом пишет, в частности, в своей книге «Сопротивление приказу» гитлеровский генерал, впоследствии — генеральный инспектор бундесвера и ведущий стратег НАТО А. Хойзингер, добавляя, что «совместная работа с Россией означала бы конец Европы» и потому было «тем более необходимо удерживать Восточный фронт» [127].

Особое место занимает историография антифашистской борьбы в концлагерях, тюрьмах и других репрессивных заведениях Третьего рейха. В тех немногочисленных работах, которые посвящены этому вопросу, основное внимание уделяется описанию зверств эсэсовцев, крайне тяжелых условий жизни заключенных и почти ничего не говорится о той борьбе, которую заключенные антифашисты продолжали вести и в этих невыносимых условиях. Это и понятно. Какие-либо шансы на успех в подобной ситуации могла иметь лишь работа тесно сплоченных, глубоко законспирированных организаций, какими в лагерях руководили коммунисты. Разыгрывание же «оппозиции», попытки «морального воздействия» на эсэсовцев заранее были обречены на провал. Английский публицист Х.Г. Адлер, анализируя западногерманскую литературу о положении в концлагерях, приходит к выводу, что «в концлагерях господствовал закон джунглей» [128]. Констатируя руководящую роль коммунистов в движении Сопротивления в концлагерях, он объясняет ее тем, что «коммунисты были лучше всех организованы», и тем, что «к активному сопротивлению в таких условиях были способны лишь решительнейшие и сильнейшие натуры, должные быть мастерами тактики и мастерами скрытности», каковыми он считает коммунистов [129]. Но буржуазные исследователи-историки стремятся всячески умалить эту их роль, опорочить самоотверженных борцов против фашизма. Так, Б. Каутский (впоследствии автор «очищенной» от марксизма новой программы австрийской социал-демократии) в своей книге о концлагерях в Третьем рейхе пишет, что «коммунисты утверждали свою позицию... как против СС... так и против массы заключенных» [130]. Это, разумеется, совершенно не соответствует истине

и опровергается многочисленными документами и воспоминаниями, свидетельствующими о большом уважении, которое оказывали им другие узники концлагерей за их мужественную борьбу в защиту всех заключенных [131].

Совершенно вне поля зрения западногерманской буржуазной историографии остаются вопросы совместной борьбы немецких антифашистов и антифашистов других стран как в самой Германии, так и в оккупированных нацистами странах Европы. Заговорщики 20 июля 1944 года, которые, по мнению Г. Ротфельса, были «авангардом новой... должной быть освобожденной от национальной раздробленности Европы» [132], практически не установили каких-либо контактов с движением Сопrotивления в оккупированных странах (даже в странах Западной Европы). Писать же о совместной борьбе немецких, советских, польских, французских и других антифашистов, возглавляемой коммунистами, западногерманские историки по вполне понятным соображениям не желают.

Различные приемы фальсификации антифашистского движения Сопrotивления, используемые в западногерманской буржуазной историографии, имеют одну цель — попытаться доказать, что не немецкий рабочий класс и его авангард — коммунисты — были главной силой антифашистской борьбы, подорвать доверие народных масс к коммунистам, на протяжении многих лет ведущим борьбу против сил реакции, за лучшее будущее немецкого народа.

---

1. Ritter G. Gegenwärtige Lage und Zukunftsaufgaben deutscher Geschichtswissenschaft // Historische Zeitschrift. Bd. 170. Hf. 1. S. 19.

2. Stern L. Revanchistische Entstellungen der Geschichte des Zweiten Weltkrieg // Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Wirklichkeit und Fälschung. Berlin, 1959. S. 29.

3. Höppner J. Das Institut für Zeitgeschichte in München und seine Arbeit im Dienste der militärisch-klerikalen Herrschaft des Westdeutschen Imperialismus // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1959. Hf. 2; Салов В.И. О западногерманской реакционной историографии нового и новейшего времени // Новая и новейшая история. 1960. № 4 и др.

4. Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Fr. a. M. — Hamburg, 1958. S. 7.

5. Анализ ряда работ западногерманских историков, посвященных проблемам Сопrotивления фашизму в Германии, содержится в работах: Рахмиров П.Ю. Фальсификация западногерманскими буржуазными историками истории антифашистского движения Сопrotивления в Германии // Из истории рабочего

и коммунистического движения в зарубежных странах. Ч. 2. Свердловск, 1963; *Фомин В.Т.* Антифашистская борьба в Германии и лживые измышления буржуазных фальсификаторов истории // Из истории новейшего времени. М., 1959; *Шуман Г.* Проблема антифашистского движения Сопротивления в западногерманской историографии // Проблемы истории Второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959; *Laschitz H.* Faschismus und Widerstand // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1961. Hf. 8 и др.

6. *Ульбрихт В.* К истории новейшего времени. М., 1957; *Винцер О.* 12 лет борьбы против фашизма и войны. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956; *Laschitz H.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1939–1945. Berlin, 1963; *Bartel W.* Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur. Berlin, 1956; *Rossmann G.* Der Kampf der KPD um die Einheit aller Hitlergegner. Berlin, 1963; *Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С.* Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933–1945). М., 1961; *Проблемы истории Второй мировой войны.* М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959; *Германский империализм и Вторая мировая война.* М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963; *Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung 1933 bis 1945.* Berlin, 1957; Обзор литературы ГДР, посвященной проблемам антифашистского движения Сопротивления, см.: *Schumann H., Wehling W.* Literatur über Probleme der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1960. Sonderheft.

7. *Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Berlin, 1963. S. 195.

8. Представители этого направления сводят, по существу, весь исторический процесс к «промыслу божию», полагая, как пишет Ф. Пальман, что всякая попытка человека познать пути божии в эмпирической истории с помощью собственного разума ведет к признанию ничтожества человека и всемогущества божьего (Gibt es ein Geschichtsbild Deutschlands? Fr. a. M., 1955. S. 23). Цит. по: *Эпштейн А.Д.* Некоторые тенденции западногерманской клерикально-милитаристской историографии // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 99.

9. С псевдолиберальным направлением все больше смыкается социал-демократическая историография ФРГ, в настоящее время полностью отказавшаяся от марксистского метода классового анализа исторических явлений и сделавшая своими главными лозунгами лозунги антикоммунизма (*Э. Маммуас, А. Лебер, И. Лейтхойзер* и др.). Большинство историков социал-демократического направления отличают от историков псевдолиберального направления лишь наличие у них в карманах членских билетов СДПГ и определенный уклон в выборе тем исследований, но ни в коей мере не специфика в подходе к историческим явлениям. Пожалуй, можно отметить лишь определенное влияние на них прагматистской методологии. Оценку социал-демократической историографии ФРГ см.: *Rudolph R.* Eine neue Etappe unserer Geschichtswissenschaft // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1962. Hf. 7. S. 1527.

10. См: *Бертольд В.* ...голодать и повиноваться. М., 1964. С. 7–11; *Lozek G., Syrbe H.* Zur antinationalen Geschichtskonzeption des westdeutschen imperialisti-

schen Historiographie // Einheit, 1964. Hf. 1; *Berthold W., Lozek G., Meier H.* Entwicklungstendenzen im historischpolitischen Denken in Westdeutschland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1964. Hf. 4; Следует отметить, что представляется неверным отнесение Г. Лоцеком и Х. Зюрбе к предтечам этого направления наряду с М. Вебером и Ф. Мейнке также и К. Гёрделера — одного из лидеров заговора 20 июля 1944 года. Взгляды К. Гёрделера, характеризующиеся сугубым национализмом и антидемократизмом, что отмечается даже и большинством буржуазных исследователей, заставляют отнести его к числу крайних консерваторов. Неслучайно одним из его единомышленников и друзей был Г. Риттер, прочившийся Гёрделером на пост министра культуры в правительстве, которое предполагалось создать после переворота (*Henk E.* Die Tragödie des 20. Juli 1944. Heidelberg, 1946. S. 40). Неудачным представляется и встречающееся в литературе ГДР обозначение этого направления как «группы Ротфельса» (см: *Syrbe H.* Revanchismus unter dem Banner der Europaideologie // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1963. Hf. 4), так как подобное наименование не раскрывает характерных черт направления, создает впечатление о некоем, на самом деле не существующем, организационном и идейном единстве историков-псевдолибералов вокруг Г. Ротфельса.

11. *Weisenborn G.* Der lautlose Aufstand. Hamburg, 1954. S. 92.

12. Ibid. S. 146.

13. Ibid. S. 198.

14. Ibid. S. 16.

15. *Фомин В.Т.* Антифашистская борьба в Германии... С. 159–160; *Рахшир П.Ю.* Фальсификация западногерманскими буржуазными историками... С. 46–49. П.Ю. Рахшир даже называет Г. Вайзенборна «соратником Г. Риттера» (Там же, С. 49), что, конечно, совершенно неверно.

16. *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962. С. 282.

17. *Вейзенборн Г.* Преследователь. М., 1963.

18. *Hirsch K.* Die Blutlinie. Ein Beitrag zur Geschichte des Antikommunismus in Deutschland. Fr. a. M., 1960; *Brüdigam H.* Wahrheit und Fälschung. Das Dritte Reich und seine Gegner in der Literatur seit 1945. Fr. a. M., 1959.

19. *Hirsch K.* Die Blutlinie. S. 137.

20. Ibid. S. 270.

21. *Brüdigam H.* Wahrheit und Fälschung. S. 43.

22. *Abendroth W.* Forschungen über die Widerstandsbewegung in der deutschen Bundesrepublik // Internationale Hefte der Widerstandsbewegung. Wien, 1959. Hf. 1. S. 62.

23. *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961; *Grote A.* Unangenehme Geschichtstatsachen. Nürnberg, 1960.

24. Появление этих книг встретило ожесточенные нападки со стороны официальной западногерманской историографии. Особенно резким атакам подверглась книга Ф. Фишера, являющегося одним из крупнейших историков ФРГ. В своей рецензии на нее Г. Риттер развивает те же самые тезисы, которые широко

использовали для оправдания агрессивной внешней политики Германии пангерманцы и национал-социалисты. «Стремление к немецкой мировой политике, — пишет Г. Риттер, — было не чем иным, как выражением желаний нации с быстро растущим самосознанием и огромной жизненной силой, стремившейся к равноправию с Британской империей». «Можно ли это назвать экспансионизмом? — спрашивает он. — Давление быстро растущего населения могло быть преодолено лишь быстрым ростом промышленности... успехи которой зависели, в конечном счете, от свободы доступа к мировым рынкам». Г. Риттер не забывает упомянуть и о «немецкой культурной миссии во всем мире», которая также, по его мнению, обуславливала «стремление к достижению положения мировой державы» (*Ritter G. Eine neue Kriegsschuldthese? // Historische Zeitschrift. 1962. Bd. 194. Hf. 3. S. 648–649.*

25. *Abendroth W.* Forschungen über die Widerstandsbewegung... S. 64.

26. *Программа КПСС.* М., 1961. С. 51.

27. *Hirsch K.* Die Blutlinie. S. 11.

28. См. подробнее: *Lozek G., Syrbe H.* Zur antinationalen Geschichtskonzeption... S. 121–122.

29. *Barraclough G.* Geschichtsschreibung und Politik in neuen Deutschland // *Aussenpolitik.* 1954. Hf. 11. S. 727.

30. *Brüdigam H.* Wahrheit und Fälschung. S. 7.

31. *Lozek G., Syrbe H.* Zur antinationalen Geschichtskonzeption... S. 124, 128.

32. Переработанное издание этой книги вышло в 1955 г. в ФРГ: *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Fr. a. M., 1955.

33. *Ortega y Gasset H.* Der Aufstand der Massen. Hamburg, 1956.

34. *Hofer W.* Der Nationalsozialismus. Fr. a. M., 1960. S. 365. Аналогичные взгляды развивает и Г. Риттер, который считает, что разрушение прусской и русской монархий создавало «вакуумы», в которых возникают «тоталитарные» государства (*Ritter G.* Europa und die deutsche Frage. München, 1948. См.: *Бертольд В.* ...голодать и повиноваться. С. 212). Следует отметить, что сегодня подавляющая часть западногерманских историков отказывается от точки зрения своего общепризнанного наставника Ф. Мейнеке, который в своей, написанной под влиянием разгрома германского империализма во Второй мировой войне, книге «Немецкая катастрофа» пришел к выводу об ответственности немецкой буржуазии за установление национал-социалистской диктатуры и ее противоположности социалистическому строю в СССР (*Meinecke Fr.* Die Deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946. S. 36. 108; См. об этом: *Данилов А.И.* Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм // *Новая и новейшая история.* 1962. № 2. С. 59; *Бертольд В.* ...голодать и повиноваться. С. 214; *Bodensieck H.* Das nationalsozialistische Reich in der Literatur des gespaltenen Deutschland von 1945 bis 1959. Kiel, 1960. S. 38). Справедливо ради стоит добавить, что в этой и других работах Фр. Мейнеке формулирует и ряд положений, сыгравших определенную роль в разработке некоторых сторон концепции тоталитаризма.

35. *Lozek G., Syrbe.* Zur antinationalen Geschichtskonzeption... S. 124.

36. *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955. S. 587.
37. *Hammer W.* Hohes Haus in Henkers Hand. Fr. a. M., 1956. S. 108–110.
38. *Gisevius H.W.* Bis zum bitteren Ende. Hamburg, 1960; *Hofer W.* Der Nationalsozialismus. S. 315 и др. О подлинной роли Я. Шахта см.: *Фомин В.Т.* О роли Шахта в подготовке Германией Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1958. № 4.
39. *Rothfels H.* The German Resistance in its international Aspects // Studies in diplomatic history and historiography in honor of G.R. Gooch. London, 1961. P. 349.
40. *Rothfels H.* Die Deutsche Opposition... S. 168–169.
41. *Rothfels H.* Das Politische Vermächtnis des deutschen Widerstands // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1954. Hf. 4. S. 334.
42. *Bergstraesser A.* Vorbildlicher und denkwürdiger Sieg des Geistes über das Geheime // Bulletin des Presse – und Informationsamtes der Bundesregierung. 8. III. 1963. Nr. 139. S. 1231–1232.
43. *Mann G.* Deutsche Geschichte 1919–1945. Fr. a. M. – Hamburg, 1962. S. 190.
44. *Mann G.* Geschichte und Geschichten. Fr. a. M., 1962. S. 331.
45. *Ibid.* S. 334. В иллюзорности подобного взгляда на положение дел в Федеративной Республике должен был в последнее время убедиться и сам Г. Манн, что явствует из его недавних выступлений, в которых он призывает боннское правительство к более реалистической политике, в частности к отказу от требований восстановления границ 1937 г. и от беспочвенных надежд на то, что коммунизм может быть устранен насильственным образом (см.: *Neues Deutschland.* 9.II.1964. 4.IV.1964). Нападки со стороны реваншистских кругов, задававших в действительности тон в политической жизни ФРГ, которым подвергся в связи с этими его высказываниями Г. Манн, были столь сильны, что они вынудили его уйти в отставку с занимаемой им должности профессора Высшей технической школы Штутгарта. (*Neues Deutschland.* 8.IV.1964).
46. *Flechtheim O.K.* Ursachen, Charakter, Wirkungen des Nationalsozialismus // Blätter für die deutsche und internationale Politik. 1963. Hf. 5. S. 379. См. также: *Bergstraesser A.* Vorbildlicher und denkwürdiger Sieg... S. 1232.
47. *Plum G.* Widerstand und Antifaschismus in der marxistisch – leninistischen Geschichtsauffassung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1961. Hf. 1. S. 54.
48. *Ibid.* S. 63.
49. Карл Миш предлагает отказаться даже от термина «Сопротивление», употребляя лишь слово «оппозиция», так как якобы «Сопротивление» должно быть национально детерминировано, а в Германии даже оппозиция «казалась ненациональной». *Misch C.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen. Stuttgart, 1952. S. 547.
50. См.: *Vollmacht des Gewissens.* München, 1956. S. 85.
51. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. Ст. 1049–1063.

52. См., например: *Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны*. М., 1962.

53. *Weisenborn G.* Der lautlose Aufstand. S. 250.

54. Анализ программы заговорщиков 20 июля 1944 года и оценка заговора содержатся в работах: *Ульбрихт В.* К истории новейшего времени; *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года...; *Zur Vorgeschichte der Verschwörung vom 20 Juli 1944*. Berlin, 1960 и др.

55. *Mau H., Krausnick H.* Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933–1945. Stuttgart, 1956. S. 175.

56. *Görlitz W.* Der zweite Weltkrieg 1939–1945. Bd. II. Stuttgart, 1952. S. 297.

57. *Bracher K.D.* Anfänge der deutschen Widerstandsbewegung // Festgabe für H. Herzfeld. Berlin, 1958. S. 384.

58. *Binder G.* Epoche der Entscheidungen. Stuttgart – Degerloch, 1960. S. 409.

59. *Bracher K.D.* Anfänge der deutschen Widerstandsbewegung. S. 393.

60. См.: *Бланк А.С.* Борьба КПГ против фашизма в освещении западногерманской буржуазной историографии // Череповецкий государственный педагогический институт: Материалы первой научной конференции. Вологда, 1963. С. 7–16.

61. *Buchheim H.* Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. S. 73–78. Эта работа сначала появилась в справочнике, изданном военным министерством ФРГ в качестве учебного пособия для бундесвера: *Schicksalsfragen der Gegenwart*. Bd. II. Tübingen, 1957. S. 114–157.

62. *Mau H., Krausnick H.* Deutsche Geschichte... S. 172–188.

63. См.: *Meyer H.* Weltgeschichte. Gütersloh, 1963. S. 560–561; *Stier H.E.* Deutsche Geschichte im Rahmen der Weltgeschichte. Fr. a. M., 1960. S. 992–993; *Freund M.* Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1960. S. 725–729; *Sethe P.* Deutsche Geschichte im letzten Jahrhundert. Fr. a. M., 1961. S. 388–390 и др.

64. *Hofer W.* Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Basel, 1956. S. 123–152; *Hofer W.* Objektivität und Parteilichkeit // Deutsche Rundschau, 1956. Hf. 6.

65. *Hofer W.* Der Nationalsozialismus. S. 316.

66. *Schlabrendorf F. von.* Offiziere gegen Hitler. Zürich, 1946. S. 143, 202–205 etc.

67. *Schlabrendorf F. von.* Offiziere gegen Hitler. Fr. a. M., 1960. S. 21, 58, 133, 146.

См. об этом: *Мельников Д.* Заговор 20 июля... С. 283–284. Изменение взглядов историков ФРГ на антифашистское движение Сопротивления, руководимое коммунистами, отмечает французский историк М. Адлер-Брессе (*Adler-Bresse M.* Aspects de l'historiographie de la Resistance allemande // Revue de la deuxieme guerre mondiale. 1959. № 33. P. 52–53).

68. *Mielke K.* 1917–1945 in der Geschichtsbüchern der Bundesrepublik. Hannover, 1961. S. 78–81, 117–120, 152–154.

69. *Brüdigam H.* Wahrheit und Fälschung. S. 43–44.

70. Немецкий перевод: *Dulles A.W.* Verschwörung in Deutschland. Kassel, 1949. S. 125.

71. *Ritter G.* Carl Goerdeler... S. 106; *Rothfels H.* Die Deutsche Opposition... S. 52; *Bracher K.D.* Voraussetzungen des Nationalsozialismus // Statsvetenskaplig tidskrift för politik, statistik, ekonomi. Lund, 1963. Hf. 1. S. 94.

72. См., например: *Toppe H.* Der Kommunismus in Deutschland. München, 1961. S. 52–53.

73. *Misch C.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen. S. 503–504.

74. *Weber H.* Der deutsche Kommunismus. Köln–Berlin, 1963. S. 317.

75. *Toppe W.* Der Kommunismus in Deutschland. S. 55.

76. *Grundriss...* S. 195.

77. *История* Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 5. М., 1963. С. 20–22; *Köhler F.* Die Befreiung Deutschlands vom faschistischen Joch. Berlin, 1955.

78. Цит. по: *Bartel W.* Deutschland in der Zeit... S. 242.

79. *Pechel R.* Deutscher Widerstand. Zürich. 1947. S. 68–70.

80. Подробный анализ этой книги см.: *Бертольд В.* ...голодать и повиноваться; *Лунев И.И.* Апология германского империализма и милитаризма, в работах Г. Риттера // Из истории новейшего времени. М., 1959.

81. Риттер провел несколько месяцев в тюрьме в связи с его участием в заговоре 20 июля 1944 года. Из Ллеертской тюрьмы он был освобожден советскими солдатами в 1945 г.

82. *Ritter G.* Carl Goerdeler... S. 100, 101, 106.

83. *Ibid.* S. 103. О том, насколько «безупречен» был этот процесс в юридическом отношении, может свидетельствовать то, что во время следствия к обвиняемым применялись жесточайшие пытки и отсутствовало какое-либо соблюдение процессуальных норм. Когда суд ограничился для двух женщин (членов группы) — Мильдред Харнак и Эрики фон Брокдорф — приговором к тюремному заключению, то по личному распоряжению Гитлера процесс по их делу был повторен и обе женщины были отправлены на виселицу (см.: *Lehmann K.* Widerstandsgruppe Schulze-Boysen—Harnack. Berlin, 1948. S. 21–23). Обвинитель по делу этой группы, «кровавая собака», как его называли заключенные), д-р Манфред Редер в настоящее время живет в ФРГ (*Neues Deutschland*. 8.IX.1963). Разглагольствования Г. Риттера на эту тему носят столь одиозный характер, что против них выступил целый ряд ведущих западногерманских историков псевдолиберального направления, в том числе Г. Ротфельс (*Rothfels G.* Die deutsche Opposition... S. 179) и Ганс Герцфельд (см.: *Historische Zeitschrift*. 1956. Bd. 182. Hf. 2. S. 330–331).

84. *Görlitz W.* Der Zweite Weltkrieg... Bd. II. S. 116–117, 302; *Plum G.* Widerstand und Antifaschismus... S. 56 и др.

85. *Колвин И.* Двойная игра. М., 1960.

86. *Sentner K.* Die deutsche Militäropposition im ersten Kriegsjahr II. Die Vollmacht des Gewissens. S. 499–510.

87. *Ritter G.* Carl Goerdeler... S. 263–264.

88. *Sentner K.* Die deutsche Militäropposition... S. 499–503.

89. *Assmann K.* Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951. S. 485–486.

90. *Ritter G.* Der 20 Juli 1944. Wehrmacht und politische Widerstand gegen Hitler // Schicksalsfragen der Gegenwart. Bd. Tübingen, 1957. S. 350–351.
91. *Handbuch* der deutschen Geschichte. Bd. IV. Stuttgart, 1959. S. 302.
92. *Rothfels H.* Die deutsche Opposition... S. 52.
93. *Bartel W.* Deutschland in der Zeit... S. 203.
94. Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. Basel. 28.IX.1939. S. 1435. См.: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* 1960. Sonderheft, S. 74.
95. *Die Welt.* Stockholm. 25.X.1939. S. 122.
96. *Drobisch K.* Zur Tätigkeit der Beauftragten des ZK der KPD in Berlin 1939–1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1963. Hf. 3. S. 548.
97. *Ibid.* S. 551.
98. См.: *Из заявления ЦК КПГ в связи с заключением пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией.* 25.VIII.1939 // *Ульбрихт В.* К истории новейшего времени. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. С. 314–317.
99. *Kuckhoff G.* Rote Kapelle // Aufbau. 1948. Hf. 1. S. 32.
100. *Weber H.* Der deutsche Kommunismus... S. 321.
101. *Ibid.* S. 320.
102. *Matern H.* Die Führende Rolle der KPD in der antifaschistische Bewegung // Freies Deutschland. Einheit. 1963. Hf. 5. S. 19; *Ulbricht W.* Referat zum «Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1962. Hf. 6. S. 1310.
103. *Weber H.* Der deutsche Kommunismus... S. 321.
104. *Kühn K.* Die letzte Runde. Berlin – Potsdam, 1949. S. 15–32.
105. *Leber A.* Das Gewissen steht auf. Berlin – Fr. a. M., 1954. S. 71.
106. *Leber A.* Das Gewissen entscheidet. Berlin – Fr. a. M., 1957. S. 110. (В редактировании обеих книг ее участвовали тогдашний лидер немецкой социал-демократии В. Брандт и историк К.Д. Брахер).
107. *Ibid.* S. 108–109.
108. *Ibid.* S. 113.
109. *Klöne A.* Gegen der Strom. Hannover – Fr. a. M., 1957. S. 152–153.
110. *Ibid.* S. 177.
111. *Toppe H.* Kommunismus in Deutschland. München, 1961. S. 66.
112. *Ritter G.* Carl Goerdeler... S. 105.
113. *Grundriss...* S. 179.
114. *Ibid.* S. 183.
115. *Winzer O.* Der Friedenskampf der Kommunisten in Deutschland und die Verschwörung vom 20 Juli 1944 // Einheit. 1954. Hf. 7. S. 687.
116. *Grundriss...* S. 191. О деятельности НККГ см.: *Weinert E.* Das «Nationalkomitee “Freies Deutschland“» 1943–1945. Berlin, 1957; *Бланк А.С.* Национальный Комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.). Вологда, 1963 и др.
117. *Handbuch* der deutschen Geschichte. Bd. IV. S. 303.

118. *Scheurig B.* Freies Deutschland. München, 1960. S. 172, 175.
119. *Ibid.* S. 9.
120. *Ibid.* S. 143–154.
121. *Weinert E.* Das Nationalkomitee... S. 55–61, 69–86.
122. *Ibid.* S. 55.
123. *Ibid.* S. 110–120; Sie kämpften für Deutschland. Berlin, 1959. S. 655–661 и др.
124. *Scheurig B.* Freies Deutschland. S. 33–34.
125. *Ibid.* S. 9.
126. *Bühler J.* Deutsche Geschichte. Vom Bismarck – Reich zum geteilten Deutschland. Berlin, 1960. S. 840.
127. *Heusinger A.* Befehl im Widerstreit. Tübingen, 1957. S. 324.
128. *Adler H.* Selbstverwaltung und Widerstand in den Konzentrationslagern der SS // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1960. Hf. 3. S. 229.
129. *Ibid.* S. 231–232.
130. *Kautsky B.* Teufel und Verdammte. Zürich, 1946. Цит. по: *Adler H.G.* Selbstverwaltung... S. 233.
131. *Бухенвальд.* Документы и сообщения. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962; Незримый фронт. М., 1961 и др.
132. *Rothfels H.* Die deutsche Opposition... S. 176.

Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года в Германии*

Известно, что в заговоре 20 июля 1944 года участвовали и «некоторые немецкие патриоты из числа офицеров и представителей буржуазии, которые не разделяли реакционную концепцию группы Гёрделера и выступали за союз с активными борцами-антифашистами из рабочего класса, против односторонней ориентации Германии на западные державы, противоречившей национальным интересам немецкого народа» [1].

К их числу относятся прежде всего непосредственный исполнитель покушения на Гитлера 20 июля 1944 года граф Клаус Шенк фон Штауффенберг и ряд группировавшихся вокруг него офицеров, а также участники патриотической группировки, сложившейся в так называемом «кружке Крайзау» (Адам фон Тротт цу Зольц, Петер Йорк фон Вартенбург, Адольф Рейхвейн и др.). Данная статья не ставит целью доказать

---

* Статья в полном объеме опубликована в сборнике: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965.

наличие в заговоре 20 июля патриотического течения — это уже сделано в марксистской литературе Советского Союза и ГДР [2]. Несмотря на непоследовательность и противоречивость взглядов представителей патриотического течения, в их представлениях о будущем Германии, о путях и способах борьбы с гитлеризмом явно ощущается влияние подлинно антифашистского движения. В их воззрениях, как пишет историк ГДР Х. Роггенбург, можно констатировать, по крайней мере, точки соприкосновения с непосредственными требованиями КПГ [3].

Участники патриотической группировки в заговоре 20 июля 1944 года, несомненно, должны быть отнесены к борцам антифашистского Сопротивления. Их деятельность высоко оценивается в Германской Демократической Республике. Выступая по случаю 20-й годовщины создания блока антифашистских демократических партий, первый секретарь ЦК СЕПГ, председатель Государственного Совета ГДР В. Ульбрихт воздал должное памяти жертв антифашистской борьбы из числа участников патриотической группы в заговоре 20 июля 1944 года [4]. Орган ЦК СЕПГ газета «Нойес Дойчланд» отмечала, что «в лице своих лучших представителей, в их мужественных действиях 20 июля было актом сопротивления варварству» [5].

Значение деятельности патриотической группы в заговоре 20 июля 1944 года, принципиальную противоположность ее целей целям реакционной верхушки заговора отмечают и ряд прогрессивных западногерманских историков. Так, Г. Брюдигам подчеркивает, что в «кружке Крайзау» и в группе, сформировавшейся вокруг Штауффенберга, господствовали «совершенно иные представления, нежели у заговорщиков вокруг Гёрделера и генералов» [6]. Аналогичная оценка деятельности патриотической группы в заговоре 20 июля дается в журнале западногерманского объединения лиц, преследовавшихся при нацизме [7]. Один из руководителей этого объединения Макс Оппенгеймер, выступая по поводу 21-й годовщины покушения на Гитлера, заявил о необходимости «разрушить легенду о том, что будто бы все участники заговора 20 июля были в большей или меньшей степени предтечами стратегии НАТО». Он отметил, что «от западногерманской общественности скрывают, что в рядах людей 20 июля имелись весьма различные, даже совершенно противоположные воззрения», подчеркнув необходимость бороться с подобного рода исторической фальсификацией [8].

Без практических действий патриотических сил в заговоре 20 июля оппозиция против Гитлера так и осталась бы пустой болтовней, не сопровождаемой какими-либо реальными шагами, направленными на ликвидацию фашистского режима.

По сути, наличие патриотической группы в заговоре 20 июля и позволяет в настоящее время демократическим и либеральным силам использовать годовщину покушения Штауффенберга на Гитлера как повод для разоблачения в нынешней Западной Германии бывших нацистов, в том числе и тех, кто принимал непосредственное участие в расправе над заговорщиками.

Так, 19 июля 1964 г. на митинге в Вольном университете Западного Берлина, где с антисоветской речью выступил президент ФРГ Г. Любке, получили трибуну также и представители социалистического и либерального студенческих союзов, которые потребовали наказания всех сторонников и пособников Гитлера. Студенческие союзы потребовали полного расследования всех преступлений, совершенных национал-социалистами и удаления с государственной службы всех лиц, которые в какой-либо форме в них участвовали [9].

Однако эти и подобные им высказывания тонут в нынешней Западной Германии в хоре голосов буржуазных историков, стремящихся опровергнуть факт наличия в заговоре 20 июля патриотического направления. Целью таких стремлений является обоснование невозможности сколько-нибудь прочного союза между рабочим классом и другими слоями населения Германии, устранение всяких сомнений относительно антикоммунистических и антисоветских убеждений всех участников заговора 20 июля 1944 года с тем, чтобы тем вернее использовать их образ, так извращенный, в антикоммунистической и антисоветской пропаганде сегодняшнего дня.

Особое внимание западногерманские историки уделяют интерпретации образа К.Ш. фон Штауффенберга. Это неудивительно. Штауффенберг, человек, обладавший, как это признают даже его враги, самыми разносторонними талантами, на протяжении целого года нес на своих плечах фактически всю организационную работу по подготовке к свершению переворота. Несмотря на тяжелые физические недостатки (в Северной Америке он потерял правую руку, часть пальцев левой руки и глаз), он вынашивал план уничтожения Гитлера и в самый день 20 июля 1944 года, в отличие от действовавших в высшей степени

медлительно и нерешительно генералов, до последнего момента пытался повернуть ход событий в иную сторону. Именно он, полковник Штауффенберг, начальник штаба резервной армии, прибывший к Гитлеру на совещание по поводу положения на фронтах (он должен был докладывать о резервах), доставил туда бомбу и лично привел механизм ее в действие...

Эта яркая личность невольно привлекает к себе внимание. Можно выделить два основных подхода к трактовке образа Штауффенберга, применяемые западногерманскими историками. В первом случае признается стремление Штауффенберга к установлению контактов с антифашистским движением Сопротивления, руководимым коммунистами, к установлению дружественных отношений с Советским Союзом, но при этом он осыпается бранью, обвиняется в желании установить «новую тоталитарную диктатуру» и противопоставляется основной массе заговорщиков как некий «чужеродный элемент». Эта версия преобладает у историков консервативного направления. Во втором случае образ Штауффенберга подвергается довольно тонкой фальсификации. Отмечаются его «странности», «своеобразие его политических установок», но в целом он изображается как человек, антикоммунизм которого не вызывает сомнений. Особое внимание при этом уделяется спекуляции на некоторых (и весьма существенных) слабостях и ошибках Штауффенберга. Подобная трактовка характерна для сторонников псевдолиберального направления и получила особенное распространение в последние годы. Она самым непосредственным образом связана с попытками фальсификации позиции немецких коммунистов в антифашистской борьбе [10].

Одним из тех, кто положил начало первому варианту трактовки образа Штауффенберга, был А. Даллес. С явным неудовольствием он констатировал, что Штауффенберг, этот «опасный революционер», «проявлял величайший интерес к проблемам Востока». Со слов своего поверенного Г. Гизевиуса Даллес утверждает даже, что Штауффенберг намеревался «произвести революцию рабочих, крестьян и солдат» и стремился при поддержке Советской Армии создать «организованную по русскому образцу коммунистическую Германию» [11]. Гизевиус, крайне неприязненно относившийся к Штауффенбергу (а Штауффенберг, в свою очередь, питал к нему глубокое недоверие), естественно, стремился изобразить его перед своим шефом — А. Даллесом — в са-

мом невыгодном свете, но так или иначе Даллес, безусловно, пользовавшийся и другими источниками о настроениях заговорщиков, не сомневался в «революционных» намерениях Штауффенберга. В другом месте он констатирует, что именно Штауффенберг «предложил включить коммунистов в коалицию» против Гитлера и настоял на встрече с их представителями, что, по мнению Даллеса, имело роковые последствия [12].

Признавая, что среди тех, кто «склонялся в сторону Востока», — многие были привлечены «динамической силой, которая оттуда исходила», Даллес, однако, использует их стремление к установлению дружественных отношений с Советским Союзом для выпадов против той, на его взгляд, неверной политики, которую проводили западные державы в годы войны по отношению к Германии. Большинство тех, кто стоял за «восточную ориентацию», пишет он, «находились, хотя и не хотели в этом признаться самим себе, под воздействием очень тонкой и эффективной русской пропаганды, в то время как с Запада они не слышали ничего иного, кроме того, что они должны безоговорочно капитулировать», и далее обрушивается с резкими нападками на вредный, по его мнению, лозунг безоговорочной капитуляции [13].

Откровенной неприязнью к Штауффенбергу пронизаны мемуары находившегося на крайне реакционном крыле заговора Г.-Б. Гизевиуса. Некоторые западногерманские историки пытаются объяснить эту неприязнь чисто личными мотивами. Дело, конечно, главным образом, не в них. Неприязнь в отношениях между Штауффенбергом и Гизевиусом объясняется, в первую очередь, принципиальными расхождениями между ними по вопросу о целях и методах борьбы против Гитлера. Штауффенбергу претили практиковавшиеся Гизевиусом сугубо конспиративные методы, исключавшие возможность привлечения к борьбе против Гитлера сколько-нибудь широких кругов, его контакты с архиконсервативными и профашистскими функционерами (Шахт, Хелльдорф, Небе, Канарис и др.). Гизевиусу были, в свою очередь, глубоко чужды демократические установки Штауффенберга, его стремление к созданию широкого фронта борьбы против Гитлера, его идеи относительно необходимости взаимопонимания Германии с ее восточными соседями. Отсюда его вражда к нему. Гизевиус не стесняется бранных эпитетов в адрес Штауффенберга, использует такие недозволённые приемы, как утверждение о том, что даже внешность и манеры его

были такими же, как и у национал-социалистов (?!) [14]. До прихода Штауффенберга в заговор, пишет Гизевиус, военные занимались технической подготовкой переворота, а гражданские — политической. Теперь же все изменилось. Штауффенберг стал вмешиваться в решение политических проблем. Гизевиус выражает крайнее возмущение этим обстоятельством. Как же: теперь стало труднее осуществлять те закулисные махинации с явными и скрытыми нацистами, которые составляли существенный момент его деятельности! В раздражении он тут же обвиняет Штауффенберга в стремлении к установлению «военной диктатуры» по образцу национал-социалистской, при этом, чтобы сделать его облик еще более отвратительным для буржуазного читателя, он добавляет, что Штауффенберг ставил ударение на социалистических моментах такой диктатуры [15]. С филистерским ужасом сообщает Гизевиус, что в окружении Штауффенберга обсуждалась идея установления союза с иностранными рабочими, согнанными в Германию, и с массами немецких рабочих, добавляя для вящего страха буржуа и усиления его ненависти к сторонникам Штауффенберга, что они будто бы говорили даже о «братстве угнетенных как базе, на которой будет построена совершенно новая Европа» [16].

Из мемуаров Гизевиуса многое заимствовал в своей работе «Карл Гёрделер и немецкое движение Сопротивления» Г. Риттер. Он подчеркивает серьезность расхождения между Штауффенбергом и Гёрделером, полагая, что Штауффенберг хотел обновления Германии посредством революционного движения, которое в своем «бешеном беге должно было смести все старое». Буржуазные же политики и «прежде всего Гёрделер... хотели, наконец, положить предел «бешеному бегу» революционного усердия и поставить на место вечного революционного смятения ясный и прочный порядок». Риттер недвусмысленно берет при этом под защиту Гёрделера, называя критические замечания Штауффенберга в его адрес «незрелым непониманием... истинных потребностей времени». «Можно понять, — пишет он, — что Гёрделер лишь с трудом переносил этого своенравного делавшего все наперекор человека» [17], который, как писал, уже в заключении, Гёрделер, «желал неясного политического курса сближения с левыми социалистами и коммунистами и своим своенравием сильно осложнял мне жизнь» [18].

Следует отметить, что Риттер, браня Штауффенберга за «левизну» и «революционность», в то же время пытается представить его расхож-

дения с Гёрделером не как результат принципиально различных политических установок, а как следствие «нервного перенапряжения» и «разности темпераментов», перенося тем самым расхождения из области идеологии в область психологии [19]. Он не упускает случая подчеркнуть отрицательное отношение Штауффенберга к коммунизму как общественному строю и даже не останавливается перед тем, чтобы приписать ему явно националистические и шовинистические устремления. Он утверждает, что Штауффенберг будто бы выступал за сохранение «имперской границы 1914 г. на Востоке, сохранение Австрии и Судетской области в составе рейха, автономию Эльзас-Лотарингии, приобретение Тироля до Боцена и Мерана» [20].

Риттер, однако, не приводит никаких доказательств, свидетельствующих о согласии Штауффенберга с документом, в котором излагаются эти требования. Документ этот, озаглавленный «Цель», был найден гестаповцами у сотрудника начальника штаба резервной армии генерала Ольбрихта капитана Германа Кайзера и, как полагало гестапо, был самим Кайзером и составлен [21].

С другой стороны, известно, что 16 июня 1944 г., на совещании в отеле «Эспланада» произошло столкновение между Гёрделером и Штауффенбергом в связи с тем, что последний самостоятельно вступил в связь с лидерами профсоюзов, участвовавшими в заговоре (это, по мнению Гёрделера, не являлось «делом военных»), а близкий к Штауффенбергу Ю. Лебер заявил о необходимости отказа Германии от Восточной Пруссии, Судетской области и Эльзас-Лотарингии. Это вызвало резкую реакцию со стороны Гёрделера, который даже объявил, что впредь не хочет иметь ничего общего ни с Лебером, ни со Штауффенбергом [22]. Риттер, таким образом, нападая на Штауффенберга с позиций консервативного ядра заговорщиков, стремится в то же время сделать его образ «непригодным» при доказательстве факта существования прогрессивного крыла в заговоре, преувеличивая реакционные моменты его мировоззрения.

Не сомневается в намерениях группировавшихся вокруг Штауффенберга участников заговора заключить мир с Советским Союзом В.Р. фон Шрамм. Он противопоставляет им руководителей оппозиции в Париже, которые активно искали пути установления контактов с западными державами, в то время как в Берлине, с неодобрением замечает Шрамм, всерьез обсуждали планы посылки Шуленбурга в Москву [23].

Мысль о том, что Штауффенберг, этот «националист и социалист», придерживался «тоталитарного образа мышления», в то время как Гёрделер «хотел восстановить демократию», утверждает и сторонник консервативного направления К. Миш [24]. Для приверженцев консервативного направления любая мысль о полезности контактов с коммунистами является смертным грехом. Отсюда и их вражда к Штауффенбергу, к другим патриотам — участникам заговора 20 июля 1944 года.

Историки псевдолиберального направления поступают иначе: они стремятся отвести от Штауффенберга и его единомышленников всякие подозрения в намерениях установить единство действий с коммунистами (если значение контактов с ними и признается, то потому лишь, что это были «национально ориентированные коммунисты», линия которых будто бы расходилась с линией ЦК КПГ). Не говорят они и о каких бы то ни было симпатиях бунтарей к Советскому Союзу. Прогрессивные, демократические идеи, выдвигавшиеся ими, будучи соответствующим образом извращены, подаются этими авторами как превосходящие «демократический» порядок «социального равноправия», будто бы установившийся в Федеративной республике Германии. Нынешние ее руководители особенно хотят получить себе в союзники, изобразить в качестве своего идейного и политического предшественника Клауса фон Штауффенберга. Неслучайно в последние годы все большая часть церемоний в дни годовщины 20 июля отводится на его долю. К месту расстрела Штауффенберга ежегодно боннскими официальными лицами, среди коих немало бывших нацистов, в свое время всячески одобрявших расправу фашистских главарей над заговорщиками, возлагаются венки. Бывшая Бендлерштрассе, где находилась штаб-квартира заговорщиков в день 20 июля 1944 года и где Штауффенберг и его товарищи были убиты, переименована в Штауффенбергштрассе. В 1964 г. военный министр фон Хассель торжественно открыл памятник Штауффенбергу в Зигмарингене. Поистине пределом кощунства над памятью мужественного антифашиста Штауффенберга явилось наименование его именем... одной из казарм бундесвера [25]. Популярность Штауффенберга, притягательную силу его личности и его идей стремятся использовать в своих интересах сделавшие своим знаменем антикоммунизм и реваншизм идеологи боннского режима. В последние годы выходит все большее число работ, принадлежащих, главным образом, перу историков псевдолиберального направления, посвященных

как самому Штауффенбергу, так и другим представителям патриотического направления в заговоре 20 июля 1944 года и извращающих их образ [26].

Историки-псевдолибералы, в том числе их признанный лидер Г. Ротфельс, придают исследованию и интерпретации взглядов и деятельности Штауффенберга очень большое значение, сознательно противопоставляя свою трактовку точке зрения историков-марксистов. В предисловии к специальному номеру ежеквартальника Мюнхенского института современной истории, посвященному 20-й годовщине заговора 20 июля 1944 года, Г. Ротфельс прямо пишет, что этот номер должен быть посвящен прежде всего «исторической фигуре Клауса Штауффенберга, так как необходимо противостоять попыткам историографии советской зоны и Советского Союза и вырвать Штауффенберга и его группу из общей картины немецкой оппозиции против Гитлера» [27].

В своей статье, посвященной 20-й годовщине заговора, Г. Ротфельс все время говорит о Штауффенберге и его союзниках в заговоре, но не упоминает даже имени К. Гёрделера и Л. Бека [28]. В то же время следует отметить, что в работах самого Г. Ротфельса, подчеркивающего важность изучения «исторической фигуры» Штауффенберга, о нем говорится весьма мало. Это касается, в частности, его книги «Немецкая оппозиция против Гитлера». Создается впечатление, что этот маститый ученый, понимая «невыгодность» той интерпретации образа Штауффенберга, которую дают историки консервативного направления, не рискует в то же время, боясь быть обвиненным в научной недобросовестности, развивать ту концепцию, которую выдвигают его менее известные единомышленники. Он ограничивается лишь эскизным наброском тех идей, которые в развернутом виде излагают Б. Шойриг, Э. Целлер и др. Ротфельс пишет, что Штауффенберг «жил более в универсальной перспективе, нежели в военной или националистической. Мысли и планы его были направлены на освобождение всех народов, которые страдали под тираническим господством, но, конечно, не на замену гитлеровской диктатуры сталинской» [29]. Сквозь вуаль изощренных формулировок явственно проглядывает излюбленная Ротфельсом доктрина тоталитаризма: Штауффенберг был-де борцом не только с гитлеровским фашизмом, но и с тоталитаризмом вообще, к коему под предлогом ошибок, связанных с культом личности, отнесен

и советский строй. Несколько далее Ротфельс хвалит книгу К. Михеля «Восток и Запад» за то, что в ней содержится «ценная информация» об антисоветских настроениях Штауффенберга, хотя сам называет эту книгу «слишком романтической» [30].

Книга Эберхарда Целлера «Дух свободы» местами представляет собой настоящий панегирик Штауффенбергу, самым ревностным среди западногерманских историков почитателем которого является ее автор. Целлер разыскал и привел в книге множество материалов о жизни и деятельности Штауффенберга, свидетельствующих о его мужестве, патриотизме, в том числе материалы о контактах его с участниками коммунистического подполья. Но в то же время Штауффенберг Целлера — человек, которому «ничто не чуждо более, чем желание развязать революцию снизу», человек, контакт которого с коммунистами объясняется лишь желанием прощупать их силы, человек, который предлагал заговорщикам открыть фронт на Западе, продолжая борьбу против Советской Армии [31]. Целлер резко критикует Гизевинуса за то, что тот создал «легенду о стремлении Штауффенберга к «восточному решению» [32].

Б. Шойриг в своей работе о Национальном Комитете «Свободная Германия» (НКСГ) утверждает, что как раз консервативное крыло заговора, в частности У. фон Хассель, возлагали надежды на деятельность в Советском Союзе. После того же, как в центре заговора встал Штауффенберг, обнаружился «растущий... отказ от лозунгов организации «Свободная Германия» [33].

Значительный интерес представляет вышедшая к 20-й годовщине со дня 20 июля 1944 года книга Б. Шойрига, специально посвященная К. Штауффенбергу. Шойриг решительно отбрасывает утверждение историков-консерваторов о том, что Штауффенберг был сторонником установления «диктатуры» и чуть ли не замаскированным национал-социалистом. Он был убежден, пишет Шойриг, что «только демократическая республика может освободить Германию от диктатуры». Шойриг констатирует, что Штауффенберг стремился к осуществлению реформ буржуазно-капиталистического порядка» и к тому, чтобы «рабочему классу было предоставлено место в государстве» [34]. Он с горечью отмечает, что «на Западе Германии смущенно обходят Штауффенберга. Его не любят». Шойриг, однако, пытается объяснить это тем, что в ФРГ будто бы «сегодня патриотизм почти заглушен. Оше-

ломляющее поражение удушило его... Поступок из любви к отечеству вряд ли одушевит ныне сердца и умы» [35].

Сам Шойриг весьма высоко оценивает роль Штауффенберга. «Без акции Штауффенберга едва ли стоит говорить о каком-либо сопротивлении Гитлеру, — пишет он, — Штауффенберг — одна из вершин нашего века, перед которой мы все должны склониться» [36].

Факты, касающиеся взглядов и деятельности Штауффенберга, которые приводит в своей книге Шойриг, представляют большой интерес. Объективно они подтверждают ту оценку Штауффенберга, которая дается в марксистской литературе (Д. Мельниковым и др.). Итальянский исследователь движения Сопротивления в Германии Энцо Коллоти отмечает, что факты, сообщаемые Шойригом, «ничуть не противоречат воссозданию политической позиции Штауффенберга, обрисованной Мельниковым, разве только вводят некоторую расплывчатость там, где советский ученый выступает с более решительными утверждениями» [37].

Однако сам Шойриг, вступая в противоречие с им же самим сообщаемыми фактами, пытается дать иную трактовку взглядов Штауффенберга. Он совершенно сознательно противопоставляет ее оценке Штауффенберга в марксистской литературе, преследуя провозглашенную Ротфельсом цель — «не отдавать» Штауффенберга «Востоку» [38]. Недооценка Штауффенберга, «замешательство» вокруг него вызывают возмущение Шойрига прежде всего потому, что это «помогает» марксистской историографии «взять Штауффенберга себе».

Шойриг особенно настойчиво подчеркивает, что Штауффенберг рассматривал «восточное решение» (т.е. установление контактов с Советским правительством и прекращение военных действий на Восточном фронте) лишь как «тактическое средство давления» на западные державы [39]. Шойриг утверждает, что Штауффенберг крайне отрицательно относился к НКСГ и никогда не пытался установить с ними контакт [40]. Он ничего не говорит о попытках Штауффенберга установить контакты с немецкими коммунистами. Буквально копируя Ротфельса, Шойриг заявляет, что Штауффенберг «боролся против Гитлера и его системы не для того, чтобы позволить победить другому тоталитаризму» [41]. Характерным моментом концепции Шойрига является также попытка несколько сгладить противоречия между Штауффенбергом и Гёрделером, характеризуя последнего как тоже демократа [42].

Хотя марксистское исследование взглядов и роли Штауффенберга, по сути дела, только еще начинается, уже сейчас налицо достаточное количество фактов, которые опровергают концепцию Шойрига. На деле идея переговоров с «Востоком» была для Штауффенберга не просто «тактическим средством», а осознанием необходимости установления дружественных отношений с восточными соседями Германии. Один из его близких друзей, оставшихся в живых, Буше, выступая на дискуссии в историческом семинаре в Гамбургском университете, говорил о «проникновенном отношении Штауффенберга к Востоку», о том, что одним из его любимых изречений было — «Ex oriente lux» («с востока свет») [43]. Факты, свидетельствующие о попытках Штауффенберга и его друзей связаться с НКСГ, приводятся в изданной в ГДР работе «К предыстории заговора 20 июля 1944 года» [44]. Имеются факты, свидетельствующие о связи Штауффенберга с немецкими коммунистами не только в 1944-м, но и в 1943 г. [45].

Некоторые западногерманские историки вообще пытаются снять вопрос о политических взглядах Штауффенберга. Так, М. Бовери утверждает, что Штауффенберг не был политиком, «вообще не мыслил категориями политики» и, следовательно, вопрос о его внутри- и внешнеполитической ориентации является праздным [46]. Ряд историков пытаются изобразить Штауффенберга как выразителя интересов дворянства, которому будто бы свойственны были «социалистические устремления» [47].

Трактовка Штауффенберга историками — социал-демократами совпадает в основном с трактовкой, характерной для историков псевдолиберального направления. Штауффенберг в их изображении — человек, выступающий за «обновление» Германии, взгляды которого существенно расходятся с консервативными идеями Гитлера, но тем не менее остающийся в общем потоке «движения 20 июля», противник *всякого* «тоталитаризма» [48]. Примечательно, что основанием для яростных нападок, которым подвергалась со стороны западногерманских буржуазных историков книга У. Ширера, посвященная истории нацистской Германии, не в последнюю очередь послужило то, что он якобы не подчеркивает в должной мере отдельные высказывания Штауффенберга, направленные против советского общественного строя [49].

Пристальное внимание западногерманских историков к Штауффенбергу, конечно, не случайно. Развитие обстановки в мире и в Германии,

развитие марксистской исторической мысли в ГДР, усиление прогрессивных тенденций в самой западногерманской историографии — все это вынуждает ведущих историков ФРГ касаться и «неприятных» тем, которые они стремятся, по выражению историков ГДР В. Бертольда и Г. Лоцека, «обезвредить» и по возможности добиться их истолкования в выгодном для правящих кругов духе [50]. Одной из таких тем является тема наличия в заговоре 20 июля 1944 года прогрессивного патриотического течения, наиболее видным представителем которого являлся Штауффенберг. Западногерманские историки готовы признать наличие существенных разногласий между Штауффенбергом и Гёрделером, признать исключительное значение деятельности Штауффенберга в заговоре 20 июля, но они отказываются видеть какие-либо принципиальные отличия взглядов Гёрделера и Штауффенберга, какую-либо связь между позицией Штауффенберга и его единомышленников и позицией антиимпериалистических сил, боровшихся с гитлеризмом. Штауффенберг — герой, великий человек, но он борец не столько с фашизмом, сколько с тоталитаризмом вообще, с коммунизмом в первую очередь, — таков смысл новейших фальсификаций образа Штауффенберга в западногерманской исторической литературе.

Аналогичный характер носит фальсификация в западногерманской исторической литературе деятельности так называемого «кружка Крайзау», в котором сложилось влиятельное прогрессивное, патриотическое течение, взгляды участников которого в основном совпадали со взглядами Штауффенберга и его сторонников [51].

Стремление непременно изобразить патриотические и демократические силы, выступавшие против Гитлера в антикоммунистическом облике, отрицание каких-либо принципиальных отличий их взглядов от взглядов руководителей заговора 20 июля 1944 года распространяются в западногерманской исторической литературе также и на представление деятельности ряда группировок, в этот заговор не входивших. Особенно большое значение придается при этом деятельности антифашистской группы мюнхенских студентов «Белая роза» во главе с Гансом и Софи Шолль, профессором Губером и др., уничтоженными нацистами в 1943 г. Благородство помыслов и поступков, нравственная чистота, глубочайшая ненависть к унижающему человеческое достоинство фашистскому режиму делают участников этой группы исключительно популярными в демократических кругах населения Западной Германии.

Без преувеличения можно сказать, что в определенной части студенчества ФРГ существует настоящий культ «Белой розы».

Этой популярностью «Белой розы» и пытаются злоупотребить в своих целях реакционные историки и политики ФРГ. Спекулируя на слабых моментах деятельности этой группы — признание ими в качестве главной формы антифашистской борьбы пассивного сопротивления [52], приоритет религиозных мотивов в их борьбе с гитлеризмом [53] — они стремятся подать ее как всего лишь «возмущение совести» «католического молодежного движения Южной Германии», не имеющее отношения к массовой антифашистской борьбе [54].

Патриотическая и антифашистская деятельность «Белой розы» предстает как индивидуальный акт небольшой группы кристально чистых, наивных юношей и девушек. Ганс и Софи Шолль и их товарищи, в интерпретации ряда современных западногерманских авторов, совершили своего рода искупительную жертву, заранее обрекая себя на гибель, не имея шансов на успех в борьбе с нацизмом. Так, например, рисует дело редактор «Süddeutsche Zeitung» В.Е. Зюскинд [55].

Для характеристики источниковедческих методов, применяемых буржуазными историками ФРГ, показательно, что те материалы «Белой розы», которые свидетельствуют о религиозных настроениях ее участников, о преувеличении ими в ряде случаев значения пассивного сопротивления, обыгрываются со всех сторон, многократно цитируются. В то же время факты, свидетельствующие о том, что брат и сестра Шолль и их товарищи решительно выступали против антибольшевизма, за организацию массовых актов саботажа, замалчиваются. Создается видимость того, что таких фактов вообще не существует.

Достаточно, однако, обратиться к листовкам «Белой розы», изданным сестрой Ганса и Софи Ингой Шолль, чтобы убедиться в лживости той интерпретации взглядов этой группы, которая преобладает в западногерманской историографии. «Не военная победа над большевизмом... а уничтожение национал-социализма» должно быть предметом заботы немецкого народа, писалось в одной из них. «Не верьте национал-социалистской пропаганде, пугающей вас ужасами большевизма» — значилось в другой. «Саботаж на всех военных и имеющих военное значение предприятиях... саботаж во всех областях науки и идеологии..., работающих на продолжение нынешней войны, будь это университеты, институты, лаборатории, исследовательские учреждения, технические бюро», — к этому призывала «Белая роза» всех немцев [56].

Известно также, что участники «Белой розы» были связаны с коммунистической подпольной группой Шульце–Бойзена-Харнака, с другими подпольными организациями коммунистов и социал-демократов, получая от них нелегальные материалы и указания о методике ведения конспиративной работы. Деятельность «Белой розы» не прекратилась и после ареста ее руководителей [57].

Ганс и Софи Шолль и их товарищи не были ни антикоммунистами, ни экзальтированными одиночками, приносящими себя в жертву в безнадежной борьбе. Они были бойцами той подпольной антифашистской армии, ведущую силу которой составлял немецкий рабочий класс, объединявший вокруг себя всех искренних противников гитлеризма из среды буржуазии, офицерства, интеллигенции и других слоев, — армии, внесшей существенный вклад в дело разгрома фашизма. Следует, конечно, учитывать, что организация «Белой розы», подобно группе Штауффенберга и «кружку Крайзау» также не была единой — в ней существовали серьезные разногласия между прогрессивными и консервативными элементами, о чем сообщает О. Нейман [58].

Большие усилия прилагают буржуазные историки ФРГ и для того, чтобы отрицать всякую возможность создания совместного фронта антифашистской борьбы масс верующих и демократических сил. Это вызывает протесты отдельных западногерманских историков. Так, геттингенский профессор Д.Е. Вольф в статье, опубликованной в одном из журналов ГДР, отмечает, что «образование христианско-антибольшевистского фронта после 1945 г.» не является наследием и продолжением борьбы масс верующих с нацизмом [59].

Подведем итог оценке западногерманской буржуазной историографией роли тех групп антифашистского движения Сопротивления, которые не входили в организационном отношении в состав возглавляемого коммунистами подполья, но тем не менее стремились к созданию антифашистского фронта, отвергали антикоммунизм и антисоветизм большинства лидеров заговора 20 июля 1944 года. Характернейшие черты современной западногерманской историографии движения Сопротивления — это все более тонкая фальсификация взглядов участников этих групп, обыгрывание малейших их слабостей и непоследовательностей в духе антикоммунизма, стремление представить их в качестве образцов борьбы с тоталитаризмом и в первую очередь с причисляемым к нему коммунизмом.

Безудержное прославление явно реакционных лидеров 20 июля 1944 года (Гёрделера, Попица, Хасселя) хотя и продолжает занимать весьма существенное место в исторической литературе, но тем не менее отступает на второй план. Буржуазные идеологи вынуждены проводить в нынешней обстановке более тонкую, более гибкую линию, переходя от защиты явно консервативных, реакционных идей к пропаганде «умеренных», «либеральных», реформистских и даже псевдосоциалистических идей.

1. *Очерк истории немецкого рабочего движения*. М., 1964. С. 161.
2. См., например, *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Причины и следствия М., 1965. С. 154–183; *Zur Vorgeschichte der Verschwörung des 20. Juli 1944*. Berlin, 1960. S. 88–97 и др.
3. *Roggenbuck H.* Der 20. Juli 1944 im Lichte der historischen Wahrheit // *Einheit*. 1964. Hf. 7. S. 88
4. *Neues Deutschland*. 14.VII.1965.
5. *Op. cit.* 22.VII.1965.
6. *Brüdigam H.* Wahrheit und Fälschung. Fr. a. M., 1959. S. 66. Представляется, однако, что Г. Брюдигам делает ошибку, рассматривая «кружок Крайзау» как некое однородное целое, не учитывая наличия в нем реакционной группировки, близкой к группе Гёрделера.
7. *Stimme des Widerstandes*. 1964. Hf. 8/9. S. 8.
8. *Neues Deutschland*. 21.VII.1965.
9. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 20.VII.1964.
10. См.: *Бланк А.С.* КПГ в борьбе против фашизма и войны (1933–1945). М., 1964. С. 154–183; *Рахмиров П.Ю.* Фальсификация западногерманскими буржуазными историками истории антифашистского Сопротивления в Германии // Из истории рабочего и коммунистического движения в зарубежных странах. Ч. 2. Свердловск, 1963; *Черкасов Н.С.* Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 3. Томск, 1965.
11. *Dulles A.W.* Verschwörung in Deutschland. Kassel, 1948. S. 218.
12. *Op. cit.* S. 221–222.
13. *Op. cit.* S. 211.
14. *Gisewius H.-B.* Bis zum bitteren Ende. Hamburg, 1960. S. 475. Характерно, что большинство западногерманских историков повторяет слово в слово легенду (автора которой сейчас трудно установить) о том, что в 1933 г. Штауффенберг, будучи офицером воинской части, расквартированной в Бамберге, горячо приветствовал приход к власти национал-социалистов. Г. Френкель, не поверив на слово распространителям этой легенды, решил побеседовать с вдовой Штауффенберга и выяснил, что ничего подобного не было и Штауффенберг всегда был противником

нацизма (см: *Fraenkel H., Manvell R.* Der 20. Juli. Berlin — Fr. a. M. — Wien, 1964. S. 205). Невольно возникает вопрос: неужели западногерманские историки не могли выяснить этот момент раньше?

15. *Gisewius H.-B.* Op. cit. S. 472.

16. *Ibid.* S. 448—449.

17. *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. S. 360.

18. *Ibid.* S. 527.

19. *Ibid.* S. 365.

20. *Ibid.* S. 609.

21. *Spiegelbild einer Verschwörung.* Stuttgart, 1961. S. 119. Герман Кайзер, историк по профессии, был близок к Ф. Мейнеке, с которым регулярно встречался начиная с 1941 г. (*Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Zürich — Wiesbaden, 1946. S. 145). Риттер полагает, что Г. Кайзер лишь переписал этот документ, составленный Герделером (*Ritter G.* Op. cit. S. 500). Возможно, это и так, хотя не исключена и возможность того, что ряд разделов меморандума принадлежит самому Г. Кайзеру.

22. *Spiegelbild einer Verschwörung.* S. 118.

23. *Schramm W.R. von.* Der 20. Juli in Paris. Bad Worishofen, 1953. S. 22—23.

24. *Misch C.* Deutsche Geschichte in Zeitalter der Massen. Stuttgart, 1952. S. 512. В популярной литературе дело в свое время доходило до того, что Штауффенберга обвиняли в прямом пособничестве «Советам». Так, например, в 1950 г. известный журнал «Der Spiegel» писал, что Штауффенберг, этот «единственный революционер среди путчистов» и «политический путаник», хотел «захватить Германию и выступить вместе с Россией против капиталистического Запада» и что если бы он оказался у руководства в случае удачи переворота, то «русские стояли бы сегодня не на Эльбе, а, по меньшей мере, на Рейне». (*Der Spiegel.* 23. III. 1950. Цит. по.: *Zeller E.* Geist der Freiheit. Der 20. Juli 1944. München, 1956. S. 405). Автор статьи предпочел остаться анонимным.

25. *Bulletin des Presse-und Informationsamtes des Bundesregierung.* 21.VII.1964. Nr. 114. S. 1088.

26. Только за последнее время появились работы Б. Шойрига, Э. Целлера, И. Крамаржа о Штауффенберге, Г. Ротфельса — об А. фон Тротт цу Зольце и др. (*Scheurig B.* Claus Graf Schenk von Stauffenberg. Berlin, 1964; *Zeller E.* Claus und Berthold Stauffenberg // Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte. 1964. Hf. 3; *Rothfels H.* Trott und die Aussenpolitik des Widerstandes // Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte. 1964. Hf. 3; *Kramarz J.* Claus Graf Stauffenberg. Das Leben eines Offiziers. Fr. a. M., 1965).

27. *Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte,* 1964. Hf. 3. S. 221. См. также: *Vogel-sang T.* Die Widerstandsbewegung und ihre Problematik in der zeitgeschichtlichen Darstellung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1965. Hf. 28. S. 20—21.

28. *Aus Politik und Zeitgeschichte.* Hf. 29. S. 3—6. Как в «Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte», так и в «Aus Politik und Zeitgeschichte» в специальных номерах,

посвященных 20-й годовщине заговора 20 июля 1944 года на первом плане — фигура Штауффенберга.

29. *Rothfels H.* Die deutsche Opposition gegen Hitler. Fr. a. M., 1958. S. 136.

30. *Ibid.* S. 136. О «научном» уровне этой книги можно судить хотя бы по таким примерам: она насыщена звероподобными «большевистскими комиссарами», некими русскими старцами, обращающимися к немецким офицерам «мои братья» и т.д. В ней фигурирует мифическая девушка «Руся», которая приехала в Германию и только там узнала, что такое «цивилизация». Автор книги, совершив невероятные подвиги, спасает «Русю» из концлагеря, куда ее поместили нацисты за то, что она была «против мировой революции» (см.: *Michel K. Ost und West. Der Ruf Stauffenbergs.* Zurich, 1947). Б. Шойриг справедливо отмечает, что книга Михеля «вряд ли заслуживает обсуждения» (см.: *Scheurig B. Claus Graf Schenk von Stauffenberg.* S. 93).

31. *Zeller E.* Geist der Freiheit. S. 221, 381, 382. Несколько переработанный вариант одной из глав этой книги представляет статья Целлера о Штауффенберге в «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». 1964. Hf. 3.

32. *Ibid.* S. 372.

33. *Scheurig B.* Freies Deutschland. München, 1960. S. 146.

34. *Scheurig B. Claus Graf Schenk von Stauffenberg.* S. 56—58.

35. *Ibid.* S. 90. Подобные же взгляды развивает в рецензии на книгу Б. Шойрига В. Фенор. «В Федеративной республике, — пишет он, — потеряно, кажется, всякое отношение к национальному прошлому... 1913 год отдан СЕПГ... Нетронутым отдают Востоку и имя Штауффенберга» (см.: *Venohr W. Verlegenheit um Stauffenberg? // Die Zeit.* 1964. № 12. S. 17).

36. *Ibid.* S. 92, 91.

37. *Colotti E.* L'opposizione antinazista e l'attentato del 20 luglio // Il movimento di liberazione in Italia. 76. Luglio — settembre 1964. P. 109.

38. Характерно, что Шойриг, который еще в 1960 г. провозглашал необходимость игнорирования марксистской литературы, остается верен себе и в 1964 г. Так, в качестве примера марксистской трактовки Штауффенберга он называет одну лишь книгу М.А. Мильштейна (*Мильштейн М.А.* Заговор против Гитлера. М., 1962), даже не упоминая об исследованиях Д. Мельникова и о работах, появившихся в ГДР (*Scheurig B. Claus Graf Schenk von Stauffenberg.* S. 63).

39. *Scheurig B. Claus Graf Schenk von Stauffenberg.* S. 63.

40. *Ibid.* S. 62—63.

41. *Ibid.* S. 63.

42. *Ibid.* S. 57.

43. *Ehlers D.* Technik und Moral einer Verschwörung (20 Juli 1944). Fr. a. M. — Bonn, 1964. S. 217.

44. Zur Vorgeschichte der Verschwörung... S. 92—95.

45. *Neues Deutschland.* 21. VII. 1965.

46. *Boveri M.* Der Verrat im XX. Jahrhundert. Bd. II. Hamburg, 1958. S. 81.

47. *Carsten L.* Nationalrevolutionäre Offiziere gegen Hitler // Aus Politik und Zeitgeschichte, 1964. Hf. 29; *Aiff W.* Vierundzwanzig Stunden die Wahrheit // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 18.VII.1964.

48. *Leithäuser I.G.* Wilhelm Leuschner. Ein Leben für die Republik. Köln, 1962. S. 230; *Leber A.* Das Gewissen steht auf. Berlin—Fr. a. M., 1954. S. 228—231.

49. *Hass G.* Zur Methode der Polemik gegen Shirers «Aufstieg und Fall des Dritten Reiches» von Seiten der offiziellen westdeutschen Geschichtsschreibung und Publizistik // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1962. Hf. 7. S. 1638.

50. *Berthold W., Lozek G.* Das Dilemma reaktionärer Geschichtsschreibung // Einheit. 1964. Hf. 12. S. 87—92.

51. См. Об этом подробнее: *Черкасов Н.С.* «Кружок Крайзау» в исторической литературе // Методологические и историографические проблемы исторической науки. Вып. 3. Томск, 1965.

52. *Scholl I.* Die Weisse Rose. Fr. a. M. — Hamburg, 1956. S. 135, 138.

53. Ibid. S. 142—143.

54. *Ritter G.* Graf Goerdeler... S. 344.

55. *Süskind W.* Der Tag der Weissen Rose // Süddeutsche Zeitung. 22. II. 1963.

56. *Scholl I.* Die Weisse Rose... S. 136, 148, 136—137.

57. *Neumann O.* Wie Münchner Studenten gegen Faschismus kämpften // Neues Deutschland. 28.III.1963; *Lautenschlager H.* In breiter Front gegen Hitler // Neues Deutschland. 8. IX.1965; Niemals vergessen. Berlin, 1959. S. 197.

58. *Neumann O.* Wie Münchner Studenten...

59. *Wolf D.E.* Probleme der Geschichtsschreibung des Kirchenkampfes // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst—Moritz—Arndt—Universität Greifswald. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Hf. 4/5. S. 396.

«Кружок Крайзау» в исторической литературе

В обширной исторической литературе, посвященной заговору 20 июля 1944 года в Германии, одно из центральных мест занимают вопросы, связанные с деятельностью так называемого «кружка Крайзау» [1].

Для сторонников консервативного направления в историографии ФРГ любимым героем из числа деятелей 20 июля был и остается К. Гёрделер с его архиреакционной внутри- и внешнеполитической программой. А внимание сторонников псевдолиберального направления, возглавляемого Г. Ротфельсом (со второй половины 50-х гг. оно преобладает в исторической мысли ФРГ), в значительно большей степени привлекают соответствующим образом препарируемые либеральные и социалистические идеи, развивавшиеся в «кружке Крайзау».

«Кружок Крайзау» изображается преимущественно как пример сплочения «различных, далеко друг от друга отстоящих социальных

сил... в движении Сопротивления» [2]. Из этого сплочения всех классов и партий исключаются, разумеется, коммунисты. Те участники кружка и историки, которые связаны с социал-демократической партией, в качестве руководящей группы «Крайзау» стремятся изобразить его «социалистическое» крыло, а преобладающей в нем идеологией называют «социалистическую» [3]. Другие авторы подчеркивают религиозный момент в мировоззрении крайзаусцев и роль представителей католической и протестантской церквей [4]. Весьма распространенной является трактовка «кружка Крайзау» как «связующего звена, обеспечивающего духовную и практическую связь между буржуазными и социалистическими группами» [5].

Немногие оставшиеся в живых крайзаусцы занимали и продолжают занимать видные посты в государственной и политической жизни Федеративной Республики Германии (Э. Герстенмайер, Г. Лукашек, Г. Дарендорф и др.), как бы символизируя усердно подчеркиваемую историками ФРГ «преемственность» между «людьми 20 июля» и нынешним боннским режимом.

Деятельность «кружка Крайзау» анализируется и в ряде работ немецких и советских историков-марксистов. Однако им не удалось выработать единой точки зрения по этому вопросу. Если в одних случаях кружок характеризуется как наиболее реакционная группа заговора 20 июля [6], то в других — как его самая прогрессивная, наряду с группой Штауффенберга, сила [7]. Встречаются прямо-таки диаметрально противоположные оценки роли некоторых деятелей кружка (Г. фон Мольтке, Т. Штельцера, Ф.-Д. фон Шуленбурга и др.). По-видимому, разноречивость в оценке кружка является следствием того, что, хотя авторы указанных работ и отмечают крайнюю неоднородность состава «кружка Крайзау», они тем не менее пытаются дать его характеристику «в целом» как некоего однородного исторического явления. Кружок действительно представлял собой весьма сложный конгломерат различных сил и группировок, взгляды которых по важнейшим вопросам кардинально расходились. Соответствующим образом дифференцированной должна быть и оценка этих сил и группировок. Попытка же найти некие «общие скобки» для всего «кружка Крайзау» неизбежно приводит к тому, что за ними остается либо та, либо другая группа его участников. Отсюда же и противоположные характеристики отдельных лиц из состава кружка.

Уже одно только перечисление лиц, участвовавших в «кружке Крайзау», обнаруживает его крайнюю пестроту: здесь мы видим и потомственных аристократов, обладателей графских титулов и поместий — Гельмута фон Мольтке и Йорка фон Вартенбурга, представителей высшего чиновничества фон Тротта и Ван Хаузена, дипломатов фон Тротт цу Зольца и Хэфтена, представителей ордена иезуитов А. Рёша, П. Кёнига, А. Дельпа, деятелей протестантской церкви Э. Герстенмайера (ныне председателя западногерманского бундестага) и Т. Вурма, социал-демократов Г. Дарендорфа, Т. Гаубаха, К. Мирендорфа, А. Рейхвейна и позднее Ю. Лебера и др. [8].

Анализ воспоминаний лиц, участвовавших в «кружке Крайзау» либо тем или иным образом связанных с ним, а также немногих дошедших до нас материалов кружка позволяет говорить о наличии в нем двух группировок. Одна из них, в целом, разделяла взгляды реакционных политиков типа Гёрделера, фон Хасселя, Попитца, возглавлявших заговор 20 июля 1944 года. Ее представляли в кружке Герстенмайер, Рёш, Кёниг, социал-демократы Гаубах, Мирендорф, Фриц-Детлоф фон Шуленбург, участвовавший в выработке некоторых документов кружка [9] и др. В то же время в «кружке Крайзау» сформировалась патриотическая группа, представителями которой были «немецкие патриоты из офицерских кругов и буржуазии... искавшие союза с активными антифашистскими силами рабочего класса и выступавшие против антинациональной односторонней ориентации Германии на империалистические западные державы» [10]. Ее наиболее видными деятелями были фон Тротт цу Зольц, Йорк фон Вартенбург, А. Рейхвейн.

Борьба этих двух группировок наложила свой отпечаток на решение всех тех вопросов, которые обсуждались в «кружке Крайзау» [11]. В конечном счете она приводит к распаду кружка. После ареста в январе 1944 г. фон Мольтке он прекратил свое существование. Одна часть его членов вообще отходит от участия в оппозиционной деятельности, либо находит свое место в рядах заговорщиков, группирующихся вокруг Штауффенберга. Странники патриотической группы в «кружке Крайзау» в коренных вопросах национальной жизни «приближались... несмотря на всю пестроту и противоречивость их политических взглядов относительно способов их осуществления, к реалистической точке зрения, как это, например, нашло выражение в вопросах окончания войны, взаимопонимания с Советским Союзом, установления прочного мира

и добрососедских отношений со всеми народами и перспектив внутреннего устройства Германии после войны [12].

Борьба между двумя группировками в «кружке Крайзау» в особенно резкой форме проявилась по тем вопросам, решение которых было насущной практической потребностью — о путях организации антифашистского переворота, об отношении к антифашистскому движению народных масс, о внешнеполитической ориентации.

Большинство западногерманских буржуазных историков обычно констатируют, что составленные в «кружке Крайзау» «планы реформ шли во многих отношениях дальше, чем гёрделеровские проекты» [13]. Однако в то же время они стремятся показать, что каких-либо принципиальных отличий во взглядах хотя бы части крайзаусцев, с одной стороны, и руководителей заговора — с другой, не было. Усердно отрицается стремление части членов «кружка Крайзау» к установлению дружественных связей с Советским Союзом, к достижению единства действий с антифашистским движением Сопротивления, руководимым коммунистами. Цель, которая при этом преследуется, — игнорирование факта существования патриотической группы в заговоре 20 июля, отрицание возможности установления союза между антифашистскими элементами буржуазии и офицерства и антифашистской борьбой рабочего класса.

Уже в появившихся вскоре после 1945 г. воспоминаниях и работах оставшихся в живых членов «кружка Крайзау», сторонников реакционного направления в нем, всячески подчеркивалось, что в кружке якобы и не помышляли о развертывании каких-либо массовых действий, о революционной борьбе с нацизмом. В речи, произнесенной в январе 1946 г., Э. Герстенмайер говорил, характеризуя взгляды «кружка Крайзау»: «Война была проиграна, прежде чем она началась... не нужно было обладать никаким пророческим даром, чтобы с некоторых пор, самое позднее после Сталинграда, понять, что происходит падение в пропасть... В конечном счете неизбежно должен был наступить хаос, если только в ходе удачного государственного переворота не удалось бы добиться управления поражением. Так называемое «управляемое поражение» было всем, на что можно было рассчитывать при трезвом рассмотрении» [14]. Предупреждение «хаоса» (т.е. революционных выступлений масс), «управление поражением» (таким образом, чтобы позиции монополий были затронуты в наименьшей степени) и были, по утверждению Герстенмайера, задачей «кружка Крайзау».

Подобным же образом излагает цели кружка Т. Штельтцер, хотя он и упоминает о наличии в кружке лиц «недостаточно реалистично видевших положение» [15]. Штельтцер пишет, что работа кружка касалась вопросов, связанных с тем строем в Германии и в Европе, «который должен быть установлен после катастрофы». Целью его было разработать единую программу действий для местных властей, которые после того, как нацистское государство перестанет функционировать, должны взять управление в свои руки [16]. Штельтцер так излагает те принципы, которыми кружок руководствовался в своей деятельности: «Отказ от всякой насильственной революции... отказ от саботажа, дезертирства и передачи военных сведений противнику, отказ от всяких мероприятий, которые могли бы вести к подрыву вермахта... от всякой связи с Национальным комитетом в Москве» [17]. Р. Пехель пишет: «В “кружке Крайзау” господствовало мнение, что только военное поражение, а не устранение Гитлера и его режима могло бы привести к началу восстановления здоровой Германии» [18].

Что касается реакционной группы «кружка Крайзау», то Герстенмайер, Штельтцер, Пехель довольно точно излагают ее взгляды. Ждать неизбежного конца нацистского режима, который должен последовать в результате военной катастрофы (в отличие от группы Гёрделера, возлагавшей надежды на то, что поражение удастся избежать путем заключения сепаратного мира на Западе, в «Крайзау» неотвратимость военного краха понимали, кажется, все), подготовить для этого момента программу действий и необходимые кадры, удерживая их от активных антифашистских выступлений, обеспечить наиболее безболезненный для господствующих классов переход к послевоенным условиям, предотвратить революционные выступления масс, — таков их смысл. Существенной чертой этих взглядов являлись антикоммунизм и антисоветизм. Взгляды этой реакционной группы разделяла и значительная часть социал-демократов — участников кружка. Показательно, например, что в конце 1942 г. К. Мирендорф, Т. Гаубах и Э. Хенк, узнав о планируемом заговорщиками из группы Гёрделера на весну 1943 г. военном перевороте, приложили максимальные усилия для того, чтобы убедить их отложить путч до того времени, когда англо-американские войска высадятся в Европе, так как, по их мнению, «в военной обстановке конца 1942 г. свержение Гитлера было равнозначно вторжению Востока», т.е. советских войск [19].

Вопреки утверждениям реакционных историков и мемуаристов патриотически настроенная группа в «кружке Крайзау» существовала, как об этом неопровержимо свидетельствуют исторические факты. В противовес пропагандировавшейся представителями реакционной группы тактике пассивного ожидания военного краха гитлеровского рейха Адам фон Тротт, П. Йорк фон Вартенбург, А. Рейхвейн выступали за активную подготовку к антифашистскому перевороту. Хотя основные надежды возлагались при этом на действия генералов — участников заговора 20 июля, что, безусловно, было иллюзией, они считали необходимым привлечение к участию в перевороте народных масс. А. Рейхвейн и Ю. Лебер установили контакт со стоявшими во главе центрального оперативного руководства КПГ в Германии А. Зэфковым и Ф. Якобом, что вызвало резко отрицательную реакцию со стороны руководителей заговора 20 июля. Целью этого контакта было создание максимально широкого объединения народных сил, включая коммунистов [20]. Участники патриотической группы, несмотря на наличие серьезных несоответствий в их взглядах, выступали за установление дружественных отношений с Советским Союзом, против ориентации реакционных лидеров 20 июля на прекращение военных действий лишь на Западе и продолжение их на Востоке [21].

Факты, свидетельствующие о существовании патриотически настроенной группы в заговоре 20 июля 1944 года, в том числе и в «кружке Крайзау», не укладываются в развиваемую буржуазной историографией концепцию о единстве действий заговорщиков, о том, что для «людей 20 июля» был только один путь — путь союза с западными державами на предмет «борьбы с большевизмом», отказа от единых действий с массовым антифашистским движением, руководимым коммунистами. Поэтому буржуазные историки стремятся извратить эти факты, в превратном виде представить мотивы действий участников патриотической группы. Еще А. Даллес, с сожалением констатируя, что «Россия сильно привлекала некоторых... активных членов кружка» [22], пытался объяснить это тактическими маневрами членов «кружка Крайзау», которые якобы всего лишь угрожали сближением с Советским Союзом, надеясь таким образом побудить западные державы к более активной поддержке заговора против Гитлера [23]. Подобные расчеты, безусловно, играли роль в планах некоторых крайзаусцев, но в то же время не подлежит сомнению, что наиболее пронизательные из них стремились

к установлению дружественных связей с Советским Союзом из принципиальных соображений, считая такую политику национальной необходимостью. Так, А. Рейхвейн «видел в России великую и мощную страну будущего, без которой и против которой далее невозможна никакая европейская политика... Взаимного уважения наших и ее интересов нужно будет искать любой ценой», — говорил он [24].

Наиболее радикальные и последовательные, в ряде отношений, взгляды высказывал участник «кружка Крайзау» Адам фон Тротт. Он развивал идею установления союза антифашистского движения немецкого народа с антифашистской борьбой миллионов иностранных рабочих, согнанных нацистами в Германию [25]. Настаивая на установлении контактов с Советским Союзом и Национальным комитетом «Свободная Германия» в Москве, Тротт считал, что «Запад... и будущая Германия должны научиться жить с коммунистическим Востоком» [26].

В биографическом словаре, выходящем под редакцией Г. Герфельда, подобная позиция Тротта объясняется тем, что он якобы «отклонял одностороннее западное решение», поскольку был «знатоком Восточного мира», проработав несколько лет на дипломатической службе в Восточной Азии. Взгляды Тротта, пишут авторы словаря, «ни в коем случае не могут быть истолкованы в коммунистическом смысле, или даже как дружественные Советам» [27]. Конечно, Тротт не был коммунистом, но не это является наиболее значимым в его взглядах, а то, что он, как свидетельствуют факты, решительно порвал с антикоммунистическими и антисоветскими концепциями реакционных лидеров «20 июля». Э. Целлер пытается объяснить взгляды Тротта отсутствием у него «реализма» и мистическими настроениями [28]. Следует отметить, что в отличие от современных западногерманских историков, в большинстве своем пытающихся изобразить Тротта сторонником западной ориентации, одержимым, правда, некоторыми странностями, представители реакционной группировки в «кружке Крайзау» не скрывали своих к нему антипатий. Т. Штельтцер подчеркивает, что Тротт вступил в контакт со Штауффенбергом «на свой страх и риск» и, следовательно, другие члены группы не несут ответственности за его действия [29].

Еще более враждебно относится к нему Г.-Б. Гизевиус, связанной между реакционной верхушкой заговора и американской разведывательной службой в Швейцарии. В своих воспоминаниях он пишет о том, что он следил за действиями Тротта со все возрастающими опасениями.

Чтобы окончательно скомпрометировать Тротта в глазах буржуазных читателей, он даже поддерживает выдвинутое публицистом Себастьяном Гаффнером утверждение, что Штауффенберг и Тротт будто бы вынашивали план превращения военного переворота в социалистическую революцию немецких и иностранных рабочих [30].

Несколько особое место в ряду работ западногерманских историков, дающих ту или иную оценку деятельности Тротта, занимает появившаяся недавно статья Э. Бетге «Адам фон Тротт и немецкое Сопротивление» [31]. Несмотря на то что автор не смог удержаться от антикоммунистических и антисоветских выпадов, он пытается дать объективную оценку роли Тротта, не впадая при этом в преувеличения. Отмечая противоречивость его взглядов, Бетге не скрывает глубокого интереса Тротта к идеям марксизма. Он упоминает о решительном сопротивлении Тротта планам установления в Германии реакционного государственного устройства, подчеркивает его склонность к практическим действиям, не ограничиваясь теоретическими дебатами о будущем Германии, и т.д.

Разногласия между реакционной и патриотической группами в «кружке Крайзау», наиболее отчетливо проявившиеся в вопросах внешнеполитической ориентации и в вопросе о путях антифашистской борьбы, нашли отражение и в программных документах кружка, выработанных в результате нескольких совещаний, происходивших в 1942—1943 гг. В наиболее полном виде они приведены в приложении к книге Т. Штельцера [32].

Центральным пунктом социально-экономической программы «кружка Крайзау» было положение, что «ключевые предприятия горной промышленности, основных отраслей химической промышленности и энергетики будут переданы в общественную собственность». Реализация этого положения, хотя она и мыслилась в форме государственного капитализма, безусловно, нанесла бы серьезный удар по позициям крупнейших монополий. Однако основой экономической жизни провозглашалась конкуренция, хотя и предусматривалось, что она будет развертываться «под постоянным государственным наблюдением» и будет «упорядоченной». Выдвигалось также требование «участия коллективов в управлении предприятиями и в результатах производства» [33].

Более консервативный характер носят планы будущего государственного устройства Германии. Всей полнотой власти должен был обла-

дать «правитель рейха», избираемый на 12 лет. Функции его соответствуют функциям президента. Он назначает и смещает канцлера и министров. Полномочия рейхстага, избираемого не прямым голосованием, а ландтагами, существенно ограничивались [34]. Д. Мельников объясняет подобный характер планов государственного устройства тем, что к их разработке был привлечен Ф.-Д. фон Шуленбург, воззрения которого «были более консервативны, чем взгляды руководителей кружка» [35]. Скорее дело объясняется не этим обстоятельством, а наличием в «кружке Крайзау» группировки реакционного характера. Да и само приглашение Ф.-Д. Шуленбурга в качестве автора проекта свидетельствует о политических настроениях, по крайней мере, значительной части участников кружка.

В то же время в этой части программы содержатся требования демократического характера: немедленного удаления со всех важных постов национал-социалистов, международного суда над нацистскими преступниками, ограничения влияния на политическую жизнь военщины и бюрократии [36].

Наиболее детально были разработаны планы организации обучения и воспитания. К этому вопросу проявляли особое внимание представители церкви в кружке, в частности иезуиты. Христианство провозглашается «основой для нравственного и религиозного обновления... народа». Церковь, как католическая, так и протестантская, хотя и продолжает оставаться отделенной от государства, объявляется находящейся под его защитой. «Во всей системе образования, равно как и в кинематографии и радиовещании, христианская Церковь снова займет надлежащее место», — пишется в «Основах нового порядка», составленных в августе 1943 г. «Государственная школа является христианской обязательным преподаванием религии». В этом разделе мы находим следы влияния патриотических сил. Это — требование решительной борьбы за искоренение нацистской идеологии из преподавания и уничтожения изданных при фашизме учебников [37].

Оценка этих документов в западногерманской буржуазной литературе весьма противоречива. В какой-то мере это может быть объяснено крайней неполнотой сохранившихся материалов, но главной причиной является их внутренняя неоднородность, отразившая столкновения реакционной и патриотической групп в «кружке Крайзау».

Г. Риттер, который в своей обширной работе «Карл Гёрделер и немецкое движение Сопротивления» отводит «кружку Крайзау» очень

незначительное место, характеризует его программу как «находящуюся под влиянием социалистических идей». Для соратника К. Гёрделера, каким был Г. Риттер, такая оценка вполне естественна. Впрочем, он с похвалой отзывается о социал-демократах — участниках кружка, так как в их среде «марксистская теория классово́й борьбы была подвергнута обстоятельной критике и в целом отвергнута». Риттер скептически относится к реальности социально-экономической программы «кружка Крайзау» и иронизирует по ее поводу, как и по поводу «бесконечных ученых дискуссий», сопровождавших ее появление [38].

Г. Ротфельс уделяет анализу деятельности «кружка Крайзау» значительно большее внимание. Он заявляет, что «ведущие участники “кружка Крайзау”... порвали с буржуазным образом мышления», так как «они оставили позади большинство “либеральных” символов веры XIX в., так же как и социальных и экономических понятий Веймарской республики». Он с похвалой отзывается о планах государственного устройства, разработанных в «кружке Крайзау», критикуя Г. Риттера за то, что он рассматривает эти планы как «политическое дилетанство» [39]. Г. Ротфельс подчеркивает, что «кружок Крайзау» является составной частью «движения 20 июля», заявляя, что со временем могло бы наметиться его сближение с группой Гёрделера [40]. Цель этой концепции состоит в том, чтобы за счет «кружка Крайзау» представить заговорщиков 20 июля в качестве людей, свободных от «буржуазной односторонности», выдав их за выразителей интересов всех классов. Из этого должно вытекать, что и боннское государство, являющееся их наследником, также порвало с «буржуазным образом мышления» и выражает интересы всех классов, является «социалистическим». Характерно в этой связи, что в ряде работ к числу «социалистов» причисляются не только социал-демократы, но и явные сторонники консервативных взглядов. Так, Э. Хенк называет «истинным социалистом» даже Э. Герстенмайера [41].

По тому же пути, что и Ротфельс, идет М. Бовери. Характеризуя программу «кружка Крайзау», она противопоставляет ее идеям научного социализма. М. Бовери восторженно пишет: «О социализме такого рода не говорится ни в одном учебнике... он требует от каждого... вкладать... в солидарность, не знающую классово́й борьбы». Социалистов — участников кружка — она хвалит за то, что они «хотя и оперировали экономической теорией Маркса, сознательно или бессознательно оставляли исторический материализм позади себя» [42].

Сложное, противоречивое, порой весьма причудливое, переплетение различных требований, зафиксированное в программных документах «кружка Крайзау», буржуазные историки определяют как «синтез» «консервативных и социалистических идей» [43]. На деле это, конечно, не так. Программные документы «кружка Крайзау» — не «сплав» и не «синтез» различных идей, они отражают тот уровень борьбы, который был достигнут в столкновении реакционной и патриотической группировок кружка. Об остроте этой борьбы свидетельствует тот, например, факт, что на совещании, посвященном обсуждению проектов земельной реформы, вообще не удалось добиться выработки какого-либо документа вследствие слишком сильных расхождений во мнениях [44]. Э. Хенк отмечает, что во время обсуждения программных документов были серьезные возражения и споры, что единая точка зрения не была выработана [45]. При этом следует учитывать, что развитие внутри- и внешнеполитической обстановки, длительные теоретические дебаты, на протяжении ряда лет шедшие в «Крайзау», безусловно, оказывали влияние на изменение взглядов различных участников кружка. Не только идеи прогрессивно настроенных его членов накладывали свой отпечаток на формирование его целей, но и традиционные для дворянско-юнкерской среды, к которой принадлежало большинство крайзаусцев, консервативные политические представления и схемы воздействовали на тех из них, кто, заботясь о судьбах своей страны, стремился к объединению с подлинно антифашистскими силами.

В марксистской литературе, как уже отмечалось, имеются противоположные точки зрения как на программу «кружка Крайзау», так и на деятельность кружка в целом. Одна из них в наиболее последовательном виде сформулирована историками ГДР Г. Дрессом и В. Эрзилом, считающими «кружок Крайзау» одним из наиболее реакционных секторов заговора 20 июля 1944 года. Они полагают, что «для “кружка Крайзау” было характерно особенно сильное влияние реакционных клерикальных сил как римско-католической, так и протестантской церквей». По их мнению, кружок «был своего рода “группой по изучению проблем”». Эта группа была образована помещиками-юнкерами, представителями клира, высшими офицерами и реакционными служащими гитлеровского государства совместно с некоторыми социал-демократами, полностью приспособившимися к буржуазно-клерикальной идеологии и дополнявшим ее реформистским мировоззрением»

[46]. Что касается социально-экономической программы крайзаусцев, то она якобы «не содержит ничего прогрессивного, а наоборот, должна иметь следствием усиленное государственно-монополистическое развитие». Целью «кружка Крайзау» было, как пишут Г. Дресс и В. Эрзиль, «замаскировать антагонистическое противоречие между трудом и капиталом и помешать открытому развертыванию классовой борьбы между империалистическими силами и рабочим классом» [47]. Планы государственного устройства, развивавшиеся «кружком Крайзау», «восходят к средневековому клерикальному тезису о божественном происхождении государства», — пишут они [48]. В другой работе Г. Дресс настаивает на том, что планы группы Гёрделера и «кружка Крайзау», в принципе преследовали совершенно одинаковые цели — сохранение господства монополистов и помещиков» и отличались лишь деталями [49].

Подобная оценка, являясь в отношении планов и идей реакционной группы в «кружке Крайзау» в основном правильной, не может быть распространена на кружок в целом. Она не учитывает наличия в нем патриотической группы, идеи и требования которой отразились и в ряде положений его программы. Лозунги национализации ключевых предприятий индустрии [50], участия рабочих в управлении производством и др., выдвигавшиеся ею, в условиях фашистской диктатуры, бесспорно, имели прогрессивное значение. Их осуществление при определенных условиях могло послужить базой для ликвидации господства монополий. Взгляды этой группы на будущее Германии отчетливо показывают влияние антифашистского движения Сопротивления, руководимого коммунистами [51].

Другую точку зрения развивает в своей работе «Заговор 20 июля 1944 года в Германии» Д. Мельников, считающий «кружок Крайзау» наиболее прогрессивным (наряду с группой Штауффенберга) ответвлением заговора 20 июля. Д. Мельников, оговариваясь, что «отнодь не всех деятелей “кружка Крайзау” можно причислить к патриотам и прогрессивно настроенным людям» [52], пишет, что «руководители его стремились выйти из рамок кастового объединения и создать базу для более широкой коалиции антифашистских сил в стране». «Руководители “кружка Крайзау”, — продолжает Д. Мельников, — видели главное отличие своего кружка от других оппозиционных групп в стремлении объединить самые широкие антигитлеровские круги для борьбы против

фашистского режима» [53]. Почти всех участников «кружка Крайзау» относит к «прогрессивным силам заговора 20 июля» историк из ГДР Б. Лёвель [54].

Противопоставляет «кружок Крайзау» в целом «Гёрделеру и генералам» как наиболее прогрессивную часть заговора 20 июля 1944 года Г. Брюдигам, автор вышедшей в Западной Германии книги об историографии фашистского режима и движения Сопротивления ему, написанной с прогрессивных позиций [55]. Подобная трактовка представляется также односторонней. Если Г. Дресс и В. Эрзиль фактически сбрасывают со счетов факт наличия в «кружке Крайзау» патриотически настроенной группы, то сторонники этой точки зрения поступают аналогичным образом с фактом существования в кружке реакционной группировки.

Показательно, что во всем довольно обширном разделе книги Д. Мельникова, посвященном «кружку Крайзау», ни разу не упоминается о наличии у кого-либо из его членов антидемократических, антикоммунистических воззрений. Характеризуя программу «кружка Крайзау», Д. Мельников пишет о том, что она «во многом расплывчата и нечетка, тем не менее в ней можно найти немало патриотических мыслей и правильных суждений» [56]. Это, конечно, так. Но основной недостаток программы состоит не столько в ее нечеткости и расплывчатости (многие ее тезисы сформулированы совершенно недвусмысленно), сколько в том, что ряду ее разделов и положений свойствен явно антидемократический характер, являющийся следствием влияния реакционной группировки. Если некоторые руководители кружка (фон Тротт, Йорк фон Вартенбург) действительно стремились к объединению широких антигитлеровских кругов, то, например, фон Мольтке, напротив, считал, что даже сложившийся в «Крайзау» уровень их объединения настолько противоестествен, что какой-либо положительный результат не может быть достигнут [57].

Весьма интересным, но, к сожалению, мало исследованным является вопрос о характере оппозиции фашизму со стороны представителей католической и протестантской церкви в «кружке Крайзау». То, что влияние религиозной идеологии испытывали все его члены, в том числе и наиболее прогрессивно настроенные (Тротт, Рейхвейн), является несомненным. Большинство представителей обеих церквей, принимавших участие в деятельности кружка, видимо, придерживались традиционных

консервативных взглядов. Однако среди них были и люди, пытавшиеся отыскать новые пути. Под влиянием грозных событий эпохи, требовавших от каждого человека найти свое место в происходящей борьбе, убедившись в сговоре духовенства с нацизмом, они стремились к установлению контактов с массовым антифашистским движением, ставили вопрос о замене некоторых окончательно обветшавших религиозных догм положениями, учитывающими потребности времени. «Антифашистские настроения и требования, — пишет историк ГДР Г. Шмидт, — находили сначала у верующих и представителей низшего духовенства религиозные формы выражения; они направлялись против отдельных сторон нацистской политики. Но чем дальше, тем больше эти настроения обретали тенденцию выхода за рамки чисто религиозного конфликта» [58].

Одним из церковных деятелей, искавших такие пути, был участник «кружка Крайзау» патер Альфред Дельп. В годы войны он написал книгу «Человек и история». В ней он в сугубо богословской форме пытается дать ответ на вопрос, который он считает «труднейшим вопросом истории», — почему в мире может существовать зло, воплощением которого он совершенно явственно именуется фашизм, и почему оно «собирает столь обильные урожаи»? Безусловно, А. Дельп далек от того, чтобы найти социальные корни фашизма, но выводы его серьезно расходятся с ортодоксальной католической доктриной. Он считает, что зло является не порождением дьявола, а результатом деятельности самих людей и, следовательно, бороться со злом должен сам человек, не надеясь на Бога, который не вмешивается в ход истории [59]. Это, по существу, есть оправдание активной борьбы против фашизма. Но о действительных способах этой борьбы Дельп имел довольно смутное представление. Он испытал влияние социалистических идей. Поддерживая социально-экономическую программу «кружка Крайзау», он, уже после ареста, подчеркивал необходимость «экономического социального обновления» [60].

В «Кружке Крайзау» имелись и такие церковные деятели, которые в целях приспособления католической и протестантской церкви к потребностям времени, пытались придать им «социалистический» оттенок, создать у паствы представление, что избавление трудящихся масс от социальных бедствий может быть достигнуто под руководством церкви даже и в условиях господства капиталистических общественных

отношений. Идеи подобного рода, которые можно охарактеризовать как «христианский социализм», нашли после Второй мировой войны широкое распространение в теории и практике клерикальных партий Западной Европы, в частности ХДС/ХСС — в Западной Германии. В их распространении приняли активное участие и некоторые из оставшихся в живых членов «кружка Крайзау». Как «христианский социализм» оценивает взгляды некоторых членов «кружка Крайзау» и, в частности, его руководителя Г. фон Мольтке в своем исследовании Д. Мельников [61]. Однако, к сожалению, в этом исследовании не выступает с должной рельефностью характеристика социально-политических позиций, которые занимали представители «христианского социализма». Д. Мельников не раз говорит о «расплывчатости» идей «христианского социализма», но нигде не отмечает их консервативности, иногда доходящей до реакционности. Видимо, общей концепцией Д. Мельникова обусловлено и то обстоятельство, что он даже не упоминает об участии в «кружке Крайзау» столь реакционно-настроенных деятелей протестантской и католической церковью, как Э. Герстенмайер, и провинциала ордена иезуитов в Мюнхене патера А. Рёша.

Вопрос об оценке различных течений в церковной оппозиции фашизму заслуживает дальнейшего изучения, тем более что здесь могут быть прослежены истоки некоторых новых и своеобразных явлений, наблюдавшихся в послевоенный период в христианской церкви на Западе.

* *
* *
* *

«Кружок Крайзау» — одно из наиболее сложных, но вместе с тем и интересных явлений в немецкой истории периода фашизма. Борьба различных концепций в «кружке Крайзау» нашла свое продолжение в послевоенном развитии Германии. Частично сохранились антикоммунистические установки реакционной группировки в нем. В то же время пример патриотической группы «кружка Крайзау», отказавшейся от антикоммунистических и антисоветских догм, настаивавшей на решительном очищении политической жизни Германии от влияния фашизма, «является, — как пишет Х. Роггенбук, — для всех миролюбивых немцев в Федеративной Республике... стимулом в борьбе за устранение пережитков Второй мировой войны, к тому, чтобы трезво оценить положение, признать реально существующие факты и, особенно, выступить против односторонней ориентации боннских «ультра» на империалистические западные державы» [62].

В буржуазной исторической литературе при оценке «кружка Крайзау» основной акцент делается на то, чтобы изобразить его как группу, цели которой совпадали в основном с целями реакционных лидеров заговора 20 июля 1944 года. Недостоверность этого тезиса была доказана в работах историков-марксистов, убедительно свидетельствующих о наличии в «кружке Крайзау» и патриотической группы, стремившейся к союзу с подлинно антифашистскими силами немецкого народа.

---

1. Это название (*Der Kreisauer Kreis*) происходит от названия имени одного из руководителей его — графа Гельмута фон Мольтке — в Силезии, где происходили основные совещания крайзаусцев.

2. *Erdmann K.-D.* Das Dritte Reich im Zusammenhang der deutschen Geschichte // Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1961. Hf. 7. S. 417.

3. *Henk E.* Die Tragödie des 20. Juli 1944. Heidelberg, 1946; *Leithäuser J.G.* Wilhelm Leuschner. Ein Leben für die Republik. Köln, 1962 и др.

4. *Rothfels H.* Die deutsche Opposition gegen Hitler. Fr. a. M. — Hamburg, 1958; *Steltzer T.* Von deutscher Politik. Fr. a. M., 1949 и др.

5. *Mau H., Krausnick H.* Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933—1945. Tübingen — Stuttgart, 1956. S. 180.

6. *Dress H., Ersil W.* Die Volksfeindliche Konzeption des Kreisauer Kreises und die nationale Rettungsprogramm der KPD // Staat und Reich, 1960. Hf. 7.

7. *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962; *Löwel B.* Am 20. Juli vor 20 Jahren // Neues Deutschland. 19.VII.1964.

8. См.: *Steltzer T.* Von deutscher Politik. S. 73; *Henk E.* Die Tragödie... S. 27—28; *Zeller E.* Geist der Freiheit. Der zwanzigste Juli. München, 1956. S. 78—96.

9. Не смешивать с бывшим послом в Москве, сторонником установления дружественных связей Германии с Советским Союзом, участником группы К. фон Штауффенберга — Фридрихом-Вернером фон Шуленбургом.

10. *Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Berlin, 1963. S. 194.

11. На наличие в «кружке Крайзау» (как и в группе Штауффенберга) двух группировок — реакционной и патриотической — указывает историк ГДР Хелена Роггенбук (*Roggenbuck H.* Der 20. Juli 1944 im Lichte der historischen Wahrheit // Einheit. 1964. Hf. 7. S. 87—88). Оценка Х. Роггенбук выгодно отличается от упоминавшихся выше односторонних оценок «кружка Крайзау» в ряде работ историков Советского Союза и ГДР.

12. *Roggenbuck H.* Der 20. Juli 1944... S. 87.

13. *Görlitz W.* Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II. Stuttgart, 1952. S. 304.

14. *Gerstenmaier E.* Reden und Aufsätze. Stuttgart, 1956. S. 60—61.

15. *Steltzer T.* Von deutscher Politik. S. 76.

16. *Ibid.* S. 81, 77.

17. Ibid. S. 10. В связи с этим и целым рядом других высказываний Штельтцера совершенно непонятно, почему Б. Лёвель относит его к представителям «прогрессивных сил заговора 20 июля». О неправильности такой оценки говорит и деятельность Т. Штельтцера в последние годы на посту министра-президента земли Шлезвиг-Гольштейния, в котором нашло убежище особенно много нацистских военных преступников, его призывы к возвращению на «путь, который был нам (немцам. — *Н.Ч.*) предначертан историей нашего народа» (*Steltzer T. Von deutscher Politik*, S. 57) и т.д. Равным образом неправильным представляется и отнесение Б. Лёвелем к числу прогрессивных деятелей Ф.-Д. фон Шуленбурга, до 1940 г. занимавшего высокие посты в нацистской партии и известного своими архиконсервативными взглядами. Спорной является, как на это указывает Г. Дресс в рецензии на книгу Д. Мельникова «Заговор 20 июля 1944 года в Германии», характеристика ее автором как прогрессивного деятеля — формального главы «кружка Крайзау» Г. фон Мольтке (*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1964. Hf. 2. S. 327). По существу, единственным аргументом Д. Мельникова в отношении Мольтке является сообщение Э. Целлера о том, что в свое время Мольтке разделил часть земель своего поместья среди крестьян (*Zeller E. Geist der Freiheit*. S. 79), хотя мотивы этого поступка неизвестны. В то же время известно, что Мольтке был решительным противником активных действий против гитлеровского режима и даже выражал, уже находясь в тюрьме, радость, что он был арестован как раз тогда, когда Штауффенберг пытался вовлечь его в подготовку акции против Гитлера (См.: *Moltke H.J. von. Letzte Briefe aus dem Gefängnis Tegel*. Berlin, 1957. S. 54).

18. *Pechel R. Deutscher Widerstand*. Zürich, 1947. S. 121.

19. *Henk E. Die Tragödie...* S. 34—35.

20. *Rossmann G. Der Kampf der KPD um die Einheit aller Hitlergegner*. Berlin, 1963. S. 195—196. Россман отмечает при этом, что если Рейхвейн искренне стремится к активной совместной работе с коммунистами (как и Клаус Шенк фон Штауффенберг и Йорк фон Вартенбург), то Лебера, намечавшегося заговорщиками на пост министра внутренних дел, при установлении контакта с КПГ интересовала прежде всего возможность выяснить, какими силами она располагает в Германии.

21. Анализ взглядов А. фон Тротта, П. Йорка фон Вартенбурга, А. Рейхвейна и других прогрессивных деятелей «кружка Крайзау» см.: *Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года...* С. 174—195; *Zur Vorgeschichte der Verschwörung am 20. Juli 1944*. Berlin, 1960. S. 91—92.

22. *Dulles A.W. Verschwörung in Deutschland*. Kassel, 1949. S. 107.

23. Ibid. S. 162.

24. *Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*. Stuttgart, 1955. S. 334.

25. *Dulles A.W. Verschwörung in Deutschland*. S. 165.

26. *Bethge E. Adam von Trott und der deutsche Widerstand // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Hf. 3. S. 215. обстоятельный разбор взглядов Тротта дает Д. Мельников.

27. *Geschichte in Gestalten*. Bd. IV. Fr. a. M., 1963. S. 206—207.

28. *Zeller E.* Geist der Freiheit. S. 360.
29. *Steltzer T.* Von deutscher Politik. S. 78.
30. *Gisevius H.-W.* Bis zum bitteren Ende. Hamburg, 1960. S. 449–451.
31. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 1963. Hf. 3.
32. *Steltzer T.* Von deutscher Politik. S. 154–169. См. также меморандум, составленный Штельцером в июле 1944 года для передачи представителям западных держав (Ibid. S. 82–96).
33. Ibid. S. 161.
34. Ibid. S. 159.
35. *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года... С. 179.
36. *Steltzer T.* Von deutscher Politik. S. 155, 158, 167–168.
37. Ibid. S. 156, 160, 162–163, 164.
38. *Ritter G.* Carl Goerdeler... S. 300–304.
39. *Rothfels H.* Die deutsche Opposition... S. 130–131.
40. Ibid. S. 135.
41. *Henk E.* Die Tragödie... S. 28.
42. *Boweri M.* Der Verrat im XX. Jahrhundert. Bd. II. Hamburg, 1958. S. 67, 77.
43. Ibid. S. 65; *Bergstraesser A.* Vorbildlicher und denkwürdiger Sieg des Geistes über das Gemeine // Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 8.VIII.1963. S. 1234.
44. *Steltzer T.* Von deutscher Politik. S. 74.
45. *Henk E.* Die Tragödie... S. 28–29.
46. *Dress H., Ersil W.* Die Volksfeindliche Konzeption... S. 1113, 1116.
47. Ibid. S. 1128. См. также рецензию Г. Дресса на книгу Мельникова // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1964. Hf. 2. S. 327.
48. Ibid. S. 1118.
49. *Dress H.* Der antidemokratische und reaktionäre Charakter der Verfassungspläne Goerdelers // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1957. Hf. 6. S. 1135. Подобную же оценку повторяет и В. Эрзиль (*Ersil W.* Die Wahrheit über den 20. Juli und die Lügen der Bonner Militaristen // Einheit. 1960. Hf. 7. S. 1090).
50. Г. Дресс и В. Эрзиль справедливо указывают на то, что Г. Ротфельс, Э. Хенк, Г. Вайзенборн, Э. Целлер и ряд других западногерманских историков не замечают этой разницы и бездоказательно пишут о планах кружка по национализации основных отраслей экономики (*Dress H., Ersil W.* Die Volksfeindliche Konzeption... S. 1128).
51. *Roggenbuck H.* Der 20. Juli 1944... S. 88.
52. *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года... С. 174.
53. Там же. С. 176.
54. *Löwel B.* Am 20. Juli...
55. *Brüdigam H.* Wahrheit und Fälschung. Das Dritte Reich und seine Gegner in der Literatur seit 1945. Fr. a. M., 1959. S. 65–66.
56. *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года... С. 179.
57. *Poelchau H.* Die letzten Stunden. Berlin, 1949. S. 113.

58. *Schmidt G.* Profaschistische und bürgerlich-oppositionelle Tendenzen in der Entwicklung der Christlichen Kirchen in Deutschland während der Zeit der Nazidiktatur // *Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg*. Bd. II. Berlin, 1961. S. 422.

59. *Delp A.* Der Mensch und die Geschichte. Colmar, o. J. S. 76–84.

60. *Zeller E.* Geist der Freiheit. S. 88. Следует отметить наличие во взглядах Дельпа некоторых националистических моментов.

61. *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года... С. 175, 177.

62. *Roggenbuck H.* Der 20. Juli 1944... S. 89.

Движение Сопротивления в Германии: планы послевоенного устройства страны и проблема предотвращения нового тоталитаризма*

Участники немецкого движения Сопротивления как в самой Германии, так и в эмиграции большое внимание уделяли планам послевоенного, после крушения фашистского режима, устройства Германии, Европы и мира. Естественно, их планы и концепции существенно расходились в зависимости от их политической ориентации. Общим для всех, однако, было стремление не допустить возрождения национал-социалистического режима. Лишь некоторые из участников заговора 20 июля 1944 года готовы были при определенных обстоятельствах согласиться на сохранение «смягченного» варианта фашистского режима без Гитлера, который постепенно развивался бы впоследствии в сторону традиционного авторитарно-консервативного режима.

Пути предотвращения возникновения нового фашистского режима виделись им по-разному. *Коммунисты* (документы ЦК КПГ в Советском Союзе, программные разработки группы Г. Шумана в подполье, работы А. Абуша и П. Меркера в мексиканской эмиграции и др.) считали необходимой предпосылкой для этого коренные социально-экономические преобразования в стране, ликвидацию господства монополистического капитала и юнкерства, последовательное проведение антифашистско-демократических реформ. *Социал-демократы* (Ю. Лебер внутри страны, Л. Лёвенталь в эмиграции) соглашались с необходимостью

---

* Тезисы выступления Н.С.Черкасова на Всесоюзной научной конференции историков в Екатеринбурге // *Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства*. Екатеринбург, 1992.

определенных реформ в социально-экономической сфере, основной акцент делали на необходимости достижения единства демократических партий и развития сотрудничества с «западными демократиями». Участники *консервативного крыла* в немецком Сопротивлении видели гарантию от возрождения гитлеризма в создании федерации европейских государств, причем многие из них (К. Гёрделер) считали при этом нужным сохранение ведущей позиции Германии на континенте и даже включение в ее состав некоторых захваченных ею территорий.

Одной из наиболее острых для участников немецкого Сопротивления проблем была проблема взаимоотношений будущей Германии с управляемым коммунистами Советским Союзом, возможность распространения коммунизма в самой Германии и в других странах Европы. Для представителей большинства групп буржуазного и значительной части групп социал-демократического Сопротивления эта проблема находилась в прямой связи с концепцией тоталитаризма. Концепция эта, ставившая в общий ряд коммунистические и фашистские режимы, по существу как раз и оформилась в среде антифашистской эмиграции в США. Сама гибель Веймарской демократии рассматривалась в свете этой теории как результат развития левого и правого тоталитаризма, которым она не смогла противостоять. Сторонники этой теории хорошо видели коренные различия в происхождении и сущности фашистских и коммунистических режимов и их идеологий, сосредоточивая внимание на несомненных моментах сходства и даже совпадения в технике осуществления ими власти.

Решить проблему предотвращения нового тоталитаризма, как гитлеровского, так и коммунистического, по мнению представителей этих направлений Сопротивления, можно только при условии серьезного изменения государственного устройства Германии и установления новых форм ее участия в общеевропейских и международных делах. Внутри страны в их планах уделялось особое место введению федеративного принципа и созданию такой системы сдержек и противовесов властей, которая не допускала бы чрезмерной концентрации полномочий в чьих-либо руках. Впоследствии многие из выдвигавшихся в этих кругах положений нашли воплощение в Конституции ФРГ, имевшей в целом антифашистскую, антитоталитарную направленность. Что касается внешней угрозы тоталитаризма, то предотвратить ее предлагалось посредством развития широкого сотрудничества Германии с западно-

европейскими странами и США, воспитания «европейского» и «атлантического» мышления.

В то же время в консервативном, либеральном, и, в значительной мере, в социально-демократическом Сопротивлении недооценивались социальные корни фашизма. Призывы к налаживанию отношений с Советским Союзом были редким явлением. Курс на «солидарность Запада» и противостояние его Советскому Союзу способствовал возникновению «холодной войны» и укреплению сталинских режимов в СССР и странах Восточной Европы.

Трагичной оказалась судьба планов послевоенного устройства, выдвинутых немецкими коммунистами и сотрудничавшими с ними социал-демократическими и другими группировками. Они хорошо понимали социальные корни фашизма и считали необходимой их ликвидацию. Осуществление разработанной КПГ программы создания демократической республики в Германии создавало благоприятные условия для предотвращения проявлений тоталитаризма и налаживания сотрудничества антифашистских сил. Важным моментом в ней был учет специфики немецкого пути к социализму (А. Акерман). Коммунисты и сотрудничавшие с ними другие левые силы внесли существенный вклад в формирование государственного устройства ФРГ на демократической основе. Однако усиление сталинской тенденции в Советском Союзе, произошедшее в результате действия внутренних факторов и проведения конфронтационной по отношению к СССР политики западными державами, привело к утверждению тоталитарной модели социализма и на востоке Германии, как и в других странах «социалистического сотрудничества». Официально утвердившийся там антифашизм оказался на поверку непрочным, внешним в ряде случаев, хотя основная часть населения ГДР и была воспитана в действительно антифашистском духе.

Основной тенденцией и общей равнодействующей в планах послевоенного устройства Германии, разрабатывавшихся в движении Сопротивления, являлось стремление к демократическому устройству страны. В них был заложен серьезный антифашистский и антитоталитарный потенциал, сыгравший важную роль в последующем развитии страны.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕРКАСОВ – ЛИЧНОСТЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ

Биографический очерк*

О своем происхождении Николай Сергеевич не любил рассказывать, но когда у него спрашивали, не его ли это родственник — знаменитый советский актер Николай Черкасов, он кратко отвечал: «Дальний». А еще иногда, с усмешкой почему-то, говорил, что они — из дворян. Между тем по его же записям значится, что его дедушка — Николай Сергеевич Черкасов был главным инженером Петербургско-Варшавской железной дороги, а бабушка — мать отца, Фелицата Ивановна, происходившая явно не из простонародья, закончила Бестужевские курсы — женское высшее учебное заведение в Петербурге и затем руководила одной из гимназий Петербурга.

По материнской линии дедушка Александр Иванович Шевелев был владельцем фирмы по продаже сельхозпродукции, а после Октябрьской революции стал столяром-краснодеревщиком. Бабушка Ираида Ивановна Шевелева была домохозяйкой.

Родители его — Сергей Николаевич Черкасов и Мария Александровна Шевелева — оба получили высшее медицинское образование, причем, судя по информации, содержащейся в одной из анкет Николая Сергеевича, они были студентами до Октябрьской революции. По рассказам мамы, первоначально, во время Первой мировой войны, она была сестрой милосердия и затем поступила в вуз, что до революции для девушки было невероятно сложно. Благодаря изданному в 1911 г. закону о праве женщин на высшее образование в медицинских, педагогических и некоторых других учебных заведениях [1] она поступила в Петербургский и окончила Петроградский медицинский институт. Избрав специализацию хирурга, Мария Александровна работала сначала в Ленинграде, затем в Карелии и позднее — в Мурманской области. Трудно восстановить, когда возникла семья Марии и Сергея Черкасовых, но известно, что их первенец — Николай появился на свет

---

* Написан Н.А. Хлыстовой.

8 января 1931 г. в поселке Майгуба Сегежского района Карельской АССР. В годы, непосредственно предшествовавшие ставшему роковым 1938 г., Сергей Николаевич с семьей проживал в Нивастрое (строительство каскада Нивских ГЭС) Кандалакшского района Мурманской области, работая заведующим больницей. Арест беспартийного врача-хирурга по статье 58-10-11 УК последовал 10.03.38 г. Через месяц тройка НКВД Карельской АССР осудила его, приговорив к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 8.05.38 г. в окрестностях Петрозаводска. Семья не была поставлена в известность ни о причинах ареста, ни о местонахождении главы ее.

Мария Александровна, предположив, что мужа ее сослали в Сибирь, а также понимая, какая участь ждет ее, если станется, жену «врага народа», и ее детей, спешно собрав малышей, отправилась вослед осужденному и оказалась на рудниках Кузбасса. Возможно ли представить весь тот масштаб нечеловеческих страданий, который выпал на долю незаурядной, маленькой, красивой женщины с аристократической внешностью и, как оказалось, с безграничной волей, матерью троих сыновей, получившей клеймо жены «врага народа»? Не перестаю восхищаться ее стойкостью, жизнелюбием, благородством, необычайным трудолюбием и несказанной верностью — мужу, детям, профессиональному долгу.

В ее лице я встретила удивительно интеллигентного человека, начитанного, по-философски мудрого, склонного к предельному самоограничению в быту, свободного от каких бы то ни было намеков на старческую сварливость (ей было уже далеко за семьдесят). Ей не свойствен был болезненный эгоцентризм, в общем-то естественный и прощительный для всякого, кто большую часть своего жизненного пути уже прошел.

Она никогда не просила уделить ей внимание, не жаловалась на недуги, житейские неурядицы и часто с юмором рассказывала внучатам (их было четверо, в том числе — двое дочерей Николая) о своей капризной печке, которая никак не хотела растапливаться без вязанки сухих дров, из-за чего хозяйка ее «бабушка Северная» (так они все называли ее) однажды завалилась в сугроб и едва не осталась в нем, как медведь в берлоге, на всю зиму. Она всегда очень деликатно отказывалась перебраться к кому-либо из сыновей. И это — тоже интеллигентность: не обременять даже самых близких.

Николай Сергеевич, искренне почитавший и бесконечно любивший свою маму, особенно ценил в ней профессионала. Когда появилась книга ставшего известным хирурга Якова Леонтьевича Цивьяна «Специальность — хирург», он, с нескрываемой гордостью, своим друзьям и знакомым показывал строки, в которых автор книги рассказывал, как в хирургическом отделении Кемеровской рудничной больницы, в которой велась весьма интенсивная хирургическая работа, под руководством Марии Александровны Черкасовой он овладевал техникой проводившихся различных операций. Именно здесь он был покорен хирургией, полюбил ее, и именно здесь он понял «хирургия — это любовь к больному человеку, борьба за его жизнь до последней минуты, без скидок на обстоятельства, без компромиссов» [2].

Сын не пошел по стопам родителей-хирургов. Его со школьных лет влекла история. Во время войны он, подросток, которому в начале Великой Отечественной войны едва переступило за первый десяток, до тошно отслеживал все военные операции на фронте и фиксировал на им же самим нарисованной карте то флажками, то другими подручными средствами ход военных действий. Жители рудничного поселка получали вполне достоверную информацию о суровой битве россиян с гитлеровцами. Вот тогда он, испытавший уже кошмар сталинизма, понял, какое зло воплощено в фашизме. И это не могло не сказаться на его дальнейшем выборе.

В 1948 г. после окончания Кемеровской школы № 24 Николай едет в Ленинград. Там, на Петроградской стороне в одном из домов с мрачными дворами-колодцами в семейной квартире Черкасовых обитала родная сестра отца — Вера Николаевна, тоже врач, самоотверженно спасавшая блокадных ленинградцев, потерявшая почти всех родных и чудом выжившая сама. В 1986 г. она рассказывала мне, незадолго до своей кончины, что спасли ее кошки. Те из родственников, кто не смог есть кошачье мясо, не выжили в блокаду. Она была дружна с Марией Александровной в прежние годы, до разлуки, и души не чаяла в племяннике, как, впрочем, и он — в ней.

Николай пытался поступить на исторический факультет Ленинградского университета — не допустили до экзамена как сына «врага народа». Он поступил в Ленинградский педагогический институт имени М.Н. Покровского, но по болезни, как он сам написал позже в автобиографии, учебы там продолжить не смог. В 1949 г. он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Том-

ского государственного университета. Обучение на факультете, где работали тогда известные профессора А.И. Данилов, И.М. Разгон, З.Я. Бояршинова и др., общение с ними оставили неизгладимый след в душе его. По окончании учебы он был оставлен на кафедре диалектического и исторического материализма ТГУ.

Свою педагогическую деятельность он начал с преподавания марксистской философии. Уже в первые годы работы в вузе он предстал перед студентами как яркая, неординарная, необычайно одаренная личность. «Он вел занятия у физиков (!), — вспоминает один из его сокашников Е.М. Дун, знавший Николая по совместному проживанию в комнате студенческого общежития и по совместной комсомольской работе. — Тут нужна была очень солидная философская и естественно-научная база. И она у него была. Физики благоволили к нему, почитали учителя, который был ненамного старше учеников» [3]. Постигавший марксизм не по «Краткому курсу истории ВКПб» (сохранились его тетради с конспектами работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина) и ставший искренним приверженцем этого учения до конца дней своих, он отличался нестандартностью мышления и «фантастической эрудицией энциклопедиста», по словам Е.М. Дуна. «Подобного эрудита я в своей жизни больше никогда не встречал. С ним можно было говорить обо всем: о последних политических событиях в мире, о новейших естественно-научных теориях, о литературных новинках, о ходе борьбы за первенство страны по футболу. Он знал *всё* и интересовался *всем*. Причем это были не поверхностные знания дилетанта, а знания человека, глубоко во всем этом разбирающегося. В библиотеке, в общежитии, дома я неизменно видел его обложенным со всех сторон горой газет и книг. Как он успевал все это перечесать и переварить — один Бог знает».

Но успешно начатая и, казалось, многообещающая научно-педагогическая карьера Николая Сергеевича внезапно прервалась в начале обнадеживавшего, но противоречивого и мучительного, растянувшегося на долгие годы периода десталинизации. «Николай был в высшей степени *принципиальным* и очень *порядочным* человеком, никогда не позволявшим себе какие-либо сделки с совестью (качество, прямо скажем, не столь уж часто встречающееся в наше время). Я думаю, что это было главной причиной тех сложных жизненных ситуаций, в которые он подчас попадал. Эти его качества особенно ярко проявились во время событий 1956—1957 гг. На партийном собрании университета, где обсуждалась идейно-воспитательная работа в коллективе (в связи

с бурно прошедшим диспутом о комсомоле, где молодежь заявила о несоответствии советской действительности коммунистическим идеалам. — *Н.Х.*), он оказался единственным, кто не побоялся взять под свою защиту студента (речь идет о Георгии Швейнике, студенте ГГФ. — *Н.Х.*), который выступил на диспуте с осуждением незаконных репрессий в стране в период сталинизма. За это он был подвергнут всеобщему порицанию и исключен из университета. При этом Николай, я уверен, прекрасно отдавал себе отчет в том, какие последствия для него лично может иметь этот шаг, но поступить иначе ему не позволяла совесть. Таким он был всегда. Таким он и останется в моей памяти», — вспоминал Е.М. Дун. Николай Сергеевич поплатился своим статусом вузовского преподавателя и чуть было не угодил за решетку. Его изгнали из кандидатов в члены КПСС и из вуза вообще, как, впрочем, и Е.М. Дуна тоже, с формулировкой «За политическую неустойчивость».

«Год после того, как меня выгнали, я провел самым гнуснейшим образом», — написал Николай Сергеевич в одном из неотправленных писем (1968 г.). Долго не принимали никуда, даже учеником слесаря. В конце концов ему удалось устроиться на работу на электромеханический завод им. В.В. Вахрушева. «Перспектив не было никаких, — пишет он, — жил в общежитии, где в целом парни были хорошие очень, но я попал в такую комнату, где собрались самые подонки». Но дух черкасовский оказался сильнее — не позволил сломаться и покатиться по наклонной плоскости. Николай Сергеевич, несомненно, был творением эпохи с ее достоинствами и недостатками, но в большей степени он *сам* был *творцом* своей *личности*, способным к адекватному самоопределению, свободной самореализации, неустанному самосовершенствованию через конструктивное самоотрицание-самопреодоление.

Дважды пострадавший от сталинизма, он не озлобился, не замкнулся в скорлупу, не отказался от своих коммунистических убеждений. «Сын “врага народа” — не антикоммунист? Парадоксально, но факт» — так озаглавила свое интервью с Н.С. Черкасовым корреспондент газеты «Томский вестник» Т. Винарская уже в период перестройки [4]. А в 1961 г. он вновь вступает кандидатом в члены КПСС, и в 1962 г. становится членом Коммунистической партии. За почти пять лет работы на заводе он приобрел, что не без гордости подчеркивал при случае, превосходный опыт снабженца, предопределивший в дальнейшем его роль в семье.

Лишь в 1962 г. он, благодаря своему учителю А.И. Данилову, ставшему ректором ТГУ, возвращается в университет, поступает в аспирантуру и в 1965 г. защищает диссертацию по теме «Историографические проблемы немецкого движения Сопротивления». Необычайно высоко (для кандидатской диссертации) оценили его работу оппоненты, одним из которых был известный уже в стране и за ее пределами германист Даниил Ефимович Мельников.

Вся дальнейшая научная деятельность Николая Сергеевича была связана именно с германистикой. И хотя научные интересы его выходили за пределы проблематики его диссертационной темы: в сферу общетеоретических проблем историографии ФРГ, молодежного и студенческого движения в Западной Германии, проблемы тоталитаризма, «одна, но пламенная страсть» его была Германия. Он уважал страну, которую изучал, ее народ, культуру уже потому, что они дали миру Гегеля, Маркса, Т. Манна, Г. Гессе, Б. Брехта — наиболее любимых авторов Николая Сергеевича. Но Германия «породила» и феномен Гитлера. Как хотелось понять душу Германии, о которой ее же сын — великий философ Фридрих Ницше так пренебрежительно писал в своих «Сумерках идолов».

Николая Сергеевича неотступно преследует вопрос, какие факторы сыграли решающую роль в том, что великая нация позволила превратить себя в аморфную некритичную массу, в которой были перемешаны мелкобуржуазные слои и интеллигенты, мещане и студенты, рабочие и деклассированные элементы. И все вместе оказались вовлечены в преступные деяния национал-социалистов, которые действовали не только от имени народа, но и посредством народа. Вывод А.С. Бланка о том, что «если бы нацистская идеология не проникла в сознание значительной части слоев населения Германии, длительное существование нацистского движения и режима было бы невозможно» [5], был убедителен, но недостаточен. Он не объяснял причин того, что почти весь народ, став орудием нацистского государства, вершил жестокую борьбу не только против мнимых врагов своих, но и против себя же самого. Точка зрения психисториков, типа американца Р. Бинниона, об «эпилептическом припадке» или «всеобщей шизофрении нации» [6] не принималась всерьез.

Как принципиальный и последовательный сторонник материалистического понимания истории, Н.С. Черкасов связывает появление фашизма в Германии и специфику его, в первую очередь, с особенностями развития германского империализма и с той социально-политической

обстановкой, которая сложилась в Европе в результате Великой Октябрьской социалистической революции в России и Первой мировой войны. По его мнению, фашизм был реакцией в форме террористической диктатуры наиболее реакционной и агрессивной части империалистических кругов на подъем революционного движения. Он неоднократно использует определение фашизма, данное на XIII пленуме ИККИ, подчеркивая социально-классовую природу его и антикоммунистическую (антисоциалистическую) направленность как одну из главных отличительных характеристик любой из форм фашизма.

И в этом контексте для него представляется необычайно важным обратить внимание на высказывания буржуазных авторов, в частности, К.Д. Брахера, о том, что «за большевистской волной в Европе последовала фашистская контрволна», и что задача «борьбы с красной опасностью явилась исходным пунктом для борьбы против Веймарской республики», для карьеры «квартировавшего в Мюнхене ефрейтора Адольфа Гитлера» [7]. Даже Э. Нольте, пытающийся возложить ответственность за преступления фашизма на большевизм, *volens volens* признает, что «акции Гитлера были ответом на угрозу уничтожения со стороны большевизма, боязнь оказаться в “клетке с крысами”». Впрочем, более показательным, пожалуй, не приведенное в статьях Николая Сергеевича рассуждение Э. Нольте о революционном (антикапиталистическом) и гуманистическом содержании марксизма, что, по его мнению, «возбудило ту ярость страха и ненависти, без которых фашизм не мог бы подняться». Автор убежден, что, стремясь уничтожить своего противника, фашизм построил «радикально противоположную и все же сходную идеологию» [8].

Николай Сергеевич довольно основательно проанализировал в своих лекциях идейные основы германского фашизма, сосредоточив внимание на идеях расизма, шовинизма, антисемитизма, реваншизма, милитаризма, геополитики, но он не считал необходимым уделить внимание именно этому моменту — идее антикапитализма и социализма в контексте идеологии национал-социализма. Как уже отмечалось, он намеренно избегал употребления термина «национал-социалистическая», акцентируя внимание лишь на демагогическом использовании нацистами социалистической фразеологии.

Между тем, как явствует из его лекций, в период зарождения и становления нацистского движения, явно антикапиталистическая, а порой, и социалистическая настроенность ряда его участников имела место,

хотя сам Гитлер был настроен крайне антисоциалистически, намеревался стать «сокрушителем марксизма», о чем писал Николай Сергеевич в лекции об опасности фашизма сегодня. Были ли социалистами «левые» в NSDAP, в частности Г. Штрассер, говоря в 1925 г. о том, что в успешном развитии национал-социализма исключительная роль принадлежит «великой антикапиталистической страсти, охватившей весь наш народ, которую осознанно или неосознанно поддерживали 95% немцев»? [9]. Из лекций же видно, что некоторые практические шаги нацистов в сфере экономики носили, по крайней мере, демократический характер. Среди альтернатив 1919—1923 гг., по убеждению Николая Сергеевича, существовала альтернатива последовательно демократических преобразований. Была и альтернатива социалистической революции, хотя шансов на реализацию ее было мало. Из сказанного может следовать лишь тот вывод, что не только ущемленное национальное самосознание или некое умопомрачение привело многих немцев в ряды нацистов или их сторонников, но, очевидно, и надежды на иной путь развития.

Однако все это не дает нам оснований сомневаться в выводе Н.С. Черкасова об *отсутствии* в фашизме «левого», если понимать под этим «социалистического», содержания. В статье о «левых» национал-социалистах Николай Сергеевич подчеркивает мысль Э. Нольте, что даже в 1939 г. ничто не могло помешать Гитлеру экспроприировать промышленников, если бы они оказали ему сопротивление. То есть для Н. Черкасова очевидна антисоциалистическая направленность национал-социализма, но он допускает присутствие в рядах этого движения искренних противников тоталитарного диктаторского режима. В этой связи становится вполне оправданным использование им по отношению к фашизму выражения А. Галкина — «превентивная контрреволюция, маскируемая под революцию» [10], осуществляемая из желания направить энергию революционных масс в безопасное для монополистического капитала русло. Но тогда неизбежен вопрос о возможности сопротивления.

Наверное, не позволит немецкий народ сыграть столь злую шутку с собой, не последовало бы ужасов Второй мировой войны. Но как в условиях тотальной слежки и доносительства, жесточайшего террора и крайних форм насилия в отношении как внешних, так и внутренних оппозиционеров организовать сопротивление... И все-таки сопротивление

фашизму было. В отличие от Э. Нольте, назвавшего период 20–40-х гг. «эпохой фашизма», Н.С. Черкасов называет его эпохой антифашистской борьбы. На основе глубокого анализа историографии движения Сопротивления он блестяще показал роль различных патриотических групп немецкого движения Сопротивления, увидел в их мужественной борьбе не только высокие нравственные мотивы, но и социально-политические. Для него особенно значимыми виделись классовые мотивы в антифашистской борьбе, которыми руководствовался рабочий класс, имея главной целью устранение господства того класса, который сделал возможным установление власти национал-социалистов со всеми их кровавыми злодеяниями. Н.С. Черкасов указывает на важную роль в организации действительно антифашистского движения Сопротивления немецких коммунистов. В то же время он обращает внимание на ошибки руководства Коминтерна и лидеров КПГ, воспрепятствовавшие своевременному созданию широкого антифашистского фронта и повлекшие значительные жертвы. Он, пишет А.И. Борозняк, «едва ли не единственным из тогдашних ученых вел прямую полемику с «односторонними оценками» немецкого Сопротивления, «встречающимися в ряде работ историков Советского Союза и ГДР» [11].

Николай Сергеевич использует любую возможность вживую пообщаться с немецкими коллегами, да и с советскими германистами тоже. Он участвует в научных конференциях историков-германистов в Москве, Киеве, Тбилиси, Таллине, Волгограде, Екатеринбурге, в международных научных форумах в Берлине и Ростове («Балтийская неделя»). Всюду завязываются контакты, в том числе и с авторитетными представителями различных течений германской историографии, появляются новые друзья, новые идеи, новые проекты. Неотъемлемым достоинством его натуры было умение вести научный диалог, отстаивая свои взгляды, но одновременно уважая и воззрения оппонентов. Это отмечали, в частности, его соратники по творческому цеху профессора Б.Г. Могильницкий и А.И. Борозняк [12]. Мне же хочется добавить в подтверждение их слов, с каким почтением, даже с пиететом писал Николай Сергеевич, например, об Эрнсте Нольте как о личности, взгляды которого нередко расходились с его собственными.

Занимаясь интенсивной научной деятельностью, Николай Сергеевич обнаружил удивительный талант организатора-координатора и руководителя коллективного творческого процесса, или, как назвал бы

его К. Маркс, процесса ассоциированного творчества. Это обнаружилось и в работе по коллективному (редакционная коллегия) редактированию десяти вышедших при нем выпусков томского сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» и другого сборника «История международного молодежного движения». И в многочисленных, как бы сегодня сказали, инновационных проектах. Так, по словам С.В. Вольфсона, многолетнего соратника Николая Сергеевича, а часто — вдохновителя, неистощимого генератора оригинальных идей, «то, что в Томске возник центр по изучению международного опыта молодежной политики, во многом — заслуга Н.С. Черкасова, его эрудиции, его упорства. Он, естественно, стал руководителем диссертационных работ, в которых исследовалась молодежная политика социал-демократов и христианских демократов Германии, социалистов Франции» [13]. Ряд статей он написал в соавторстве со своими учениками, причем это не было принятием дани благодарного ученика, что нередко случается. Николай Сергеевич с присущей ему принципиальностью и честностью никогда не позволил бы поставить свое имя под статьей, к которой не приложил максимум усилий.

Одержимый страстью к знаниям, Николай Сергеевич делал все возможное для того, чтобы облегчить доступ к ним как можно более широкого круга людей. В этом контексте нельзя не упомянуть о его вкладе в пополнение книжного фонда Научной библиотеки Томского университета. «Дело в том, — пишет С.В. Вольфсон, — что в советское время большая часть иностранной литературы по истории, экономике, международным отношениям, искусству поступала в отделы специального хранения московских библиотек: “Ленинки”, Фундаментальной библиотеки общественных наук (ныне ИНИОН), Библиотеки иностранной литературы. Если в «спецхран» поступало 2—3 книги, то 1—2 экземпляра библиотекари вынуждены были уничтожать. Так родилась идея просить, чтобы эти книги были переданы в «спецхран» Научной библиотеки ТГУ. И сотни очень нужных ученым книг стали поступать в Томск. Именно к Черкасову обратился тогдашний ректор ТГУ профессор А.П. Бычков, узнавший, что в подвалах Академии МВД (в Москве) лежат сотни так называемых “трофейных” книг из германских библиотек и что им угрожает гибель. Николай поехал в Москву и добился того, что эти книги были доставлены в Томск». По воспоминаниям С.В. Вольфсона, оказывается, и возникновение филиала Института Гёте в Научной библиотеке ТГУ также было связано с усилиями Н.С. Черкасова.

Но самое значимое его деяние – то, чем он дорожил более всего, – это, конечно, становление Сибирской германистики, возникшей на основе Томской историографической школы, основателем которой был его выдающийся учитель А.И. Данилов. И за этим последовала цепочка новых свершений.

Открытие в Томском государственном университете специальности «международные отношения», по словам С.В. Вольфсона, бессменного руководителя этого отделения истфака, «стало возможным потому, что был Н.С. Черкасов, были его талантливые ученики, существовало такое направление, как «германистика».

Позже, уже в 1999 г., по инициативе учеников Николая Сергеевича осуществилась его еще более грандиозная мечта – было создано объединение сибирских германистов – Западносибирский Центр германских исследований, во главе с его пятым по счету (из 13) аспирантом, ставшим вскоре профессором Кемеровского государственного университета – Ю.В. Галактионовым. К огромному сожалению, совсем недавно, уже во время работы над этой книгой, издание которой он рассматривал как свой великий долг перед учителем, Юрия Владимировича Галактионова не стало. Мы сохраним в нашей памяти бесконечную благодарность ему и его близким за помощь в подготовке данной книги, за претворение дерзновенных проектов Николая Сергеевича в действительность.

Особого внимания заслуживает педагогическая деятельность Николая Сергеевича на историческом факультете, к которой он приступил по-настоящему по окончании работы над диссертацией. (Непродолжительное время он работал на факультете перед изгнанием.) Его лекции по новейшей истории стран Европы и Америки, а также спецкурс по германскому фашизму были глубоко содержательными и необычайно увлекательными. «В них, – писали Б.Г. Могильницкий и А.И. Борозняк, – четко отразилась способность ученого видеть глубинную сущность, неожиданные ракурсы исторического процесса» [14].

Мне и самой пришлось слушать его лекции и работать в его семинарах. Их всегда отличал завидный симфонизм: лекция читалась и слушалась на одном дыхании, а семинар часто проходил в форме дискуссии, где каждому было что сказать и каждому хотелось услышать, что скажут другие. Стыдно было прийти неподготовленным, хотя внутреннее ощущение недостаточной подготовки испытывалось всегда. И пом-

нится состояние этакого катарсиса по окончании семинара, когда, кажется, всех любишь и всеми любим.

«Один из лучших преподавателей истфака, — так писала о Николае Сергеевиче Черкасове университетская газета «За советскую науку» 11 марта 1976 г. — Историк огромной эрудиции, страстной научной увлеченности, владеющий немецким и английским языками, он в любой момент может дать исчерпывающую информацию по любому вопросу, обсуждающемуся сегодня в зарубежной прессе, и каждая встреча с ним не только приятна как встреча с хорошим человеком, но духовно обогащает. “Ни разу нам не удалось задать ему вопрос, на который он не ответил бы со знанием дела и по существу” — из разговора с аспирантами. ...Он из тех людей, чья щедрость прямо пропорциональна богатствам души» [15].

Ему доверили наиболее объемные и сложные курсы. «Работая над спецкурсом “Германский фашизм”, — пишет Б.Г. Могильницкий в некрологе о Николае Сергеевиче Черкасове, — он сумел превратить его (при всей достаточной разработанности этой темы в отечественной литературе) в оригинальное исследование, опирающееся на новейшие концептуальные разработки в этой области». Можно соглашаться или нет с мнением глубокоуважаемого ученого о «достаточной разработанности» темы, но совершенно бесспорно то, что «высокая требовательность Н.С. Черкасова к себе затруднила публикацию этого труда при его жизни» [16].

Рукописи его лекций изобилуют вставками, уточнениями, ссылками на его же конспекты новейших публикаций. И все это сделано настолько скрупулезно, что не составляло особого труда отыскать нужное место, поскольку все тетради четко пронумерованы и на внутренней части обложки зафиксировано содержание всей тетради с указанием страниц, на которых расположены та или иная статья или фрагмент книги. Возможно, не спешил он с публикацией еще и потому, что это, несомненно, требовало много времени, что ограничило бы его возможность живого общения со студентами. А вот оно-то было для Николая Сергеевича превыше всего. Они знали это и потому без смущения настигали его в профессорском читальном зале и в общепитовской столовой и массово ходили домой к нему, чтобы поработать с картотекой или посоветоваться о личном. Студенты любили Николая Сергеевича. Все.

Одна из них, Нина Бондаревич, выразила свое расположение в шуточной «колыбельной сыну»:

*Ох, Черкасов, счастье наше!
Если б Вы не были,
То диплом – и это
Точно –
Мы б не защитили.*

Он был замечательным человеком! Так думают не только студенты Николая Сергеевича, аспиранты, его коллеги по истфаку, но и все те из томичей, чья судьба каким-то краешком соприкоснулась с судьбой Черкасова. «К нему тянулись люди, – говорит С.В. Вольфсон, – не все с ним соглашались, многие спорили. Но я не помню случая, чтобы он когда-либо на кого-то повысил голос, кого-то оскорбил или обидел».¹ Добавлю от себя, он никогда не пользовался «непечатной лексикой». По словам С.В. Вольфсона, он был нужен очень многим людям и умел оказаться в нужное время в нужном месте.

Трудно представить, как необъятен был круг людей, вовлеченных в сферу тех или иных взаимодействий с Николаем Сергеевичем. По линии высшего политического образования в вечернем университете марксизма-ленинизма непосредственно в Томске его слушателями были рабочие, инженерно-технические работники, преподаватели вузов (специально для них существовал межвузовский филиал университета марксизма-ленинизма), военные Томского гарнизона, слушатели Томского высшего военного командного училища связи и специалисты закрытого города Северска. По линии общества «Знание» он был одним из активнейших пропагандистов научных знаний. Н.С. Черкасов, по словам бывшего руководителя областной организации общества «Знание» Г.М. Залесова, «обладал большой эрудицией и мощной информацией. Семинары с его участием были для лекторов областного и районного звена большой школой» [17].

С.В. Вольфсон, в тандеме с которым Николай Сергеевич выступал неоднократно, рассказывал о содержательной стороне их пропагандистской деятельности: «Мое мнение, позиция часто (но не всегда) совпадали с официальной. Позиция Николая Черкасова могла совпадать и зачастую не совпадать с официальной, и он ее не скрывал. Мы начинали спорить. Слушателей, ожидавших «единодушия» ученых в оценке «генеральной линии...», это немало удивляло, но, по мере разгорания дискуссии, и они включались в нее. Не всегда соглашались и безоговорочно принимали позицию компетентной стороны. Но никто не сомне-

вался в том, что Н. Черкасов был убежден в том, о чем говорил. Во время перестройки, когда многие наши слушатели стали открыто выражать сомнения в официальной информации, убежденность Н.С. Черкасова производила сильное впечатление и вызывала уважение со стороны даже идеологических оппонентов его.

Евгений Михайлович Дун, хорошо знавший обоих и беспрестанно поражавшийся их кипучей общественной активностью, написал: «Особенную известность, более того — популярность, он приобрел в городе как исключительно квалифицированный лектор-международник. На его лекции охотно ходили заводские рабочие, сотрудники конструкторских бюро, научно-исследовательских лабораторий, доярки и скотники совхозных ферм, студенты вузов и учащиеся профтехучилищ и сельских школ, потому что он умел говорить со всеми на доступном языке. Он читал огромное количество лекций (до 400 в год. — Н.Х.) и, как я глубоко убежден, делал это в первую очередь потому, что считал политическое просвещение общественно очень важным и нужным делом». Он действительно считал так, потому что знал, что политическое бескультурье, аполитичность, отказ от политической активности чреваты вмешательством политической реакции в жизнь каждого человека, и тогда миллионы людей могут оказаться вынуждены оторваться от «собирания марок» и «игры в кегли в кругу семьи» и превратиться в пушечное мясо.

«Он всегда был в самой гуще общественной жизни и, казалось, просто не мог без этого жить, — вспоминает Е.М. Дун. — Это не была показная активность карьериста, в глубине души совершенно равнодушного ко всему. Это была активность человека, видевшего в общественной деятельности свой гражданский долг и жившего по принципу: *кто, если не я!* Какую бы общественную работу он ни выполнял — комсорга группы, члена бюро ВЛКСМ факультета или университета, председателя спортклуба (было и это), заместителя начальника первого отряда целинников, выезжавшего в Казахстан, он всегда выполнял все очень добросовестно и основательно, и, пожалуй, даже с гипертрофированным чувством ответственности».

Вот это повышенное чувство и, несомненно, осознание личной ответственности или, в терминологии М. Бахтина, «мое не-алиби-в-бытии» определили позицию Николая Сергеевича в начавшейся в стране перестройке.

Университетская газета «За советскую науку» 12 мая 1989 г. опубликовала материалы «круглого стола», имевшего место в ее редакции

под названием «1956: год несостоявшихся надежд». Участники «круглого стола» Н.С. Черкасов, Н.Н. Киселев, профессор филологического факультета, и В.Г. Фаст, доцент механико-математического факультета, — тогда еще живые участники названных Е.М. Дуном событий в Томске 50-х гг. В свободном диалоге (или полилоге) просматривается и такая замечательная черта личности Николая Сергеевича (свойственная, впрочем, и его собеседникам), *как открытость переменам*. С каким энтузиазмом, как и тогда, в период «хрущевской оттепели», они уже в почтенном возрасте восприняли заявленную М.С. Горбачевым перестройку. Николай Никитич Киселев с недоумением и горечью сетовал, что прежде «идея перемен захватила именно молодых, а «старая гвардия» относилась к ним как-то непонятно, настороженно. В эпоху же перестройки, наоборот ...глубокого осознания, желая участвовать в современном процессе у многих студентов просто незаметно». Впрочем, как показали последующие события, слишком поспешные и решительные, но не в меру обдуманые действия зрелой вузовской интеллигенции в русле радикальной переоценки ценностей и легкого расставания с прошлым сыграли роковую роль как в судьбах отдельных ее представителей, так и в судьбе России в целом. В своих надеждах и ожиданиях жестоко обманулись многие.

Завершая беседу в редакции упомянутой газеты, Николай Сергеевич тогда подчеркнул, что «в упрочении гласности, процесса перестройки важное значение имеет активное, *сознательное* участие масс. И в первую очередь молодежи» [18]. Потому так рьяно, так неистово и так неэкономно он тратил свой интеллектуальный, да и физический потенциал, что непременно должен был донести до масс свое понимание *смысла* перестройки и гласности, свое видение того веера альтернативных возможностей, который раскрылся перед советским народом на исходе XX в. Его следовало глубоко проанализировать с тем, чтобы избрать оптимальную, чтобы избежать тупиковых ситуаций или полного исторического краха — Российской катастрофы (по аналогии с «немецкой катастрофой», как ее обозначил в своем исследовании Ф. Мейнеке). Ему ли не знать, чем грозит ошибочный выбор народом пути своего развития? Он был полон надежд — не иллюзий (!), хотя и опасений — тоже.

Трудно сказать, предполагал ли он необходимым осуществить «социал-демократизацию» КПСС или считал целесообразным реформировать партию, избавив ее в первую очередь от грубейших ошибок сек-

танства и ультрареволюционности, но появление в 1990 г. его пособия по линии Дома политического просвещения «Коммунисты и социал-демократическое движение» (в помощь идеологическому активу и с пометкой «Материал носит дискуссионный характер») свидетельствовало о его глубоком раздумьи о путях и способах формирования единого фронта действий всех прогрессивных сил, о создании основ нового *мирового* (не только российского) *порядка* в деле спасения культуры от коррозии ценностей, от разложения и бездуховности. В этом материале он настойчиво проводит параллели с ситуацией в мире в 20–30-х гг. и подчеркивает: «В наше время неприемлема широко распространенная тогда в коммунистическом движении формула “Кто не с нами, тот против нас”». По его глубокому убеждению, сегодня лозунгом коммунистов должна стать другая формула: «*Кто не против нас, тот с нами*» [19]. Он считал принципиально важным изменение отношения партии на всех уровнях *к человеку*: «Коммунисты, — писал он, — из опыта социал-демократии могут взять работу с человеком, с индивидуальностью, с личностью» [20]. В этой связи чрезвычайно ценным, по его мнению, является и опыт социал-демократии Запада в осуществлении комплекса мер по социальной защите человека. И хотя имеющаяся в нашей литературе критика политики социал-демократов в области социальной политики имеет основания, все же следует вступать в диалог с ними по вопросам о том, «как добиться социальной справедливости, не подавляя свободы и активности человека, с одной стороны, и не ведя к уравниловке — с другой. К этой теме социал-демократы обращаются постоянно, давая далеко не однозначные ответы» [21].

Поддерживавший постоянную связь со своими московскими соратниками по партии Николай Сергеевич, очевидно, имел основание сказать здесь, что у нас началась разработка нашей концепции *демократического социализма* и попытаться обозначить отличия нашей от концепции демократического социализма западной социал-демократии. «Мы не можем, — пишет он, — принять характерное для социал-демократической концепции отрицание деления общества на классы, обоснование социализма преимущественно соображениями этики, а не закономерностями общественного развития» [22]. Для коммунистов неприемлемы, с его точки зрения, идеализация социал-демократией капиталистических порядков, преувеличение возможности их безболезненной трансформации в социалистическом направлении и отрицание роли насильственных факторов. Категорически невозможно,

заявляет он, согласиться и с присущим социал-демократии огульным антикоммунизмом, потому что именно на нем выросли прежде зерна фашизма. Но мы не должны уподобляться тем из функционеров Коминтерна в 20-е гг., которые действовали в соответствии с ложным тезисом о «социал-фашизме», в соответствии с которым формировали отношение коммунистов к социал-демократам как к фашистской партии, что нанесло колоссальный ущерб международному коммунистическому движению. «Особенно тяжелыми были последствия ошибочных установок Коминтерна в Германии, — напоминает Николай Сергеевич. — Не будь разобщенности между коммунистами и социал-демократами, существовай в соответствии с ленинскими установками единый рабочий фронт в этой стране, вряд ли гитлеровцы смогли бы прийти к власти» [23].

До конца дней своих Николай Сергеевич оставался убежденным коммунистом и делал все, что было в его силах для очищения коммунистической партии от ошибок, предупреждения ее неверных шагов, предотвращения ее развала, потому что за ним, если таковой все-таки произойдет, неминуем и развал страны. И худшие из его опасений не заставили себя долго ждать. События развивались с молниеносной быстротой. Счет шел по дням, не по годам или столетиям.

Таинственный путч как гром среди ясного неба, затем — не то цветная революция, не то государственный переворот откуда не ждали, ваучеризация, либерализация, приватизация, финансовая реформация с абсолютным обесцениванием вкладов россиян, подписание приговора Союзу Советских Социалистических Республик в Беловежской Пуще вопреки выраженной на референдуме воле народа и незабываемые дни, ставшие долгой черной ночью 3—4 октября 1993 г., когда на глазах у всего мира расстреляли первую в истории человечества подлинно демократическую (*народную*) *Власть Советов*.

Потребовалось немногим больше десяти дней для того, чтобы разобраться, понять, подобрать слова, дабы суметь растолковать другим смысл происходящего. 16 октября 1993 г. Николай Сергеевич выступил перед своими единомышленниками — членами Социалистической партии трудящихся.

Преданный принципам социальной справедливости, равенства и гуманизма, он, сознавая, что «КПСС в последние годы была нежизнеспособна, она обанкротилась... лидер предал ее» и что «наиболее перспективны сегодня — партии левосоциалистической ориентации»

[24], объединил их (единомышленников) в условиях гонения на коммунистов в региональную организацию Социалистической партии трудящихся. Он был председателем ее Томского отделения и членом федерального Совета СПТ. Это действие он рассматривал как шаг на пути к созданию «совершенно другой партии — не партии верхушки, где все подменялось распоряжением одного человека — генсека, а партии масс», в конечном счете — «воссоздание компартии во имя спасения отечества» [24]. Ко времени этого интервью в стране насчитывалось уже более десяти партий, возникших на базе КПСС, это не могло не беспокоить его, всегда ратовавшего за единение. Но в этом многообразии он видел «больше позиций, которые объединяют, чем разъединяют». «Главное — ...социалистический выбор, — говорил он Татьяне Винарской. — Поэтому мы вместе воссоздаем российскую компартию, хотя понимаем, что полного единогласия не будет, да и нужно ли оно? Без внутренней борьбы партия мертва» [24].

Итак, 16 октября Николай Сергеевич выступил с докладом, в котором охарактеризовал смысл произошедших за последнее время событий. «Произошел перелом, — заявил он, — в сторону утверждения авторитарного, во многих отношениях уже диктаторского типа власти, в перспективе имеющего тенденцию перерасти в тоталитарный (фашистский) режим. Цель его — утверждение всеми возможными путями и средствами капиталистического общества, ликвидация народной, советской власти, подавление сопротивления левых демократических сил» [25]. Он слишком хорошо знал, что такое тоталитарный режим, террористическая диктатура, и слишком лично сознавал ответственность за происходящее и его последствия. Это было его последнее публичное выступление.

Время спрессовалось. Надо было успеть закончить часть монографии, в которой он пытался осуществить типологию тоталитаризма и провести сравнительный анализ тоталитарных систем гитлеризма и сталинизма. Всего более его беспокоила проблема предотвращения нового тоталитаризма в России. К огромному сожалению, нам никогда не удастся узнать, что думал он воскресным днем в «научке», что не успел сказать близким. Не сможем и прочесть написанное им в те дни, потому что утро, в которое он должен был отправить поездом папку с разделом монографии своему соавтору в Екатеринбург, для Николая Сергеевича не наступило, а сама папка с бумагами таинственно исчезла.

Не удастся узнать и тайну остановившегося сердца...

*Не успела сказать
Вам слова благодарности.
Коротка наша жизнь, коротка.
Только смерть ни при чем.
В смерче общей базарности
Ваша жизнь, Вы – живой – навсегда.
Постоянная в ней неустроенность,
Неприятие личных измен
И понятие «успокоенность»
Сердце Ваше вели на расстрел.
«Жалко» – слово не то.
Вам оно б не понравилось.
Боль ушла. Но остались взамен
Ваше «р», Ваша вера в неверящих,
Ваше вечное: «Нет проблем!»*

(Нина Бондаревич. Время лечит... Томск, 1999)

Проблемы, разумеется, есть, и немалые, но есть и те, в кого он верил, кто унаследовал черкасовский дух, кто воспринял его жизненный порыв, его идеалы и принципы и кто не пожалеет сил в борьбе за торжество подлинной человечности, за свободу каждого, как неперемное условие свободы всех.

---

1. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 546.

2. Цивьян Я.Л. Специальность – хирург. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1985. С. 13–14.

3. Евгений Михайлович Дун любезно предоставил свои неопубликованные воспоминания в распоряжение составителя сборника избранных трудов Н.С. Черкасова, за что я приношу ему свою глубочайшую благодарность (Н.Х.).

4. Винарская Т. Сын «врага народа» – не антикоммунист? Парадоксально, но факт // Томский Вестник. 1993. 28 января. С. 4.

5. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. М.: Мысль, 1978. С. 154.

6. Цит. по: Желев Желю. Фашизм. Тоталитарное государство: Пер. с болгарского. М.: Новости, 1991. С. 36.

7. Цит. по: Черкасов Н.С. Новый вариант старой теории (к концепции «тоталитаризма» К.Д. Брахера) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып. 14.

8. Нольте Э. Фашизм в его эпохе: Пер. с нем. М., 2001. С. 447.

9. Цит по: *Schüddekopf O.-E.* Linke Leute von rechts. Stuttgart, 1960. S. 317.

10. *Галкин А.А.* Социология неофашизма. М.: Наука, 1971. С. 68.
11. *Борозняк А.И.* Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург: Изд-во Ур.ГУ, 2004. С. 299.
12. *Могильницкий Б.Г., Борозняк А.И.* Памяти Николая Сергеевича Черкасова // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 253.
13. Составитель сборника искренне признателен за предоставленную уважаемым Савелием Вольфовичем Вольфсоном рукопись воспоминаний о Н.С. Черкасове.
14. *Могильницкий Б.Г., Борозняк А.И.* Памяти Николая Сергеевича Черкасова // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 253.
15. *За советскую науку.* 1976. 11 марта.
16. *Могильницкий Б.Г.* Н.С. Черкасов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1994. Вып. 21. С. 221.
17. *Залесов Г.М.* Пропаганда научных знаний в Томской области // Томск Советский / Под ред. *Н.А. Хлыстовой.* Томск, 2003. С. 212.
18. *1956: год несостоявшихся надежд* // За советскую науку. 1989. 12 мая.
19. *Черкасов Н.С.* Коммунисты и социал-демократическое движение: В помощь идеологическому активу. Томск, 1990. С. 26.
20. Там же. С. 26–27.
21. Там же. С. 29.
22. Там же. С. 31.
23. Там же. С. 14.
24. См.: *Винарская Т.* Указ. соч. С. 4.
25. Фрагмент рукописи этого выступления Николая Сергеевича приведен в данной книге.

Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель Н.С. Черкасов

1. *Корнева Л.Н.* Проблема сущности германского фашизма и взаимоотношений монополистического капитала с национал-социалистической партией в 1919–1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ. Томск, 1974.
2. *Идаятов В.А.* Политика правящих кругов Франции в отношении высшей школы в 1968–1976 гг. Киев, 1979.
3. *Супрыгина Г.Г.* Политика социал-демократической партии Германии по отношению к молодежи (1966–1976 гг.). Томск, 1979.
4. *Галактионов Ю.В.* Критический анализ идеологии и пропаганды германского фашизма в документах и материалах Коминтерна, советской историографии, историографии ГДР. Томск, 1980.
5. *Микушов В.* Основные направления деятельности профсоюзной молодежи в объединении немецких профсоюзов (1966–1982 гг.). Томск, 1985.
6. *Бяликова Т.А.* Политика СДПГ–СвДП и внутриполитическая борьба в ФРГ в связи с реформой высшей школы (1969–1982 гг.). Томск, 1986.

7. *Зубачевский В.А.* Политика Германии в отношении Польши в связи с проблемой Данцига (Гданьска) и «Польского коридора» (1918–1983 гг.). Томск, 1986.

8. *Ющенко О.И.* Политика партий ХДС/ХСС Федеративной республики Германии по отношению к молодежи (1969–1982 гг.). Томск, 1986.

9. *Маковский Ю.В.* Влияние национализма и милитаризма в буржуазном молодежном движении Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.). Томск, 1988.

10. *Бетмакаев А.М.* Политика Германии в отношении США в 1933–1936 гг. Томск, 1992.

11. *Овчаров Г.А.* Внутриполитическая борьба в ФРГ по вопросам «Восточной политики» (1963–1969). Томск, 1993.

Диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель Н.С. Черкасов

1. *Котликова Л.В.* Классовая сущность эволюции идеологических установок СДПГ. Томск, 1982.

Научный консультант Н.С. Черкасов

1. *Хлыстова Н.А.* Критика немецкой геополитики как средства формирования фашистской и реваншистской идеологии. Томск, 1976.

Научные труды Н.С. Черкасова

1964

1. *Ученые ГДР о тенденциях развития буржуазной историко-политической мысли в Западной Германии // Вопросы истории.* 1964. № 12.

1965

2. *Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1965. Вып. 3.

3. *«Кружок Крайзау» в исторической литературе // Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1965. Вып. 3.

4. *Лоцек Г. и Зирбе Х.: Историография, противоречащая истории // Новая и новейшая история.* 1965. № 5. (Рецензия).

1967

5. *К характеристике современного состояния западногерманской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1967. Вып. 4.

6. *Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 г. в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1967. Вып. 5.

1968

7. *Исследования* по историографии всеобщей истории в Томском госуниверситете // Тезисы докладов межвузовской конференции по историографии Сибири. Кемерово, 1968.

1971

8. *Некоторые* вопросы молодежного движения в ФРГ // Тезисы докладов межвузовской конференции «Актуальные проблемы современного молодежного движения». М., 1971.

9. *Србик Генрих* // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971.

1972

10. *Формирование* марксистского течения в современном студенческом движении ФРГ // XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. М., 1972.

1974

11. *Конференция* по вопросам методологии и историографии // Новая и новейшая история. 1974. № 4.

1975

12. *Рабочая* молодежь ФРГ. Положение и борьба // Вопросы истории международного молодежного движения. Томск, 1975. Вып. 4. (В соавт. с Г.Г. Супрыгиной.)

1976

13. *О некоторых* тенденциях развития современной буржуазной историографии ФРГ // Средние века. М., 1976. Вып. 40. (В соавт. с Б.Г. Могильницким.)

14. Шрейнер А. // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16.

15. *Штауффенберг Клаус Шенк фон* // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16.

16. «Левые» национал-социалисты в исторической литературе // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976. Вып. 11.

17. *К характеристике* современного состояния молодежного движения ФРГ // Вопросы истории международного молодежного движения. Томск, 1976. Вып. 5. (В соавт. с Г.Г. Супрыгиной.)

1977

18. *Проблемы* единства действий и сотрудничества в международном молодежном движении. М., 1977. (Гл. 3, § 2 — в соавт. с М.В. Каргаловой и В.А. Идаатовым.)

19. *К историографии* немецкой геополитики // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1977. Вып. 12. (В соавт. с Н.А. Хлыстовой.)

20. *К оценке* «Молодых социалистов в СДПГ» в советской и зарубежной литературе // Актуальные вопросы историографии международного молодежного движения. М., 1977. (В соавт. с Г.Г. Супрыгиной и В.М. Калужным.)

1979

21. *Региональная конференция по методологии истории, историографии и источниковедению* // Вопросы истории. 1979. № 5.

22. *Neue Variante der alten Theorie* // Bulletin des Arbeitskreises «Der zweite Weltkrieg». Berlin, 1979. Hf. 1–4.

1980

23. *Новый вариант старой теории (к концепции «тоталитаризма» К.Д. Брахе-ра)* // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып. 14.

1981

24. *Научные исследования в области германистики в Сибири* // Ежегодник Германской истории, 1979. М., 1981.

25. *К оценке «молодых социалистов в СДПГ» в западногерманской литературе* // Вопросы истории международного молодежного движения. Томск, 1981. Вып. 6. (В соавт. с Г.Г. Супрыгиной.)

1982

26. *Вопросы историографии социалистических стран на страницах журнала историков ФРГ «Historische Zeitschrift»* // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982. Вып. 15.

27. *Научная конференция по вопросам историографии в Томске* // Вопросы истории. 1982. № 10.

1983

28. *Дискуссии о современной эпохе. Основные проблемы в свете критики буржуазной историографии* // Вопросы истории. 1983. № 12. (В соавт. с А.И. Борзняком.)

1984

29. *К характеристике современной западногерманской историографии фашизма* // Вопросы методологии, историографии и источниковедения. Томск, 1984.

1985

30. *Научная конференция по методологии истории, историографии и источниковедению* // Вопросы истории. 1985. № 12.

1987

31. *О роли концепции «тоталитаризма» в современной буржуазной историографии* // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987.

32. *Об изучении новейшей истории в вузах* // Новая и новейшая история. 1987. № 4. (В соавт. с С.С. Григорцевичем.)

33. *Политика правящих кругов развитых капиталистических стран в отношении молодежи*. Томск, 1987. (Соавторство.)

1988

34. *Рейнгард Опиз* // Вопросы истории. 1988. № 10. (В соавт. с А.И. Борзняком.)

35. Марксистская историография германского фашизма: Учебное пособие. Кемерово, 1988. (В соавт. с Ю.В. Галактионовым и Л.Н. Корневой.)

1990

36. *ФРГ*: молодежное движение и молодежная политика. Томск, 1990. (Соавторство.)

37. «Спор историков» в ФРГ // Вопросы историографии германской истории. Днепропетровск, 1990.

38. *ФРГ*: «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

39. *Альтернативы* 1918 года // Альтернативы германской истории. Челябинск, 1990.

1991

40. «Спор историков» в ФРГ и тезис о «превентивной войне Гитлера против СССР // Начало Великой Отечественной войны и новое политическое мышление. Свердловск, 1991.

1992

41. *Движение* Сопротивления в Германии: планы послевоенного устройства страны и проблема предотвращения нового тоталитаризма // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Екатеринбург, 1992.

1993

42. *Биск И.Я.* История повседневной жизни в Веймарской республике // Вопросы истории. 1993. № 3. (Рецензия).

43. *Философия* истории Эрнста Нольте и ее критика // Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. Екатеринбург, 1993.

44. *Германия*: фашизм, неофашизм и молодежь. Томск, 1993. (Соавторство.)

Н.С.Черкасов – научный редактор

1. *Материалы* симпозиума «Положение и борьба трудящейся молодежи развитых капиталистических стран». Томск, 1972.

2. *Мозильницкий Б.Г., Гульбин Г.К., Николаева И.Ю.* Американская буржуазная «психоистория»: Критический очерк. Томск, 1985.

3. *ФРГ*: Молодежное движение и молодежная политика. Томск, 1990.

4. *Германия*: фашизм, неофашизм и молодежь. Томск, 1993.

Н.С. Черкасов – член редакционных коллегий сборников научных трудов

1. *Методологические* и историографические вопросы исторической науки. Вып. III–XX. Томск, 1973–1990.

2. *Вопросы* истории международного молодежного движения и всеобщей истории. Вып. II–IX. Томск, 1973–1987.

3. *Политика* правящих кругов развитых капиталистических стран в отношении молодежи (60–80-е гг.) Томск, 1987.

Послесловие ученицы, коллеги, друга

Лекции Николая Сергеевича Черкасова о германском фашизме были подготовлены им в конце 60 — начале 70-х гг. и дорабатывались в течение всей его работы в ТГУ вплоть до последних дней его жизни. В эти же годы были подготовлены и опубликованы его самые интересные статьи по немецкой историографии нацизма и антифашистского Сопротивления. Н.С. Черкасов постоянно следил за новыми изданиями, подготовленными учеными ФРГ, ГДР, СССР, анализировал их в статьях, в выступлениях на конференциях германистов в Москве, Вологде, Волгограде, Днепропетровске, Екатеринбурге, Тбилиси, Томске, Берлине.

Осудив сталинизм политически, в теоретическом плане советская историческая наука еще долго обращалась к некоторым его оценкам новейшей истории XX в. Это отразилось и на изучении германского фашизма, где при умеренной критике стратегии и тактики международного коммунистического движения 30-х гг. сохранялось определение фашизма, выработанное на XIII Пленуме ИККИ в 1933 г., а затем подтвержденное на VII Конгрессе Коминтерна в 1935 г.: «Фашизм у власти — это открытая, террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»*. Подвергнув критике сталинскую теорию «социал-фашизма», в соответствии с которой германская социал-демократия объявлялась главным пособником нацистов, советская историография при изучении ее теории и практики долгое время делала упор на исследовании ее слабых мест. Указывая на ошибки Коминтерна и КППГ, советские исследователи в то же время смягчали их негативное влияние на выработку отвечающей требованиям времени тактики коммунистов в борьбе с фашистской опасностью и пагубность отказа от защиты Веймарской республики**.

---

* VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сб. докл. М.: Политиздат, 1975. С. 119—120.

** Подробнее см.: Ю.В. Галактионов. Отечественная историография германского фашизма (20-е — первая половина 90-х гг.). Автореф. ... дис. докт. ист. наук; Он же. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945—90-х гг. // Учебное пособие. Кемерово: Кемеровский университет, 1999. Гл. I—II.

Николай Сергеевич, как и большинство из нас, в целом разделял такие оценки. Эти обстоятельства надо принимать во внимание, читая сегодня труды Н.С. Черкасова по фашизму и антифашистской борьбе. Они несут печать как достоинств, так и недостатков подходов, практикуемых советскими историками при анализе фашизма. Спецкурс Н.С. Черкасова по истории национал-социализма отмечен применением методологических принципов марксистско-ленинской трактовки эпохи империализма и одновременно незаурядной способностью к анализу источников и литературы.

Николай Сергеевич избрал для освещения в спецкурсе самые важные темы истории германского фашизма: его идеологические основы, процесс борьбы за власть, деятельность оппозиционных групп в составе национал-социалистического движения, специфику экономической политики нацистского режима, взаимоотношения НСДАП со своей массовой базой, в том числе со «штурмовыми отрядами» (СА), внешнюю политику нацизма. Большое внимание в спецкурсе им уделялось развитию западногерманской историографии нацизма и немецкого Сопротивления.

Лекции Николая Сергеевича Черкасова и сегодня читаются с неподдельным интересом. Передавая глубокие собственные размышления и оценки советских и зарубежных авторов, ему удалось сохранить впечатление живой речи и воссоздать запоминающиеся страницы истории национал-социалистического движения и гитлеровского режима, показать их значительное влияние на ход мировой истории XX в. Страстность автора в изложении событий захватывает читателя.

Трудно выделить какую-либо тему его лекций, которая и сегодня не вызывала бы живого отклика. Все они по-своему притягивают внимание думающего российского читателя, несмотря на большое количество литературы по этой проблематике, имеющейся в настоящее время в его распоряжении. В лекциях Н.С. Черкасову удалось воссоздать атмосферу острой, напряженной и драматической борьбы левых сил Веймарской республики против распространения влияния национал-социалистов и бессилие буржуазных кругов перед ними.

Н.С. Черкасов один из первых довольно подробно осветил содержание внутривнутрипартийной борьбы в НСДАП на пути ее движения к власти и деятельность так называемого «левого» крыла партии. Он подчеркивал, что истоки этой борьбы лежали как в сознательной демагогии беззащитных руководителей нацистов, так и в идеализме

многих сторонников партии, а также порождались противоречиями, существовавшими между «народной» социальной базой фашизма и его империалистической сущностью.

Не все лекции удались равномерно хорошо. Более рельефно автором показан процесс унификации общественной и политической жизни Германии после прихода нацистов к власти, становление гитлеровской диктатуры, острая борьба руководства НСДАП во главе с фюрером против внешних политических противников: партий «Веймарской системы», особенно — против коммунистов и социал-демократов, и внутри их рядов — против «заговора Рёма» в рядах СА. Удачны сюжеты, посвященные взаимоотношениям крупного капитала и нацистской партии в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, характеристике внешней политики нацистской Германии и немецкого Сопротивления. При анализе этих проблем Н.С. Черкасов продемонстрировал дифференцированный подход, ему удалось избежать прямолинейных и лапидарных суждений.

Социальной политике нацистов по отношению к населению Германии уделено гораздо меньше внимания, что было характерно для марксистской историографии нацизма в целом. Большинство советских авторов не ставило задачу выявления причин притягательности для значительной части немецкого населения нацистских идей и практики «народного сообщества», которые способствовали его консолидации и сплочению с гитлеровским режимом. Отчасти такая установка была обусловлена недоступностью широкого спектра работ по социальной политике национал-социалистов, уже имевшихся в то время в западногерманской историографии. При исследовании проблемы нацистских гонений народов было принято обходить молчанием тему геноцида еврейского народа. Не избежал этого в своих работах и Н.С. Черкасов, хотя антисемитские основы идеологии нацизма показаны в них исчерпывающе.

Основополагающей чертой Николая Сергеевича как ученого было стремление высказывать свою точку зрения на острые полемические проблемы исторической науки, в том числе — по истории фашизма. Именно поэтому одну из последних лекций он посвятил острой дискуссии рубежа 80 — начала 90-х гг. по вопросу заключения советско-германского пакта 1939 г., в которой обосновал свое видение этой проблемы.

Н.С. Черкасов проявлял большой интерес к развитию немецкой и особенно западногерманской историографии. Самые значительные

его статьи были посвящены как тенденциям ее развития, так и мировоззренческим взглядам ее видных представителей, таких как Эрнст Нольте, Карл Дитрих Брахер и др. Николай Сергеевич откликнулся полемической статьей на так называемый «спор историков ФРГ» середины 80-х гг., инициаторы которого с ревизионистских *апологетических* позиций пытались пересмотреть сложившиеся в западногерманской историографии *критические* оценки нацизма. Внимание Н.С. Черкасова всегда привлекали и проблемы становления и развития марксистской историографии национал-социализма. Его работы были отмечены стремлением проанализировать оценки немецких историков исторического места национал-социализма, представить атмосферу полемики, острых дискуссий, неоднозначных суждений в их рядах. Эта палитра достаточно хорошо представлена в его статьях.

Сложно говорить об эволюции взглядов Н.С. Черкасова на проблемы истории германского фашизма и его историографии. Ранняя смерть Николая Сергеевича не дала возможности с достаточной полнотой ответить на этот вопрос. Его оценки фашизма и немецкого Сопротивления, содержащиеся в этой книге, представляются вполне сложившимися, и годы перестройки мало повлияли на них. Так, следя за политическими и идеологическими переменами в постсоветской России и активно участвуя в них, Н.С. Черкасов не торопился в угоду политической конъюнктуры «поправить» свои исторические взгляды. В науке он всегда был открыт новым веяниям и, являясь марксистом, не был догматиком. Это, в частности, касается оценки классовой сущности нацизма Коминтерном. Он считал, что для ее преодоления «необходима дальнейшая разработка проблемы массового базиса фашизма, его ранней истории. Требуется более тщательное изучение сложных вопросов о степени воздействия нацистской идеологии на различные слои населения и степени противодействия ей, о роли вспомогательных организаций НСДАП, литературы и искусства в формировании и укреплении фашистской диктатуры и других проблем»*.

Именно по этому пути пошло дальнейшее развитие советской и российской историографии. Н.С. Черкасов был инициатором и редактором первого исследования молодежной политики германских фашистов и неофашистов, которое осуществили его ученицы — Т.А. Бяликова,

---

* Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С. Марксистская историография германского фашизма. С. 74.

Г.Г. Супрыгина, О.И. Ющенко*. Уже после его кончины в 90-е годы последовал лавинообразный поток работ (порой не всегда научно корректных) о массовых и террористических организациях фашистов, по социальной, гендерной, культурной политике, по проблемам «национального социализма» и «народного сообщества»**. До сегодняшнего дня сохраняют научную значимость выводы Н.С. Черкасова об империалистической основе фашизма, так же как отображение перипетий борьбы за власть и утверждение нацистской диктатуры в Германии.

Несмотря на обилие отечественной и переводной литературы по национал-социализму, к настоящему времени в российской историографии отсутствует комплексное, емкое учебное пособие по его истории — теме, до сегодняшнего дня вызывающей неподдельный интерес студентов и всех интересующихся историей XX в. В этом смысле публикация лекций и статей Николая Сергеевича представляется полезной как для широкого круга читателей, так и для исследователей.

Незаурядный научный и педагогический талант Николая Сергеевича Черкасова проявился в подготовке им исследователей и преподавателей, работающих в области новейшей истории Германии. Он был одним из руководителей научно-исследовательской группы всеобщей истории, действующей при лаборатории истории, археологии и этнографии ТГУ, в которой изучались проблемы истории Германии XX в. Под его руководством по этому периоду германской истории было защищено 9 кандидатских диссертаций. В процессе сотрудничества с молодыми людьми он прививал им уважение и любовь к Германии. Н.С. Черкасов, по существу, заложил основы западносибирской германистики, что позволяет говорить о создании его научной школы. Настоящее издание его трудов — дань памяти и уважения учителю со стороны его учеников.

Многие из учеников Н.С. Черкасова до настоящего времени уже в новых условиях продолжают изучать и преподавать историю Германии в вузах Западной Сибири. Одним из наиболее талантливых был доктор исторических наук, профессор Кемеровского госуниверситета Юрий Владимирович Галактионов, безвременно ушедший из жизни

---

* *Германия: фашизм, неофашизм и молодежь* / Отв. ред. Н.С. Черкасов. Томск, 1993.

** Только за 2000-е годы в России появилось более 80 работ по проблемам германского фашизма.

в ноябре 2005 г. Именно он должен был стать главным редактором настоящего издания, замысел которого Ю.В. Галактионов приветствовал и поддерживал. Вместе с немецким профессором из Бохумского университета Берндтом Бонвечем (ныне директором Германского исторического института в Москве) Юрий Владимирович явился организатором в 1999 г. «Западносибирского центра германских исследований».

На Первой международной конференции в г. Кемерово в сентябре 2000 г. с участием известных отечественных и немецких историков, посвященной 10-летию объединения Германии, памяти Николая Сергеевича Черкасова как основателя сибирской научной школы по новейшей истории Германии было посвящено специальное пленарное заседание. Члены Западносибирского центра германских исследований подготовили при финансовой поддержке германского фонда «Фольксваген» 3-томную «Историю Германии с древнейших времен до наших дней», вышедшую в свет в 2005 г.* Большинство авторов этого издания — преподаватели западносибирских вузов Томска, Барнаула, Кемерово — бывшие ученики и сослуживцы Н.С. Черкасова. Среди них — профессор доктор исторических наук Ю.В. Галактионов, профессор доктор исторических наук Б.Г. Могильницкий, профессор кандидат исторических наук А.Е. Глушков, доценты кандидаты наук А.М. Бетмакаев, Т.А. Бяликова, Л.Н. Корнева, Л.В. Моница, И.Ю. Николаева, Г.Г. Супрыгина, О.И. Ющенко. Это солидное издание, рекомендованное Министерством образования и науки РФ в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов, тоже является своеобразным памятником Н.С. Черкасову, ученому, стоявшему у истоков изучения в Сибири германской истории XX в.

Публикация избранных трудов Н.С. Черкасова поможет всем заинтересованным читателям познать не только историю германского фашизма, но и осознать важность борьбы с неофашистской опасностью сегодня.

Кандидат ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, заместитель председателя Западносибирского центра германских исследований *Лидия Николаевна Корнева*

---

* *История Германии: учебное пособие для студентов вузов. В 3 т. / Западносибирский центр германских исследований: под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005.*

Содержание

Предисловие	3
О фашистской опасности сегодня	7
Лекции о германском фашизме	18
Германия: альтернативы 1919—1923 гг.	18
Лекция 1. Исторические и идеологические корни германского фашизма	20
Лекция 2. Возникновение и развитие германского фашизма (1919—1923 гг.)	33
Лекция 3. Национал-социализм в Веймарской республике в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.)	56
Лекция 4. Германский фашизм в годы мирового экономического кризиса: нарастание фашистской опасности	70
Лекция 5. Установление фашистской диктатуры в Германии	98
Лекция 6. Утверждение фашистской диктатуры. Унификация общественной жизни	117
Лекция 7. Фашистский режим и монополии	133
Лекция 8. Нацистская партия и штурмовые отряды	142
Лекция 9. Внешняя политика фашизма в 1933—1939 гг. Зачем Гитлеру был нужен пакт со Сталиным?	151
Лекция 10. Основные направления историографии германского фашизма	160
Приложения к лекционному курсу	177
Приложение I. Сокращения, используемые в тексте лекций	177
Приложение II. Персоналии к лекционному курсу	179
Основные тенденции историографии германского фашизма	220
О некоторых тенденциях развития современной буржуазной историо- графии ФРГ	220
Философия истории в работах Э. Нольте	244
Новый вариант старой теории (к концепции «тоталитаризма» К.Д. Брахера)	248
ФРГ: «спор историков» продолжается?»	261
«Левые» национал-социалисты в исторической литературе	283

Проблемы сопротивления фашизму в историографии	313
Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ	313
Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года в Германии	351
«Кружок Крайзау» в исторической литературе	369
Движение Сопротивления в Германии: планы послевоенного устройства страны и проблема предотвращения нового тоталитаризма.	387
Николай Сергеевич Черкасов – личность, исследователь, педагог	390
Биографический очерк	390
Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук	409
Диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук	410
Научные труды Н.С. Черкасова	410
Н.С. Черкасов – научный редактор	413
Н.С. Черкасов член редакционных коллегий сборников научных трудов	413
Послесловие ученицы, коллеги, друга	414

Научное издание

О ГЕРМАНСКОМ ФАШИЗМЕ
И АНТИФАШИСТСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Под общей редакцией
кандидата философских наук **Н.А. Хлыстовой**

Редактор — А.В. Лисевич
Технический редактор — О.Ю. Пономарева
Компьютерная верстка Л.К. Болотовой

Лицензия ИД № 03420 от 05.12.2000 г.
Сдано на верстку 25.01.2006 г. Подписано к печати 17.03.2006 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Литературная».
Усл. печ. 24,99. Уч.-изд. л. 26,65.
Тираж 500 экз. Заказ № 2.

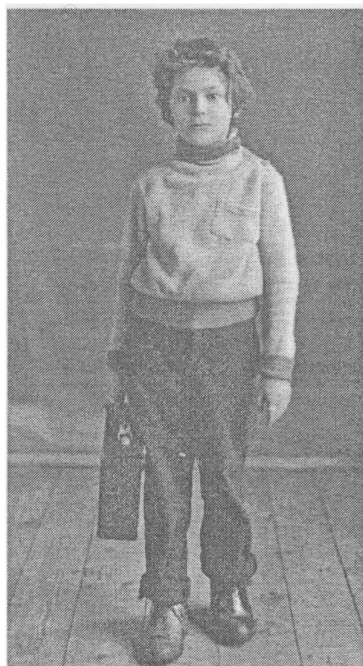

Издательство Института оптики атмосферы СО РАН.
634055, г. Томск, пр. Академический, 1.
Тел.: (3822) 492431.
Тираж отпечатан в типографии Издательства ИОА СО РАН.

В центре Фелицата Ивановна Черкасова, крайний справа в верхнем ряду – Сергей Николаевич Черкасов (~1912 г.). Фото из семейного архива Черкасовых

Коле Черкасову 10 лет

М.А. Черкасова за рабочим столом в поликлинике (1975 г.)

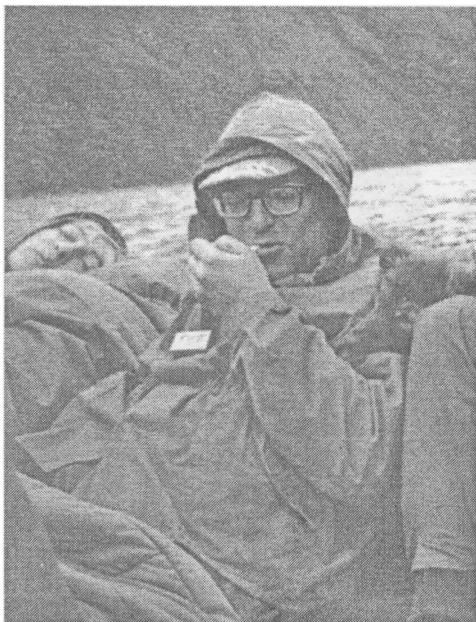
Первые годы работы в университете. Верхний ряд: второй слева — Н.С. Черкасов, второй справа Н.Н. Киселев (1955 г.)

Середина 60-х гг. XX в. Любимец студентов ИФФ

Лекторы-международники. Выступает С.В. Вольфсон (1987 г.)

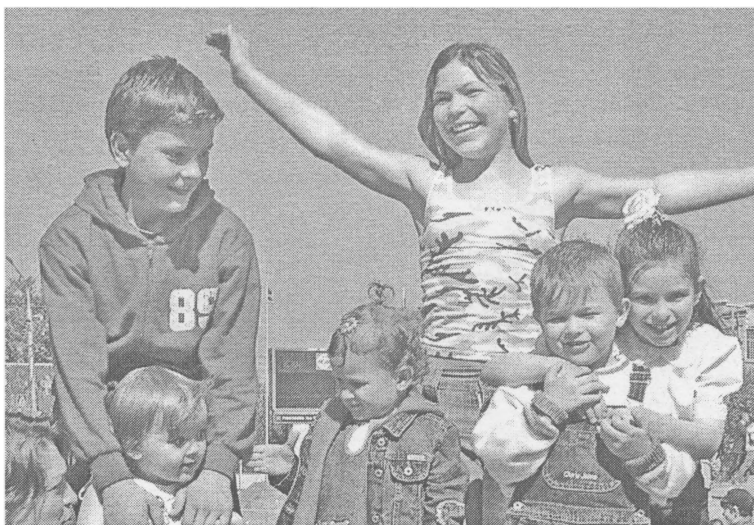
Н.С. Черкасов в Фанских горах (1979 г.)

Н.С. Черкасов с семьей (1981 г.)

Мария Александровна Черкасова (прабабушка «Северная», 1984 г.)

Внуки Николая Сергеевича – «черкасята» (2005 г.)

Автобиография

Я, Черкасов Николай Сергеевич, родился в январе 1931 г. пос. Майгуба Сегейского района Карельской АССР. Родители: Черкасов Сергей Николаевич - врач-хирург по специальности, был в 1938 году арестован органами безопасности и в заключении умер. В 1959 году был реабилитирован решением Мурманского областного суда. Мать - Черкасова Мария Александровна - врач-хирург по специальности, работает в настоящее время врачом в больнице пос. Махта "Северная" Кемперовского рудника.

До 1938 г. жил с родителями в различных районах Ленинградской и Мурманской областей Карельской АССР. В 1938 г. жил в г. Кемперо. В 1948 г. закончил среднюю школу в г. Кемперо, а в 1949 г. был принят в Томский Гос. университет на историко-филологический факультет. В 1945 г. был принят в ряды ВЛКСМ. В 1954 г. закончил Томский Гос. университет по специальности "история". Работал затем заместителем секретаря комитета ВЛКСМ Томского университета, ассистентом кафедры лектического и исторического материализма, ассистентом кафедры всеобщей истории Томского университета. Был принят кандидатом в члены КПСС.

В начале 1957 г. был исключен из кандидатов в члены КПСС "за политическую неустойчивость" и уволен с работы университета. С марта 1957 г. до настоящего времени работаю на Томском Электромеханическом заводе имени В.В. Ваврушева, работаю агентом отдела снабжения, затем старшим экономистом. В мае 1961 г. был принят кандидатом в члены КПСС, в мае 1962 г. вступил. В настоящее время работаю зав. кабинетом партийного просвещения на общественных началах на заводской профсоюзной группе, лектором общества по распространению политических и научных знаний.

10 июля 1962 г.

Черкасов

Фрагмент автобиографии Н.С. Черкасова, написанной при поступлении в аспирантуру

Dr. sc. Dr. h. c. Kurt Gossweiler

Ribboldallee 4a
Berlin · 1180, d. 24. 4. 1989
Tel. 68 17 231

Lieber Genosse Tscherkassow,

sehr herzlich möchte ich mich bei Ihnen und bei J.W. Galaktionow und L.N. Kornewa bedanken für die Zusendung Ihrer Kollektivarbeit zur marxistischen Historiografie zum deutschen Faschismus und über Ihre freundlichen Grüße. Besonders freut es mich, daß auf diese Weise der Kontakt zu Ihnen wiederhergestellt ist, nachdem mein Schreiben an Sie nach Ihrem Studienaufenthalt bei uns in Berlin seinerzeit - das ist nun schon sehr lange her! - ohne Echo blieb.

~~Ihre Arbeit ist trotz ihrer Kürze beeindruckend, da sie zuverlässig informiert und orientiert bei der Darstellung der Etappen und der Benennung der Autoren der marxistischen Forschungen zum deutschen Faschismus. Es ist doch sehr erfreulich zu sehen, wie ernst und gründlich auch "fern von Moskau" an diesem Thema gearbeitet wird. Schade allerdings, daß durch den Aufbau Ihrer Arbeit keine Gelegenheit gegeben war, auch jene BRD-Autoren zu berücksichtigen, die einen bedeutenden Beitrag zur marxistischen Untersuchung des deutschen Faschismus gegeben haben; ich denke dabei natürlich an erster Stelle an meinen Freund Reinhard Opitz, dem Sie zusammen mit Genossen Borosnjak eine so engagierte Würdigung widmeten; ich denke ferner an Reinhard Kühnl, und schließlich auch an Josef Schleifstein, dessen kleine Broschüre: "Die "Sozialfaschismus"-These" den großen Vorzug hat, den geschichtlichen Hintergrund für das Entstehen und die große Verbreitung und Popularität dieser These unter den einfachen Kommunisten darzulegen, statt, wie es heute nur allzu verbreitet ist, die Erklärung in einer Umstülpung des Personenkults, in einem Personenkult mit Minus-Vorzeichen, zu geben.~~

Wenn Sie gestatten, möchte ich noch einen kleinen Personen-Irrtum aufklären, der Ihnen mit dem Namen Nussbaum unterlaufen ist. Die Autorenangabe unter der Nr. 161 darf nicht H. Nussbaum, sondern muß M. Nussbaum lauten. Helga Nussbaum ist die Herausgeberin aller drei Bände von "Wirtschaft und Staat in Deutschland" und die Haupt-Autorin des ersten dieser drei Bände. Manfred Nussbaum, ihr leider viel zu früh gestorbener Mann, ist der Verfasser des zweiten, unter der Nr. 161 angeführten Bandes.

Nochmals vielen Dank und beste Wünsche für Ihre weitere Arbeit!

Ihr

Kurt Gossweiler

Письмо германского историка Курта Госвайлера Николаю Сергеевичу Черкасову
24.04.1989 г.

О германском фашизме и антифашистском сопротивлении